

Елена Сазанович
Перевернутый мир

роман
(первая часть трилогии «Иная судьба»)

-В журнальном варианте опубликован в альманахе «Подвиг» (№11, 2006 г.)

-Рецензии:

*«Литературная газета» (№ 9, 7.03.2007)

http://www.lgz.ru/archives/html_arch/lq092007/Polosy/7_4.htm

http://www.lgz.ru/archives/html_arch/lq062007/Polosy/5_8.htm

*«Литературная Россия» (№ 11, 16.03.2007)

<http://www.litrossia.ru/2007/11/01324.html>

*«Московская правда» (№ 64, 27.03.2007), «Слово» (№ 11, 29.03.2007 и № 27, 13.07.2007), Интернет-сайт «Кремль.org» (02.04.2007) и др.).

Часть первая
ЛЕСНОЙ БОГ

Я никогда не верил, что человек может быть одинок в большом городе. Наверное, потому что никогда в таком городе не жил. Издалека мне казалось, что сбежать от одиночества можно. И бежать от одиночества нужно именно в столицу. Стоит только окунуться в толпу, услышать постоянный визг машин, ослепнуть от мигающих неоновых огней супермаркетов. И спрятаться наконец-то от одиночества.

Я и понятия не имел, что здесь, в огромном городе, одиночество еще более страшное и еще более безнадежное. Вырваться из него гораздо труднее. Потому что им заражены все. Эта болезнь точит людей изнутри, хотя в этом никто не признается — даже самому себе. Все суетятся, мечутся, нагружают себя искусственными заботами, проблемами и делами, боятся свободных минут, потому что не хотят оставаться с собою наедине. И признаться себе в одиночестве. Именно в этом шумном многомиллионном муравейнике я понял, что город — сам по себе одиночка. И каждый человек в нем также одинок.

Если бы меня раньше спросили совета — где можно по-настоящему побыть одному, я бы наверняка без раздумий ответил: на природе. Сегодня я без всяких сомнений посоветовал бы снять квартиру в столице, желательно на каком-нибудь многолюдном проспекте или с видом на шоссе. И пожить там пару-тройку дней... И все. Больше бы у меня совета не спрашивали.

Ведь только теперь я понимаю, что на природе один не бываешь. Потому что природа не оставляет человека одного. Природа умеет задавать вопросы и отвечать на них, она умеет слушать и умеет понимать. В лесу обязательно встретишь какого-нибудь заблудившегося грибника. И он непременно посидит с тобой у костра, выпьет «по пятьдесят» и послушает твою историю об удачной (или не очень удачной) жизни. Или расскажет свою. Толпа не слушает историй и не рассказывает их. Толпа людей мало отличается от механического стада машин. Те же дороги, те же светофоры, та же сумасшедшая спешка...

Такие мрачные мысли нагнала на меня весна. Ее приход в городе я воспринимал болезненно. Да и вообще — разве это весна?

Я сидел у окна и пустыми глазами смотрел на проспект, который утюжили грязные машины. По месиву из почерневшего снега и вчерашнего мусора бодро

шагали грязные ботинки и сапоги. На прохожих с крыш домов постоянно лились мутные струйки талой воды. Облезлая ворона уселась на подоконнике и вызывающе каркнула. Ее нервный крик стал последней каплей моего отчаяния, и я, схватив кепку, выскочил на улицу и слился с толпой, думая, что так мне станет легче. Легче не стало. Разве что отвел душу, поругавшись с каким-то длинноносым мужиком, грубо столкнувшим меня в лужу. Он напоминал ворону, и мне захотелось выстрелить в него из рогатки, хотя рогатку я не держал в руках даже в раннем детстве.

И в который раз я почувствовал себя кипплинговским Маугли, попавшим в чуждый и враждебный мир, который все больше и больше ненавидел... Что ж, я сам заслужил то, о чем так долго мечтал в своей лесной сторожке, сидя у раскаленной печки и прислушиваясь к щебету птиц и шуму многовековых сосен. Я получил то, о чем знал лишь понаслышке — из газетных статей, болтовни своего маленького черно-белого телевизора и по рассказам случайных приезжих.

Я брел, понуриив голову, под морозящим дождем и думал, что там, в оставленном, теперь таком далеком, моем мире даже весна другая. И встречал я ее по-другому.

Она приходила почему-то в один день. Я распахивал настежь двери сторожки, и мы с моим верным другом, совсем уже старым псом Чижиком выбегали на крыльцо. И солнце, совсем еще робкое, освещало кроны деревьев, и воздух, свежий, пахнувший сосновой смолой и пробивающимися почками, сбивал с ног.

— Ну что, Чи-и-жик! — кричал я.

А эхо мне отвечало:

— Жик, Жик...

— Ну что, мой старый дружище! Пальнем!

И я делал три выстрела в воздух из начищенного до блеска охотничьего ружья. Чижик радостно лаял. А птицы шумно взлетали с веток, напоминая маленькие бумажные самолетки.

— Ну вот и все, дружище. Наконец-то пришла весна. Ты ее слышишь?

Чижик принюхивался, щурил свои узкие глазки и лаял еще громче. Он ее слышал.

В то время рыжий пес Чижик был единственным моим собеседником. То ли к старости у него стала расти борода, то ли он просто хотел подражать мне во всем. И я стал этим тяготиться. И все чаще жаловался ему на одиночество, на жизненное однообразие и пустоту. Чижик смотрел на меня умным взглядом, чуть прищурившись и склонив голову, а я все разглагольствовал: как это мало, когда в жизни единственный близкий друг — это приبلудный рыжий пес... Только сейчас я понял — как это много.

Чижика я потерял тоже весной. Он ушел однажды утром и не вернулся. Его уход стал последней точкой в моем решении. Решении уехать. Наверно, Чижик понимал это, потому и решил дать мне этот шанс.

Впрочем, мысль об отъезде зародилась у меня гораздо раньше той весны. Возможно, даже несколько лет назад, когда я сидел у костра, палкой перекатывая картошку в потухающих углях. Чижик нетерпеливо бегал вокруг костра и облизывался.

— Ну-ну, потерпи, дружище. Сейчас мы с тобой классно отужинаем.

Я вытащил из рюкзака спелые сочные помидоры, зеленый лук и стал нарезать меленькими ровными кусочками свежее розовое сало, ароматно пахнущее кориандром.

Чижик громко и зло залаял.

— Ты обнаглел, друг, я, между прочим, голоден не меньше тебя.

Но Чижик не успокаивался. Его лай становился все громче и злее.

Я наконец-то оторвался от своего кулинарного занятия, подняв голову. И от неожиданности вздрогнул. Передо мной стоял незнакомец в кепке, зеленой ветровке и рваных джинсах. Я машинально схватился за ствол охотничьего ружья.

В вечерней лесной тишине раздался звонкий девичий смех. Незнакомец, вернее, незнакомка сняла кепку и встряхнула длинными пышными волосами.

— Как страшно, — вызывающе сказала она. — А что, вы бы и впрямь выстрелили?

— Только в крайнем случае, — от неловкости зло огрызнулся я.

— Неужели так легко пальнуть в человека? — продолжала дразнить меня девушка.

— Нет, это нелегко, — серьезно ответил я.

— А вы охотник, да?

Я на минуту задумался.

— Пожалуй.

— И много вы убили медведей и волков? — Девушка присела на корточки возле костра.

— Ни одного, — отрезал я. — Ни одного живого существа я не убил, слава богу.

— Значит, вы очень плохой охотник, — продолжала издеваться она.

— Я охотник на людей. На тех, кто может причинить зло всему этому. — Я обвел рукой вокруг себя. — К тому же я очень даже хороший охотник, и потому мне не пришлось стрелять даже в людей.

— Станный вы какой-то. И слишком серьезный, — вздохнула девушка.

Она присела на пенек, слегка покрытый мхом. Чижик по-прежнему тихо рычал на нее и суетливо бегал вокруг. Но незнакомка не обращала на пса никакого внимания. Это еще больше злило Чижика, ведь его не боялись.

— Ну-ну, успокойся, дружище. — Я схватил его за ошейник и силой усадил возле себя. — Вот так, сидеть и молчать. Здесь все свои.

Чижик мгновенно успокоился, хотя по-прежнему недоверчиво поглядывал на незнакомку. Он не считал ее своей.

— Вас все так легко понимают — с первого слова?

— Здесь — все. Чей лес — того и пень.

Девушка встала, внимательно осмотрела пенек и, рассмеявшись, вновь уселась на него, вызывающе забросив ногу за ногу.

— И люди тоже?

— Люди... Пожалуй, нет... Хотя я мало знаю людей.

Я осторожно принялся доставать из золы печеную картошку. Чижик радостно завилал пушистым хвостом, принюхиваясь к горьковатому запаху и облизываясь.

— Нет, Чижик, первое угощение — гостю. Так положено. Будете? — Я поднял голову и стал откровенно рассматривать девушку.

Вообще-то я не мог не признать, что она была красива. Но красива какой-то запрограммированной, положенной, правильной, что ли, красотой. Словно кто-то заложил все данные новомодных журналов в компьютер, который в итоге и выдал «на-гора» нынешний стандарт красоты. Большие пухлые губы, раскосые светлые глаза, вздернутый носик, длинные ноги и тоненькая фигура.

— А знаете, — рассмеялась она, — вы типичный представитель лесного братства — лесник или егерь. Я другого и не представляла. Этаким бородатый, огромный, слегка неуклюжий мужик с обветренным лицом и грубыми руками.

Вот тебе на! Оказывается, я не менее стандартен. Впрочем, в этом люди мало отличаются от растений и животных. Нас легко можно классифицировать по родам и видам. Мир очень мал и не так разнообразен, как это может показаться на первый взгляд. Я это понял давно и именно здесь, на природе. Лес давно стал для меня моделью нашего мира. Тот же покой и те же войны. Те же хищники и те же жертвы... И гораздо позднее, в многомиллионном городе я убедился в своей правоте.

А сейчас я рассмеялся, и мой смех затерялся в кронах пробуждающихся деревьев.

— Вы смеетесь надо мной? — надула пухлые губы девушка.

— Нет, скорее над собой. Оказывается, не только люди, но и мысли довольно стандартны. Мы с вами такие разные, а подумали об одном и том же.

— Ага, понятно, значит, вы с первого взгляда меня разгадали. И кто же я?

— Скорее всего, актриса, — не раздумывая, ответил я. — Или, возможно, модель... Хотя нет, вам, наверное, нравится постоянно во что-нибудь играть. Так, сейчас вы играете роль заблудившегося в лесу путника, внезапно встретившего местного аборигена.

Девушка рассмеялась и откинула упавшие на лицо пряди светлых волос.

— А вот это нечестно, — капризно заявила она. — Вы прекрасно знаете, что здесь находится Дом творчества актеров. Поэтому ничего вы не угадали, а просто знали.

Да, я это знал. Поскольку охранял лесной заповедник и для них, и от них. И, частенько обедая в столовой актерского пансионата, наслушался много высокопарной болтовни о блеске, порывах, вдохновении и бурной жизни. Равно как и о разочарованиях, обидах и отчаянии. И то и другое было мне чуждо. Всякий раз, когда какая-нибудь знаменитость (которую я, как правило, не знал, хотя должен был знать) говорила мне усталым тоном: «Вы знаете, я вам завидую. Всю жизнь прожить в лесу... Возможно, в этом и есть счастье. Не то что мы, грешники... Все суедемся, толкаем друг друга локтями и не находим времени побыть одному...» Я думал, что побыть одному всегда найдется время. В такие минуты мне хотелось сбежать от этого непонятного, суетливого, далекого мира в свою маленькую сторожку к верному другу Чижика, единственному, кто меня всегда понимал. К единственному, кого понимал я...

Впрочем, если быть справедливым до конца, то мне нравились многие обитатели этого дома. А с некоторыми я даже дружил. Мне доверяли тайны, зная, что дальше лесной сторожки они не уйдут.

Так, одна премилая старушка в большой яркой панаме как-то сказала, что ее мечта — сделать для меня костюм лесного бога. Она была костюмершей. Бывшей костюмершей. И не раз повторяла:

— У вас прекрасные данные для кино. Вы так естественны, молодой человек! Так просто! Как сама природа. Ведь когда мы ее снимаем на пленку, она ничего не играет. И, как правило, ее роль получается лучше всего.

Я смеялся в ответ и отчаянно кивал головой.

— Нет уж, Марианна Кирилловна, только не кино. Мое кино здесь. — Я обводил рукой свои зеленые владения. — И вы тоже часть этого фильма. Мне этого достаточно.

— А жаль, — вздыхала бывшая костюмерша. — Город так портит людей. Особенно актеров. Они теряют ориентацию, чересчур легко разбрасываются своими мыслями и убеждениями. И в итоге превращаются в кукольных персонажей. За них приходится думать и за них придумывать жизнь. А это уже другой театр...

Марианна Кирилловна была единственным человеком, от которого мне не хотелось бежать. Напротив, каждый год я с нетерпением ожидал ее приезда. В наших местах она появлялась с точностью до одного дня. В своей огромной ярко-красной панаме. И в ее номере всегда красовался неизменный букет сирени. От меня. Как и все люди леса, я был немного сентиментален. И хотя не любил ломать кусты, для костюмерши делал исключение каждый год. В день ее приезда. Это была моя сирень, полыхающая пышными красками под окном сторожки. Эту сирень Марианна Кирилловна особенно любила. И всегда принималась искать цветков в пять лепестков в букете, неизменно находила и — по примете — съедала, чтобы сбылось какое-то желание.

— Какая варварская примета, — смеялась она приглушенно. — А как приятно. И главное, веришь, что твое желание обязательно сбудется.

— И сбывается?

— Вы знаете, Даня (она так называла меня), как ни странно, на вашей сирени я загадываю одно-единственное желание. Уже который год. И оно непременно сбывается. Так что берегите эту сирень. Она в некотором роде — мой талисман.

— А что вы загадываете, если не секрет?

— Секрет, безусловно! Хотя и довольно предсказуемый. Какое может быть желание в моем возрасте?! К тому же при моем абсолютном одиночестве.

— Если вас это утешит, Марианна Кирилловна, я тоже абсолютно одинок.

— Ну что вы, Данечка. В вашем возрасте человек не бывает одиноким, даже если он совсем один. У вас — еще много будущего и совсем мало прошлого. Тогда как у меня — все наоборот. К тому же на природе человек не бывает один. Он бывает один лишь в большом, очень большом городе. Вы не согласны?

— Не знаю, — пожал я плечами. — Я не жил в большом городе.

— В таком случае вам вдвойне повезло.

— Но ведь вы можете приехать навсегда к нам или еще куда-нибудь, поближе к природе и подальше от одиночества.

— Да, могу. — Костюмерша на минуту задумалась, слегка поморщив и без того морщинистый лоб. — Как странно бывает, Даня. Уехать из большого города, по сути, гораздо легче, чем приехать и устроить в нем свою жизнь. И тем не менее в основном все приезжают...

— Ну, будьте же тогда исключением. Счастливым исключением.

— Данечка, Даня, — Марианна Кирилловна легонько похлопала меня по небритой щеке. — Живешь в основном там, где жить привыкаешь. Даже если привыкаешь к самому дурному. И потом, — она неожиданно рассмеялась и даже помолодела, — кому мне здесь шить костюмы? Ваше зверье, ваши пернатые и эта моя сирень в костюмах не нуждаются. Они совершенны. В костюмах нуждаются люди. Вы заметили, как часто любим мы менять одежду? Это потому, что не уверены в себе. А те, кто становится артистом, не уверены и недовольны втройне. И пытаются это компенсировать игрой в чужие жизни... Зверьям и птицам это не нужно. И вам, Данечка, наверно, тоже. Вы все время, сколько я вас знаю, в одном и том же оперенье. Вы, как они... И все же, право, жаль, что я так и не сошью вам костюм лесного бога.

— Идемте, Марианна Кирилловна, я вам покажу лесных богов. Они не нуждаются в костюмах. И совсем на меня не похожи.

И в который раз мы шли прогуливаться по лесным тропам. Я рассказывал о цветах, деревьях, птицах и зверях. Об образцовых лесосеках, на примере показывая, как рубить лес с минимальным ущербом для него. Жаловался на самовольные порубки, на браконьеров. С пылким убеждением говорил о том, что хорошо знал. Лес был моим домом, где я родился в семье лесника. И, наверное, умру здесь... Так мне тогда казалось. А потом я слушал Марианну Кирилловну, которая с не меньшим вдохновением рассказывал об огнях Большого города. О его кознях, его недружелюбии, его страхах. И мне казалось, она очень тоскует о нем.

— Как странно, Данечка, там выживают, а здесь живут. Хотя, казалось бы, по логике вещей и природы, все должно быть наоборот. И все-таки жить бы мне хотелось только там. А вот умереть...

Мы остановились на пригорке, усыпанном белыми ромашками. Солнце медленно уплывало вниз, за горизонт, оставляя красные полосы на мягком лиловом небе. Бабочки кружились возле цветов и звонко стрекотали кузнечики. Мне запомнился этот вечер, и этот закат, и это прощание. Тогда я еще не знал, что навсегда.

— А вот умереть, — задумчиво повторила Марианна Кирилловна, — наверно, я бы хотела здесь. Могилы людей должны быть рассыпаны по полям, лесам, возможно, морям. Это как-то естественнее. Только не в городах. На природе смерть выглядит вовсе не страшной и даже логичной. А в городе нужно жить и выживать. Вы не находите?

Я пожал плечами, собираясь уже возразить, но она прервала меня:

— Не отвечайте. Вам еще рано думать о смерти. И все же умереть здесь было бы верным. Здесь каждый день что-то рождается, что-то умирает, но это не выглядит трагедией. Напротив, это предстает панорамой вечной, непрерывной жизни.

— Пожалуй, — согласился я. И наклонился возле зеленого лопуха, на котором уютно примостилась маленькая желтенькая букашка. — Этому жучку жить всего один день.

Марианна Кирилловна наклонилась вслед за мной, внимательно разглядывая насекомое.

— Подумать только. Всего один день! Впрочем, этого бывает достаточно, чтобы ощутить всю полноту жизни. А бывает — и всей жизни мало, чтобы ее понять.

— Приезжайте на следующий год, Марианна Кирилловна. Я вас буду ждать. Ее морщинистые щеки запылали. И она мило улыбнулась.

— Спасибо, Даня. Как ни странно, но вы, пожалуй, единственный человек, кто меня где-то ждет. Вот видите, мне не хватило целой жизни...

Подул легкий ветерок, букашка соскользнула с лопуха и растворилась в зеленой траве. Солнце по-прежнему катилось все ниже и ниже, оставляя за собой на небе алые следы.

А на следующий год, когда я принес охапку сирени в ее номер, маленькая шустрая горничная сказала, что Марианна Кирилловна не приедет.

— Не понял, — машинально ответил я, ставя цветы в трехлитровую банку.

— Да умерла твоя костюмерша. Царство ей небесное. — Горничная проворно перекрестилась.

Я сидел в номере Марианны Кирилловны, тупо уставившись на цветы.

А ведь мне казалось, что так будет из года в год — она приедет и увидит на тумбочке пышный букет сирени. Я по-прежнему слышал ее приглушенный тихий голос: «Данечка вы так похожи на лесного бога».

Я-то думал, что законы жизни везде одинаковы. Что за зимой идет лето, за дождем — солнце, и на голых ветках появляются почки. А потом все умирает, чтобы родиться вновь. Но Марианны Кирилловны уже не будет никогда. Ее похоронили в большом городе, хотя она и считала это нелогичным. Мне почему-то все время казалось, что похоронена она именно здесь, в этих местах. Возможно, потому, что я оказался для нее единственным близким человеком на этой земле. Единственным, кто ее по-настоящему жалел и любил. Я вдруг понял, что могилы не там, где похоронен человек, а там, где его всегда будут помнить.

Вечером я сидел в сторожке и поминал домашним калиновым терпким вином свою костюмершу.

Ветер усиливался. Громко и настойчиво барабанил в окно резкий дождь. Тихо и печально выл Чижик. Вдруг раздался грохот фрамуги, посыпалось разбитое стекло, и я услышал на улице сильный треск. А потом в одну минуту все стихло. Я выскочил на крыльцо. Под окном лежал раненый ветром куст сирени. Талисман костюмерши. Я стал быстро срывать под не утихающим дождем ветки с цветами. А утром отнес еще влажную сирень на пригорок, где мы прошлым летом прощались с Марианной Кирилловной, и бросил букет на траву. В сиреневых цветах заиграло весело солнце. Мне по-прежнему казалось, что похоронена она была именно здесь. Потому что это логично. Я нашел цветочек с пятью лепестками и проглотил его. Но желания не загадывал. Это была по-прежнему ее сирень, и ее желание, которое она мне так и не раскрыла. Но которое все же сбылось, даже после ее смерти...

Почему именно теперь, глядя на испачканное золой лицо незнакомки, я вспомнил костюмершу? Наверно потому, что девушка, как и Марианна Кирилловна, пришла из того, другого, непонятного и нежеланного мира. И пыталась, сама не ведая того, меня им заразить.

— Вы испачкались, — улыбнулся я девушке.

Она с аппетитом, как и положено на свежем воздухе, поглощала картошку с сочными помидорами и кусочками нежной грудинки.

— Ничего более вкусного в жизни не ела, — по-детски сказала она, угощая остатками сала Чижика. Но тот почему-то заупрямился и не брал из ее рук.

— Вот и все, — я затушил остатки костра и убрал мусор в рюкзак. — Идемте, я вас провожу.

Мы вышли на широкую лесную тропу. Нам было не о чем говорить, ведь мы были совсем незнакомы.

— Ну что ж, тогда познакомимся, — ответила на мои мысли девушка.

Я узнал, что ее зовут Лида, что она студентка театрального, что приехала сюда впервые, по настойчивой рекомендации бабушки.

— Вы бы знали, Даник, как она расписывала это место!словно это маленький рай в окружении бесконечного ада.

— Вы разочарованы?

— Не знаю, — девушка пожала плечами, — еще не знаю. В любом случае, отдых есть отдых. Хотя, признаюсь, здесь скучновато. Местечко больше подходит для одиноких старушек.

— Я, в общем-то, не одинокая старушка. Но скучно мне никогда не бывает.

— Ну... Вы ведь вынуждены здесь жить. Это ваша работа.

Это моя работа. Охранять все живое и беззащитное. Но никто меня не принуждал. Впрочем, Лиде я не ответил. И молча протянул руку на прощание.

— Желаю вам приятного отдыха.

— Вы так говорите, словно мы никогда больше не увидимся.

Не знаю почему, но я действительно не хотел с ней больше встречаться. Мой внутренний, почти звериный инстинкт подсказывал, что от этой девушки нужно бежать. И как можно дальше.

— Вы разве не пригласите меня еще раз поужинать в вашем лесу? — обиделась она. Видно, эта девушка никогда не знала отказа.

— Я ужинаю в основном дома. А это... Чистая случайность. Скорее, прихоть моего разбалованного пса.

Девушка пожала плечами и, капризно хмыкнув, скрылась в дверях пансионата. А я облегченно вздохнул. Домой, скорее домой. И Чижик радостно побежал впереди меня, словно указывая правильный путь.

Но этот вечер не обещал быть спокойным. Дома меня поджидала Валька. Словно маленький пушистый зверек, она свернулась калачиком в углу старенького дивана. В моей избе было прибрано, свежо и аппетитно пахло жареным мясом — дело ее рук.

— Привет! — крикнул я ей.

Она вскочила с места и радостно бросилась ко мне навстречу.

— Данька! — закричала она. — Где ты был, гадкий разбойник! Я жду тебя целую вечность!

Чижик бросился к Вальке, лизал радостно ее ноги, высоко подпрыгивал на месте. Он ее очень любил.

Я, пожалуй, впервые не обрадовался появлению Вальки и осторожно освободился из ее цепких рук. Черт, ну и вечерок выдался. Ведь хотел же побыть один, со своими мыслями, так нет, целая вереница непрошенных гостей.

Валька обиженно надула губы и уселась на прежнее место. Мне стало стыдно. Она славная, милая девчонка, почти ребенок, и главное, по уши влюблена в меня. И мой звериный инстинкт в который раз подсказывал, что жениться мне нужно только на ней. Для каждого нарисована линия судьбы, и важно увидеть эту линию, идти по ней и никогда не отступить в сторону, тогда судьба и получится, возможно. Моим домом был лес, моими друзьями — звери и птицы, а моей женой должна стать непременно Валька.

Я уселся рядом с ней и ласково взял ее за руку.

— Ну же, Валенок, не дуйся.

Вальку я знал совсем ребенком. Она росла у меня на глазах, этакий сорванец: похожая на мальчишку, спортивная, ловкая. Она жила в соседнем поселке и была дочкой местного доктора Кнутова. Хотя совсем не походила на дочку доктора. Она лазила, как кошка, по крышам и деревьям, не раз срывалась и падала. Приходила домой в ссадинах и царапинах. Сколько помню, непременно на ее руках и ногах красовалась зеленка, которая словно превратилась в родимые пятна этой взбалмошной девчонки. Когда я вернулся из армии, то поначалу даже не узнал ее. Валька — всего за каких-то жалких два года — превратилась в хорошенькую девушку, хотя по-прежнему напоминала мальчишку. Маленькая, крепкая, с взъерошенными короткими волосами и россыпью веснушек на круглом лице. И все же она была другая. Узнал я ее по зеленым пятнышкам на острых коленках. Я часто ловил на себе ее жадный, горящий, почти взрослый взгляд. И не скажу, что он оставлял меня равнодушным. При виде нее не раз

стучало мое сердце и не раз горели ладони. Доктор Кнутов сразу все понял и однажды, появившись в сторожке, откровенно и без лишних предисловий заявил:

— Я вас очень уважаю, Даниил. Я знал вашего отца, вашу мать. У вас были очень честные, порядочные родители. Поэтому... В общем, Валечку я очень люблю. И конечно, хотел, чтобы она шла по моим стопам. Но вы знаете, какая это упрямец. Она мне заявила, что хочет жить в лесу, с вами. И ничего ей больше в жизни не нужно. Впрочем, я уважаю ее мнение, которое, кстати, может перемениться. Ведь жизнь не стоит на месте. И поэтому, если она так хочет... К тому же она неважно закончила школу и вряд ли сможет осилить такую сложную науку, как медицина. В общем, Даниил, как вы решите. Я вижу, вам моя дочь нравится. Но я, знаете ли, человек старой закалки и, возможно, по нынешним временам слишком устаревших взглядов. Поэтому только если вы на ней женитесь... На другое я не согласен.

— Мне нравится ваша дочь, Андрей Леонидович, — так же откровенно ответил я ему. — Но, думаю, она еще слишком молода. И действительно, все может измениться. В общем, я ничего дурного никогда ей не сделаю и не обижу ее. А там будет видно. Ведь мы почти друг друга не знаем. Только по детству. А тогда все было по-другому. И мы были совсем другими...

Таков был наш короткий разговор с доктором. А Валька, узнав про него от отца, тут же принялась делать все, чтобы мы узнали друг друга получше. Она часто бегала ко мне. И всю изобразила из себя хорошую хозяйку. Впрочем, она таковой и была. Жизнь вдвоем с отцом ее многому научила.

И теперь, глядя на россыпь мелких веснушек, копну лохматых волос, дешевый ситцевый сарафанчик в мелкую клетку, я почему-то невольно сравнивал ее с Лидой. И сравнение было далеко не в пользу Вальки. По сравнению с Лидой она выглядела слишком уж простовато, что ли. Хотя это было нечестно, несправедливо по отношению к ней. Валька — дитя природы, рожденное в этих полях и лесах, дитя поселка с его простенькими кирпичными домами. А природа не может быть усложненной. Природа всегда проста. И если смыть с Лиды краску, подстричь волосы, нарядить в деревенский сарафан... Она все равно останется Лидой. Потому что она из другого мира, сложного, непонятного и напыщенного. А это уже будет не в ее пользу.

Я виновато похлопал Вальку по разбитой коленке, замазанной зеленкой.

— Опять упала, Валенок? И когда ты только повзрослеешь?

Валька, не ответив, зашмыгала громко носом.

— А от тебя чем-то пахнет.

— Печеной картошкой. Мы тут с Чижиком поужинали в лесу. Пойду умоюсь.

— Я привстал с места, но Валька с силой потянула меня за ветровку.

— Нет, не картошкой. Чем-то незнакомым, — она вновь зашмыгала носом.

— Чем-то таким холодным, слишком красивым, почти неживым, что ли.

— Да ну тебя! — Я все же вырвался из ее цепких рук и резко встал с места, чтобы она не заметила моего смущения.

— Новый заезд в санатории, слышал? Говорят, в этом году много молодых приехало... И все артистки. Скуотица!

— Ты о чем?

— Знаешь. Никогда не хотела быть артисткой, а все хотят. И кино никогда не любила, а все любят. Мне кажется, они все несчастные. И сейчас, ты думаешь, они от хорошей жизни сюда приехали? Я сама слышала, что у них там, в больших городах, с парнями напряженка!

— Что ты знаешь о больших городах, глупенькая?..

— Ничего, — тут же согласилась Валька. — И знать ничего не хочу. Разве можно сравнить большой город и большой лес? Если б ты знал, как я городских часто жалею. Ведь они ничего не знают, ничего не понимают. Они думают, что жизнь так и может пройти вот так, в квартирах, в машинах, в магазинах. Боже, как это все грустно!

— Грустно, — машинально повторил я за Валькой.

Пожалуй, тогда впервые в моей голове зародился некий протест. Мне вдруг захотелось попробовать жизни в квартирах, машинах и магазинах. Хотя, возможно, эта мысль возникла еще при общении с костюмершей, когда я слышал ее грустные разговоры об одиночестве в Большом городе, который она так любила. И мне тогда, как и теперь, вдруг захотелось попробовать, физически ощутить то другое, непонятное одиночество и забракковать его. И я почему-то вспомнил Лиду. Как все-таки она красива, и как не похожа ее стандартная красота ни на какую иную. Впрочем, не стандартна ли Валька? Этакий лохматый бесенок с обветренным лицом, дитя леса, который кто-то справедливо назвал раем. Но мне он почему-то раем уже не казался.

Чижик грустно смотрел на меня и не вилял хвостом. Чижик, мне кажется, догадывался, что творится в моей бунтующей душе. И я поцеловал его в рыжую морду. Мне так не хотелось его предавать.

— Давай, Даня, ужинать, — предложила Валька. — Я такую вкуснотищу состряпала! По одному французскому рецепту — называется «Селяви».

Я наотрез отказался. Я был по горло сыт — и ужином, и сегодняшним вечером. От Валькиной стряпни я отказался впервые. И она ушла, обидевшись. А я еще долго лежал напротив окна и наблюдал за мигающими яркими звездами. Ими было усыпано все небо. Их было так много, и они были так похожи, что я подумал — неужели, если кто-то наблюдает за нами с другой планеты, видит людей такими же одинаковыми и безликими? Впрочем, может, это и так...

А следующим утром мне неожиданно пришло послание от Лиды. Его принес мальчишка, сын сторожа пансионата. Мишка хитренько мне подмигнул и торжественно вручил записку. И замер в ожидании, когда я ее прочту. Подперев руки в боки, он наблюдал за моей реакцией. Мои глаза лихорадочно бегали по аккуратненьким буквам.

«Здравствуйте, лесной дикарь! Я сегодня буду загорать на озере, возле засохшего дуба. Пожалуй, вам следует пройти мимо этого привлекательного для браконьеров местечка. Вдруг они оглушат всех золотых рыбок. Лида».

Я поднял глаза и столкнулся с лукавым взглядом Мишки. Он, видимо, уже успел выучить эту записочку наизусть, пока бежал ко мне. И похоже, собирался читать ее, как стихи, по памяти всем обитателям Сосновки.

— Ну и?.. — его глаза возбужденно блестели. Мишке не терпелось узнать, как дальше будут развиваться события. Ведь событий в деревушке было так мало.

— Что — ну и? — я чуть ли не кричал на него. — Отвлекают с утра от работы! Какие-то непонятные записочки подкидывают! Что за идиотизм! Вот расскажу отцу, чем ты тут занимаешься, будешь знать, — пригрозил я Мишке для большего устрашения кулаком. Но он не испугался, продолжая нахально лыбиться. Вообще-то мы с Мишкой были хорошими друзьями, и он прекрасно знал, что я ничего никому не расскажу.

— Расскажу отцу, ей-богу, Мишка, — уже неуверенно повторил я.

Впрочем, отца Мишка боялся так же, как и меня.

— Да ладно тебе, Данилка, я сам ему все расскажу, с удовольствием!

У меня от такой неслыханной наглости перехватило дыхание.

— Ну, так будешь отвечать или нет? — Мишка сверлил меня хитрыми круглыми глазками.

— И не собираюсь! Какой-то разбалованной девице вздумалось загорать, а я-то при чем?!

— Ну, тебе виднее. К тому же она пишет, что там бывают браконьеры... Может, проверишь, а?

Это было уже издевательством. Браконьеров на озере быть не могло, потому что там ловить нечего. Рыба водилась в реке, в заповедной зоне. А этот искусственный водоем был вырыт специально для артистов, отдыхающих от славы в пансионате.

Я схватил камешек с земли и замахнулся в шутку на Мишку.

— А ну дуй отсюда!

Мишка отскочил в сторону.

— Зря не ответил! Ну ладно, Дон Жуан, пока! И все же советую.

Я несильно бросил камешек вслед Мишке.

— И не вздумай болтать всякую чушь!

— Нем, как золотая рыбка! — уже издали раздавался насмешливый голос Мишки.

Этим днем я был выбит из седла. Бессмысленно бродил по лесу, пожалуй, впервые не наслаждаясь его красотой и силой. Не слышал пения птиц, стрекота кузнечиков. Лишь машинально проверял свои владения, собирал мусор в мешки, искал поврежденные ветром деревья и кустарники, заглядывал в гнезда и норы. Мои мысли были где-то далеко-далеко, и сам я не мог понять где, и не мог за ними угнаться. Я все время сворачивал с одной тропы на другую, подальше от выхода к озеру. Тем не менее какая-то предательская тропа меня вывела именно к водоему. Впрочем, возможно, туда вывели меня мысли.

Озеро блестело на солнце, как огромное хрустальное блюдо, на котором, словно апельсины, плавали ярко-желтые кувшинки. Его, как мухи, облепили отдыхающие. Слышались крики и хохот. Кто-то играл в мяч, кто-то плавал, кто-то просто безжизненно валялся на берегу, подставив тело яркому солнцу. Это был не мой праздник, на нем я точно посторонний.

Я затаился среди развесистых ветвей ели. Мой взгляд бегал по персонажам чужого праздника и не находил нужного мне героя, вернее, героиню. А она ждала меня возле старого засохшего дуба. Как и написала. Но я не видел ее из своего укрытия. Лишь черные, голые ветви погибшего дерева. И маленькую фигурку, почти точку под ними. Как околдованный, я впился взглядом в эту точку и стал потихоньку приближаться. Чего я ждал? Я не знаю, во всяком случае, мое терпение было вознаграждено. Точечка стала увеличиваться в размерах и в конце концов приобрела реальные очертания. Я увидел Лиду.

В это утро она выглядела необыкновенно красивой. И я признал, что был тысячу раз не прав, когда назвал ее красоту стандартной. Гибкое, как у лани, тело блестело на солнце. Длинные пышные волосы весело колыхались на ветерке. Она небрежно сбросила вьетнамки и вошла в воду. Мое сердце бешено заколотилось. Я боялся, что его оглушительные удары услышат на берегу. Но никто даже не обернулся в мою сторону. «Меня околдовали, меня околдовали», — стучало мое сердце. «Тебе нужно уходить», — вторил ему разум. Но я не уходил. Мои ноги словно приросли к земле. Колючие еловые лапы пытались меня спасти, больно царапав по лицу. Но я не очнулся.

А Лида медленно заходила в воду. Но почему-то не плыла. И вдруг прямо перед ней вынырнул, словно большая рыба, какой-то парень. Даже издали я заметил, что он безупречно красив. Белые волосы удивительно гармонировали с загорелым спортивным телом. «Этакий герой из музыкального клипа», — пронеслась в моей голове злая мысль.

И все же я не мог не признать, что Валенок ошибалась. В больших городах с парнями все в полном порядке. Что он и сумел мне продемонстрировать, тут же подхватив Лиду под руки и бросив в воду. Похоже, этот клиповый герой пытался научить ее плавать. И Лиде это очень, даже слишком нравилось. Она хохотала, изображая дрянную ученицу, цеплялась за шею парня и тянула его за собой в воду. Мне вдруг показалось, что истина другая. Что девушка должна чувствовать себя в воде как рыба. Что все это театр, спектакль, в котором играют настоящие актеры. Только для чего и для кого? Это мне было непонятно. Никто на них не обращал внимания. Единственным зрителем был я, но они-то ведь этого не знали. И я, благодарный зритель, смотрел, как они барахтаются в воде и хохочут. Парень вновь нырнул, появившись через минуту с ярко-желтой кувшинка в зубах. И тут же ловко вдел ее в пышные волосы Лиды. Мокрая кувшинка заиграла на солнце разноцветными красками в красивых Лидиных локонах. Околдовала...

Я встряхнул головой и зло сплюнул. Черт, не зритель, а обыкновенный болван. Что я здесь в конце концов делаю?! Колючая еловая лапа вновь больно царапнула меня по лицу, и я со всей силы сжал ее в руке. Посыпались зеленые иголки. Ладонь горела. И я очнулся, словно после глубокого сна. Приворот завершил свое наркотическое действие. Мне стало стыдно за себя, за то, что я прячусь в гуще деревьев и слежу за чужой жизнью (или чужим спектаклем, какая разница?). Как я вообще смею думать о такой девушке, как Лида? Я должен знать свое место. Оно здесь, где я чувствую почву под ногами. Я даже топнул пару раз по земле. Земля прочно держала меня. И я виновато погладил еловую ветку... Домой, конечно, домой. Что может быть лучше и что может быть вернее?

Дома меня ждал обиженный Чижик. Он смотрел на меня грустным взглядом. Я впервые не взял его с собой.

— Не смотри на меня так, Чижик. Мне и без тебя плохо. Но даю тебе честное слово больше там не появляться.

Чижик завилал хвостом и благодарно лизнул мою руку.

Ночью я, все так же вглядываясь в ночные звезды, думал о Лиде. И ревность обжигала мое сердце. И щеки мои горели. Пусть будет так. Дал слово — держи. Я успокоился и тут же уснул.

Однако следующим же утром нарушил данное честное слово. И вновь, как пригвожденный к земле и прикованный цепью к дереву, стоял на том же месте и наблюдал за праздником, на котором был по-прежнему таким чужим. Но мне чужим быть уже не хотелось.

А Лиду по-прежнему учил плавать клиповый герой. И ей по-прежнему это нравилось. Она барахталась в воде, как беспомощный ребенок, которого хотелось защищать и оберегать. Так хотелось прижать ее мокрое тело к своей груди, провести рукой по мокрым путаным волосам. Но за меня это делал другой. Наверняка с ним она и приехала. И от беспомощности я до боли сжимал кулаки. К закату солнца чары рассеивались, и я понуро брел домой, уже не желая этого дома. Я брел в свое одиночество, в свою звездную ночь, чтобы вновь думать о Лиде. И в очередной раз клясться Чижик, что утром следующего дня слово свое не нарушу. И вновь его нарушал. И на третий день, и на четвертый.

В один из них (уже плохо соображая, что делаю) я решил наведаться в Сосновку.

— Пойдем, Чижик, проведем Валенку. Что-то она давно не забегала. Наверняка обиделась. Я вел себя, как последний осел.

Чижик со мной полностью согласился, особенно по поводу последнего.

Я же поймал себя на мысли, что совсем не хочу видеть Вальку. Что не знаю, как вести себя с ней и, тем более, что говорить ее отцу. Поэтому, когда соседи сказали, что они уехали дней на десять в райцентр, я искренне обрадовался. И наконец признался себе, что шел совсем за другим.

Я невольно замедлил шаг возле перекошенного дома, в котором жил мой приятель Мишка. Мне не терпелось встретиться с ним. Ведь он был единственной ниточкой, связывающей меня с Лидой. Он один знал нашу тайну и на сегодняшний день оказался самым близким мне человеком.

Мишка беззаботно развалился на крыльце и щелкал семечки. Моей радости не было предела. Но на лице я изобразил полное безразличие.

— Привет, Мишка, — устало протянул я, останавливаясь возле забора.

— Привет, — Мишка хитро сощурился и в очередной раз плюнул.

— Ну и как они... Дела?

— Да вроде бы ничего, — Мишка отвечал односложно, но я чувствовал, что он меня дразнит.

— Чего расплевался! Уже весь двор замусорил! Кто за тебя подметать будет! — Я начинал злиться.

— Мать подметет, — ехидно ответил Мишка и вновь сплюнул щелуху.

— Мог бы и подняться, когда со старшими разговариваешь.

Мишка нехотя поднялся, оставив свои семечки, и, забросив руки в карманы, качающейся походкой, как матрос, медленно приблизился к забору.

— Ну чего прицепился, Данька? Говори сразу, чего надо!

— Да ничего мне не надо, с чего ты взял, что мне что-то от тебя надо? — Я пожал недоуменно плечами. — Просто вот шел к Вальке, а она уехала. Да и ты давно не заглядываешь, случилось что?

— Времени нету! — важно ответил Мишка. — Знаешь этих приезжих. За ними нужен глаз да глаз. А в этом году столько молодых приехало! Вот они и веселятся с утра до вечера! Я даже на танцы к ним ходил.

— Бездельники, вот и веселятся!

— Может, и бездельники! Но такие красивые! — Мишка уставился на меня, ожидая очередного вопроса.

— А мне-то что, у меня дел по горло! — Я провел ладонью по шее для убедительности. — Вот и сейчас, заболтал ты меня, чушь всякую мелешь, а меня дома ждет куча дел! Эти бездельники еще гляди — лес перепалят! — Я разозлился не на шутку и, резко повернувшись и даже не попрощавшись, двинулся прочь.

Мишка не ожидал, что я так резко уйду, не доставив ему удовольствие рассказать местные сплетни. И тут же выскочил за калитку и закричал:

— Эй? Данька! погоди!

Я нехотя остановился.

— Дурак ты, Данька! Все проморгал! Эх, если бы я был на твоем месте! Если бы мне такую записочку! Да от такой красотки...

— Интересно, что это я проморгал?

— Дурак ты, Данька! Я сам видел, как она целовалась с другим! С таким красавчиком! Я его в каком-то клипе видел! Дурак ты! Тебе нужно поболее в

народе гулять. В лесу люди лысеют, а в людях людеют! Гляди, уже скоро лысина засветится на макушке!

Мишка все это выпалил на одном дыхании и тут же, в одну секунду, скрылся за воротами от меня и от греха подальше.

— В людях люди становятся людоедами! — только и успел я крикнуть вслед мелькающим пяткам Мишки.

Мишкина новость добила меня окончательно. Я ходил из угла в угол по своей сторожке и не находил себе места. Со мной ничего подобного в жизни не случилось. Я всегда гордился, что могу себя держать в руках. Сегодня же мои руки совершенно обессилели и почва уходила из-под ног. Неужели это и есть любовь? Тогда почему так больно?

Чижик умоляюще смотрел на меня, ожидая очередного честного слова, что глупости больше не повторятся. Но в этот раз я ничего Чижиху не пообещал. Чижиху было больно не меньше моего.

Следующим днем я наотрез отказался быть зрителем и, едва увидев Лиду под засохшим дубом, тут же решительно, почти зло направился к ней.

— О, это вы, дикий человек! — Она слегка приподнялась на локтях. — А я-то думала, мы распрощались с вами навсегда.

— Как видите, нет. — Я злился на себя, на свою слабость, на свой лесной мир, в который Лида не могла войти и принять его не могла. Что я вообще делаю рядом с этой богиней! Я чувствовал себя настолько нелепым рядом с ней. Действительно, дикарь. Неуклюжий, здоровый, бородатый. «Домой, скорей домой», — прозвучали в моей голове волшебные слова, которые всегда выручали меня в трудных ситуациях.

Лида словно почувствовала мое намерение поскорее сбежать и остановила:

— Садитесь рядом.

Я от неожиданности бухнулся прямо на землю. Она была так близко. Это загорелое гладкое тело, эти пухлые чувственные губы, на которых играла приветливая улыбка. Эти влажные волосы... У меня перехватило дыхание. Слова застряли в горле. И в знойном воздухе, как грозовое облако, повисло тягостное молчание.

— Будет дождь, — выдавил я наконец самое умное из того, что пришло в голову.

Лида опрокинула голову вверх, вглядываясь в душное небо.

— Вы предсказываете погоду?

— Предсказывают гадалки. А я знаю.

— А что вы еще знаете? — Лида откровенно смотрела в мое лицо. И я смутился. Хорошо, что я зарос бородой, иначе она непременно заметила бы, как я покраснел.

— Ну же, — торопила она меня. — Что же вы еще знаете?

Мне так хотелось ответить, что я знаю наверняка, что люблю...

— Знаю... Знаю, что если среди лета появляются на деревьях желтые листья — к ранней осени и зиме, — запрокинув голову, я посмотрел на корявые черные ветви дуба. На нем не было и не могло быть ни одного листочка.

— А еще?

— Еще... Еще скоро день Прокла Плакальщика. Говорят в народе, что на Прокла после росы промокло. В это время роса особенная, целебная. Она помогает от многих болезней. А если умоешь ею глаза — станешь лучше видеть.

— Еще, — дразнила она меня.

Я осторожно прикоснулся к уродливым ветвям дуба, словно боялся его ранить. Хотя ранить мертвого невозможно.

— Знаю, что под этим дубом часто сидят те, кто влюблен.

— Неужели? — Лида всплеснула ладонями. — Ну же, рассказывайте, мне так интересно. Это дерево приносит счастье?

— Смотря кому. Только тем, кто влюблен по-настоящему. Оно... Ну, как бы умеет угадывать настоящую любовь. Так говорят старожилы. Дерево погибло много веков назад, в него попала молния. А однажды, когда под ним целовались влюбленные, на засохших черных ветках выросли зеленые листья. И эти молодые люди были счастливы до конца жизни. Вот многие сюда и приходят, чтобы удостовериться в истинности своей любви. И ждут, появится ли на мертвом дереве молодая зелень.

Лида смотрела на меня широко раскрытыми глазами, совсем по-детски.

— И вы... Вы сидели под этим дубом?

— Приходилось, — как можно небрежнее бросил я.

— И... И видели зеленые листочки? — В ее вопросе прозвучал испуг.

Я отрицательно покачал головой. А Лида облегченно вздохнула.

— Это редко случается, — философски заметил я. — Разве кто-нибудь может быть счастлив в любви целую жизнь?

— Не знаю...

Мы загадочно, как и требовала ситуация, замолчали. И молчание уже не зависало над нами, как грозное облако. Оно было легким и приятным, как ветерок в знойный день. А я подумал, какой бес попутал меня придумать эту мелодраматичную историю. Что-то не замечал раньше за собой способности к сочинительству. Я посмотрел на Лиду. Она грустно вглядывалась в черные погибшие ветви дуба. Что ж, видимо, я неплохой сочинитель. Лида мне поверила.

Наше молчание перебили крики, доносящиеся с берега.

— Лидка! Идем, Лида! — молодые люди размахивали руками, зазывая девушку к себе. — Лида! Скоро начнется дождь! Идем, Лида!

Белокурый красавчик не выдержал и мгновенно очутился возле нас. На меня он даже не обратил внимания. Я был для него вроде засохшего дуба и удачно вписывался в лесной пейзаж.

— Лидок, бежим, ты видишь, какие тучи.

Вблизи он оказался еще красивее. Я подумал, что такая девушка делает рядом со мной? И недоуменно взглянул на Лиду.

— Иди, Эдик, иди, я вас догоню.

Наконец он удостоил меня вниманием.

— А, знаю, — довольно приветливо улыбнулся он, — вы местный лесник? Что ж, Лиде будет полезно с вами пообщаться. Ей ведь предложили роль лесной колдуньи. А она ни черта не смыслит в природе. Дитя города, так сказать.

— Иди, Эд, иди, — уже настойчиво повторила девушка.

— Надеюсь, вы доставите наш молодой талант в полной сохранности? — не унимался клиповый герой.

— Я-то доставлю. А вот вы поторопитесь. — Я с деланной тревогой обернулся в сторону леса. Ели и сосны, погруженные в сумрак, сильно раскачивались на порывистом ветре. Зловеще кричал филин. Черные вороны тревожно кружились над самыми кронами деревьев. И я могильным голосом прогудел прямо Эдику в лицо: — Как у нас говорят: ходить в лесу — видеть смерть на носу.

Эдик вздрогнул, машинально взмахнул на прощанье рукой, и его словно ветром сдуло. Это был не клип, где он мог сколько угодно изображать из себя супермена. Это была природная стихия, в которой он ни черта не смыслил. И которой боялся.

— Он неплохой парень, — виновато сказала девушка, хотя я так и не понял, в чем она виновата.

— Он прав, ваш неплохой парень. Сейчас хлынет дождь. А на Самсона дождь — семь недель дождь. Нам нужно успеть спрятаться хотя бы сейчас. — Я посмотрел на темное небо, все ниже и ниже опускающееся на землю.

Спрятаться мы не успели. Ливень застал нас на середине пути. Я набросил свою ветровку на плечи Лиды, и она в ней почти утонула. Мы бежали по мокрой траве, грязь растекалась под ногами, а резкие струи дождя хлестали нас по лицу. Тревожно кричали птицы, могучие ели, как пьяные, шатались из стороны в сторону. Становилось все темнее и темнее; казалось, что небо вот-вот рухнет, и мы погибнем под обломками туч.

— Мне страшно, Даник, мне страшно! — кричала Лида, захлебываясь дождем и ветром.

— Не бойся, Лида! — кричал я в ответ. — Все будет хорошо! Здесь нас ничто не тронет!!! — Я крепко схватил Лиду за руку и сквозь разбушевавшуюся стихию тащил за собой.

Позднее, когда мы, промокшие до нитки, грелись в моей сторожке, Лида спросила:

— А почему ты был уверен, что нас ничто не тронет? Ведь любое дерево могло свалиться на нас! Запросто!

Девушка сидела в моей майке на диване, скрестив ноги по-турецки, и наслаждалась горячим глинтвейном, который я приготовил из трав и домашнего вина.

— Неужели непонятно? Своих не трогают. А я в лесу свой. К тому же, запомни хорошенько, беда не по лесу ходит, а по людям.

Лида бросила на меня встревоженный взгляд.

— Надеюсь, это не про меня? И разве люди приносят только несчастье? Я взъерошил свои мокрые волосы и широко улыбнулся.

— Нет, не только. И сегодня я это понял...

— Боже, как хорошо, — выдохнула она. Ее глаза блестели, и на щеках появился легкий румянец. — Как хорошо вот так промокнуть, продрогнуть, а потом греться горячим вином в твоей сторожке. Ты счастливый.

— А ты?

Она на секунду запнулась.

— Я? Пожалуй, да. Сегодня я по-настоящему счастлива.

Я укутал ноги девушки пушистым пледом и присел возле нее на корточках.

— Скажи, Лида, ты и впрямь будешь играть лесную колдунью?

— Да, а что? — она слегка смутилась.

— И для этого я тебе понадобился?

Лида звонко расхохоталась. Оказалось, что я обожал ее беззаботный смех!

— Какой же ты большой и глупый! А если бы лесник оказался столетним дедом? Неужели ты думаешь, что ради роли я с ним целовалась бы?!

— А со мной разве ты уже целовалась? — я искренне удивился.

— Да, в мечтах, — откровенно ответила она, и ее горящие глаза взволнованно бегали по моему лицу. — А наяву нет. Но разве это трудно исправить?

— Легко, девочка моя, очень легко... — Я нашел ее горячие губы, и на моих губах остался привкус лесных трав и лесной стихии, которая нас сегодня соединила. Надолго ли?

Чижик безжизненно лежал на пороге. Он за весь вечер не проронил ни звука. И только когда я вышел проводить Лиду, Чижик жалобно заскулил вслед. Мне показалось, он плачет.

Всю дорогу мы шли молча. Я пытался подобрать все нежные слова, которые знал, и даже парочку сумел выдавить из себя, но Лида резко меня прервала.

— Не нужно, — довольно грубо отрезала она. — Ты не умеешь говорить красивые фразы и читать стихи не умеешь. Это и не к чему. Я их за всю жизнь знаешь сколько наслушалась?!

— Сколько? — хмуро спросил я.

Лида мне не ответила. Казалось, она вообще не желает со мной разговаривать.

Мы остановились у дверей пансионата. Из уютного кирпичного здания, окрашенного в розовый цвет, раздавался веселый смех, слышалась бодрая музыка. Там веселились друзья Лиды. И за этими стенами кипела ее жизнь. Девушка прислушивалась к этому смеху, к этой музыке и улыбалась. Ей хотелось скорее туда.

— Ну, пока, — беззаботно бросила она мне на прощанье.

— Ты жалеешь обо всем, Лида?

— Я никогда ни о чем не жалею. Глупо жалеть о том, что уже не исправить. Бессмысленная трата времени, — резко ответила она.

— Мы еще встретимся?

— Не знаю, — равнодушно пожала она плечами. — Почему бы и нет. За этот месяц наши пути могут пересечься не раз. Лес большой.

— Ты меня совсем не любишь? — продолжал допрашивать я ее.

— А разве я когда-нибудь говорила о любви? — поразила она моему вопросу.

— Тогда как это назвать, если не любовь?! — меня колотило от злости. Я себя еле сдерживал.

— Как хочешь, так и называй! — вызывающе встряхнула она головой. — Можешь — моей прихотью, можешь — солнечным ударом. А еще лучше — ударом молнии, которая в нас так и не попала.

— Я могу и покрепче подобрать слова!

— Пожалуйста, слов на свете много. Но я подозреваю, что выражения покрепче тебе ближе!

— Дура ты! — Терпению моему пришел конец. И я даже вцепился в плечи Лиде и встряхнул ее. — Просто разбалованная дура!

Ее глаза гневно сверкали, пухлый рот был поджат, мне показалось, она меня сейчас ударит. Я ждал этого удара. И вдруг, в одну секунду, так ничего и не сообразив, почувствовал на своих губах горячий мгновенный поцелуй. И в эту же секунду девушка скрылась за воротами пансионата. Она бежала по дорожке, усыпанной розовым гравием. А я тупо смотрел ей вслед. Я абсолютно ничего не понимал. Это непонимание меня и отталкивало, и раскаляло одновременно. Домой, скорее домой. Но я уже чувствовал, как эта волшебная фраза теряет свою силу.

Из оцепенения меня вывел Мишкин голос.

— Эй, Данька, ну очнись же, чего стоишь, как болван.

Пожалуй, в эту минуту я действительно был похож на болвана. Мой бессмысленный взгляд бегал по лицу, фигуре Мишки. И не видел его.

— Ну же, Данька. Чего здесь торчишь! Тоже на танцы пришел? Наконец-то выбрался, дикий медведь!

Постепенно до меня начал доходить смысл слов. Я уже мог разглядеть Мишку. И даже присвистнул от удивления.

— Ты, что ли, Мишка? Ну, тебя не узнать!

Мишка самодовольно покрутился перед моим носом. В новом черном костюме, купленном в честь окончания девятилетки, правда, на вырост, и полосатом галстуке, Мишка казался даже старше своих пятнадцати лет.

— Айда со мной, Данька! Тут знаешь какое веселье! Правда... — Мишка запнулся, почесал за ухом, оглядев меня с ног до головы. — Правда, видок у тебя еще тот...

— Еще тот, — согласился я. — Да, если честно, и танцор я никудышный. А ты иди, веселись. — Я на секунду замялся. — Ну, в общем, если что — заходи. Поболтаем.

— Зайду, Данька, если что. — Мишка лукаво мне подмигнул и тут же скрылся за воротами пансионата.

Я понуро брел по проторенной лесной дороге, уже не спеша домой. Мне опостылел и мой дом, и моя дорога. Я где-то читал, что когда приходит любовь, то острее начинаешь чувствовать мир, природу, запахи, цвет. Я шел по лесу, наполненному самыми разнообразными запахами и играющему самыми удивительными красками. И совсем не чувствовал их и ничего не видел. И все же это означало, что я влюблен.

Вглядываясь в ярко-зеленые, еще мокрые кроны высоких сосен, я видел мокрые крыши высоток Большого города. Я вдыхал свежий лесной воздух — и ощущал запах автомобильной гари. Я шел по сочной траве — и ощущал под ногами пористую дорожку асфальта... Я еще оставался здесь, но мои мысли были уже там. Там, где живет Лида. И мне хотелось туда, в этот непонятный чужой мир, который мне стал так дорог. Потому что я был влюблен.

А следующим утром ко мне заявился Мишка. И мне вновь пришлось делать вид, что безразлично, как прошел вечер. А Мишке пришлось делать вид, что у него нет никакого желания об этом рассказывать. Немного поиграв в эту странную игру, я наконец как можно беззаботнее спросил, как прошли вчера танцы. При этом я очень старательно разливал чай в чашки, словно это занятие являлось для меня самым главным в жизни. Мишка долго не отвечал, поскольку был поглощен чаепитием. В этот момент мне хотелось дать парню подзатыльник, но вместо этого я ласково спросил, как самого дорогого гостя:

— Может, нальешь в блюдечко? Так быстрее остынет.

— Угу, — промычал Мишка, переливая чай в блюдец.

— Тебе с малиновым или ежевичным? — продолжал ворковать я, по-прежнему желая врезать Мишке.

— С ежевичным... И с малиновым...

Вообще, в какие это времена, я распивал с утра чай, как кумушка с соседкой за светскими беседами?

— Так что ты спросил? — Мишка садистски улыбнулся.

— Когда? — я округлил глаза.

— Да совсем недавно!

— Понятия не имею! А... Пстой... Про варенье?..

Мишка нетерпеливо заерзал на стуле. Он хотел победить.

— Да нет, это еще до варенья было.

— Ну, это я, брат, не припомню. Мало ли что мог ляпнуть! — Я хотел победить не меньше Мишки. И мне это удалось. Я все же был старше и опытнее.

— Ну, ты что-то говорил про вчерашний вечер...

— Я?! Это ты начинал рассказывать про танцы. Так что, потанцевал? — Я прекрасно знал, что у Мишки мало времени. И ему задаст отец, если он вовремя не явится.

Мишка тяжело вздохнул и посмотрел на часы. У него уже не было времени на последний раунд. Пришлось сдаться.

— В общем, да. Даже один раз с этой... Твоей... Артисткой... Сама пригласила, — похвастался он.

У меня от волнения перехватило дыхание. Мишку она пригласила неспроста. Сомневаюсь, что ей приглянулся этот лопухий деревенский пацан.

Мишка поднялся с места.

— В общем... — Он почесал за оттопыренным ухом. Ему очень не хотелось просто так, даром, выкладывать карты на стол. — В общем, говорила, что гулять где-то тут будет недалеко... Боится заблудиться. Так ты это... Чтоб дома был... Вдруг заблудится и набредет на твою сторожку...

Я ждал весь день, потом — весь вечер, а потом — и всю ночь. Лида так и не пришла.

Следующим утром я бессмысленно бродил недалеко от пансионата, побывал на озере, посидел возле старого дуба, историю которого придумал специально для нее. Я так хотел ее встретить. И не встретил. Я не чувствовал ничего. Только бешеные ритмы сердца. Словно был закрыт в спальном вагоне. Четыре стены. Пустота. И удары колес. Неужели она такая — любовь?

Вечером я не выдержал. Нарядился в свой единственный костюм, белую рубашу и галстук в полоску — вылитый Мишка. Только мне далеко не пятнадцать. И мне нельзя быть смешным. И все же я был смешон. Я шел на танцы.

Пожалуй, медведь, заявившийся нежданно-негаданно на бал, выглядел бы более гармонично, нежели я. И все же меня восприняли именно как медведя. Танец прекратился. Я почувствовал на себе десятки удивленных глаз.

Эти столичные были совсем другие. Совсем. Они были в дырявых джинсах, помятых майках, стоптанных кроссовках. Они из другого мира, которого я не знал. Потому что, как и Мишка, думал, что на танцы приходят наряженными. Мишке это сошло с рук — он слишком молод. Я же выглядел по меньшей мере дураком. По большей — сумасшедшим. И мне так хотелось оправдать себя, объяснить, что я пришел прямо с заседания правления лесничества. Но это было бы еще глупее. Поэтому я промолчал.

Я стоял медведем, явившимся без приглашения на бал и ничего не понимающим в этом бале. Меня выручила Лида. Она подскочила ко мне и радостно воскликнула:

— Вот видите, какие могут быть галантные лесники! Не вам чета! Боже, как давно я не танцевала с мужчиной в костюме!

Я услышал за своей спиной ехидный шепот. Типа того, что эта девочка, как всегда, оригинальничает.

Вновь грянула музыка. Лида, обвив мою шею руками, стала кружить со мной в вальсе. Хотя это и не была вальсовая музыка. Она танцевала легко и

грациозно, ее хорошо учили танцевальному мастерству в институте. Но я оказался не вполне пригодным партнером, постоянно спотыкался и наступал Лиде на ноги. С трудом осилил этот танец.

Едва стихла музыка, девушка подвела меня к группке молодых людей. Они с любопытством разглядывали меня, как экзотическое чучело в зоологическом музее, бросив пару колких фраз в адрес Лиды. Эдика я явно раздражал, он и не пытался это скрыть.

— Если бы я был художником, — обратился он ко мне, сверкая насмешливым взглядом, — я бы непременно нарисовал ваш портрет. Портрет нашего современника, которого в современном мире не бывает. Так сказать, эксклюзив.

— А я, если бы имел честь быть художником, — совершенно серьезно ответил я, — то вообще бы не рисовал людей. Они и так в жизни слишком рисуются. Представляете, что может получиться на бумаге?

Лида звонко расхохоталась и снисходительно потрепала Эдика по небритой щеке. Он зло увернулся.

— О, с вами можно говорить о живописи! И в какой же манере вы бы рисовали свой дремучий лес? Импрессионизм, экспрессионизм, пуантилизм?

Я пожал плечами.

— Разве для этого нужна особенная манера? Я думал, для того чтобы рисовать, нужен всего лишь талант.

Эдик раздраженно махнул рукой. И перешел в открытое наступление.

— Впрочем, мы теряем зря время, разглагольствуя об искусстве. Боюсь, вы слишком примитивны для этого.

— Я вообще-то этого не боюсь. Но признаю, что вы правы. Мир, в котором я живу, примитивнее и настолько же богаче и смелее вашего. Художники, кстати, в основном предпочитают изображать именно его. Люди так редко хорошо получаются на холсте.

— Люди вообще редко получаются! — поддержала меня Лида и покрутила пальцем у виска, обращаясь непосредственно к Эдику. И тут же, подхватив меня под руку, потащила к выходу.

Я бы на месте Эдика врезал мне хорошенько, ведь он явно был равнодушен к Лиде. Ну, в крайнем случае, можно было громко свистнуть нам вслед. Но вслед звучало молчание. Люди и впрямь редко получаются.

Уже на улице, едва ступив на лесную тропу, ведущую к дому, я по-настоящему перевел дух. Я чувствовал себя в своей стихии. Я был со всех сторон защищен.

— А я и не ожидала, что ты так умеешь пикироваться. — Лида прижалась щекой к моему плечу.

— Кстати, я понятия не имею, что такое импрессионизм. Ты шокирована?

— Увы. Но это легко исправить. Всего лишь стиль в искусстве, когда художник хочет более естественно запечатлеть мир, как бы его каждое мгновение, дыхание что ли, движение и мимолетность...

— А разве по-другому можно рисовать? Не понимаю... Если по-другому нельзя, тогда вообще нельзя.

— Можно, еще как можно! — Лида еще теснее прижалась к моему плечу. — Боже, какое счастье, что ты не художник, не артист, не музыкант...

— И не герой клипа...

— Особенно это. — Холодные губы Лиды касались уже моего лба, носа, щек. — Боже, как они мне все надоели, как они мне все надоели. Как они... — Ее губы наконец-то нашли мои.

Земля давно ушла из-под ног. И солнце тоже покинуло нас. И куда-то исчезли деревья. И я даже не чувствовал неба. Ничего, ничего вокруг не было. Голый вакуум. Космос. В нем существовали только мы двое. И я уже не жалел о своем зеленом мире, пропитанном свежими запахами и покоем. И Лида не жалела о своем, запыленном и суматошном. Мы были вдвоем. И нам оказалось достаточно этого. Наш космос устраивал нас. И его невесомость, и его пустота. Где не было ни запахов, ни звуков. Где остались только мы двое. И, наверно, наша любовь. Я уже знал, что это такое. И, пожалуй, мог нарисовать ее в своем воображении. Ее дыхание, ее мгновение, ее мимолетность. Импрессионисты могли бы мне позавидовать. Я рисовал не хуже... Разве кому-нибудь удавалось нарисовать любовь?

Так началась наша любовь. Впереди у нас был целый месяц. А это немало. Более того, я вообще считал, что для большой любви месяца вполне достаточно. За месяц люди не успеют надоесть друг другу, не успеют узнать все друг про друга, и даже не успеют поругаться. Про бытовые мелочи вообще нечего говорить. Быт за месяц не способен убить любовь. Это уже потом — в ходе, так сказать, проверки чувств и желаний... Мы не думали о проверке. Нас ждал месяц любви.

Лида больше времени проводила у меня в сторожке, чем в пансионате. Она безоговорочно приняла мою жизнь, с удовольствием готовила для меня, поливала цветы и деревья в саду. Для нее все было в новинку. Иногда мне казалось, что она просто играет роль этакой деревенской пастушки и часто — переигрывает. Но я закрывал на это глаза. Я был влюблен. И был уверен, что она влюблена не меньше. Я не верил, что играть в любовь возможно, когда не любишь. Я был очень далек от кинематографа.

Чижик с Лидой так и не сдружился. Наверно потому, что она его воспринимала всего лишь как мою собаку, а не как моего лучшего друга. А может быть, просто к нему ревновала. Чижик ревновал не меньше. И они в некотором роде боролись за мое исключительное внимание.

— Ну же, Данька, — Лида не раз настраивала меня против Чижика. — Я допускаю, что собака может стать другом, но не могу себе представить, чтобы она стала лучшим другом. Потому что так не бывает.

— Так бывает. Только так и должно быть, — дразнил я девушку. И в очередной раз пытался примирить ее с Чижиком. — Ну же, Лидка, подумай, вспомни хотя бы своих друзей. Сколько раз они тебя предавали? А сколько обманывали? А сколько завидовали? Ага? А Чижик ни разу про меня дурного слова не сказал. А зато как он умеет слушать! Я могу ему раскрыть любую тайну, и он никогда ее не разнесет по всему свету.

— Ты просто боишься людей. Вот и вся твоя философия. Ты боишься правды. Вот и нашел себе глухонемого друга, который только и может, что лизать твои ноги. Такой большой и сильный, ты боишься, что тебя могут предать, потому и выбрал себе того, кто не предает только потому, что предавать не умеет. А не потому, что не хочет.

Чижик громко и свирепо лаял на Лиду. Я хватал его за ошейник, опасаясь, что он может укусить девушку.

— Не обижай его, он ведь все понимает, — грустно отвечал я Лиде, которая, в отличие от Чижика, меня понимала гораздо меньше. А сколько бы осталось этого понимания после месяца нашей любви?

Пожалуй, я поспешил с утверждением, что за месяц ничто не способно омрачить любовь. Вскоре я понял, что для этого достаточно и дня. И все же моя правда заключалась в том, что жалкий месяц на обиды, разочарования и неприятности можно закрывать глаза. Запросто. Когда сильно влюблен.

Мы с Лидой не скрывали своих чувств. Просто мы сами скрывались. Нам было достаточно видеть друг друга, прикоснуться друг к другу, вместе смеяться и изредка спорить из-за Чижика. И все же без выхода «в люди» обойтись невозможно. Хотя бы потому, что вокруг много солнца, зелени и свежего воздуха. И потому, что в этом году выдалось на редкость хорошее лето. Мои недавние прогнозы о семи неделях дождя не оправдались. Самсон в этом году играл на моей стороне.

Когда я был свободен, мы встречались с Лидой под нашим засохшим дубом. И Лида каждый день нетерпеливо его осматривала.

— Ни одного зеленого листочка! — Она чуть не плача била ногой по мху, облепившему дуб со всех сторон.

Мне иногда не терпелось сказать ей, что я все бессовестно выдумал — и про дерево влюбленных, и про то, как появляются на мертвом дереве листочки тогда, когда любовь случается. Но так и не открывал ей этой маленькой тайны. Мне нравилась моя выдумка. И иногда я сам в нее верил.

— Ну же, Лида, — я обнимал ее за плечи, — не будь капризным ребенком. Мы так мало знакомы. Разве можно понять за такое короткое время все про любовь?

— А при чем тут время? Хотя да... Конечно... Что можно понять?.. Особенно дереву.

— Ну, дерево, если хочешь знать, понимает гораздо больше нашего. Потому что больше видит. И больше живет.

— Но опять же — молчит.

— Откуда ты знаешь? Может быть, это мы его не слышим. А может быть, молчим мы для него.

— Эх ты, ботаник...

Лидка стелила покрывало на землю, ложилась и сладко потягивалась. А я часами мог любоваться ею. И молчать. Как дерево. И не слышать ее беззаботную болтовню. А она все рассказывала и рассказывала об огнях Большого города. Иногда я вспоминал Марианну Кирилловну. Они относились к своему городу абсолютно одинаково. Проклиная, ругая, обзывая, они очень его любили. И мне казалось, я тоже начинаю его любить. А возможно, я просто любил Лиду. И мне уже становилось все равно где быть, лишь бы быть с ней.

Однажды я в очередной раз учил Лиду плавать, она барахталась в воде, как беспомощный ребенок, цепляясь за мои плечи и оставляя на спине следы от царапин. Эта картина мне была очень знакомой. Я не раз наблюдал ее, когда стоял за деревом и следил за чужим праздником, в котором веселились моя Лида и Эдик. Теперь на его месте был я. Это меня несколько смущало и даже злило, но я сдерживался, всегда помня, что нашей любви отпущено очень мало времени. Я просто старался как можно меньше походить на Эдика. Но у меня не получалось. Я так же крепко прижимал к себе Лиду, так же бросал ее в воду и однажды так же прицепил желтую кувшинку к ее волосам. Боже, неужели в жизни похожи не

только люди, но и их жесты и даже их любовь? Как, должно быть, звезды смеются над нами, когда мы их называем одинаковыми...

И вот в один из таких безобидных уроков из воды внезапно вынырнула Валька, очутившись недалеко от нас. Мокрая, веснушчатая, со слипшимися короткими волосами и красными от воды глазами, она напоминала лягушонка. Лида от неожиданности вскрикнула:

— Ой, а это что за лягушонок?!

— Это Валька, — обречено представил я девушку. — Дочка доктора Кнутова. Мой хороший друг.

— Как Чижик или все-таки лучше? — подозрительно покосилась на меня Лида.

— С Чижиком состязаться — гиблое дело. И все-таки Валька — хороший друг.

— И главное — хорошенький, — со злостью бросила мне в лицо Лида.

А Валька развернулась и поплыла. Здесь она чувствовала себя как рыба в воде. И уже ни капельки не напоминала лягушонка, а скорее походила на русалку. Я уже не видел ее коротких слипшихся волос, ее плотного веснушчатого тела. Она ныряла и выныривала вновь. Очень гибкая, как стебелек желтой кувшинки. Она ложилась на спину и легко гребла руками. Как лодка, затерявшаяся в волнах моря. И лучи солнца играли на ее мокром теле. Я искренне залюбовался Валькой. Мое любование не ускользнуло от жесткого взгляда Лиды, которая вдруг (этот беспомощный ребенок, который только и мог, что барахтаться в воде) изящно нырнула и поплыла. Не менее легко и красиво. Она плыла брассом, делая точные симметричные движения, а затем перешла на баттерфляй. Я тупо смотрел на нее. И не видел ее красоты. Я просто вдруг понял, что она настоящая профессионалка. Наверняка не раз побеждавшая в городских соревнованиях. И так ловко водившая меня за нос. Боже, а я ведь это подозревал еще тогда, когда она играла с Эдиком. Еще тогда... Теперь же она устроила соревнования с Валькой. И я от всей души пожелал ей проиграть. Резко развернувшись, я поплыл к берегу.

Лида догнала меня, когда я уже, выбравшись из лесных зарослей, зло и решительно направлялся к дому.

— Дурак же ты, какой дурачок. — Она обняла меня сзади за плечи. Я не обернулся.

— Ну не могла же я спокойно смотреть, как ты любишься этим лягушонком. Вот и пришлось самой показать класс, — мурлыкала Лида, глядя мою спину.

— Я понятия не имел, что можно в одну секунду научиться так плавать. Ты просто вундеркинд. Думаю, тебе под силу и спортивное, и подводное плавание. Может быть, меня научишь?

— Но пойми, милый, эти маленькие хитрости были придуманы специально для тебя. Тебе ведь приятно было учить меня плаванию, — оправдывалась Лида перед моей злой спиной.

— Насколько я знаю, эти хитрости были придуманы поначалу для клипового героя, — внезапная мысль вдруг осенила меня, и я резко обернулся. И столкнулся с невинным взглядом. — Скажи, Лидка, только честно... Только честно, пожалуйста... Тогда... Когда Эдик учил тебя плавать, ты знала...

— Что знала? — Лида хитро сощурилась.

— Ну... Что я наблюдаю за тобой?

— Конечно, знала, — просто ответила она. — Ну, какой нормальный мужик не придет на свидание, если его назначает такая девушка, как я.

— Какая девушка? — Я нахмурился. — Лгунья, врунья, интриганка...

— Продолжай, продолжай! — Лида уже откровенно смеялась.

Мне так хотелось продолжить — и к тому же бездарная актриса. Но Лида прижалась ко мне всем телом. Ее волосы, еще мокрые, приятно щекотали мое лицо и пахли желтыми кувшинками.

— И к тому же прекрасная актриса, — продолжила она за меня.

И я не смог ей возразить. Я погладил ее влажные волосы, прикоснулся к ним губами. У нас был всего лишь месяц...

А вечером, проводив Лиду, я ждал появления Вальки. Это было в ее духе. Она непременно должна была появиться и устроить скандал. К чему я был готов. Даже придумал красочный монолог и привлек Чижика к своей защите.

— Ты любишь эту девчонку, Чижик. Так что, брат, помоги мне. Ну, лизни ее руку. Или посмотри на нее жалобно. Уж что-что, а это ты, дружище, умеешь.

Чижик вздохнул и, свернувшись калачиком, улегся у порога. Но Валька так и не пришла. Она не пришла и на следующий день. В глубине души я был раздосадован. В конце концов, она же влюбилась в меня и даже возомнила себя моей невестой. Однако же Валька стала для меня не единственной досадой. В этот вечер не пришла и Лида. И я уже не на шутку разволновался. Столкнувшись на пороге дома с запыхавшимся Мишкой, я и вовсе испугался.

— Ну же, — я втащил его за ворот пиджака в дом. — Только без предисловий, что случилось?

— Заболела, — выдохнул Мишка. И уже более спокойно добавил: — Но ты, Данька, не волнуйся. Просто перегрелась на солнце. Знаешь этих столичных штучек. Они и солнца-то у себя за небоскребами не видят. Вот и, вдохнув глоток свежего воздуха, падают почти замертво. И где такое видано, чтобы люди болели от солнца и воздуха?! Чокнуться можно. Нет уж... Такая жизнь не по мне.

Мишка уселся развязно на диван и, забросив ногу за ногу, вытащил из пиджака «Кэмел» и золотистую зажигалку той же фирмы. Но не успел прикурить. Я мгновенно выхватил пачку сигарет из его рук.

— Мишка! Вот отцу расскажу!

Мишка от души расхохотался.

— Ну, Данька! Ты меня совсем уморил!словно из каменного века! Да я уже год как курю! Даже если бы не курил, то непременно с сегодняшнего дня бы начал. Разве от такого шика отказываются! Я ведь только «Приму» и пробовал.

Я внимательно посмотрел на Мишку. Его уши торчали в разные стороны, старый пиджак с отцовского плеча болтался на худеньких плечах, глаза по-детски блестели при виде новой игрушки. «Кэмел» Мишке был так же к лицу, как медведю смокинг.

Я устало опустился на диван рядом с парнем.

— М-да... А мне все кажется, ты ребенок. Совсем не замечаю времени. Знаешь, Мишка, оно для меня словно застывает здесь, на природе.словно ничего не взрослеет, не стареет, не умирает. Только рождается. А ведь это далеко не так.

— М-да-а-а, — вторя мне, глубокомысленно протянул Мишка. — Ты совсем одичал, Данька. Совсем. И, не в обиду тебе сказано, постарел. Хоть и на природе. Мишка мастерски чиркнул блестящей зажигалкой из фальшивого золота.

— Артисты подарили? — показал я на «Кэмел».

— Угу. Они, кто же еще. У них там все знаменитости такие курят. А про спички они вообще уже думать забыли. Да, мы с тобой — темнота, каменный век. Сигареты, кстати, твоя... эта... артистка преза... презентовала — за успешную работу. А зажигалку ее дружок. Ух, как я обрадовался, мне в жизни таких подарков не делали. Даже на день рождения. Самый дорогой подарок был — перочинный ножик от отца. Да разве сравнить с такой зажигалкой!

— А где ты их встретил? — направил я разговор Мишки в нужное русло.

— Да в номер к твоей артистке заходил, отец велел занести ей лекарства. Она лежит на кровати с мокрым полотенцем на лбу. А этот красавчик сидит у ее ног, как верный пес.

Внутри у меня все перевернулось. Я сжал кулаки. И почему-то спросил:

— Целуются?

— Чего? — не понял Мишка.

— Ну, ты же сам говорил. Они когда-то целовались.

— Я? Ах да! — Мишка стукнул себя по лбу. — Совсем забыл. Почему-то когда врешь, всегда забываешь.

— Зачем ты мне врал, Мишка? — Я не разозлился на него, а только облегченно вздохнул.

— Да я б ни в жизнь! — Мишка стукнул себя кулаком в грудь. — Это она мне велела тебе сказать... Ну, что целовалась.

Я уже ничего не понимал. Моя голова шла кругом. Почему-то ужасно захотелось спать.

— А ей-то зачем это было нужно?

— Ты, Данька, как ребенок. Ничего не понимаешь в жизни. Ведь только так, с помощью ее безбожного вранья, ты и попался на удочку.

— Все вранье, кругом одно вранье. — Я устало провел ладонью по вспотевшему лбу. — Презенты ты от нее получил за это?

— И за это тоже. Да ты не отчаивайся, Данька. Любой бы только мечтал попасться на ее удочку. С помощью вранья или нет — какая разница.

— Наверное, никакой. Для них там вообще не существует разницы между правдой и кривдой. Все одно. Артисты.

— Ну же, Данька, — Мишка встревожено смотрел на мое равнодушное лицо, на мои потухшие сонные глаза. И даже встряхнул меня за плечо. — Ну же, Данька. Чего ты? Все же нормально. Ну... Ну, хочешь, хочешь, я и ей что-нибудь скажу, в отместку. К примеру, как ты целовался с Валькой, хочешь? И презент мне никакой от тебя не нужен, ты же мой друг. Это от тех брать можно, для них это нормально.

— Не хочу, Мишка, — я потрепал его по щеке. — А ты иди, Мишка, иди. И Вальку не впутывай. Она хорошая девчонка.

— Хорошая... Только хороших почему-то не так сильно любят. А этой, твоей артистке, чего-нибудь передать?

— Пусть выздоравливает.

Я вышел проводить Мишку за порог. Мишка опрокинул голову к небу. Тяжелые тучи повисли над лесом. Особенно остро чувствовались запахи смолы и бессмертника. Птицы низко летали над соснами, задевая их крыльями.

— Скоро дождина зарядит, на неделю, — усмехнулся Мишка, видимо, вспомнив Самсонов день. — Не придется им больше умирать от солнца. Ну разве что от глотка свежего воздуха.

Мишка небрежно чирикнул золотой зажигалкой. Яркий огонь вспыхнул у него в руках.

— Красиво, — почему-то печально вздохнул Мишка. — И руки не обжигает. От спичек так не бывает.

— Огонь он и есть огонь. Может согреть, а может обжечь. Ну, бывай, дружище.

Мишка, приподняв ворот пиджака, быстрым шагом направился прочь от моего дома. Я пошел закрывать ставни. Дождь хлынул раньше времени. Я уже собирался бежать домой, как заметил, что в кустах неподалеку от моего дома что-то белеет. Глаз мой был зоркий и натренированный.

— Вот чертяги столичные! Вечно мусорят, нет от них покоя. Словно у себя в городе, а не в лесу.

Я, сварливо ворча себе под нос, разгреб руками кусты и заметил в глубине их насквозь промокшую полную пачку «Кэмела», недалеко валялась обляпанная грязью блестящая зажигалка...

Следующим утром, забросив все дела, я, как верный пес, сидел у ног Лиды. Вновь заменяя Эдика. Лида играла уже не беспомощного ребенка, барахтающегося в воде, а несчастную больную девчонку. Она то и дело шмыгала носом, лоб ее был перевязан мокрым полотенцем.

— У вас такое солнце вредное, — капризно пробормотала она, перед этим пару раз охнув и ахнув от боли. — Даже на югах со мной ничего подобного не случилось.

— Солнце, Лидка, не бывает вредным, — улыбнулся я, глядя ее запутанные волосы. — Только люди.

— Такие, как я? — обиженно надула пухлые губы Лида.

— Нет, ты ведь у меня солнце.

Я огляделся. Мне стало немножечко грустно. С самого начала я знал, что это номер Марианны Кирилловны. И сейчас, впервые заглянув сюда после ее смерти, я вдруг по-настоящему понял, как мне не хватает моей костюмерши, наших прогулок у озера, наших долгих бесед у затухающего костра, нашей сирени с пятью лепестками. Пожалуй, никто меня в жизни так не понимал, как Марианна Кирилловна. И я знал, что это понимание было взаимным.

Лида, заметив, что я погрузился в мысли, тут же принялась вновь капризно охать и ахать, жалуясь на свое недомогание, изо всех сил стараясь привлечь к себе внимание. Вообще-то она была плохой актрисой. Хотя, возможно, я мало что смыслил в актерской игре.

— А ты где-нибудь уже снималась, Лидка? — зачем-то спросил я у нее.

Ее глаза растерянно забегали по моему лицу. Но тут же решительно остановились где-то у переносицы.

— Конечно, снималась! — Она вызывающе встряхнула головой, забыв, что та у нее болит. — А ты думал, я плохая актриса?

Именно так я и думал. Ей сниматься противопоказано. Пожалуй, настоящие съемки у нее начались только здесь, в Сосновке. Где играла она исключительно для меня.

В дверь постучали. Молодая горничная, моя старая знакомая Галка, принесла нам чаю. По Лидиному приказу. Именно приказу. Не меньше.

— Фу! — фыркнула Лида, пригубив чай. — Совсем остывший! Я же просила — горячий! Совсем ничего делать не умеют!

Лида вела себя по меньшей мере, как Любовь Орлова, словно в запасе у нее были десятки знаменитых ролей. Хотя подозреваю, что великая актриса так не поступила бы ни за что в жизни.

Горничная покраснела и, заикаясь, стала оправдываться перед этой разбалованной девицей. Но я тут же ее прервал.

— Не слушайте ее, милая, — с нескрываемым наслаждением я отпил глоток чая, закатывая от удовольствия глаза. — Замечательный чай. Ничего подобного не пил, хотя вы прекрасно знаете, что в чем-чем, а в чаях я разбираюсь. Вы даже добавили веточки смородины, подумать только!

Галка расплылась в довольной улыбке, но все еще опасливо поглядывала на Лиду.

— Знаете, — обратился я к Галке, чтобы до конца ее успокоить, — а ведь так не хватает Марианны Кирилловны. Едва переступив порог этого номера, я сразу понял, как ее не хватает. По-настоящему.

Горничная была свидетелем нашей дружбы с костюмершей и понимающе вздохнула.

— Мы все ее здесь любили. Она от всех отличалась. Такая вежливая, милая, понимающая. — Это был камешек в огород Лиды.

— Ты можешь идти! Ну, чего встала! — закричала на нее Лида, вскочив с кровати.

Я схватил ее за руки и силой усадил на место.

— Как тебе не стыдно! Что с тобой! Ты и впрямь перегрелась! — Я обернулся к горничной. — Иди, Галка, все в порядке, иди.

И все же последнее слово Галка решила оставить за собой.

— Это же надо, такая была чудесная бабушка и такая оказалась невоспитанная внучка! Господи, как тесен мир, — едко заметила она и тут же смылась.

Воцарилось молчание. Я в оцепенении уставился на Лиду.

— Что она сказала?

— Откуда мне знать! — Лида мгновенно успокоилась и вновь приняла больной вид, прикладывая к голове влажное полотенце.

— Она что... То есть... Марианна Кирилловна — твоя бабушка?! — Это был настоящий шок для меня.

— Ну и что тут такого? У всех есть бабки. Я же не виновата, что моя оказалась именно Марианной.

Я сидел, обхватив голову руками. Очередное вранье. Даже для одного месяца многовато. Я медленно повернулся к Лиде. Наверное, у меня был устрашающий вид, потому что она испуганно вздрогнула.

— Но почему ты мне ничего не сказала? Я же не раз рассказывал тебе про Марианну Кирилловну. Почему? Я не понимаю. Ты только объясни — почему?

— Да потому!

Лида вновь вскочила, полотенце упало на пол. И вообще, по-моему, она выглядела совсем здоровой.

— Потому что пришлось бы рассказывать про нее, тебе же она так нравилась. Тратить время на пустые воспоминания и прочую чепуху... А я хотела, чтобы ты был только мой. Только мой и все! — Лида топнула в подтверждение своих слов ножкой.

— Странно, а костюмерша говорила, что она совсем одна. Одна на всем белом свете.

— Это ей захотелось быть совсем одной. Придумывать свой фантастический мир и жить в нем. Грезить о каком-то великом кино, которое мы якобы потеряли. А по-моему, потеряла только она. Я лично все приобрела. И кино, и настоящий мир. И меня он вполне устраивает.

— Она обо мне говорила? — Я не отрывал от Лиды взгляд.

Я знал, чувствовал, понимал, что говорила. Но каждую секунду боялся, что Лида соврет.

— Да, — почему-то на этот раз она не соврала. — Говорила. Более того, утверждала, что ты у нее самый близкий человек на земле. И твоя земля тоже самая близкая. Потому что вы настоящие, а мы, видите ли, из папье-маше. Поэтому для нас она и шьет костюмы. В общем, бред какой-то. Как может стать самым близким случайный человек?

— Я же — случайный человек, но для тебя стал самым близким.

— Ты — другое. У нас ведь любовь...

— Кроме любви есть и другие отношения. Может, более глубокие. Иногда люди, зная друг друга всю жизнь, так и не находят общего языка. А иногда... Одного дня достаточно, чтобы друг друга понять. В общем... Знаешь, мне кажется, Марианна Кирилловна действительно была очень одинока...

Мне так и не удалось закончить эту глубокую мысль, потому что в комнату ворвался Эдик с охапкой полевых цветов. Увидев меня, он застыл на пороге, как статуя, и его губы скривились в презрительной усмешке.

— А... Охранники зеленых насаждений! Надеюсь, вы меня не арестуете за ущерб, нанесенный лесам и полям. — Он протянул цветы Лиде, и она уткнула в них лицо, жадно вдохнув приторный аромат.

— Не арестую, — резко ответил я и поднялся.

— Еще бы. Все это народное достояние, а не достояние одного человека.

Лида заметно оживилась с приходом Эдика. Она чувствовала себя рядом с ним в своей тарелке. И я подумал, что они здорово подходят друг другу. Она ему так же преувеличенно и театрально принялась жаловаться на солнечное недомогание. И он проглатывал ее слова без остатка. Как ни парадоксально, но они искренне верили в ложь, которой ежедневно кормили друг друга до отвала. Эдик даже умудрился пафосно продекламировать какой-то новомодный стишок без ритма и рифмы, который выучил накануне специально для Лиды. И девушка восторженно благодарила его. Стишок был бездарный, Лидка вполуха слушала его, так ничего и не поняв, но правила игры диктовали другую реакцию. А они строго следовали правилам игры. Мне здесь делать нечего. Я не артист, так что поспешил откланяться. Эдик даже не обернулся в мою сторону, а Лида послала ничего не значащий воздушный поцелуй.

Мне же вдруг захотелось увидеть Вальку, которая меня старательно избегала. И, собравшись с духом, «вдохновленный» встречей с Лидой, этим же вечером я нагрянул в дом доктора Кнутова. По дороге я почему-то собрал целую охапку полевых цветов. Кнутов встретил меня довольно радушно, он был интеллигентом до мозга костей, хотя я не мог не уловить в его тоне некоторой официальности.

— Вы знаете, Даниил, Валечки нет дома.

Был уже глубокий вечер, и я не поверил ни единому слову Кнутова. Где ей еще быть? Валька наверняка пряталась за дверьми соседней комнаты. И я как можно громче сказал:

— Как жаль, а я вот ей цветы принес. И еще орехи, — протянул я пакет с недозрелыми, еще зелеными плодами. — Она любит такие. Неспелые, самые сочные. Словно в молоке.

Кнутов подчеркнуто вежливо принял подарки.

— Я ей обязательно передам. Она будет рада.

За дверью соседней комнаты послышались шорохи.

— Всего доброго, Даниил. — Кнутов открыл двери.

— Андрей Леонидович. — Я прикрыл двери и понизил голос на два тона. — Не обижайтесь на меня.

— Вы ничего не обещали, Даниил. Абсолютно ничего. Вы всегда поступали честно.

— И все же... Я все равно чувствую за собой вину.

— Вы не можете винить себя за то, что вас любит моя дочь. За чужую любовь не судят. А вы полюбили другого человека. И за свою любовь не судят тоже.

— Вы все понимаете. И все же... Как Валька?

— Я слишком долго пожил на свете, чтобы не понимать, что все проходит. И первой, возможно, проходит любовь. Но Валя еще слишком молода, чтобы понять это. Поэтому ей тяжело. И все же, я думаю, это к лучшему. Лучше больше эмоций, трагедий, разочарований пережить в молодости. Потому что они переживаются. Думаю, потом моей дочери жить станет гораздо легче. Трудности зачастую идут на пользу. Вырабатывают, так сказать, иммунитет. Моя дочь обязательно выздоровеет. А пока... Не ищите с ней встречи. Вы понимаете?

— Я понимаю.

Меня действительно мучила совесть по отношению к Вальке. Но я думал о Лиде. И я думал, что моя любовь может все оправдать. Доктор Кнутов был прав. Я не мог судить себя за любовь. И я не виноват, что не всегда она выбирает тех, кто этого заслуживает. Я все списал на любовь.

Мы больше не ссорились с Лидой, если вообще наши мелкие разногласия можно было назвать ссорами. Я многое в ней не принимал. Но не мог не понимать, что она дитя города, в котором живут по другому уставу. Отклонение от него грозит одиночеством. Что и случилось с моей костюмершей. Этого я Лиде не желал.

В последние дни наша любовь приобрела более яркие и более сумасшедшие краски, передающие дыхание каждого мига, улавливающие чувственность каждого движения. Если бы я был теоретиком любви, я бы назвал ее импрессионизмом.

Однажды я даже привел Лиду на могилу Марианны Кирилловны, ее бабушки. И долго доказывал, что она похоронена именно здесь. На этом пригорке, где мы когда-то с ней подолгу стояли, наблюдая за уходящим за горизонт солнцем. Где я посадил в честь костюмерши маленький куст сирени. Который обязательно расцветет яркими цветами. Но Лида никак не могла уловить и принять мою мысль. Она опровергала все мои доводы, топала от негодования ногами и крутила пальцем у виска.

— Ну же, Данька, я тебе тысячу раз объясняла! — краснела она от возмущения. И становилась еще прекрасней. — Ты словно глухой! Я сама, понимаешь, сама, лично была на похоронах бабушки.

Лида била себя кулачком в грудь.

— Я даже помню, в чем ее хоронила — в черном длинном платье с большим воротом. Когда-то бабушка мне его сама сшила в расчете, что я получу роль молодой вдовы в одном фильме. Нет, ты не думай, я ее получила...

Я слегка зажал рот Лиды ладонью.

— Я не об этом, девочка. Ну, как... Как ты не понимаешь, что человек похоронен не там, где его закапывают. А там, где поселяется его душа, его сердце, где он оставил свои мысли и лучшие воспоминания.

Лида вырвалась из моих цепких рук.

— Человек похоронен там, где его похоронили, где стоит памятник на могиле и куда могут приходиться его родные, чтобы положить букет цветов! — злилась она. — Ну, как же ты не понимаешь! И кто ты, чтобы решать, где должна селиться душа! И тем более — сердце!

— Да, я никто, увы, — я развел руками, признав себя пораженным.

— Фу-у-у, — отдышалась Лида, словно на ринге. — Дурачок ты мой, как вы с ней все-таки похожи. Миру не нужны идеалисты, они ему даже мешают.

— И тебе тоже?

Лида обвила шею мою руками и легко прикоснулась губами к моим губам.

— Только не мне, только не мне, только не мне...

Голова моя закружилась. Я изо всей силы обнял Лиду, и ее тело обмякло в моих объятиях. Я покосился на пригорок, заросший одуванчиками, на молоденький кустик сирени с сочными зелеными листочками, на огненный шар, плывающий за горизонт. И подмигнул просто так, неизвестно кому.

— Я знаю, Марианна Кирилловна, вы здесь, — еле слышно прошептал я.

— Что, что ты сказал, повтори, любимый, повтори, — горячо прошептала Лида в ответ. — Повтори, что меня любишь... Что любишь... Любишь...

И я повторял и повторял снова, что люблю. И веточки сирени колыхались на легком ветру. И моя костюмерша улыбалась мне улыбкой уходящего солнца. Она была совсем рядом...

Последние дни нашей любви с Лидой не просто быстро прошли, даже не промелькнули и не промчались. Они просто слились в один день, одно мгновение яркого и сильного чувства. Не знаю, насколько похожа у людей любовь, но прощание наверняка у всех одинаково. Грусть, слезы и общие воспоминания. Потом грусть проходит, слезы высыхают, а воспоминания стираются. Я, видимо, не единственный, кто так горячо желал, чтобы у нас все было по-другому. Любовь, не похожая ни на какую другую. И расставание. Мне так хотелось, чтобы после нашей разлуки легкая грусть осталась навсегда, слезы до конца не высохли, а по ночам мучили воспоминания. Возможно, я был очень наивен.

Мы встретились с Лидой вечером накануне ее отъезда возле нашего засохшего дуба. И почему-то долго не знали, о чем разговаривать, словно уже наговорились за месяц или просто слишком мало осталось времени для фраз. Любые слова, произнесенные вслух, казались не главными. А главные, наверное, еще не были придуманы. И мы молчали. И молча вслушивались в мертвую, почти пугающую тишину. Я давно не помнил такого безветрия. Ни один листик не шелохнулся на деревьях. Почему-то не пели птицы. И на небе ни одного облачка. Только красные полосы, словно кто-то небрежно провел по небу кистью.

Мы стояли у мертвого дерева и придумывали главные слова. И на ум приходили одни штампы: прощай навсегда, я буду помнить тебя всю жизнь, ты главная любовь моей жизни и все в том же духе. И я уже было попытался одну из этих фраз выдать, как Лида опередила меня:

— Ну что, Данька... Прощай, в общем, навсегда. Но я буду помнить тебя всю жизнь. Потому что ты главная любовь моей жизни...

И штампы в один миг превратились в нежные слова, которые, оказывается, я так ждал. И которые так приятно было услышать. Я крепко обнял Лиду.

— Лида, Лидок, ну скажи, ты можешь все бросить ради меня. Ну, хотя бы попытаться. Как у нас говорят: был бы хлеб да муж, и к лесу привыкнешь.

— Мне не все нравится, что у вас говорят. К тому же, мне хлеба и мужа мало. Впрочем, привыкнуть можно ко всему, если есть хлеб. Даже к городу.

— Ну вот ты и попробуй! Все брось ради меня! И город в том числе! Что это за родина, к которой нужно еще привыкать! — Я споткнулся на слове и опустил взгляд. — Лида, ну попробуй. Ну хотя бы в мечтах.

Я прекрасно знал ответ — она не могла. Это было слишком неправдоподобно. И слишком кинематографично. Я не настаивал. И вряд ли даже мог представить, что может произойти, если бы вдруг Лида осталась здесь. Она, конечно, не превратилась бы в Вальку. Но наверняка превратила бы нашу жизнь в ад. Как когда-то говорила Марианна, каждый живет там, где жить привыкает. И я бы добавил: где ему уготовано жить. Лида никогда не привыкнет, и тем более ей не уготовано здесь остаться.

Она провела холодной ладонью по моей заросшей щеке.

— А ты ради меня можешь все бросить? Не отвечай, я знаю ответ. И даже не могу представить, что случится, если ты уедешь со мной. Конечно, ты не превратился бы в Эдика. Но наверняка превратил бы нашу жизнь в кошмар, тоскуя о своем доме. Так что мы не можем вдвоем ни уехать, ни остаться.

— Как мало, оказывается, мы можем ради друг друга.

— Но у нас был целый месяц. А это уже не мало. И только потом мы поймем — было ли все это настоящее. И стоящее. Хотя так хочется знать теперь.

Лида запрокинула голову вверх, внимательно вглядываясь в засохшие, корявые ветви дуба. И вдруг громко вскрикнула.

— Данька! — Она до боли вцепилась в мою руку. — Данька, этого не может быть! Смотри! Этого быть не может!

Я растерянно мотал головой, не понимая.

— Ну, вон же! Какой ты слепой! Листочки! Ну, посмотри! Такие яркие! Совсем молоденькие! Как зеленые огоньки!

— Ничего не вижу. — Я старательно щурился.

— Ну какой же ты слепой! Слепым нельзя работать лесниками! Я напишу на тебя жалобу! — возбужденно кричала Лида. Она схватила мою руку и подняла ее вверх, по направлению к ветке, где выросла зелень. — Ну же, ну же, видишь?

— Да, точно, вижу, — я недоуменно почесал затылок. — Точно, листочки. Вот это чудо!

— Чудо?! Ты что! Это даже не чудо! Это больше, чем чудо! Так просто не бывает и не может быть!

Конечно, не бывает, я не мог не согласиться с Лидой. Но мне так захотелось, чтобы это случилось. Чтобы та сказка, которую я придумал специально для нее, наконец-то сбылась. Что я еще мог для нее сделать? Только позволить себе этот маленький обман. Накануне я залез на дерево и аккуратно зацепил тонкой проволокой молодые листочки к сухой ветке, чтобы все выглядело правдоподобно. Оставалось главное — правдоподобно сыграть удивление.

— Ну конечно, Данька, я даже не знаю, что думать. Ты сам рассуди, так не бывает. Разве могут на мертвом, совершенно безжизненном дереве вырасти листочки? Сколько их? Раз, два, три... Целых три листочка!

Я хотел и больше прицепить в порыве безбожного вранья и во имя божественной любви, но вовремя остановился. Это выглядело бы совсем глупо.

— Лида, Лидок мой! — Я взял ее руки. — Конечно же так бывает. И было не один раз. Неужели ты не веришь в легенды, не веришь нашим предкам, не веришь, в конце концов, в настоящую любовь?

Лида подозрительно на меня покосилась.

— Вообще-то я больше верю в науку. И в школе проходила биологию. Мертвое не порождает живое. Как мертвого человека невозможно заставить дышать, так и мертвое дерево — зацвести.

— Извини, но у тебя представления какого-то допотопного века! На свете столько непознанных явлений и необъяснимых событий! Если хочешь знать, уже почти доказано, что и мертвого человека можно заставить дышать. Его на определенное время помещают в такую специальную камеру... А тут дерево... Природа вообще — сплошная загадка. Тут одни тайны. И жаль, что их так мало изучают и разгадывают. В основном силы брошены на людей. Все забыли, что природа — первоначальна, а от нее зависит и наша жизнь, и наша смерть. А потому начинать нужно с нее. Потому что именно она может спасти или погубить...

— И все же я не понимаю, — уже менее уверенно пробормотала Лида. Она, похоже, почти верила моим сомнительным гипотезам. Похоже, она разбиралась в науке так же, как и я.

— А зачем тебе понимать? Скажи, зачем? Неужели это так важно? Или ты... Ты просто не веришь в нашу любовь? Ведь ты мне поверила, когда я рассказывал про влюбленных под этим дубом. И про внезапно появившиеся листочки. Значит, ты просто не веришь в нас...

Лида бросилась мне на шею. И стала лихорадочно целовать мое лицо, шею, пытаясь заглушить мои слова.

— Ну конечно, конечно, я верю в нашу любовь. И в эти листочки тоже. Но это означает, что мы должны быть вместе... А это так нереально.

— Кто знает, Лида, что реально в этой жизни, что нет. Нам кажется, что мы расстаемся навсегда, но знать наверняка не можем. И может быть, встретиться окажется гораздо проще, чем мы думаем. Другим же кажется, что они расстанутся всего на час, а получается навеки. Что мы можем знать в этой жизни? Я думаю, что он, — я кивнул на дерево, — знает гораздо больше нашего.

Лида бережно погладила черную скрюченную ветвь старика дуба.

— Спасибо, дружище.

Мне показалось, он слегка покачнулся в легком поклоне. А возможно, просто начался ветер. Зашумели кроны зеленых елей, загалдели наперебой птицы, взбунтовалась водная гладь озера, по небу, как в зеркале, поплыли перистые облака. Мир оживал. Словно после разлуки. Мне все-таки удалось сделать наше прощание не похожим ни на какое другое. И стало немножечко легче.

Говорят, самые тяжелые — это первые недели разлуки. Со мной же все случилось наоборот. Именно первые недели мне жилось довольно легко и беззаботно. Жизнь как-то сразу вошла в свою колею. Хотя в доме еще пахло дорогими духами Лиды, мои губы хранили ее поцелуи и мне казалось, что она вот-вот легко и весело ворвется в мой дом. Я вздрагивал при каждом шорохе и ночами спал беспокойно. Но все же мудро принял неизбежное. У нас был целый месяц любви, а это немало. И разлука не означает, что любовь ушла навсегда. Я верил, что она может вернуться в любое мгновение.

Чижик же откровенно ликовал по поводу отъезда Лиды. Он вновь стал прежним, веселым шустрым псом, с которым мы вновь проводили дни и вечера. Вновь разжигали костер и лакомились печеной картошкой. И все же ликование Чижика было недолгим.

Проходили недели, и у меня все тяжелее становилось на сердце. Я все чаще хмурился и раздражался по каждому поводу. Окончательно замкнулся в себе, все реже заглядывал в деревню, а если меня иногда навещал Мишка, я поскорее его выпроваживал... Потому что вместе с Лидой уехал и я. И Чижик это понял. Он остался один.

Возможно, во всем была виновата осень. Хотя я раньше принимал с благодарностью все времена года и самую разную погоду. Теперь же осень вместе с тучами и дождями нагоняла на меня такую тоску, что впору было завывать. И я вечерами подолгу стоял на крыльце, натянув на лоб капюшон ветровки, прислушиваясь к шуму дождя и крикам птиц. Я физически, до боли чувствовал свое безграничное одиночество. И меня все чаще посещали лукавые мысли: кто сказал, что это и есть моя судьба? Эта сторожка, и этот лес, и этот пес Чижик? Кто сказал, что моими собеседниками могут быть только деревья и птицы, моей женой — деревенская девчонка, а моим гостем — лопухий пацан? Кто это сказал?!

И я все чаще рисовал в своих мыслях другую картину. Картину яркого большого города, переливающегося огнями и гирляндами. Я растворялся в шумной, ликующей, нарядной толпе. Солнце освещало ярко разукрашенные дома и магазины. Картина моя выходила непременно в стиле импрессионизма. И я ей верил. Как верил и в то, что я, сильный и здоровый, закаленный ветром и непогодами, смогу запросто добиться другой, более счастливой судьбы, в большом городе. И моей женой непременно станет красавица Лида. Конечно, придется принять и Эдика. Но, в конце концов, не такой уж он плохой парень. И вполне может стать моим другом. Безусловно, придется еще многое выучить про пуантилизм и модернизм. Но это не так уж сложно. Тем более что про импрессионизм я уже знаю все. А Чижик... Да, черт побери, Чижик! Он привык совсем к другому воздуху и другой жизни. Он, скорее, лесной зверь. К тому же вряд ли Лида станет жить в ухоженной городской квартире вместе с беспородным псом...

Чижик устало приблизился ко мне и виновато лизнул мою руку. К тому же он совсем стар. Вряд ли ему захочется быть похороненным в городе. И я вдруг вспомнил Марианну Кирилловну. Что бы она посоветовала? Мне показалось, что она укоризненно качает головой. Но при чем тут костюмерша? Это моя жизнь. К тому же Марианна Кирилловна может и ошибаться. И я постарался больше о ней не думать. Она сбивала меня с толку, запутывала мои мысли, вселяла сомнение.

Так прошли осень, зима и наступила весна, которой я впервые не обрадовался. Потому что меня здесь уже давно не было. Была моя тень. Машинальные фразы, механические движения. Тени не радуются весне. Хотя именно весна их рождает. И мне уже не хотелось выбегать на крыльцо вместе с Чижиком и кричать на весь лес, приветствуя первый весенний день. Я молча погладил Чижика по загривку и недовольно прищурился от назойливого солнца.

— В городе весной, пожалуй, веселее, — только и выдавил я.

Чижик испуганно забился в темный угол. И жалобно заскулил.

— Прекрати, — сердито прикрикнул я. — Твоего нытья еще не хватало.

Чижик первым понял, что меня здесь давно уже нет. У него было звериное чутье. Он это понял даже раньше меня. В этом доме осталась лишь моя тень. А я все чаще злился. И срывал злость на собаке. Я рисовал Чижиком заманчивые импрессионистские картины большого города и сокрушался, что привязанность к нему мешает осуществлению планов. Чижик ничего не понимал в

импрессионизме. Но насчет долгоиграющих планов он, кажется, понял. И когда однажды вечером я вернулся в сторожку и увидел, что Чижика нет, даже не удивился. Чижик не хотел мне мешать жить дальше, идти тем путем, который я уже выбрал. К тому же собаки не живут с теньями. Им нужен человек. И когда я увидел пустой дом, наполненный мертвой тишиной, то в оцепенении опустился на диван и схватился за голову.

— Чижик, Чижик, — прошептал я пересохшими губами. — Что я наделал, Чижик... Что я наделал...

Черт побери! Я вскочил с места. В конце концов, возможно, я ошибаюсь. Ну конечно. Я не верю, не могу поверить, что мой пес мог меня просто так бросить. Впрочем, разве не я бросил его первым... Нет, я не верю, он где-то рядом, возможно, просто обиделся и решил меня проучить. Нет, это не в духе Чижика. Он не настолько мелочен. Уж чего-чего, а благородства моей собаке не занимать.

Схватив куртку, я бросился из дому. И закричал во весь голос:

— Чижик! Чи-и-и-жик! Чи-и-ижик!!!

Галдели птицы, дурачился ветер, шушукались листья деревьев. Пришла весна. Она была уже не моей. Она существовала где-то в стороне, стучала зелеными ветками в чужие дома, пела скворцом на другом дворе. Словно я не имел к ней никакого отношения.

— Чи-и-ижик!!!

В ответ — пугающее молчание.

Я искал собаку всю ночь, весь день и всю ночь. Я сорвал горло. Исцарапал себе руки о колючие ветви елей. Перед глазамиплыли желтые круги, словно маленькие солнышки. Но ни одно из них не было солнцем. Весь мой зеленый мир словно сговорился, весь мой зеленый мир был против меня. Словно я предал не только Чижика. Словно я предал всех, с кем жил эти годы. Кого любил. И кто так беззаветно любил меня.

В поисках приняли участие все жители Сосновки, весь персонал санатория. Мне даже помогали мои друзья-вертолетчики. Но Чижика никто не нашел. И я понял, что он никогда не вернется.

А потом я словно одеревенел. Я часами лежал на диване, и моя голова была совсем пуста. Именно теперь я должен был принять какое-то решение. Потому поклялся, что если Чижик вернется, то никогда отсюда не уеду. С его уходом я остался совсем один. Это были дни, словно после похорон. А мне так нужны были силы, чтобы жить дальше. Но сил не было. И я понял, что у меня остался лишь один выход. Тем более, это решение созрело еще прошлым летом. Когда я впервые предал Чижика. И теперь его уход открыл все двери в большой мир. Хотя я уже туда не хотел. Но и остаться тоже не мог. Если бы только Чижик вернулся... Я решил ждать еще месяц. Предупредил о своем увольнении начальство, чтобы успели подыскать замену. И часами валялся на койке. Мне не хотелось даже бродить по лесу. Мне казалось, что я стал всем чужим. И все стало для меня чужое.

Поначалу меня пытались утешить, поддержать. Пришел как-то доктор Кнутов. И я, нехотя поднявшись с дивана, пожал ему руку.

— Извините, Андрей Леонидович, но ничем не могу угостить. Я болен.

— Говорят, вы уезжаете.

— Говорят... Но это лишь разговоры. — Не знаю почему, но мне не хотелось, чтобы знали о моем отъезде. Мне этот отъезд напоминал побег.

— Вы совершаете ошибку. Впрочем, не мне об этом судить. И все же... Никогда не спешите. Уехать вы всегда сможете. Уехать легко, вернуться гораздо

сложнее. Как говорится, лес к селу крест, а безлесье неугоже поместье. Вы не выживете в безлесье. Это не про вас.

— Я никуда не уезжаю. Я болен.

— Да, я вижу.

Вид у меня действительно был неважный, хотя я чувствовал себя абсолютно здоровым. Я просто постарел — в один миг.

— Может, нужна моя помощь, лекарства? — Доктор сделал еще один шаг навстречу.

— Нет, спасибо, я лечусь народными средствами, у меня все есть.

— Но тогда, может быть, вам бы помогла Валя? — Кнутов сделал последнюю попытку меня спасти.

— Валенок очень хороший человек, но и она не может помочь, извините.

И доктор Кнутов ушел. Пожалуй, он даже не обиделся за такое гостеприимство. Слишком у меня был жалкий вид, чтобы обижаться. Но больше он не приходил. Отлично поняв, что я никого не хочу видеть.

Вот Мишка это понял не сразу. Он навязчиво пытался помочь своему старшему другу вернуться к жизни. А однажды даже выпалил с порога:

— Данька! Хорошая новость! Наша Ласка родила пять щенят! Такие хорошенькие! Все рыжие, с черными лапками! Пошли, посмотрим!

— Мишка, мне не нужны щенята, — процедил я сквозь зубы. И посмотрел на него так, что он попятился.

— Ну, тогда... Не уезжай, Данька, может, Чижик еще вернется... А если нет... Не переживай так, Данька. Он был такой старый. Он, наверно, специально ушел от тебя, чтобы умереть в другом месте. Ну, в общем, пожалел тебя... А у нашей Ласки щенята такие хорошенькие, пушистые, как меховые клубочки...

— Ты уходи лучше, Мишка, пожалуйста, уходи, — прохрипел я. — Мне никто не нужен, черт побери! Ни твоя Ласка! Ни ее щенки! Ни ты! Ни Чижик! Оставьте меня, ради бога, в покое!

— Ну гляди, Данька, лес по дереву не тужит. И без тебя проживем. А вот ты...

Я медленно поднял на Мишку тяжелый, одеревеневший взгляд. И крепко, до боли сжал кулаки. Мишка наконец все понял. И оставил меня в покое.

Он тоже больше не пришел. И я чувствовал, как круг одиночества замыкается. И скоро, совсем скоро я буду зажат в его безжалостные тиски. Впрочем, возможно, я подсознательно этого и хотел, не оставляя выбора. И сам загонял себя в угол. Чтобы, один раз умерев, наконец-то решиться жить снова.

Однажды ко мне пришла Валька. Я не мог с ней вести себя так холодно, как с Кнутовым, и так бесцеремонно, как с Мишкой. Перед Валькой я был виноват. И не мог грубить с девушке, которая меня так сильно любила. И возможно, будет любить еще очень долго.

— Привет, Валенок! — Я рукой пригладил свои сплывшиеся, спутанные волосы.

Валька огляделась и села на излюбленное место, в уголок дивана, поджав ноги под себя. Я вспомнил, как Чижик радостно встречал ее и лизал ноги, а потом прыгал на диван и клал свою узкую рыжую морду на ее голые коленки. И поморщился от внезапно нахлынувших воспоминаний, как от банальной зубной боли. «Все-таки как примитивен человек. В зубном кабинете он так же страдает, как и от потери близких», — совсем некстати подумал я. И все же мне гораздо больше хотелось оказаться сейчас в зубном кабинете.

Валька огляделась.

— Грустно ты живешь, Данька.

Я промолчал. И, собравшись силами, стал готовить чай. Грязный, заржавевший чайник недовольно запыхтел на плите. Валька оставалась единственным человеком, кто меня еще любил. И эта любовь меня не отпускала и не давала умереть, чтобы начать новую жизнь.

— Ты думаешь, тебе где-то будет лучше? — Валька почесала локоть, измазанный зеленой.

— Опять ты за старое, — пожурил я ее, как прежде. — Все по деревьям лазишь?

— Не-а, это я Чижика искала и свалилась в канаву.

Я застыл с чашками на середине комнаты. Мои руки предательски дрогнули, и горячие капли пролились на пол.

— Не ищи его больше, Валенок. Не ищи.

— Я найду его, точно найду, — пообещала Валька. — Живого или мертвого, но найду.

— Мне не нужен мертвый Чижик. — Я дрожащей рукой разлил чай по чашкам, и по столу расплылась ароматная лужица.

— Тогда я найду живого! — уверенно заявила Валька.

Я сел рядом с ней и взял ее пухлые, почти детские ладошки в свои руки.

— Давай не будем об этом, Валенок. Ты очень хорошая девушка. И очень хорошенькая. Тебе обязательно нужно учиться. И тебя обязательно ждет настоящая, большая любовь.

— Учиться на артистку? — Валька прищурила свои круглые глазки.

Я резко встал и, приблизившись к окну, закурил. Мне так хотелось остаться одному.

— Данька, — тихо окликнула меня девушка. — Ты не будешь с ней счастлив, Данька. Неужели ты не понял, что она совсем другая? Это здесь она подстраивалась под тебя, под Чижика, под наш мир. А там... Там все, все по-другому. Ты там никому не нужен, Даня.

Я резко обернулся.

— Можно подумать, здесь я кому-нибудь нужен.

— А здесь об этом даже думать не нужно. Здесь ты просто можешь жить. Здесь — все твое. И деревья, и звери, и мы. И ты здесь для всех. Здесь ты счастливый, Данька. В лес шел — домой глядел, из лесу шел — в лес глядел. Здесь тебе везде было хорошо. А там... Там ты только и будешь, что на лес оглядываться. Да уже ничего не увидишь. Там ты пропадешь...

— Много ты знаешь! — раздраженно сказал я.

— Может, и не много, но знаю, — вздохнула Валька. — Может случиться так, что там тебя никто не ждет, а когда ты вернешься, и здесь ждать никто не будет.

— Мир огромен, надеюсь, в этом огромном мире и для меня есть маленькое местечко.

— Может, оно и есть. Но найдешь ли ты его? А вдруг, обойдя весь земной шар, ты окажешься на том же месте?

Валька встала и топнула ногой.

— Вот здесь. Но никому уже не будешь нужен.

— Я тогда заведу себе собаку, — горько усмехнулся я. — И назову ее Чижик.

Валька молча направилась к выходу. И я вдруг испугался, что она уйдет, а я останусь совсем один. Круг окончательно замкнется и не останется выхода. Валька была последним шансом, связывающим меня с прошлым.

— Валька, — окликнул я ее.

Она обернулась. И в ее глазах я ничего не прочел. В ее глазах была пустота. Мне даже показалось, что она меня не видит.

— Валька, ты не допила чай.

— Спасибо. Но я больше не хочу.

— На тебе новый сарафан. Он очень красивый. — Я цеплялся за последнюю соломинку. И соломинка медленно ломалась.

— Я его в городе купила. И сегодня надела впервые.

Я приблизился к ней, взял ее за плечи. И заставил смотреть в глаза.

— Валька, что с тобой, ну скажи что-нибудь, ну скажи...

Валька смотрела мне прямо в глаза и меня не видела.

— Знаешь, мне кажется, что сегодня я пришла совсем к другому человеку, совсем незнакомому. А тебя в этом доме уже давно нет. Ты словно ушел с Чижиком. И не вернулся. А главное, как и он, не хочешь возвращаться. Вы уже выбрали для себя другой путь. И вас тоже никто и ничто не может вернуть. Эх, Данечка, Данька...

Валя резко отпрянула от меня. В ее глазах по-прежнему была пустота. И я вдруг понял, что она меня разлюбила. Возможно, того, вчерашнего Даньку она еще любила. Но меня наверняка нет. Я остался совсем один. Железные тиски одиночества сжали меня окончательно. Жить здесь я больше не мог. Это была уже не моя родина, не мои друзья, не мои любимые. И вечером, наспех собравшись, забросив рюкзак за спину, украдкой покинул свой дом.

Я шел по лесной тропинке быстрым шагом, стараясь не оглянуться, чтобы не повернуть назад, чтобы не чувствовать вины перед всеми, кого я сегодня бросал. Бросал навсегда. На секунду мне показалась, что где-то совсем рядом жалобно взывала собака.

— Чижик! — заорал я на весь лес. — Чижик! Ну же, вернись, и я никуда, клянусь, никуда не уеду!

Я вертел головой в темноте, как слепой. Но никого не видел. Я прислушался к звукам леса. Но лишь ветер заунывно выл, словно прощальный гудок парохода, который вез меня в неизвестность. Я крался по поселку, сгорбившись, словно вор, втянув голову в плечи, ускоряя и ускоряя шаг. И все же мне казалось, что изо всех окон на меня смотрят десятки укоризненных пристальных взглядов. Я не выдержал и побежал. Отчаянно, словно пытаюсь умчаться от себя, от своего прошлого, от всех, кто меня так когда-то любил здесь и кого любил я. Я чувствовал себя вором, хотя ничего не украл. Я чувствовал себя виноватым. Хотя ни в чем виноват не был. Я чувствовал себя предателем. Хотя никого не предавал. И все же я где-то совершил ошибку, если не нашел мужества попроситься открыто и с поднятой головой покинуть эти места... Только гораздо позднее я понял, от чего так трусливо бежал. Я бежал от своей судьбы. А судьба никогда не прощает ошибок...

Часть вторая ЛИЦЕДЕЙ

Первое, что меня угнетало в большом городе, это отсутствие солнца. Хотя я приехал туда весной. Даже если оно случайно и появлялось на горизонте — как

чисто физическое явление, — его все равно не было. Оно либо пряталось за небоскребами, либо дымовая завеса от заводских труб закрывала его. И если ему все же какой-то хитростью удавалось вынырнуть и спастись, это было уже не солнце. Просто казалось, что кто-то среди бела дня включил очередной фонарь или рекламная лампочка случайно оторвалась и болтается в небе на проводе.

Но если к отсутствию солнца можно было более-менее привыкнуть, то с состоянием полной ничтожности и ненужности смириться было куда труднее. Эта ненужность витала в прокуренном, пропитанном гарью воздухе. И ощущали ее не только приезжие. Ее ощущали все, даже те, кому посчастливилось здесь родиться.

Главными же гарантиями выживания в этих каменных джунглях были законченный цинизм и полный эгоизм, наплеватьство на чувства и мысли других. Это напоминало марафонский забег, где существовало незыблемое правило — не оглядываться, а только вперед, расталкивая локтями, наступая на ноги, сбивая с ног и не обращая внимания на жертвы. Если на секунду остановишься и пожалеешь упавших, другие безжалостно собьют тебя с ног.

Я так и не смог понять и принять подобные правила... Раньше думал, что сильный и неглупый мужик в любом месте сможет найти свое настоящее дело. Я был очень наивен. Эту природную наивность мегаполис исправлял буквально за пару дней. И я стал не исключением. Хотя не боялся работы и поначалу хватался за любое дело — работал грузчиком на вокзале, рабочим на стройке супермаркета, поваром в какой-то забегаловке, даже умудрился устроиться в Ботанический сад, решив быть поближе к земле. Но и это не принесло счастья. Деньги катастрофически убывали, я задолжал за квартиру и жил практически впроголодь. Там, в лесу, казалось, что я накопил много денег. Слишком много. Да и что там было нужно мне и Чижику? Здесь мне было нужно ровно столько же, но деньги на это исчезали мгновенно...

Так я оказался загнанным в угол. Возвратиться не позволяла гордость, хотя со страшной силой я тосковал по дому. Но возвращение было исключено.

Окончательно же выбило меня из седла даже не это. Однажды я решился позвонить Лиде. Я не мог позвонить ей сразу, поскольку считал, что первым делом должен твердо встать на ноги. Но когда мои иллюзии по поводу быстрого трудоустройства иссякли, а тоска и одиночество окончательно измучили, я почувствовал, что слабею. И уже не противился своей слабости. Вот тогда-то и решился на звонок. И долго придумывал, что сказать необходимо, а что необязательно.

Безусловно, я не стану жаловаться на свое безысходное положение, а то она немедленно бросится на помощь. Мне же не хотелось этого. Я просто скажу, что у меня хорошая работа, хороший заработок, но пока мы пожениться не сможем, поскольку мне еще предстоит окончательно утвердиться. Пару раз отрепетировав пламенную речь, я наконец-то собрался духом.

Прошло почти два года, как мы расстались. Конечно, многое могло измениться. Но то, что она меня любила по-прежнему, я не сомневался. Потому что забыть такую любовь за каких-то жалких два года невозможно. Напротив, она должна была лишь укрепиться, закалиться, что ли. Как у меня.

Лида сразу подняла трубку. И я не удивился. Так и должно быть. Пара лет — такой маленький срок.

— Алло, алло, — повторяла она, пока я от волнения дышал в трубку.

— Лида, — наконец тихо вымолвил я.

В трубке повисло молчание. Не хватало, чтобы она упала в обморок.

— Лидок, Лидка, Лида...

— Алло! Алло! Кто это! Я не понимаю!

Ну и связь в этих городах, словно с другим концом света разговариваешь.

— Лида, Лидок! — Я уже кричал на всякий случай в трубку. — Здравствуй,

Лида!

— Кто это? — ответил более раздраженный голос. — Я не узнаю вас.

У меня неприятно засосало под ложечкой.

— Лида, это же я, Даня. Ты что, с ума сошла? Это же я!

— А, — равнодушно протянула она в ответ. — Да, да... Я, конечно, помню.

Пансионат «Сосновка», кажется? Вы в командировке?

— Угу, — промычал я.

— Очень приятно. Вам, надеюсь, понравилась столица. К сожалению, не смогу с вами сейчас встретиться, у меня много съемочных дней. Но вам желаю счастливого времяпрепровождения.

— А когда? Когда, черт побери, ты сможешь со мной встретиться?!

— Когда? — в трубке послышалось искреннее изумление. — В этом году я буду отдыхать во Франции. В ваши края уже вряд ли загляну. Да и зачем?

— Действительно, зачем? — грубо ответил я. — Надеюсь, во Франции, тоже есть бородатые лесники, а то ведь поездка будет бессмысленной.

В трубке раздались злобные отрывистые гудки, напоминающие лай москьи.

— Дура! — выругался от всей души я в лающую трубку. И схватился за голову.

Меня словно обдало холодным душем. В висках вдруг застучала прежняя, такая спасительная мысль: домой, скорее домой. Туда, где меня ждет верный друг Чижик. Туда, где сторожка утопает в сирени, по ночам поют соловьи и здоровые сильные ели шумят на ветру. Скорее домой.

Я вздрогнул и огляделся. Мне некуда идти. Меня никто не ждет. У меня больше нет дома. Лишь голые стены. Запах автомобильной гари, месиво грязи за мутным окном. И, пожалуй, впервые в жизни я заплакал. Раньше, если бы кто-то сказал, что я буду плакать, то получил бы по морде за такое предположение. А теперь я не стыдился своих слез, а даже упивался ими. Я становился достойным гражданином столицы — мнительным, сломленным, злым...

Вволю поплавав, я пошел и принял холодный душ. Словно хотел смыть с себя всю грязь города. Хотя она плохо смывалась. Но мысли более-менее стали приходить в порядок. И я даже успокоился. Каким-то неестественным показался мне этот телефонный разговор. Черт побери! Так не должно быть! Ну, понимаю, если бы она сказала: «Прости, я полюбила другого», или даже вышла замуж. Но такое напускное равнодушие, словно мы никогда не любили друг друга! В этом не было смысла. Это лишало смысла всю мою жизнь. И мой побег из дома, и мое жалкое существование здесь... Нет, тут что-то не так. Наверняка ей было просто неудобно говорить по телефону. Кто-то стоял рядом. Наверняка из-за этого она теперь мучается...

И я решил встретиться с Лидой во что бы то ни стало. Адрес мне когда-то дала Марианна Кирилловна, и я немедленно поехал туда. Еще не зная, как себя поведу, явившись непрошеным гостем в дом.

Но обстоятельства распорядились иначе. Пока я курил недалеко от ее подъезда, обдумывая предстоящий разговор, дверь широко распахнулась и оттуда выскочила шумная, пестро разодетая компания похожих друг на друга, как две капли воды, Эдиков. В центре которой шла Лида. Я, как и давным-давно, прятался за деревом и наблюдал за чужим праздником. Это была другая Лида.

Там, в ветровке и джинсах, она казалась милой городской девчонкой, слегка избалованной, с распахнутыми удивленными глазами, которые, однако, с восхищением глядели на зеленый обветренный мой мир. Теперь я наблюдал довольно вульгарную девицу в длинном блестящем платье, поверх которого было наброшено меховое манто. Ярко покрашенную, с сигаретой в губах, хихикающую на пошлости клиповых героев... Боже, это ведь ради нее я перечеркнул свою жизнь. Мой побег уже не казался опрометчивым, сумасбродным, отчаянным, а выглядел просто глупым и почти комичным. Таким, что мне самому невольно захотелось расхохотаться во весь голос. Боже, из-за каких пустяков мы готовы ломать судьбу?!

Эдики галантно распахнули дверцу серебристой «вольво» перед Лидой, но я успел схватить девушку за плечо. Лида вскрикнула и оглянулась. Вид у меня был не очень. Обросший, лохматый, в помятой ветровке и резиновых сапогах, я, наверное, произвел на окружающих не самое приятное впечатление. Они не на шутку испугались, приняв меня за бандита или хулигана, и тут же стали отступать. Оставив красавицу наедине с чудовищем. Я бесцеремонно взял ее за руку.

— Нужно поговорить, — отрезал я, сверкнув на нее таким злобным взглядом, что она испугалась. И лишь попросила своих трусливых спутников:

— Подождите, не уезжайте. Я сейчас.

Эдики забрались в машину, захлопнули двери, закрыли окна и отъехали в сторону. Они напоминали килек в консервной банке, правда, уже с изрядным душком.

— Ну, чего тебе? — Лида скривила ярко покрашенные губы. Она уже меня не боялась. Потому что вспомнила, что меня бояться не надо.

Я решил идти до конца, ведь пока любил ее.

— Знаешь, я все бросил ради тебя. И свой дом, и свой лес, и даже свою собаку.

Лида с искренним недоумением смотрела на меня.

— Ты сумасшедший. Какая глупость, более того — тупость. Зачем?

— Ты говорила, что любишь...

Она расхохоталась и покрутила пальцем у виска.

— Так все говорят, когда заводят интрижку. Других слов еще не придумали. А пошлости говорить неудобно. Боже, какой ты дурак. Такой большой — и такой дурак.

— Я ничего, ничего не понимаю! В конце концов, ты же могла тогда быть с Эдиком! Он и красивый, и не дурак!

— Да у меня здесь знаешь сколько Эдиков?! — Лида кивнула на машину, набитую Эдиками. — А там — лес, запах смолы, озеро в кувшинках, ты, как лесной зверь, такой сильный и большой. Какие, к черту, Эдики на свежем воздухе!

Я с откровенным презрением взглянул на нее.

— Лепила факты творческой биографии?

Она пожалала плечами.

— Ну и что? Ни у одной моей подружки не было в любовниках лесника.

Я едва не удержался, чтобы не залепить ей пощечину. Она, такая красивая, юная, стояла передо мной, а я любовался ее голыми плечами, выглядывающими из-под съехавшего мехового манто, выпирающими ключицами, облегающим тонким платьем, длинными пышными волосами. Я изо всей силы пытался любить ее, чтобы как-то оправдать свое пребывание здесь. И сделал еще один шаг навстречу.

— А как же три листочка на мертвом дубе? Они для тебя ничего не значат?

Лида искренне расхохоталась.

— Неужели ты меня принимал за идиотку? Нет, ты и впрямь дурак. Я же прекрасно знала, что ты прицепил их ранним утром специально для меня. Мне Эдик об этом сказал, он сам видел во время утренней пробежки.

— Но почему? Почему ты мне не сказала об этом?

— Господи! — Лида всплеснула руками, унизанными золотыми кольцами. — Ну это же правила игры! Всего лишь! А твои листочки — часть декорации, а наши пламенные слова о любви — сценические диалоги. Неужели непонятно? Хотя, конечно, я не была к тебе равнодушной. Я так просто не могу... Я же не какая-нибудь...

— Именно — какая-нибудь. Точнее — никакая. Я выбрал ничто и в ничто приехал. Так мне и надо.

Лида даже не обиделась. Она по-прежнему недоуменно смотрела на меня. А какой умной мне она казалась там, в лесу!

— Знаешь, поезжай-ка ты домой. Да и своего Чижика ты бросил зря. Возвращайся.

Из машины раздалось нетерпеливое покашливание. Лиде стало неудобно, и она бросила взгляд на мои резиновые грязные сапоги.

— Ну, мне пора! — Она поежилась. — В общем, не принимай все близко к сердцу. Здесь так не принято. Сердца может надолго не хватить.

— Если здесь вообще принято иметь сердце, — усмехнулся я. И осторожно прикоснулся к меховому манто. — Кто это?

— Норка серебристая, — с гордостью ответила Лида. Она даже распрямила плечи. Она вновь осознала свою цену. — Красиво, правда?

Я вновь погладил мягкий мех. Мне показалось, что мои руки прикасались к безжизненному пушистому телу.

— Семейство куньих. Высота тела до 45 сантиметров, длина хвоста до 20. Ценный объект пушного промысла.

— Я не понимаю, — Лида с испугом отпрянула от меня.

— Выделанная шкурка с сохранением волосяного покрова путем жирования.

— Путем чего? — прохрипела она дрожащими губами.

— Жирования, когда в кожу жирующих материалов вводят животные и растительные жиры для придания водостойкости, мягкости и эластичности, — завершил я. И добил слоганом из увиденной недавно в вагоне метро рекламы некоей организации защиты животных: — А смогли бы вы взглянуть в глаза этим животным?..

Лида смотрела на меня как на сумасшедшего. Я, впрочем, ничем от такого не отличался — горящий взгляд в темноте сверкал, губы скривились в презрительной усмешке.

— Все мертвое. Все. И норка, и ваши дома, улицы, и ваше солнце, и Эдики, и ты... Ты особенно, если такое возможно... Я приехал в мертвый город. К мертвым людям. И к мертвой любви. Я по доброй воле закопал себя вместе с вами...

Лида не выдержала и бросилась прочь. Она бежала по мостовой, стуча каблуками. В ночной тишине этот стук напоминал удары сердца на электрокардиографе. Она подвернула ногу, сбросила одну туфлю и все быстрее и быстрее ковыляла к машине. И сердце уже отсчитывало неравномерные удары, как больное. Впрочем, в этом городе не принято иметь сердце. Только возможен вот такой стук каблуков, имитирующих его удары.

Машина резко сорвалась с места и промчалась мимо меня. Как взбесившийся конь, уносящий в ночь наездника, который на полпути непременно сорвется в пропасть.

На следующий день я взял расчет в администрации Ботанического сада. Меня уже не беспокоила жизнь растений в оранжереях, их селекция и генетика. Мне нужно было серьезно подумать, как быть дальше. Жизнь неумолимо проводила свой естественный отбор. И похоже, как и некоторые растения и животные, я оказался непригодным. Не прошел тесты на стойкость, устойчивость и приспособленность. С квартиры меня уже гнали за неуплату. И одной ногой я уже стоял на улице.

Теперь я брел по вечернему городу, месил грязь под ногами и вспоминал свое прошлое, такое чистое и свежее, как родниковая вода на пригорке у сторожки. Вспоминал со всеми мельчайшими подробностями, до сегодняшнего дня, который ненавидел, до последней минуты, в которой кое-как жил.

В кармане лежали скомканные деньги — ими со мной рассчитался Ботанический сад. Впрочем, их не хватало, чтобы уплатить за квартиру. Но было достаточно, чтобы напиться. И хотя бы на вечер забыть о прошлом, настоящем и о том, чего никогда не будет.

Так я забрел в маленький тихий кабачок на углу многолюдного проспекта и примостился у самого крайнего столика. Мне уже принесли вторую бутылку вина, но голова по-прежнему оставалась ясной, словно я вообще не пригубил ни капли. Впрочем, у меня почти никогда не получалось напиться, хотя и пил-то я мало. А если такое внезапно случалось, то я все равно никогда не пьянел, благодаря здоровому образу жизни, который вел на природе. И хотя я уже пару месяцев существовал в совершенно ином экологическом и духовном пространстве, природный иммунитет сохранить удалось. И я трезвым взглядом созерцал картину пьяного вечера. Слушал возбужденные речи о неудачной жизни и позвякивание рюмок, видел нервные жесты и красные лица. И искренне радовался, что пью один. Пожалуй, даже пьяный я не смог бы рассказывать кому-то свою жизнь. Я мог ее только поминать добрым словом и рюмкой тепловатого недорогого вина. В одиночку.

Не знаю почему, но вдруг я обернулся. Может быть, от нечего делать, а может, физически почувствовал на спине чей-то пристальный взгляд. Мужчина за соседним столиком в упор разглядывал меня так, как, пожалуй, минутой раньше мою спину. Он тоже пил в одиночку, но, в отличие от меня, уже был изрядно пьян, хотя бутылок перед ним стояло не больше.

С не меньшим интересом я посмотрел на него и, резко повернувшись, вновь налил себе рюмку. Одного секундного взгляда было достаточно, чтобы понять, что этого человека я знаю. Более того, мне даже показалось, что я с ним очень близко знаком. «Но этого не может быть!» — пробормотал я себе под нос. Похоже, вино все-таки возымело свое действие. Хотя я готов был дать руку на отсечение, что мы раньше встречались. Но как и где? На лесной тропе его встретить я точно не мог. А здесь никого вообще практически не знал, разве что парочку рабочих-грузчиков, парочку поваров, нескольких работниц из Ботанического, одного ученого и одну квартирную хозяйку. На этом, пожалуй, статистика моих столичных знакомств заканчивалась. К тому же мужчина — явно из другого круга, в который я не был вхож и наверняка уже никогда не буду. Даже странно, что он пьет в одиночку в такой сомнительной забегаловке. Дорогой белый костюм, черная широкополая шляпа, серый блестящий галстук. Этакий

денди, случайно завернувший не на ту улочку и попавший не в тот ресторан. Но лицо... Господи, где я мог видеть это лицо? Эти черные глубокие глаза, эти широкие скулы, этот прямой нос и слегка выдающийся вперед подбородок. Может, он отдыхал в нашем пансионате? Нет, нет — категорично покачал головой я сам себе. Я вновь налил себе рюмку и залпом выпил, словно надеялся избавиться от назойливых воспоминаний. Или, напротив, все вспомнить в один миг с одним глотком теплого вина. Но так и не вспомнил. А мужчина продолжал сверлить мою спину взглядом. Я расстегнул куртку, хотя в кабачке было довольно холодно, к тому же из окна прямо в лицо дул пронзительный весенний ветер... Я полез в карман и нащупал там две последние десятки. Что ж, пора, пора. Ничто не способно так быстро выгнать из кабака, как деньги. Вернее, их отсутствие. Столько потратил, чтобы забыть и забыться! И все без толку. От воспоминаний никогда не откупиться. Равно как и не выкупить прошлое.

Я наглухо застегнул ветровку, набросил на голову капюшон и вдруг заметил, как мимо меня, слегка пошатываясь, прошел тот мужчина в белом костюме и черной шляпе. Решив немного подождать, пока он уйдет, я наполнил рюмку оставшимся вином. Не знаю почему, но выходить одновременно с ним мне не хотелось. Хотя мы и были одного роста, рядом с ним я вдруг почувствовал себя каким-то лилипутом. Черт побери, вот еще одна черта, формируемая мегаполисом, — комплексы по поводу собственной несостоятельности. Там, на природе, у меня и мысли бы такой не возникло. И высокие сосны, и кривые маленькие кустики, и уродливые жучки, и красивые птицы, и я — мы все были частью одного мира. Находясь под одним небом, мы дополняли друг друга и друг друга любили. Боже, что со мной сделали?! Вернее, что я позволил сделать с собой?..

Я медленно поднялся, закурил папиросу и огляделся. Кафе было совершенно пустое. Я был последним посетителем. На спинке стула у столика, за которым сидел неизвестный наблюдатель, лежало темно-синее дорожное пальто.

— Вот шляпа! — раздраженно выдохнул я и, схватив пальто, выскочил на улицу.

Я бегал взад-вперед, разыскивая человека в белом костюме, расспрашивал прохожих, но все безрезультатно. Разве можно разыскать иголку в стоге сена? Он растворился в толпе или, скорее всего, умчался на шикарном автомобиле. И мне ничего не оставалось, как вернуться и оставить пальто в кафе. Но кабачок к моему приходу уже закрылся. Я растерянно стоял на углу проспекта возле забегаловки с круглыми окнами, напоминающими пустые глаза. И озираясь по сторонам — вдруг человек в белом костюме вернется? Но он не вернулся.

Потеряв всякую надежду, я понуро побрел домой. В конце концов, отдать хорошую вещь никогда не поздно. Потерянному обрадуются в любое время суток. И я решил подождать до утра.

Дома было очень холодно. Отопление уже отключили по случаю прихода весны. Хотя весна так и не наступила. Я сидел в комнате на тахте и при свете маленькой тусклой лампочки прикуривал одну папиросу от другой. Завтра должна явиться квартирная хозяйка, а в моем кармане валялись всего две помятые десятки. И я размышлял, какой бы найти веский предлог, чтобы еще на неделю задержаться здесь. Но ничего стоящего придумать не мог. От холода я накинул пальто незнакомца. Оно было теплое и мягкое. Я взглянул в зеркало. Пальто было впору, словно по мне шито. И вообще могло быть к лицу, если бы не лицо. Заросшее черной бородой, хмурое, с синяками под глазами и со взлохмаченными длинными волосами. Да, моя физиономия оставляла желать лучшего.

Я опустил озябшие руки в карманы, и по телу пробежала нервная дрожь. В одном из карманов оказалось кожаное портмоне, а в другом — нераспечатанная пачка «Парламента». Я бросил портмоне на диван, подальше от искушения. Оно было чужое. Но сигарету взял с чистой совестью и закурил. Нет, я должен заглянуть в бумажник, в конце концов, там, возможно, есть визитная карточка знакомого незнакомца. Что может упростить дело. Я даже сейчас мог бы позвонить ему и успокоить. Ведь он наверняка волнуется из-за потери.

Более не раздумывая, я заглянул в чужой бумажник. Итак, паспорт и деньги — целая пачка долларов. Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь... Я пересчитывал сотенные купюры и в конце концов сбился со счета. Руки слегка дрожали, мысли путались. А ведь раньше я был так равнодушен к деньгам. Нет, я и сейчас к ним равнодушен. Но когда одной ногой оказываешься на улице, да еще в такой холод, да еще с дырами в кармане... Стоп. Я не имею права себя жалеть. Жалость — плохой попутчик, который может завести не на ту дорожку. И последний кров неудачников.

Я небрежно бросил деньги на тахту и открыл паспорт. Это он, только без шляпы. Стриженный налысо, по последней моде. И в том же белом костюме. Неглинов Ростислав Евгеньевич. Это имя мне ни о чем не говорило. На год старше меня. И его адрес... Сегодня уже поздно ехать к нему даже с добрыми новостями. А телефон в паспорте не указывают. Так что остается подождать утра. Под кожаной обложкой паспорта я нащупал несколько чужих визиток. Как положено — фамилии, телефоны каких-то фирм, продюсеров. Но не звонить же сейчас незнакомым людям, требуя номер телефона Неглинова. Ничего, подождет до утра. Подождет. Не раздеваясь, я устало рухнул на тахту и заснул как мертвый. Чтобы завтра родиться вновь.

Утром меня разбудил настойчивый звонок в дверь, звук которого напоминал бормашину. Я поморщился, машинально схватившись за щеку, словно у меня разболелся зуб.

На пороге стояла квартирная хозяйка, вызывающе уперев руки в бока.

— Так-так, — она презрительно оглядела меня с ног до головы. — Говорили же мне, дуре, — не сдавай комнаты этим лимитчикам! Понаехали в столицу, окаянные! Житья от вас нету! Коренному москвичу и пройти негде!

Я ответил ей не менее презрительным взглядом. Это она-то коренная! Кому бы рассказывала! Человек неопределенного возраста с неопределенным расплывшимся лицом. Можно дать и тридцать пять, а можно — и все пятьдесят. Словно вылепленная из теста, и то плохим пекарем.

— Что-то не встречал коренных с волжским акцентом, — огрызнулся я.

Она задохнулась, не находя слов, и замахала толстыми руками, как крыльями, сделанными из некачественного папье-маше.

— Если... Если вы мне сейчас же не заплатите, я напущу на вас милицию! И так за два месяца задолжали!

— Ага, напустите. И милиция сейчас же бросится на меня, делать ей больше нечего. К тому же я скажу, что вы моя давняя знакомая, задолжали мне деньги, а теперь пытаетесь выкрутиться. Конечно, если дождусь милиции. Скорее всего, меня через пять минут уже здесь не будет. Вот так, милая. Кстати, вы читали «Преступление и наказание»? Помните, что случилось со старухой-процентщицей?

Хозяйка изменилась в лице, ее словно перекосило, и она медленно попятилась к двери. А я так же медленно на нее наступал.

Стоп, Данька. Я резко остановился и перевел дух. Вообще-то мне давно уже казалось, что это не я. Говорю не своими фразами и думаю не своими мыслями. Я же совсем другой, совсем — рожденный на свежем воздухе, влюбленный в природу, закаленный ветром, у меня здоровое тело и здоровые мысли. Как редко я стал об этом вспоминать. Стоп, Данька, стоп.

— Да пошутил я, чего вы так перепугались, — я махнул рукой. И словно в знак прощения вытащил из бумажника несколько стодолларовых бумажек. — Так сколько, говорите, я вам должен?

Старуха-процентщица от удивления проглотила язык. И вмиг перестала меня бояться. А лишь жадным взглядом смотрела, как я кладу назад в бумажник пачку денег. Наконец, придя в себя, она дрожащим голосом назвала сумму. Но никакой страх не помешал ей вовремя сориентироваться и назвать гораздо большую сумму долга. Я не стал торговаться и молча протянул ей деньги. Потом вытащил еще.

— А это я мог бы заплатить за два месяца вперед. Да вряд ли мне понадобится эта ночлежка, — я помахал пачкой зелененьких перед картофельным носом хозяйки и тут же спрятал.

— Спа-спа-спасибо, — пролепетала она, проглотив слюну, и, покрасневшись, как помидор, тут же дрожащими руками сунула квартплату в цветную сумку. Словно я мог передумать и забрать деньги назад. — А вы зря меня обижаете, называете мой уютный домик ночлежкой. Живите тут, ради бога, я-то что? Сразу видно, вы человек хороший, благородный, не какой-нибудь там... Надеюсь, вам удобно, если хотите, я могу тумбочку принести.

Она, видимо, собиралась рассыпаться в любезностях еще долго, и я ее перебил:

— Ничего мне не нужно. А что нужно — куплю. Мы с вами рассчитались, и в вашем благородном притоне мне теперь делать нечего. А там будет видно...

— Ага, видно. Ну да, конечно, вы теперь человек солидный...

Как можно любезнее я выпроводил ее за дверь.

Теперь мне нужно было все хорошенько обдумать и взвесить. Я предчувствовал новый поворот в судьбе. Только что будет за этим поворотом, знать не мог. Да пока и не хотел. Но главное — я смог рассчитаться за квартиру. Правда, чужими деньгами. Но парень, видно, богатый и, как мне показалось, не жлоб. Хотя и денди. Возможно, я смогу с ним договориться. В конце концов, денежные знаки тоже могут быть знаками судьбы. Как это ни прозаично звучит. Но, чтобы договориться, мне придется одолжить у этого парня еще сотню-другую. Семь бед — один ответ.

Потому, быстро собрав немногочисленные вещи и долго не раздумывая, я выскочил на улицу. Какое счастливое совпадение — вслед за мной выскочило и солнце. Сегодня началась весна, которую я так долго ждал. Разве это тоже — не знак судьбы? Только более поэтичный. И на душе у меня стало легче.

Вскоре я уверенно шагал по городу, перебросив через плечо чужое пальто и торжественно держа в руках широкополую шляпу. Это был я, Даня из Сосновки, но сам себя вряд ли бы узнал, если бы случайно столкнулся на улице. Я заглянул в зеркальную витрину супермаркета. Там отразился чужой человек, кого-то сильно напоминающий. Красивый, уверенный в себе. Дорогой светлый костюм, черная рубашка, серебристый галстук. Бритое гладкое лицо и бритая голова — по последней моде. Конечно, я нахально содрал стиль у вчерашнего незнакомца, лицо которого мне показалось до боли знакомым, но так и не вспомнил, где с ним

встречался. Сам я не умел одеваться, и поэтому копирование чужого образа было вполне оправданно. Тем более для парня из лесного поселка.

Я шел по адресу, указанному в чужом паспорте. Но там никого не оказалось, и это меня несколько озадачило. Нет, мне сейчас же нужно все вернуть. Не хватало, чтобы меня начала искать милиция. Я вытащил первую попавшуюся визитку и внимательно вчитался в нее. Разыскав таксофон, набрал номер. Женский мягкий голос ответил, что Ростислава Неглинова ждут с минуту на минуту.

— Извините, мы договорились с ним встретиться, вы не подскажете, как мне к вам добраться? — Я говорил весьма любезно, как и требовал мой костюм.

Через полчаса я был на месте. Безусловно, киностудия. Где еще может работать парень с таким выразительным лицом? И как я сразу не догадался, что видел его по телевизору?! Я подошел к бюро пропусков, раздумывая, кто бы мне мог выписать пропуск. Хотя, зачем? Неглинов сам спустится за бумажником, стоит лишь позвонить. И едва набрав номер, я почувствовал сильный хлопок по плечу.

— Ну ты, Ростик, и сволочь порядочная! Задержал съемки на полчаса, а мне, между прочим, потом выплачивать неустойку! Вот скотина, опять, что ли, запил?..

Я оглянулся, пытаюсь что-либо возразить. Но толстый маленький человек с залысиной на макушке не дал и рта раскрыть. Он потащил меня за руку, по пути изливая поток брани.

— Да, выглядишь неважно, но, слава богу, хоть трезвый, скотина! Такие бабки не каждый день в лапы текут. Да еще на халяву! Подумаешь, выдавить пару фраз... Между прочим, я тебя, чертяка, пристроил, так ты еще и подводишь друга, подлюга! Кстати, костюмчик — отпад! — Лысый бесцеремонно пощупал светлую ткань уже в лифте, уносящем нас куда-то вверх. — Может, в нем и снимем твою наглую рожу, а? (Он тоненько захихикал.) И дешевле обойдется, на фига нам еще платить за прокат всякого тряпья, а? Ну чего язык проглотил? От пьянки очухаться никак не можешь?..

Меня определенно путали с актером Неглиновым... И тут меня осенило! Вот почему мне до боли знакомым показалось его лицо, хотя я с ним знаком не был!

Лифт плавно затормозил. И мне показалось, что я стал ближе к небесам. Особенно тогда, когда на меня, уже загримированного и отутюженного, навели юпитеры, и они ударили мощным световым потоком в лицо. Мне показалось, что я на исповеди у Всевышнего, но — на электрическом стуле. Правда, очень скоро мои иллюзии растворились в огромном загроможденном пространстве, среди непонятной аппаратуры и галдящей, как на базаре, толпы. Я просто внимательно прочитал текст, который нужно произнести.

— Ну же, Ростик, поехали! — закричал лысый, имени которого я так и не узнал.

И я пробормотал что-то типа того, что если вы не купите банку этого замечательного кофе, то вся ваша жалкая жизнь покатится к черту. От вас отвернутся все родные и близкие. У вас не случится любовь. И т. д. При этом мне нужно было давиться какой-то коричневой бурдой. Наконец я не выдержал и, вскочив с места, послал всех, включая кофе, к черту.

— Сам ты пошел к черту! — заорал лысый, силой усаживая меня на место. — Где твоя хваленая дикция, где твоя наглая ухмылка, от которой сходят с ума все бабы, где твои эстетские жесты?!

Меня уже мутило от кофе, и я резко поднялся с электрического стула.

— Все! Хватит! — отрезал решительно я.

И тут же собрался силами, чтобы наконец все объяснить. Что я такой же Ростик, как лысый — Ален Делон, что я жду настоящего Ростислава Неглинова по важному делу и куда, в конце концов, он запропастился?! Но Лысый не дал мне и рта раскрыть:

— Вот, Ростик, вот! Прекрасно! Давай в том же духе. Ух, какой решительный взгляд, да после такого взгляда я и сам бы заглотнул с пол-литра этого пойла. Давай, Ростик! За пару тысяч баксов сострять такую чушь!

У меня перехватило дыхание. За пару тысяч баксов! Действительно, можно сделать любую белиберду... Через полчаса реклама кофе была снята, со мной в главной роли. Ростислав так и не появился. Я стал нервничать. Взял чужие деньги, чужое пальто, теперь еще чужую роль. Это не к добру. Нет, я смогу ему все объяснить. Более того, я готов отдать все эти деньги Ростиславу, разве что оставлю себе немного на первое время. В конце концов, не все ли равно, кто снялся в этой пошлой рекламе? Я, к тому же, старался.

Наконец, решив незаметно смыться, пока не разоблачили, я двинулся к выходу. Но с лысым этот номер не прошел. Он вцепился в меня мертвой хваткой и настойчиво потребовал пропустить по рюмочке. Слава богу, я мимоходом узнал, что лысый — режиссер клипов и реклам, а зовут его Лютик, от звучного имени Люциан.

Мы сидели в маленьком уютном кафе киностудии. Я нетерпеливо поглядывал на часы. В кафе было мало народу, но благодаря Лютику казалось, что оно переполнено. Он орал во весь голос, размахивал руками, видимо, стараясь привлечь к себе внимание. Мне же внимание окружающих в данный момент было нужно меньше всего.

— Ну, Ростя, я чертовски рад, что ты наконец-то приходишь в норму! — Лютик залпом выпил уже третью рюмку. — Мы теперь свернем горы! Да ты верь мне, чудище, верь! Я парень не промах, ты знаешь! Сейчас в каком-нибудь сериальчике подсуеетимся! Не нужен нам берег далекий, Бразилия нам не нужна! — гнусаво пропел Лютик, перефразируя известную песню. — Наше кино, оно роднее! Выгорит, я уверен! Ты только не пропадай! А то тоже выдумал! Руки на себя наложить! Да кто сейчас на себя руки-то накладывает! Скорее уж на другого!

Я молча выпил за здоровье Ростика. Оказывается, этот парень хотел покончить с собой. Еще не хватало впутаться в криминальную историю. Надеюсь, он жив и здоров. И я еще раз, на всякий случай, осушил рюмку за его благополучную жизнь.

— Нет, ну сам посуди! — не унимался Лютик. — При твоей-то внешности! Бабы от тебя млеют! Ну подумаешь, от тебя ушла Вика! Так вернется! Уж я-то уверен, что она от тебя без ума. А не вернется — черт с ней! Если честно, она мне не очень-то нравилась. Слишком умная. А на черта тебе умные бабы! Они принижают нас как-то, согласен? Ты даже ей и прихвастнуть не мог, все просекала, чертовка! А где ей было выдержать твой темп жизни! Кто она вообще такая? А ты... Ты человек из богемы! Тебе понимание нужно.

У Лютика в глазах промелькнули пьяные слезы. А я на всякий случай выпил за Вику. Она все же жена Ростислава и, как оказалось, сильно любит его.

— Да черт с Викой, вот Любашка — это высший класс! — Лютик пошленько хихикнул. — Я тебе, чертяка, завидую. И тоже в тебя влюблена, как кошка. И сама такая мягенькая, пушистая! И главное — ценит тебя! Слышишь — это главное! Раскрыв рот слушает, хоть ты, извини, брат иногда такую чушь мелешь!

Я выпил и за Любашу. Все же она, похоже, неплохая девчонка. И Ростислава тоже любит. Мне уже казалось, что я сам скоро влюблюсь в этого парня.

Лютик скривился.

— А ты... Жизнь, видите ли, ему надоела! А кому, положи на сердце руку, она не надоела?! Думаешь, я с такой уж охотой живу? Думаешь, я с охотой встаю ни свет ни заря, потом кланяюсь перед всякими недоумками, чтобы добыть денег на дрянной ролик, думаешь, мне охота думать, соображать, а потом плестись уставшим, как черт, домой за полночь? Пожалуй, единственное в жизни, что я делаю с удовольствием, — это сплю. А что прикажете делать? Ну подумаешь, снимаешься не там, где хочется. А кто сейчас делает то, что хочется? Пожалуй, лишь идиоты. Им все равно, что делать. Думаешь, мне охота этой дребеденью заниматься? Но я твердо усвоил одно: жизнь — это обязанность. Или, точнее, приказ. И мы жить просто обязаны. А если не выполнили этот приказ — трибунал. И бесчестие. Вот ты хочешь бесчестия? К тому же жизнь не проходит даром. Иногда за нее платят. Вот ты, к примеру, за пару каких-то жалких годков вон как устроился! И мотор, и квартира! И на фига это высокое кино, ну скажи, на фига? Развлечение для бедных, но умных. А нам с тобой ни то ни другое ни к чему! У нас с тобой теперь другие развлечения!

Я по-прежнему упорно молчал. Упрощало мое молчанье то, что Лютик сам любил выступать и, похоже, обижался, если это делали другие. И я, как губка, молча впитывал в себя избранные места из биографии Ростика. Я еще не понимал, насколько хорош этот парень, но, наверное, не самый худший в этом мире. И с ним можно договориться.

— Ты чего все время молчишь, Ростя? — Лютик наконец, преодолев себя, на секунду замолк. И с интересом на меня посмотрел. — Ну, молчание, брат, тебе к лицу. Интересней лицо стало, это факт. А то раньше болтал без дела. Умничал без особой нужды. У тебя даже голос лучше стал, как пить бросил. Чище, что ли... Да, хорошо, что ты бросил. Теперь мы горы свернем.

На столе красовался уже пустой графин. Интересно, сколько же раньше пил Ростик, если это называется «бросил пить». Я решил воспользоваться моментом и откашлялся. И постарался сказать чуть осипшим голосом:

— В общем, я действительно бросил. Так что на этом и остановимся.

— Да ладно тебе, — захохотал Лютик. — Сегодня бросил, завтра начал — делов-то! Но без последнего тостяры я тебя не выпущу! — И Лютик шутливо вцепился своими толстыми пальцами в мои плечи.

— За нашу жизнь, — выдохнул низким голосом я. Не знаю, сказал бы это Ростик, но Лютику тост понравился.

— Вот это дело! За нашу смерть выпьют другие. И думаю, не без удовольствия! — Он громко расхохотался и щелкнул пальцами, подзвав официанта.

Когда тот сообщил сумму, Лютик вопросительно уставился на меня. Я не мог знать, что оплачивать этот маленький банкет обязан я — по статусу. Не режиссер же. Но тут интуиция меня не подвела. И я без зазрения совести вытащил деньги Ростика. Ведь мне за него пришлось отдуваться с Лютиком. К тому же я вовремя остановился. Ростика бы это вряд ли удалось, и он потерял бы гораздо больше.

Пока я пробирался к выходу, со мной несколько раз поздоровались. Кто-то даже пытался остановиться, но я, сославшись на плохое самочувствие, втянув голову в плечи и подняв воротник пальто, выскочил на улицу. И почувствовал

себя гораздо свободнее. На улице до меня никому не было дела, да и за Ростика уже никто не принимал. И я напрямик направился по его адресу. Мне срочно нужно было встретиться с этим парнем. К тому же я порядком от него устал за день.

Уже вечерело, когда я добрался до нужного места. Утром я не смог рассмотреть район, где жил Ростик, поскольку спешил с ним встретиться. Сейчас мне спешить было некуда. Более того, я понимал, что с ночлегом у меня напряженка. Из-за непредсказуемых обстоятельств я потерял день, а жилье не нашел. Конечно, можно было вернуться на старую квартиру, но ключи я уже отдал и не был уверен, что хозяйка окажется дома. Поэтому, имея в запасе уйму времени (возможно, всю ночь), медленным шагом я брел по аллее, ведущей напрямик к дому Ростика. Район был новый, но плотно усаженный деревьями. И хотя на ветвях виднелись только набухшие почки, запах весны ударял в голову вместе с выпитым коньяком.

Я стоял возле высокой железной двери, обитой коричневой кожей, и беспрерывно трезвонил в дверь. Но никто не открывал. Куда мог задеваться Ростик, ведь он даже не явился на съемки? Хотя, возможно, он пришел туда к вечеру и вот-вот вернется домой. Я устроился на лавочке в аллее, укутавшись в его пальто. И терпеливо ждал, тем более что с этого места хорошо просматривался подъезд.

В одиннадцать он так и не появился. Из подъезда выбежала совсем юная девушка в желтом беретике и желтом шарфике, переброшенном через воротник коротенького пальто. Впереди нее бежала огромная овчарка в наморднике.

— Джерри, назад! Назад, Джерри! — кричала звонким голосом девушка. Но овчарка уже терлась о мои колени, пытаюсь избавиться от намордника.

— Фу! — Девушка схватила собаку за ошейник. — Извините, он ужасно наглый пес.

Я улыбнулся.

— Собаки не бывают наглыми. Разве что их хозяева.

Девушка надула щечки, приняв замечание на свой счет.

— Но это, милая, не про вас, — тут же поспешил я ее успокоить. И она тут же успокоилась, во все глаза уставившись на меня. И в ее взгляде я уловил нечто знакомое... Что-то до боли родное. Ну конечно. Так на меня смотрела Валька. С обожанием, с каким-то восторгом. А Валька была в меня так влюблена.

— Ростислав Евгеньевич, — дрожащим голосом пролепетала девушка, — зачем вы здесь сидите? Так холодно, ведь еще не лето.

Безусловно, меня вновь приняли за другого. Которого к тому же откровенно любили. Я зябко повел плечами.

— Да так... Жду одного человека. А его все нет и нет...

— Она не придет. — Девушка достала из пальто ключи и протянула мне. — Она просила мне передать это. И еще... Что она не придет. Но мне так не кажется.

Похоже, девчонка имела в виду мою жену. Черт побери, конечно же жену Ростика. Так... Как же ее звали? Имя какое-то отрывистое, напоминающее воробьиный щебет. Ах да! Ви-ка, Вика.

Девушка все стояла с протянутой рукой, сжимая в ладошке связку ключей.

— Мне это Вика передала? — как можно небрежнее уточнил я, чтобы наверняка знать.

— А кто же еще?

Я взял ключи, лихорадочно придумывая слова для подобной сцены.

— Ну что ж, — наконец выдал я. — Значит, так и нужно. Хотя это и больно... Но если она так решила...

— А я думала, это решили вы...

— Что ты... Много ты понимаешь... Что ты... — я запнулся, пытаюсь припомнить имя второй девушки, влюбленной в Ростика, чтобы убить двух зайцев сразу, чтобы знать наверняка. Люба! Мягкая, податливая, нежная. Конечно, Любаша! От слова «любовь». И я рискнул произнести это имя вслух. — Ты еще так молода, Любаша!

На этот раз я дал промах.

— Я не Любаша! — Девушка откровенно обиделась и за помощью обратилась к собаке: — Джерри! Джерри! Домой!

Но Джерри и ухом не повел. Он и впрямь был нагловатым псом. А я взял девушку за руку, чтобы загладить вину. В конце концов, я не знал, что у Ростика было столько влюбленных в него девушек. Мне, например, и одной хватило бы с лихвой. Как он, бедный, выкручивался?

— Ну же, не обижайтесь, у меня сегодня был такой трудный день. Ответственные съемки, потом мы выпили...

— Почему я должна обижаться? — Девушка осторожно освободила руку. — Вы и не должны запоминать мое имя. Кто я такая? Вы же ни с кем из соседей не общаетесь. Это все ваша жена...

— Да. Она очень умная женщина. — Я вспомнил, что говорил о жене Лютик.

— При чем тут — умная, — девушка пожалала плечами. — Она просто хорошая.

— Все хорошие люди умны. Потому что не наживают врагов.

— А вы... И умный, и хороший, но мне кажется, что у вас много врагов.

Этого я еще знать не мог. И поэтому загадочно улыбнулся в ответ девушке. Мне так хотелось узнать ее имя. И мое желание незамедлительно исполнилось.

— Рита! Рита! Домой! — услышал я властный женский голос. Он раздавался с третьего этажа. Оказывается, мы еще соседи по лестничной площадке. Это усложняло задачу. Иметь соседкой девчонку, беззаветно влюбленную в тебя... И я поймал себя на мысли, что уже начинаю привыкать к тому, что здесь живу.

Я подождал, пока Рита и Джерри убегут домой, и минут через десять поднялся на третий этаж. Мне нужно было разобраться со связкой ключей без свидетелей.

Наконец, разыскав нужный, я попал в квартиру. В чужую квартиру. Чужого человека. С чужими соседями. Я нащупал выключатель. Вспыхнул яркий свет, осветив огромную прихожую, в которой уместились и кожаный диван, и фикус, и книжные стеллажи. Вообще-то она напоминала приемную офиса. Похоже, у Ростика не все в порядке со вкусом. Хотя мне на данный момент плевать было на все вкусы, поскольку я валился с ног от усталости. И смог разве что оценить большую белоснежную ванную комнату, нежась в джакузи, полной душистой пены. Я вспоминал о своей сторожке. И впервые вспоминал без острой тоски. Мне вдруг подумалось, что калитка моего дома захлопнулась перед моим носом, причем навсегда. И я никогда не смогу подобрать к ней ключи...

Ростик не появился ни ночью, ни следующим утром. Я пил кофе с миндальным печеньем на его уютной кухне и пытался сообразить, что делать дальше. И ничего умнее не придумал, как просто ждать. В конце концов когда-нибудь он должен появиться на пороге родного дома. В самоубийство этого парня

я просто не мог поверить. С такой квартирой, такой работой и таким выразительным лицом не накладывают на себя руки. И я успокоил свою совесть тем, будто просто снимаю у него квартиру. Деньги я уже заработал на рекламе. И смогу полностью с ним рассчитаться. К тому же за квартирой нужно приглядывать. Она была богато (по моим меркам) обставлена, а во всех углах стояли комнатные растения, которым нужен обильный полив, особенно весной. Мне даже показалось, что я в оранжерее Ботанического сада. В моем распоряжении также оказались книги, телевизор, видеомаягнитофон, компьютер. Убить время здесь можно было спокойно.

И все же на первых порах я решил его не убивать, ожидая явления Ростика. Это было несправедливо ни к нему, ни к своей жизни, в которой мне еще предстояло найти собственный путь. Не мог же я вот так просто следовать по дороге Ростика, на которой он умудрился затеряться. Где-то же он должен, в конце концов, быть! И я вновь принялся внимательно рассматривать визитки. Но этот просмотр ничего нового не дал. Деловые телефоны деловых людей. Вряд ли он мог у них прятаться. У жены тоже его быть не могло, поскольку она даже вернула ключи. Остается некая незнакомая Любаша. Судя по словам Лютика, она не очень умна, довольно красива и достаточно доверчива. И если Ростик у нее не прячется, она единственная, кто может поверить в мою историю и не подвести под нее криминал.

Телефон Любаши я, как ни странно, обнаружил в блокноте жены Ростика, который, по всей видимости, она еще не успела забрать. Тут же набрал номер и услышал веселый тоненький голосок.

— Алле! — прозвучало точно как «мяу».

— Люба, — официально начал я, но меня тут же прервали.

— Котик, солнышко, Росточек мой, как хорошо, что ты позвонил! Я так за тебя боялась! Скажи, что все хорошо, ну же, скажи, миленький!

На такие жалобные просьбы у меня не хватило духу ответить отрицательно. И я, откашлявшись, выдавил:

— Все хорошо.

— Я так и знала, Росточек, так и знала. Мне сейчас же нужно с тобой повидаться! Приезжай, солнышко, поскорее.

Я понятия не имел, куда ехать, и мне пришлось пригласить Любашу к себе. Не мог же я такой серьезный разговор вести по телефону. В ответ послышался набор сюсюканья, улюлюканья, оханья. Я даже вспотел.

— Боженька, миленький, ты решился. А как же твоя жена, я так ее боюсь. Может, вот так сразу не следует, или ты уже объяснился? Как хорошо, если это так. Я конечно же приеду. Я давно хотела узнать, как ты живешь, чем дышишь, любимый, но она точно не заявится? А то...

— Она не заявится, — довольно резко ответил я. — Через сколько ты будешь?

Любаша приехала через сорок минут. И я в очередной раз удивился Ростикку. Право, его окружают исключительно хорошенькие женщины. Едва я открыл дверь, Любаша вихрем ворвалась в квартиру и буквально бросилась мне на шею. Я еле оторвал ее от себя, но так и не смог вымолвить ни слова. Она порхала по квартире, как дневная бабочка, нюхая цветы, разглядывая фигурки, статуэтки, салфеточки. Такая яркая, слегка нелепая, она тараторила без умолку. И я даже на миг ею залюбовался. Беленькая, маленькая, пухленькая, кудрявая, с распахнутыми синими глазами и чувственным ртом. Ей разве что не хватало крылышек, как ангелочку. Хотя вряд ли она была ангелом в действительности.

— Ой, я знаю, это гардении. — Любаша уткнула круглую мордочку в белые махровые цветы. — Ой, а листики пожелтели. Твоя жена плохо за ними ухаживает. Она, наверно, поливает их жесткой водой из-под крана. А нужно, чтобы вода отстоялась...

Я не успел ответить, как Любаша уже упорхнула к другому цветку. И уткнула курносый носик в сиреневые цветки.

— Ой! Это пурпурная лилия. Обожаю ее! Это, кстати, национальный цветок Бразилии. Ты не бывал в Бразилии? Я нет, но ничего, мы вместе туда поедem. Твоя жена ужасно безответственна! Разве можно ставить ее на подоконник, под прямые солнечные лучи, да еще у батареи! Она же просто убивает растение!..

Я ничего не понимал в комнатных растениях и уходе за ними, хотя с некоторыми видами мне пришлось столкнуться в Ботаническом саду. Все же моя стихия была другой. И я подумал, как бы гармонично Любаша смотрелась в моем лесу, среди полевых цветов, шумных сосен и порхающих мотыльков и стрекоз. Впрочем, она не менее гармонично выглядела бы и в Бразилии, на берегу моря, среди кокосов и ананасов, под обжигающим южным солнцем. И что она делает в этом холодном городе? Да, пожалуй, на почве любви к природе мы с ней сойтись можем. Но вскоре я убедился, что это единственное, в чем мы могли друг друга понять.

Наконец мне удалось вставить свое слово.

— Люба, — я начал холодным отчужденным тоном, — выслушайте меня, Люба.

Я буквально силой усадил ее в кресло и даже попридержал за плечи, потому что казалось, что она вот-вот сорвется с места и взлетит. В синих глазах застыл испуг.

— Росточек, что-нибудь случилось, ну же, милый, не пугай меня!

— Случилось, — хмуро начал я. — Мне нужно вам объяснить. Возможно, вы меня поймете и поверите.

Испуг в синих глазах так же быстро погас, как и появился. Теперь ее глаза ликовали. И Люба стукнула себя по лбу кулачком.

— Боженька, какая же я круглая дура! Ну скажи, разве не дурочка! Как я сразу не поняла! Ты мне делаешь предложение! Ты даже перешел на вы! Какая прелесть! Ты — чудо! Ты все же неотразим! Тебе бы сыграть графа Волконского из прошлого века! Вот была бы роль! А я бы, так и быть, согласилась на роль твоей горничной. Ты не знаешь, случайно не снимают такой сериал? Ой, прости, ты же мне делаешь предложение...

Я настолько испугался, словно действительно меня вот так, с бухты-баракхты, решили на себе женить. И я этого не мог допустить никакими путями.

— Нет, Любаша, — я даже не заметил, как назвал ее ласково, перейдя на «ты». — Пока об этом говорить рано. Ты же знаешь, что я женат.

— Ну так разведись!

Люба смотрела на меня, как ничего не понимающий ребенок. Для нее все было таким простым. Мне же казалось, что развестись с Викой будет не так просто, хотя я Вику и в глаза не видел.

— Все не так просто, — вздохнул я.

И поймал себя на мысли, что теперь уже просто выкручиваюсь из нереальной ситуации, уваливаю от брака. К тому же я понял, что этой девушке правду открыть невозможно. Она настолько все воспринимала буквально, что ее реакция на мою историю будет непредсказуемой. Скорее всего, она поднимет

такой визг! И дело наверняка может закончиться милицией. К тому же я понятия не имел, где Ростик. А без его появления мне не выкрутиться.

Люба вновь вскочила с места и бросилась мне на шею.

— Ну ничего, Росточек, ничего страшного. Мы выкрутимся. А потом поженимся. Я уже даже платье к нашей свадьбе приглядела. А тебе — бабочку. И еще ресторан. Знаешь, там золотые рыбки в пруду плавают. Первый наш свадебный вальс будет непременно под плескание золотых рыбок. Ты знаешь, Светка и Анжелка с ума сойдут от зависти. Они еще смеют утверждать, что ты меня не любишь. Ты ведь любишь, я знаю, любишь?

Я настолько уже устал от ее болтовни, что искренне пожалел Ростика. Но Любаша смотрела на меня так преданно, как когда-то мой лесной друг — лось по имени Димка, которого я спас от смерти. Этот преданный взгляд девушки меня тронул, так что не оставалось ничего другого, как выдавить:

— Люблю.

В ответ послышался ликующий вопль. А мне пришлось сделать вид, что я собираюсь на важную встречу с режиссером.

— А для меня хоть маленькая ролька, малюсенькая-премалюсенькая, найдется?

И мне ничего не оставалось, как пообещать роль. Довольная и румяная от перевозбуждения Любаша наконец-то взмахнула крылышками и подлетела к выходу. И у двери обернулась.

— Ты какой-то странный сегодня, Росточек. Хотя, я понимаю... Тебе, миленький, нелегко было все это время. На студии даже поговаривали, что ты хотел... Ну... это... Ну... чуть ли не выбросился из окна. Вот сплетники проклятые! Я же знаю, ты просто много пил. Еще бы не пить... С такой женой... Из-за нее даже цветочки чуть не погибли. А тут такая личность, как ты... Со мной все будет по-другому, — успокоила она меня на прощанье. — Только, миленький, мне придется отъехать на пару неделек. Ты же знаешь, эти концерты, они так изматывают меня... Я ведь совсем о другом мечтала, но ты обещаешь... Что скучать не будешь! Нет, вернее, что будешь сильно-сильно скучать! Но от тоски не выбросишься из окна! Поклянись, Росточек!

Так и не дав мне шанса произнести торжественную клятву, звонко чмокнув в щеку, Любаша легко упорхнула. И я облегченно вздохнул, оставшись один. И вытер пот со лба.

Встреча с Любашей ничего не дала. Разве что я чуть не угодил в сети брака. Долг мне Ростик простить мог, но вот брак с Любашей... Я сомневался. И чувствовал, что все больше запутываюсь в чужой жизни. У меня уже был его дом, его работа, его паспорт. У меня уже были друг Лютик, соседка Рита, любовница Любаша и жена... Так, оставалась жена, черт, все забываю ее имя. Да, жена Вика. Может быть, она сможет что-нибудь объяснить? Или, во всяком случае, я что-нибудь попробую объяснить ей.

Я вздрогнул от громкого телефонного звонка. И долго думал, стоит ли брать трубку. Но выбора не было. Я жил в этом доме. И пока принимал судьбу Ростика на себя.

— Алло, — буркнул я в трубку довольно тихо.

— Слава? — услышал я властный серьезный голос. — Здравствуй.

Я облегченно вздохнул. Ошиблись номером.

— Здравствуйте, конечно, но вы не туда попали.

— Я попала именно туда, куда надо. Но ты брось эти шуточки. Конечно, уходя — уходи. Но... В общем, я забыла свою записную книжку. И мне придется за ней заехать.

Я затаил дыхание. Не иначе как жена Вика. Что ж. Надо принять во внимание, что Ростика еще могут назвать Славой. И пообещал дожждаться Вику, хотя отдавал себе отчет, что встреча с ней будет не из легких. Это не сомнительный друг, слушающий только себя, не соседка, любящая издалека, и даже не любовница, ослепленная страстью. Это ни много ни мало — жена. С которой Ростик, возможно, не один год прожил под одной крышей, которая знала его досконально. К тому же, как назло, она была, по словам Лютика, умной женщиной. А с умной вранье может и не пройти. И я раздумывал, сразу ли мне выложить все карты на стол или парочку козырей припрятать в рукаве. Впрочем, ничего хорошего эта встреча не сулила. Незнакомый человек в ее доме, выдающий себя за ее мужа. Мужа, который, кстати, пропал. И я даже подумал, не проще ли вообще смыться, где-нибудь спрятаться до поры до времени, дожждаться, пока отрастут волосы, борода, пока я не приму вновь вид дикого парня из лесного поселка. Но, с другой стороны, бегство тоже чревато опасностями. Если объявится Ростик, он наверняка сообразит, кто взял его пальто с документами и деньгами. А побегом я лишь подпишу себе приговор.

Мне показалось, что я угодил в ловушку, которую кто-то для меня специально подстроил. Только с какой целью — сообразить не мог. В ожидании Вики я нашел альбом с фотографиями. И принялся внимательно его изучать. Стандартный альбом жизни Ростика. И довольно стандартная судьба. Ростик — младенец в кроватке, Ростик — стриженный под ноль первоклассник с большим ранцем за плечами. Ростик — с мамой и папой. Слава богу, братьев и сестер, насколько я понял, у него нет. Ростик — студент у дверей ВГИКа... Так, далее поинтереснее. Свадьба Ростика. Ага, вот и Вика. Не знаю, насколько он был порядочным парнем, но на женщин нюх имел отменный. Вика оказалась просто красавицей. Тонкие черты лица, длинная шея, высокий лоб, черные, чуть раскосые, очень холодные глаза и черные волосы. В ней было что-то восточное. Она была полной противоположностью Любаши. Ростик, видимо, любил контрастный душ. И не раз из одной крайности бросался в другую...

Вика приехала быстрее, чем я ожидал. Похоже, она устроилась недалеко от дома своего мужа, возможно, чтобы за ним приглядывать. Я с опаской открыл дверь. Она не бросилась мне на шею с порога, не поцеловала, а лишь гордо прошла мимо, едва бросив на меня ледяной и одновременно испепеляющий взгляд. И я тот час понял, что она влюблена в Ростика не меньше, чем Любаша, а возможно, гораздо больше.

Вика совсем не изменилась со дня свадьбы. Разве что стала еще интереснее. Ну и дурак же этот Ростик, невольно подумал я.

Вика взяла записную книжку и бросила небрежный взгляд на диван.

— Вот как? — усмехнулась она, по-прежнему не удостоив меня вниманием. — Если человек просматривает вчерашние фотографии, значит, ему не так уж хорошо живется сегодня.

Я молчал, предпочитая вообще не привлекать к своей сомнительной особе внимание. И успокоился — она приняла меня за своего мужа. И я решил ничего ей не рассказывать. Это было опасно. Облегчало задачу то, что она совсем на меня не смотрела. И мне вдруг показалось, что она боится даже мельком взглянуть в мою сторону. Она боится броситься мне на шею, исцеловать до смерти и умолять все начать с начала... Впрочем, я мог ошибаться. С той же

силой она могла и ненавидеть своего мужа. Одно я понял наверняка — она была чересчур горда.

На всякий случай я отошел к распахнутому балкону, повернулся спиной и закурил. Мои руки дрожали. Я чувствовал на себе ее обжигающий взгляд. Она смотрела мне прямо в спину, и я надеялся, что моя спина ничем не отличается от спины Ростика. Повисло тягостное молчание. Я лихорадочно соображал, что делать и что говорить. Я молил всех святых, чтобы она поскорей ушла. Но не так просто уйти тому, кто решил вернуться.

— Ты мне ничего не хочешь сказать?! — услышал я позади себя ее низкий властный голос.

Я, может, и хотел вымолвить слово, но не знал, что бы в таком случае сказал Ростик.

— Ну, я-то в любом случае могу начать все сначала. У меня для этого достаточно сил. И бросаться из окна, в отличие от тебя, не собираюсь. Кстати, когда решают уйти из жизни, не сообщают об этом всему свету. У тебя не нашлось сил даже на это. Ты хотел, чтобы тебя удерживали, и выставил себя на посмешище.

Мне показалось, что Вика предпочитала видеть Ростика мертвым, нежели бросившим ее.

— И эта дешевая девка тебя не спасет, не надейся. Я чувствую, что она уже успела тут побывать. Этот приторный, навязчивый запах... Она посмела переставлять мои цветы. Впрочем, мне это безразлично. Ты все равно плохо кончишь. Жизнь как-то утекает у тебя сквозь пальцы, хоть ты и принимаешь в ней слишком бурное участие. Пьянки, пустоголовые девки. Продажные друзья. Никчемная работа. Ты сам это выбрал. И это загоняет тебя в тупик. Если бы ты сумел выбрать другое... Возможно, жизнь и не отвернулась бы от тебя.

Под другим Вика, несомненно, подразумевала себя. Вообще она настолько серьезно относилась к жизни, что я начинал понимать, почему Ростик переметнулся к Любаше. Самому еще как-то позволительно воспринимать жизнь всерьез, но предпочтительнее, чтобы близкие люди воспринимали ее легче.

— Почему ты молчишь? — Вика сказал это таким тоном, что я почувствовал себя школьником в кабинете директрисы. — Или играешь очередного отчаявшегося супермена? Это не твоя роль. Она получится у тебя проходной. Тебе больше подойдет роль неудачника. Твое вечное амплуа.

И вдруг до меня дошло, что она сознательно унижает меня, провоцирует на бурный скандал, после которого и возможно примирение. Может, Ростик бы и поддался на провокацию, но я не был Ростиком. И мне было все равно, неудачник он или нет.

— Я ухожу, слышишь, у-хо-жу!

Мне пришлось обернуться. И я неожиданно столкнулся с ней взглядом. И она вздрогнула. И опустила глаза. Потом вновь тут же резко их подняла. И на ее высоком открытом лбу образовалась глубокая складка. Я похолодел. Это конец, промелькнуло у меня в голове. Это конец.

— Слава, — Вика снизила голос на два тона. — Ты хорошо себя чувствуешь? Ты совсем бледный. Конечно, столько пить... И все же, может быть, мне стоит остаться? На время...

Я облегченно вздохнул. И наконец промычал:

— Нет, что ты. Все в порядке. Просто устал.

Вика вплотную приблизилась ко мне, уже не понимая глаз.

— Мне кажется, я именно теперь тебе нужна, как никогда...

— Ты мне нужна, Вика, но только не теперь. Давай подождем немного. Мне нужно прийти в себя, — уже более уверенно сказал я. Меня не узнали.

— После того скандала...

— Извини, — тут же перебил я ее.

— Что ты, это я должна просить прощения. Я зря это все устроила...

Славка... — Она неожиданно уткнулась мне лицом в грудь. И я неловко ее обнял. Наверно, так же поступил бы и Ростик. Все расставания одинаковы. И все же мне нужно было всеми путями выдворить ее из дома.

— Ну все, Вика, иди. Мы потом обязательно поговорим.

Она подняла на меня серьезный и чуточку грустный взгляд. Провела ладонью по бритой щеке. Ладонь, как и глаза, была ледяная.

— Ты какой-то другой, Славка... Совсем другой. Этот смертельный трюк, как ни кощунственно звучит, пошел тебе на пользу. И меня это радует... У нас еще есть шанс.

— Я провожу тебя до прихожей. — Осторожно взяв ее за локоть, легонько направил к выходу.

— Прихожей? — она не выдержала и расхохоталась. У нее был стальной смех, я поежился. — С каких пор холл ты называешь прихожей?

Я слегка растерялся. Черт, нужно контролировать каждое слово.

— Радуйся, что я не назвал холл сенями. Я избавляюсь от буржуазных пережитков и иностранных слов. Репетирую роль русского деревенского парня.

— Ты?! — стальной смех стал еще выразительнее. — Ты и в деревне-то ни разу не был. Это будет твоя самая трудная роль. И куда только режиссер смотрит. Ты типичный продукт города, причем сильно испорченный. Хотя, если режиссер — Лютик... Он и Алена Делона может пригласить на роль Квазимодо.

Я понятия не имел, кто такой Квазимодо, но чувствовал, что Лютик не в почете у Вики. Не дожидаясь продолжения, я широко распахнул перед Викой дверь. Она резко повернулась и, встряхнув головой, переступила порог. Стройная, высокая, в деловом костюме, подчеркивающим ее безупречную фигуру. И я невольно залюбовался этой женщиной. Но жить с безупречными женщинами не самое большое счастье.

Вика не выдержала и на пороге оглянулась, буквально впившись в мое лицо черным взглядом. И вновь на ее лбу легла глубокая морщина. Словно она что-то вспомнила или пыталась припомнить. И даже хотела что-то сказать, но я быстренько ее перебил:

— Я тебе позвоню.

Она облегченно вздохнула, ее лоб разгладился, она ничего больше не хотела вспоминать и плотно прикрыла за собой дверь.

А я, покопавшись в запасах Ростика, вытащил початую бутылку «мартини» и залпом выпил стакан. Я был в полном смятении. С Викторией пронесло. И все же я ходил по лезвию бритвы. Как она могла не узнать своего мужа?! Это непостижимо! И вдруг мне показалось, что и Лютик, и Любаша, и Вика — все они интуитивно чувствовали, понимали, что происходит что-то не то. Но отгоняли эти мысли, отказывались в них разбираться. Они будто добровольно хотели безоговорочно принимать меня за Ростика. Словно это было им выгодно. Словно они спешили устроить свои дела, и если даже мелькало какое сомнение, они его давили единственным аргументом — им нужен Ростик и все. Лысому срочно нужно снять рекламу, чтобы получить деньги. Любаша срочно хочет замуж. Вика жаждет удержать мужа. А Ростик это или нет — какое в итоге имеет значение? Если тот же голос, та же фигура, то же лицо. И я с тоской подумал, как в принципе

легко заменить человека. И от всей души пожалел Ростика. Словно он и не жил на белом свете. Вдруг я почувствовал, что являюсь единственным человеком, кому он по-настоящему нужен. И я решил ждать. Я по-прежнему не верил, что с ним могло приключиться что-либо дурное. В ином случае уже давно бы здесь была милиция. Впрочем, Ростик вполне мог попасть в категорию «пропавших без вести». И это меня тревожило. Но прошло слишком мало времени со дня его исчезновения. Парень вполне мог удариться в загул. И мне ничего не оставалось, как ждать его возвращения и до поры до времени играть его роль.

На всякий случай я решил изучить биографию Ростика, его привычки, запомнить людей с фотографий. Я чувствовал себя разведчиком, вынужденным жить под именем и судьбой другого человека.

Судьба Ростика оказалась довольно простой и, к моей радости, он в этой судьбе был одиночкой. Родители этого парня давно умерли, родственников, во всяком случае в этом городе, не было. Друзей, насколько я понял, наоборот, оказалось слишком много, а значит, не было вообще. Я внимательно пересмотрел письма, записи этого парня, чтобы составить о нем более-менее полное впечатление. Этаким душа компании, который от всей души ненавидел эти компании. И в итоге оказался загнанным в тупик. К сожалению, писем оказалось довольно мало. И я посетовал, что люди отвыкли от эпистолярного жанра. Разве что по письмам жены к Ростик и парочке слезливых записочек от Любаши я смог кое-что для себя прояснить. Во всяком случае, узнал, что Вика работает в крупном банке и, похоже, не последний человек там. А познакомились они довольно прозаично — в Крыму. Письма Вики были довольно скупыми и строгими. И в них она не раз намекала, что Ростик женился на ней ради денег. Хотя я в этом сомневался. Вика была слишком красива для брака по расчету. Хотя, как знать... Ростик, большую часть своего детства проведший в интернате, мог жениться на ком угодно. А с красивой женщиной ему просто повезло. Вообще, я приходил к выводу, что этот парень довольно везуч и весьма тщеславен. Он слишком много хотел от жизни, и она ему в этом редко отказывала. Хотя, подозреваю, что он мечтал быть — ни много ни мало — великим актером. И делал ставку на внешность и в работе, и в любви. Только с первым, похоже, ему везло меньше.

Отбросив письма, записи и фотографии, я перевел дух. Хотя я копался в чужой жизни без зазрения совести, но вряд ли хотел, чтобы со мной так когда-нибудь поступили.

Смеркалось. Свежие запахи весны вперемешку с ароматами чужой кухни проникли через распахнутый балкон в квартиру. Я поежился. И поймал себя на мысли, что за целый день так Ростик никто, кроме жены, не позвонил. Это было более чем странно. Парень, похоже, не страдал от некоммуникабельности и, по идее, телефон у него должен не умолкать...

Совсем скоро я получил ответы на свои сомнения. Позвонил какой-то хрипчатый мужик и пытался разобраться с Ростиком. Насколько я понял, в последнее время все от него отвернулись. Вернее, он отвернулся от всех. Похоже, что он плюнул им всем в лицо, будучи в нетрезвом состоянии, а потом чуть не выбросился из окна. Что ж, это было мне на руку. Во всяком случае, если мне придется столкнуться с кем-то из знакомых Неглинова, не обязательно заводить разговор. Можно просто на всякий случай попросить прощения и ретироваться с достоинством.

И вдруг я поймал себя на мысли, что жить под чужим именем и с чужой судьбой гораздо легче. Потому что не надо ничего принимать близко к сердцу. Я никого не любил в этой судьбе и никого не боялся потерять. И меня никто не мог обидеть и предать. Я не дорожил этой работой — она была не моей. Я не страдал из-за разрыва с женой, с которой я не прожил ни дня. Я не тосковал по любовнице, которую никогда не любил. Я не боялся потерять друга, с которым даже не дружил... Что и говорить. Если бы сгорела эта квартира, я разве что пережил бы несколько неприятных часов — и не более того.

Мне вдруг показалось, что я на сцене, где нужно играть в страдания и любовь, но никогда сердце от страданий и любви не разорвется. Потому что все это не мое. Может, в этом и есть секрет счастья? И я вдруг понял, что мне нравится так жить. Даже мелькнула мысль, что лучше бы Ростик подольше не возвращался. Вдруг как-то в один день, без усилий, все мои проблемы решились. Я получил все сразу, и от моей, личной судьбы, осталось лишь прошлое. Но я чувствовал, что с тоской по прошлому уже могу справиться. Потому что в будущем мне не за что переживать. Какая бы трагедия ни случилась, она не станет моей. А вот удачей я вполне смогу воспользоваться. Я даже поймал себя на мысли, что и эти мысли — тоже уже не мои. Это были мысли удачливого и тщеславного человека, так напоминающего Ростика...

Мысли перебил звонок в дверь. На пороге стояла Рита и рядом ее огромный пес Джерри.

— Я подумала... — Рита запнулась и покраснела. — Вам, может быть, одному тоскливо... Мы можем вывести собаку вместе. И вечер такой теплый.

Я вспомнил Чижика. И комок подкатил к моему горлу. Чижика я не выводил. С ним мы гуляли на равных.

— Конечно, Рита. Вечер и впрямь замечательный.

Мы гуляли по березовой аллее и молчали. Я вообще усвоил, что мне нужно побольше молчать, хотя Ростик наверняка отличался словесными изысками. Но в конце концов все потихоньку привыкали, что это уже новый Ростик, переживший муки и разочарования. А новый Ростик имел право молчать.

Джерри бежал впереди, радостно виляя хвостом и изредка приносясь к молоденькой травке.

— А я вас видела в рекламе, — наконец перебила молчание Рита. — Вы там такой красивый...

— И главное, красиво пью кофе, — попытался сострить я. И вновь невпопад.

— Кофе? Нет, эту рекламу я еще не видела. Вы гладите чистые рубашки.

Ага! Значит, Ростик снимался во многих рекламах. И наверняка не только пил кофе, гладил рубашки, но и пользовался дезодорантом, и смаковал куриный бульон...

— Ну, кофе я потом буду пить, — весело ответил я. — Когда поглажу все рубашки.

— Артистом, наверно, быть сложно, — вздохнула Рита. — Мама говорила, что с вами это... Ну, эта неприятность приключилась, потому что вы артист. С лесником, например, этого бы не произошло.

Мое сердце сжалось. Да, там, в другой жизни, со мной ничего подобного не произошло бы.

— Вы думаете, что лесники не выбрасываются из окна? — усмехнулся я.

— Думаю, что нет, — уверенно ответила Рита.

— Ну да, конечно. Они живут в сторожке. Это глупо — выбрасываться с единственного окна на единственном первом этаже. Можно угодить в крапиву.

Рита улыбнулась. Ее улыбка была детской и очень родной. Так улыбалась Валька, и мое сердце не раз стучало при виде ее открытой улыбки. Когда так хотелось обнять ее изо всей силы... Я внимательно вглядывался в лицо Риты. Мое сердце отсчитывало ровные равномерные удары. Рядом со мной была соседка Ростика, и я чувствовал, что Ростик наверняка захотел бы обнять ее, такую юную, такую хорошенькую девушку в желтом беретике, удачно оттеняющем ее смуглое личико с аккуратненькими веснушками на носу. Но мне она была безразлична. Это не моя соседка, и я знал, что ни на что не имею права. Единственное, я почувствовал, что замерзаю, и приподнял воротник пальто.

Девушка приняла мой внимательный взгляд на свой счет и, вновь густо покраснев, попыталась прервать паузу.

— А я вот мечтаю стать кинологом. И жить за городом, в деревне, вместе с собаками. Вам, наверное, это трудно понять. По вам сразу видно, что вы любите жить в больших городах, вы — истинный горожанин, ну, что ли, от сердца. И наверное, там, в лесу, где одни березы и сосны, вам стало бы скучно.

— Там еще есть озеро, а когда заходит солнце, оно отражается в зеркальной воде. И желтые кувшинки, много-много желтых кувшинок, а на берегу кустик молоденькой сирени, такой гибкой, что, когда идет дождь, кажется, она вот-вот сломается под его струями. А чуть поодаль виднеется старое дерево — на нем ни одного листочка. Странно, нет жизни в нем, а оно стоит много веков. Словно мумия. Но, в отличие от мумии, все равно живое... А когда бежишь по лесной тропе, и ветер в спину, и дождь в лицо, и Чижик впереди...

Я не заметил, как остановился и говорил, говорил, глядя куда-то вдаль. Словно видел свою маленькую родину, словно разговаривал с ней или просил у нее прощения. Рита смотрела на меня широко открытыми испуганными глазами. И я очнулся, едва она осторожно прикоснулась к моему плечу.

— Ростислав Евгеньевич, Ростислав Евгеньевич...

— Что? А? Ах да. — Я улыбнулся и встряхнул головой, словно пробуждаясь от сна. — Рита... Это я так... Вспомнил...

Она еще больше изумилась.

— Вспомнили? А Виктория Олеговна говорила, что вы никогда не были в деревне. Даже говорила, что вас следует поместить в Книгу рекордов Гиннеса как человека, который ни разу не бывал на природе и ни разу не желал туда попасть. Говорила, что вы предпочитаете только холодный морской пейзаж. Так ругала вас за это.

— Виктория Олеговна? — я рассмеялся. — Правильно говорила Виктория Олеговна. Я нигде и не был. Ритм жизни такой... А это так... Монолог из одной роли, которую я так и не сыграл до конца.

— Жалко, — тихо ответил девушка, то ли жалея о моей роли, то ли о том, что я так и не побывал за городом. — Но вы говорили так натурально, словно всю жизнь прожили в лесу. Вы, наверное, очень хороший актер.

Я искренне расхохотался.

— Да, Рита. Иногда я и сам начинаю в это верить. Ну, идем, твой Джерри уже замерз. А ты... Ты и впрямь славная девушка.

Мы медленно приблизились к подъезду.

— Вы... Вы какой-то другой. Не такой, как я думала.

— Наверно, — я пожал плечами. — Люди в определенном возрасте круто меняются. Это, пожалуй, случилось и со мной.

— А я так не хочу, нет, не хочу! — Рита покачала головой, и мне показалось, что она вот-вот расплачется, как ребенок. — Я не хочу измениться. Неужели когда-нибудь я так просто смогу изменить своей мечте и уже не захочу жить в деревне? И все только потому, что стала старше!

Она от возмущения топнула ножкой.

— Там трудно жить, Рита. Впрочем, я лгу. Там жить, пожалуй, легко. Просто не каждый сможет.

Я распахнул двери подъезда, куда первым вбежал Джерри.

— Ростислав Евгеньевич, — Рита вдохнула воздух и резко обернулась ко мне. — А эта женщина. Такая белокурая, кудрявая, она к вам приходила сегодня утром... Вы на ней женитесь?

Я легонько похлопал Риту по зардевшейся щеке.

— Не задавай лишних вопросов. К тому же, я ведь женат.

Рита резко отвернулась и побежала вверх по лестнице, вслед за собакой. Я не стал ее догонять, а закурил и оглядел задумчивым взглядом пустой двор. Я не был женат, и не было у меня никакой белокурой женщины, впрочем, как и не могло быть Риты. Интересно, если бы она узнала, кто я, любила бы так, как сейчас? Вряд ли. Она любила артиста Ростислава Неглинова. Хотя, как ни странно, его она знала гораздо меньше, чем меня.

Некоторое время я провел в полном спокойствии, по-прежнему изучая биографию Ростика. Я даже пожалел, что он не великий артист, иначе смог бы запросто прочитать про него в ЖЗЛ. А вечерами вместе с Ритой выгуливал Джерри. Это были приятные весенние вечера. В них было что-то домашнее и отдаленно напоминающее мое прошлое. И все же привязаться к Рите я так и не смог, а тем более полюбить. Я постоянно чувствовал, что играю роль человека, которому может принадлежать и эта юная девушка, и эти весенние, прохладные вечера. Но я здесь был ни при чем.

Несколько дней спустя я неподвижно сидел у телевизора, уставившись в экран бессмысленным взглядом. По всем программам крутили рекламу с моим участием. Именно моим, а не Ростика. В которой я играл роль кофемана. И надо сказать, играл неплохо. Мне даже самому захотелось купить этот безвкусный кофе и вдоволь им напиться. Одно тревожило — меня наверняка узнают в Сосновке и кто-нибудь попытается меня разыскать. А это мне нужно было меньше всего. Но тревожился я напрасно. Позднее я понял, что меня не узнали вообще. И я окончательно перевоплотился в Ростика.

А на следующий вечер позвонил Лютик. Он задыхался, словно пробежал не меньше километра. И я даже почувствовал, как пот стекает по его лбу.

— Ростя, подлец, опять лег на дно! Тут такое творится! Наконец-то твою наглую харю оценили по достоинству! Вся студия на ушах! Бегают, допытываются, что за красавец такой объявился! Хотя лично я в этом сомневаюсь, но дело вкуса! Это же надо! Столько лет снимался в рекламах, кстати, более содержательных и не таких врущих, а засекли только теперь! Вот житуха! Не знаешь, где споткнешься, а где взлетишь! Похоже, ты уже на подлете, парень! Но ты сам понимаешь! Я — твой товарищ! Кстати, единственный! Запиши это! Когда ты тот скандал закатил, обозвав всех продажными скотами, в том числе и меня, я от тебя не отвернулся! И за ноги, между прочим, держал, когда ты из окна бросался, ну ты парень благодарный, я знаю, друга старого не бросишь!

Я ничего не понимал, но в секундную паузу, когда Лютик вытирал пот со лба, успел вставить робкую просьбу говорить яснее.

— Да куда уж яснее, подлец! Завтра вечером встречаемся в «Банзае». Там один жирный индюк будет, продюсер, в общем... Я за эти дни почву прозондировал. С этого козла можно больше всего надоить, к тому же баба его, похоже, в тебя втюрилась и хочет только с тобой сниматься, в паре. Так что он у нас в кармане. Мы еще такие бабки заламаем, еще поторгуемся! Фу-у-у, — вновь на секунду остановился Лютик, переведа дух.

— А где сниматься-то? — осторожно спросил я.

— А тебе какая разница! Ты что — придурок? Это потом ты сам выбирать будешь, тем более что выбирать все равно не из чего, а теперь проглатывай все, что дают, усек? В общем, так, одно железное условие — режиссер только я! Ну же, чертяка, усек?

Я ничего не понимал. И согласился, поскольку мне действительно было все равно — кто режиссер. Это Ростик мог решать. Мне оставалось лишь покориться.

— И еще, гад, умоляю, не наклюкайся! Иначе ты такое начнешь молотить! Убью! В общем, чтобы при параде и главное — сочини нежные глазки дамочке, подозреваю, что все решает она.

Про дамочку я вообще ничего не понял. У нее есть муж, который почему-то должен давать деньги, чтобы она играла в любовь со мной. Но спросить ничего не успел. Послышались короткие гудки, словно продолжение отрывистого дыхания запыхавшегося Лютика.

Честно признаться, я впервые шел в ресторан. Поэтому нарядился в тот же светлый костюм, серебристый галстук и черную рубашу. Взять что-либо другое из гардероба Ростика не хватило наглости. Я взглянул на себя в зеркало и остался доволен собой. Заключительным аккордом к утонченному стилю стал флакон мужских духов, половину которого я на себя и вылил.

Едва переступив порог квартиры, я нос к носу столкнулся с Ритой.

— Ой, какой вы красивый, Ростислав Евгеньевич!

Я с досадой подумал, что она слишком уж расхваливает красоту Ростика. Разве это дело — постоянно делать комплименты мужчине, даже если он и артист?

— Это ты красавица, — вяло защитился я.

Рита стояла передо мной взлохмаченная, в закатанных потертых джинсах, стоптанных тапочках и крепко держала в руке заполненное мусорное ведро.

— Ну что вы! Я тут уборкой занимаюсь. — Она покраснела и спрятала ведро за спину. — А вы, наверное, идете на свидание?

— Ага, девочка. На деловое.

Личико Риты озарилось мягкой улыбкой.

— Значит, вам повезет. Примета такая, — и она показала полное мусорное ведро.

Не знаю, насколько мусор может быть хорошей приметой, но Рита оказалась права. С этого вечера начался отсчет моей новой жизни. Вернее, жизни Ростика, в которой он сам не принимал никакого участия.

Мы встретились, как условились, в ресторане «Банзай». Швейцар долго, пожалуй, слишком долго передо мной раскланивался, пропуская вперед. Я с опаской поднялся по высокой лестнице с позолоченными перилами и очутился в уютном круглом зале, который был не велик и не мал. Но места хватало и для воздуха, и для доверительной обстановки.

Девушки в атласных кимоно, узнав мою фамилию, почтительно провели меня за столик, напротив которого распростерся «японский садик». Еще никто не

подошел, и мне ничего не оставалось, как созерцать этот экзотический уголок, освещенный напольными разноцветными фонарями. Он действительно имитировал картинку живой природы Страны восходящего солнца — озера, скалистые утесы и горы. Маленький прудик с горбатым мостиком, где плавали искусственные цветы лотоса, карликовые растения в стиле бонсаи, замшелые камни. Довольно эффектно смотрелось в этой композиции старое дерево, на котором закрепили вьющиеся растения. А насыпные горки и извилистые каменистые дорожки создавали иллюзию большого пространства... Я вдруг вспомнил, как несколько лет назад, в Сосновке, отдыхала группа японцев, которым я показывал наш заповедник. Маленькие японцы, задрав головы, с восхищением смотрели на высоченные могучие сосны. Казалось, что липипуты посетили страну Гулливера и потерялись в ней. Японец, с которым я особенно подружился, заявил, что один из основных принципов японского народа — через малое видеть большое. Поэтому у них так развито древнее искусства бонсаи — на замкнутом миниатюрном пространстве воспроизводить бесконечное и великое.

— Ваша беда, — сказал мне на плохом русском японец, — что вы хотите сразу бесконечного и великого. Вы не желаете посидеть и подумать над моделью мира. Вам нужен сразу весь мир. Но ведь модель легче исправить и усовершенствовать. А вы норовите перевернуть мир за раз. Это плохо.

Лично я в этом ничего плохого не видел и не считал нашей бедой. К тому же японец был прав, мне модель мира была неинтересна. Я хотел жить в большом мире...

Мои философские мысли были прерваны криками Лютика. В своем костюме с золоченым отливом и рубахе в красных розах, он так же вписывался в этот японский интерьер, как японцы в наш лес. Толстый Лютик бухнулся в атласное кресло, и оно под ним заскрипело. Он промокнул платком потную лысину.

— Фу, слава богу, не опоздал! — Лютик огляделся, и его взгляд на секунду остановился на японском садике. — Да, а тут ничего. Представляю, сколько деньжищ вбухано в такие прибабахи!

— Икага осугоси дэска? — изрек я, вспомнив вдруг уроки своего друга японца.

— Чего? — Лютик вытаращил на меня свои маленькие глазки.

— Что означает, как ты, подлец, поживаешь?

В маленьких глазках Лютика промелькнуло подобие уважения.

— Онака га сукимасита, — не унимался я, небрежно развалившись в кресле. — Как сказал бы мой друг японец: я очень проголодался.

— Ну ты даешь! Как бросил бухать, сразу японский выучил! Молоток! Ты это... В общем, побереги эти фразы для этого жирного индюка. Он будет в отпаде, усек?

— Чай, и мы не в лесу родились, не пеньку молились, — некстати ляпнул я.

Лютик хрюкнул от удивления и во все свои пороссячи глазки уставился на меня.

— Ну, Ростя, не узнаю тебя! От японской лексики бросаешься к русской народной. Сильно же ты изменился после своей смерти, Ростик, ох как сильно. Но мне нравится. Раньше ты слишком бахвалился своей начитанностью. Слава богу, это ушло. Книжки хорошему не научат. От книжек одни неприятности, верно?

Я промолчал. И подумал, что если японский язык может еще пригодиться, то русский фольклор нужно на время забыть.

— И главное — не забудь главное! — продолжал хрюкать Лютик. — Ты снимаешься только с одним условием, что режиссер я — единственный и

неповторимый! И лучше меня, и умнее, и профессиональнее нет никого на свете. И быть не может!

Глядя на Лютика, я все больше в этом сомневался. Впрочем, я не знал других режиссеров. Но достаточно того, что я имел глупость посмотреть некоторые последние фильмы. Поэтому мне было все равно. Лютик так Лютик. Не думаю, что он снял бы хуже. Хуже снять нужно еще уметь.

Продюсер, как и положено, опоздал минут на сорок. Мне он не понравился с первого взгляда. Хотя Лютик ошибся в корне. Он не был никаким жирным индюком. Скорее, на такового походил сам Лютик. А продюсер Залетов оказался довольно приятным мужчиной, но приятным настолько, насколько может быть приятен очень-очень старый человек. Я допускал, что в молодости он был красавцем. Но теперь, казалось, он вылеплен весь из песка. И к нему даже боязно прикоснуться пальцем — вот-вот рассыплется на глазах. Я его тут же окрестил Песочным. Он был не просто худым, а дряхлым. Глубоко впалые глаза в обрамлении синих кругов только подчеркивали его почтенный возраст. Хотя, если бы он был седым, для своих лет выглядел бы нормально. Но он красил волосы в рыжий цвет. А крашеной рыжей бородкой пытался скрыть морщинистое сухонькое личико. И я подумал, насколько должен человек подходить своему возрасту и достойно переживать старость. Залетов ничего переживать не собирался. И ни за что не хотел мириться со своей старостью. Напротив, по сведениям Лютика, женился на девчонке, собираясь, наверное, жить долго и счастливо за счет ее молодости. Он мне напомнил мох, облепивший молоденькое деревце и пожирающий его соки, хотя мху самое место на торфяных болотах. Причем мне постоянно хотелось встать и уступить место очень старому человеку. Как в трамвае. Одно радовало — он был без молодой жены, которая, опять же по словам Лютика, на меня положила свой хищный взгляд.

— Ну-с, коллеги, мы собрались по весьма важному делу, которое к тому же может обойтись мне не дешево и кое в чем является достаточно проблематичным, — начал он вычурно свою речь, как на благородном собрании. И мне показалось, что он к тому же не слишком умен, что пытается скрыть за высокопарными фразами.

— Да-с, мы-с во внимании, — дрожащим голосом пролепетал Лютик и подобострастно уставился на Залетова.

Тот бросил взгляд на огромные золотые часы.

— Что-то Альбина задерживается. Извините, господа, она приводит себя в порядок в туалетной комнате. А мы пока закажем ужин. — Залетов щелкнул небрежно пальцами, и перед нами в одну секунду возникла официантка в синем атласном кимоно. Ее круглая, румяная и очень русская физиономия сияла. Она протянул нам два меню.

Право изучать его я предоставил Лютику. Перечень блюд шокировал моего приятеля. Он долго чесал лысину, крутил бумажку в руках, даже понюхал, словно по запаху собирался определить качество описанных блюд, но, похоже, ни одного слова не понял, словно там были выведены только замысловатые иероглифы. Наконец он выкрутился.

— Георгий Павлович, — пролепетал Лютик, обращаясь к продюсеру, и даже слегка почтительно поклонился, — мы целиком и полностью доверяем вашему вкусу.

Надо отдать должное, вкус у Залетова оказался отменный. Это я оценил позднее. А пока с некоторым удивлением смотрел на его жену, которая подошла к нашему столику. От хищницы там не было и следа, равно как и от цветущего

невинного деревца. Скорее уж серый воробышек, которого не выделишь среди ему подобных. Слегка общипанный и даже немного жалкий. Не знаю, что она там приводила в порядок, но ей явно это не помогло. Не скажу, что она была некрасивой. Она была просто никакой. Я, во всяком случае, не запомнил ее ни с первого взгляда, ни со второго, ни с третьего. Только когда не один месяц бок о бок пришлось с ней поработать на съемочной площадке, я с трудом научился распознавать ее в толпе. И искренне жалел зрителя, который запомнит ее разве что к концу сериала. Единственным ее достоинством была молодость и дорогие шмотки, на которые не скупился Залетов. А так — серые жиденькие волосики, разбросанные по узким плечам, серенькие глазки, которые она пыталась безуспешно выделить краской, впалые бледные щеки с толстым слоем румян — вот, пожалуй, и все. Оставалось надеяться, что она хотя бы не серенькая актриса.

Она сразу же умудрилась впиться в меня жадненьким бесцветным взглядом. И я со страхом посмотрел на Лютика, умоляя о поддержке. Он мне ободряюще подмигнул.

Нам подали суши с лососем и авокадо, к которым прилагался соевый соус и очень острый хрен. Залетов профессионально орудовал палочками «хаси», а мы с Лютиком беспомощно вертели головой в поисках обычных вилок, но безуспешно. У меня журчал живот от голода, и я незамедлительно отомстил Залетову.

— Тоирэ ва доко дэска! — уверенно изрек я по-японски последнее, чем располагал мой японско-русский словарь.

Залетов слегка поперхнулся, вытер жирные губы специальной горячей салфеткой, и с уважением посмотрел на меня.

— Вы прекрасно говорите по-японски. К сожалению, я не знаю этого сложного, интересного языка.

— Я пожелал вам приятного аппетита, — не моргнув, солгал я. Хотя на самом деле спросил, где находится туалет.

Залетов поблагодарил меня, а мой авторитет значительно вырос. И продюсер приступил к деловому разговору, в котором я ничего не понимал. Но Лютик на этом съел собаку. Недаром Залетов принял его за моего агента, не подозревая, что тот собирается ни больше ни меньше — снимать. Они что-то говорили о смете, месте съемок, об условиях контракта. А я тупо поглощал пищу, неуклюже орудуя дурацкими палочками, уставившись в тарелку и всячески избегая назойливого взгляда Альбины. В общем, выглядел типичным неумным, но красивым артистом, которого продавали, покупали, сдавали в аренду. И в которого была влюблена жена богача. В этот миг я позавидовал Ростикку: ему не пришлось присутствовать на этом светском рауте. И искренне пожалел себя. Но когда я краем уха услышал сумму, которую получу за сериал, то успокоился. И уже себя не жалел.

— Ну что ж, — заключил Залетов, промокнув губы салфеткой. — Практически дело решенное. Завтра подпишем договор, и вы читаете сценарий.

Я, конечно, ничего не понимал в кино, но мне все же казалось, что вначале нужно прочитать сценарий. Насколько я помнил, вначале всегда было слово. И мне хотелось, чтобы это слово я имел тоже.

— Я понимаю, — начал я, приняв серьезный вид, чтобы не подумали, что я законченный тупой артист. — Я все понимаю, и премного благодарен за доверие, но сценарий... Мне бы хотелось его прочитать сегодня же. Возможно, я не подхожу для этой роли. Или роль не подходит мне.

Лютик незаметно для всех крутил пальцем у виска и делал отчаянные жесты. А Залетов просто непонимающе уставился на меня. Он так и не смог вспомнить высокопарные слова, которые говорятся в подобных случаях. Поскольку с такой дерзостью начинающего артиста сталкивался впервые.

— Вообще-то, многие мне руки были готовы целовать за подобное предложение.

Я с брезгливостью взглянул на его сухонькие, выцветшие ручки, униженные золотыми кольцами. Лютик с готовностью вскочил со стула, и мне вдруг показалось, что он и впрямь готов целовать руки этому проходимцу. Но у него хватило ума лишь их горячо пожать. Я испугался, что Песочный сейчас рассыплется от крепкого рукопожатия. И от всей души ему этого пожелал. А Лютик что-то лепетал извиняющимся тоном, пот градом стекал с его лысой головы на золотистый пиджак. Вообще, я сегодня увидел перед собой совсем другого Лютика. Он походил на лакея и вполне смог бы работать в этом ресторане, подобострастно обслуживая залетовых.

Наконец ему удалось убедить Песочного не обижаться. И тот даже соизволил произнести речь:

— О, как я понимаю артистов. Народ неуравновешенный, зачастую не дающий отчета своим действиям и поступкам. Народ богемный и непредсказуемый. Ну что ж, значит, мы договорились.

Лютик закашлялся, поправил салфеточку у тарелки Залетова и даже сдул с нее пыль.

— Георгий Павлович, — Лютик начал таким сладеньким тоном, что казалось, он вот-вот растает. — Миленький Георгий Павлович, а что вы решили, так сказать, с основным тружеником нашего славного кинематографа, то бишь с режиссером?

— С режиссером? — искренне удивился Песочный, словно до него только теперь дошло, что в кино должен быть еще и режиссер. — Ах да. У меня есть на примете один, безусловно, талантливый, бесспорно одаренный режиссер, к тому же с большим опытом и не меньшим вкусом.

Лютик закашлялся, при этом бросая на меня свирепые взгляды. Лютик не принимал конкуренции. Мне пришлось подточить голос, и я откашлялся.

— Георгий Павлович, — замурлыкал я, — в общем, не хочу показаться вам до конца дерзким, но я согласен работать с вами лишь при условии, что режиссером будет Люциан.

Лицо Залетова буквально побагровело, как небо перед дождем.

— Вы мне смеете ставить условия?

Я вспомнил слова Лютика — нужно идти до конца, и дело выгорит. И я заговорил в тоне Песочного, но достаточно категорично. Я торговаться не собирался. Меня вообще все это мало трогало. Но Лютика стало жаль. Он так хотел быть режиссером.

— Как я могу?! Но дело в том, что я не последнее лицо в кинематографе. И смею вас уверить, ваше предложение является не единственным. Я тоже, как и вы, могу выбирать. Да, кстати, это мое последнее слово.

Залетов глубоко набрал в рот воздух. И выдохнул. Вновь набрал, видимо сочиняя достойный ответ. И пока он занимался сочинительством, вдруг совершенно неожиданно что-то возле меня запищало. Я недоуменно повернул голову на писк. Это была серенькая Альбина.

— Что вы, Ростик. Нас вполне устраивает Люциан. А я согласна сниматься только с вами, — она слегка прикоснулась ладонью к костлявой руке продюсера.

Ее слова прозвучали достаточно откровенно, видимо, по недомыслию. Я с ужасом уставился на Залетова. В подобном случае он должен, по меньшей мере, запустить в меня бонсаем. Но реакция Песочного была столь неожиданной, что я несколько растерялся.

— Договорились, — просто и с достоинством ответил он. — Я уверен, что Люциан оправдывает мои ожидания, как, кстати, и вы.

И он как-то загадочно на меня посмотрел. Что ж, он вполне демократично ведет себя по отношению к своей молодой жене, подумал я. Впрочем, возможно, его даже устраивает, что она флиртует с другими. Мне стало так гадко, что я залпом выпил горячее рисовое сакэ, даже не поморщившись. Жар мгновенно разнесся по всему телу. И мне вдруг захотелось начистоту высказать этой отвратительной парочке все, что я о них думаю. Так, наверно, и поступил бы Ростик. Но Лютик на лету ухватил мои подсознательные желания, поспешив откланяться. Схватив под руку, он потащил меня мимо японского садика, пару раз споткнувшись о замшелые валуны. Уже на улице, отдышавшись, Лютик обнял меня и звонко поцеловал в щеку.

— Ты настоящий друг! Правда, чуть не запорол дело, но ладно. Главное — этот жирный индюк у нас в кармане вместе с его карманом, — радостно захихикал Лютик, довольный своим каламбуром.

Я попытался возразить насчет индюка, но понял, что Лютика не переубедить. Для него продюсер навсегда будет ассоциироваться с этой упитанной птицей. Лютик тут же потребовал продолжения банкета, поскольку появился весомый повод. Я не возражал, оправдываясь тем, что Ростик поступил бы так же.

Утром, проснувшись с большой головой, в отвратительном настроении, потный и взлохмаченный, я первым делом пожалел Ростика, уже начиная понимать его. И впервые начиная понимать, что такое депрессия. Мне вдруг так захотелось от всего отказаться. Это не моя жизнь. Такая продажная, мучительная жизнь с дурным душком. Я ведь по-прежнему любил запах леса, запах скошенной травы на лугу, запах моего пса Чижика. Если бы у меня были силы, я бы, пожалуй, тотчас уехал, послав к черту всех лютиков и залетовых.

Но после душа и бутылки холодного пива, которую предусмотрительно оставил Лютик, стало гораздо легче. Мир не выглядел таким уж отвратительным. К тому же под окном расцветала сирень, так похожая на ту, которую любила Марианна Кирилловна. И вскоре я смогу так же наслаждаться ароматом цветов и искать пять заветных лепестков.

Я долго стоял на балконе босиком и пытался вдоволь наглотаться утреннего воздуха. И все же костюмерша была не права. Счастливым можно быть где угодно. Ведь все в мире имеет свой аналог. И сирень точно такая же, и запах весны, и даже я так похож на кого-то. Чтобы увидеть японский садик, не обязательно ехать в Японию. Наверняка японец был прав — модель мира лучше, чем сам мир. Во всяком случае — безопаснее. Я ведь тоже — всего лишь модель Ростика. И мне тоже безопаснее. Я свободен. И могу делать с жизнью Ростика все, что угодно. В своей жизни я бы опасался совершать многие поступки, а теперь бояться нечего. Я могу шагать без оглядки. И делать практически все. Я могу усовершенствовать жизнь или ее упростить. Я могу ее идеализировать или пустить под откос. В любом случае она не моя.

Телефонный звонок окончательно меня разбудил. Как я забыл! Лютик кричал в трубку, что срочно нужно ехать подписывать договор. Что ж. Почему бы

и не подписать. Тем более что я уже научился подделывать подпись Ростика. Как ни странно, довольно быстро. Подпись Ростика оказалась не более сложной, чем его жизнь.

Мы подписали договор на солидную сумму. Вечером я принялся за читку сценария. Поскольку я был новичком в кино, сценарий для меня стал не просто открытием. Оказывается, можно писать и так. Я не блистал особой начитанностью, но то, что проходил в школе и техникуме, было настоящей литературой. И если бы мне, в бытность мою лесником, кто-то подсунил эту дребедень, я бы решил, что это дурная шутка. Потому что такие вещи вообще не пригодны для чтения.

Я долго возмущался трубке, которую на другом конце города держал Лютик. Я кричал, что такое сочинительство вообще невозможно, и я завтра же разрываю договор, и мне плевать на все деньги, вместе взятые.

— Ты что, совсем рехнулся! — заорал на меня Лютик. Его крик подействовал отрезвляюще. — Ты что, впервые читаешь подобную чушь?!

— Не впервые, — мне пришлось согласиться и унять свой пыл.

— Ну и заткнись! Раньше бы ты за этот сценарий душу продал! А теперь тебе даже ничего продавать не приходится! К тому же это не самое худшее, что могут предложить! Вот и радуйся! Видишь, как бросил пить — удача сама тебе в руки прет! Смотри, не расплескай!

Я налил себе полный стакан бренди, оно слегка расплескалось на стол. Я залпом выпил и подумал, что пить только начинаю. Впрочем, я все только начинал. Моя жизнь в один миг встала с ног на голову. И я смотрел на нее в перевернутом виде, механически жонглируя людьми, как кольцами, и не боясь их уронить.

Так в один миг я стал артистом. И надо сказать, мне это далось легко. Впрочем, кто умеет достоверно играть в жизни, тот с легкостью станет актером. У меня в жизни игры было предостаточно. К тому же я сделал неутешительный вывод, что сегодня актером может стать кто угодно. Вот из артиста врач или лесник вряд ли получится. И дело даже не в моем собственном опыте. Почти вся наша группа представляла собой сборище непрофессионалов. Что поначалу меня шокировало. Но лишь поначалу. Потом я успокоился. Хотя меня до конца не покидало ощущение, что каждый из них занимает не свое место под солнцем. Словно кто-то шутки ради перетасовал карты и, перечеркнув настоящие правила игры, сочинил новые, лишённые логики и смысла. Иногда, в минуты отдыха, я подолгу наблюдал за своими коллегами, развлекаясь угадыванием, какое они должны занимать место при правильном раскладе карт.

Лютик, к примеру, был вылитым продавцом в мясном отделе. Толстый, красный, кривоногий, он разделявал бы мясные туши и выставлял их на витрине. Хотя наверняка, имея ранимую душу, он бы вскоре отказался от подобной работы, не раз представляя себе предсмертные хрипы животных, но дальше мясного отдела все равно не ушел бы. Где-нибудь выбил бы деньги, став владельцем мясного магазинчика, этаким уважаемым лавочником, правда, пьющим по ночам за безвременно погибших меньших братьев. Но при чем тут режиссер?

На Залетова много фантазии не требовалось, чтобы определить его место под солнцем. Он, в прошлом какой-нибудь мелкий чиновник, теперь — типичный пенсионер, сухонький, седенький. Я легко мог представить его на лавочке в парке,

с газетой в руках, с роговыми очками на переносице, в окружении любящих внуков. И при чем тут продюсер и молодая жена?

А вот Альбина... Этакая серенькая мышка должна быть домохозяйкой с кучей румяных ребятишек, скучающая по вечерам дома в ожидании мужа-пройдохи. И при чем тут актриса на главной роли?..

Впрочем, будучи неискушенным в кино, я поначалу подумал, что за серой внешностью вполне может скрываться талант. Человек способен менять свое лицо, свой темперамент на съемочной площадке. Но я слишком хорошо думал о кино. Когда Лютик с заговорщицким видом мне сообщил, что Альбина даже не имеет мало-мальского театрального образования, и даже ни разу не играла, я был сражен наповал. Окончив десятилетку, она занялась поисками обеспеченного мужа, и ей это более чем удалось. Она специально устраивалась домработницей у нуворишей, пока один из них не клюнул на ее молодость. А потом, как старуха из сказки о золотой рыбке, она стала требовать все больше и больше. И вот теперь ни много ни мало — захотела стать звездой экрана.

После этой истории я окончательно перестал мучиться, что занимаю чужое место в жизни. Ничьего места я не занимал и попросту не мог занять. Поскольку каждый был не на своем. И мне казалось, что не только кино, вся наша жизнь ужасно непрофессиональна. Словно мир был придуман для того, чтобы не пытаться найти свое место, а вовремя занять чужое. При этом профессиональной оставалась только природа. Поскольку медведь никогда не будет летать — ему это не нужно. А соловей не станет жить в берлоге. И береза вряд ли позарится на цветочный горшок... Я подумал, может, было бы правильнее, если при рождении каждый уже знал, по какой дороге идти. Неплохо бы изобрести прибор, указывающий на определенные способности и таланты. Впрочем, и этот номер с людьми бы не прошел. Наверняка они тут же придумали бы механизмы, заставляющие играть этот аппарат под их дудку. Какой честности можно требовать от бездушной машины, если люди ее игнорируют?! И почему-то стремятся к противоестественному для живого существа чувству дисгармонии. Впрочем, разве я — не один из них? Я разве сознаю, что принял на себя чужое лицо и судьбу? И понимаю это, в отличие от других. Но разве от такого знания я стал лучше?..

Я очнулся от визгливого голоса Лютика.

— Ты что, уснул, придурок?! — На меня посыпался шквал нецензурных слов, с помощью которых Лютик утверждался как режиссер. На этом утверждение и заканчивалось. — Так, повторим сцену первой встречи этого идиота с Альбиной! Биночка, лапочка, сосредоточь свое внимание на этом уроде!

Лютик бесцеремонно ткнул в меня толстым пальцем. Все начиналось по-новому.

Вообще это было удивительно. Там, в другой жизни, я был довольно скованным человеком. При встрече даже со знакомыми людьми мои жесты становились неловкими, а слова — нескладными. Здесь же, среди толпы, я чувствовал себя очень свободно. Можно даже сказать, свободнее других актеров. Возможно потому что я окончательно уничтожил в себе Даника и становился другим человеком — далеким Ростиком, мне нечего было стесняться.

Я смело приблизился к Альбине. Она зарделась от счастья, ей это удалось, поскольку она в этот момент не играла.

— Так, изобразите поцелуй! — по-прежнему орал Лютик.—Страстный поцелуй! Ты что, Неглинов, целоваться совсем разучился?! С каких это пор?!

Да, сценарист, похоже, ни разу не встречался с девушкой, если решил, что при первой встрече вот так лихо можно ее поцеловать. Но Альбина была мне так безразлична, что я поцеловал ее искренне, легко, почти страстно. За Ростика.

Лютик не унимался, он бегал взад-вперед, размахивал руками и что-то пытался доказать благим матом, правда, никто не понимал что. Лютик во всю прыть изображал из себя режиссера. Я ему не противоречил, помня, как он хорошо смотрелся бы в мясной лавке. Вдруг визг Лютика резко оборвался. Я в недоумении оглянулся. И без того маленький Лютик, сгорбившись, стоял перед продюсером Залетовым, и меня не покидало чувство, что он все же мечтает поцеловать ему руки.

Залетов отозвал Лютика в сторону и долго ему что-то объяснял. Тот беспрерывно кланялся, прижав к груди пухлые ручки.

— Так! — наконец громко выкрикнул в рупор Лютик. Но уже голосом не хозяина, а приказчика. — Посторонних прошу удалиться. Будет сниматься интимная сцена.

— Что значит интимная? — опешил я.

— Что?! Как — что!!! Ты не учился в киношном альма-матер?!

— Учился, но нас там интимным сценам не учили, — наугад отрезал я.

Лютик на секунду смешался. Видимо, я попал в точку. Хотя, возможно, Лютик понятия не имел, чему учат в кинематографических вузах.

— Интимные сцены можно назвать и проще, — ответил Песочный, и при этом его глазки заблестели, словно в них капнули подсолнечного масла. — Можно назвать — сцены любви.

Я оттащил Лютика в сторону.

— Слушай, ты! — я схватил его за ворот спортивной куртки и слегка приподнял. — Ты порнуху снимать собираешься?! Так вот, поди объясни этому жирному индюку, что или я сейчас же уйду, и он меня больше никогда не увидит, или пусть отменяет свою пошлость. Можешь добавить, что он мне должен платить дополнительно, что я с его чучелом вообще целуюсь!

— Все! Понял! — Лютик испуганно поднял толстые лапки вверх, словно сдаваясь. — Только о чучеле я не заикнусь, и не проси.

После переговоров мы пришли к компромиссу. Альбина расстегнет кофточку, и на этом интимная сцена закончится.

Надо сказать, эта серая мышка с удовольствием позировала и перед камерой, и передо мной, и перед всей съемочной группой. Но более омерзительной была реакция Песочного, который почти дрожал, глядя на свою бесцветную, облезлую жену.

Лютику все же досталось от Песочного. За меня. Он не иначе как требовал обнаженного «крупняка» своей жены, причем вместе со мной. Но поскольку я этому категорически противился, Песочный от души поносил Лютика, разве что не хлестал плетью, как верного холопа.

Вообще, Лютик мгновенно понял, кто хозяин на съемочной площадке, и старательно выполнял все его указания. Он набрал группу, целиком и полностью следуя указаниям Залетова. Все друзья Песочного, родственники и знакомые. И лишь я не вписывался в этот круг. Я вдруг почувствовал силу, поскольку Песочный меня выгнать не мог из-за влюбленной в меня жены. Ситуация была до того абсурдной, что иногда мне казалось, будто действительность — просто кино, все кругом сплошное кино. Если бы я воспринимал это как реальную жизнь, то, пожалуй, свихнулся бы. Но я еще помнил, что жизнь совсем другая. Она там, где сторожка утопает в зеленых соснах, где шумит и бьется в ставни ветер, где

соловьи поют по ночам, и радостно лает собака, где девчонка в цветном сарафане и с зеленкой на острых коленках лазает по деревьям, а сельский доктор со старомодным чемоданчиком посещает больных... Если бы я этого не помнил, то, пожалуй, возненавидел бы жизнь. Но это было всего лишь кино. А я — всего лишь Ростик в этом кино. Которое я тихо ненавидел.

Кое-как эта сцена была снята. И если бы я хоть на грамм был искусней в любви, то с самого начала понял, что эта сцена для меня не интимна, а опасна. Но я мало знал женщин. Раньше я думал, что они такие же добрые и преданные, как собаки (это Валька). Потом — что коварные и лживые, как змеи (это Лида). Но то, что серенькая мышка может быть опасна, я и не подозревал.

Альбина отловила меня на выходе. Ничего не подозревая, я подждал Лютика, который, как всегда, где-то бегал, улаживая дела и посекундно благодаря Бога в лице Песочного, что тот сделал его кинорежиссером. Впрочем, Лютик уже начинал путать Бога и Песочного, молясь то одному, то второму попеременно.

Я уже докуривал вторую сигарету «Парламента» (помня о вкусах Ростика), как чьи-то влажные руки закрыли мои глаза.

— Ты что, спятил, Лютик, я тебе не девушка, — попытался я вырваться, наивно думая, что такие влажные ручонки могут принадлежать только моему другу.

— А это не Лютик. И хорошо, что ты не девушка, — услышал я жалобный писк. И обернулся.

Передо мной стояла Альбина. В темных очках, зеленой косынке, повязанной под подбородок, длинном ярко-красном дорогом плаще и желтых туфлях на высоких каблуках, она представляла собой настоящий светофор. Словно на маскараде, где легко удастся сотворить себе яркий образ.

— Тебя подвезти? — Она кивнула на красный «ягуар» с зеленым откидным верхом, который был под стать ее наряду.

Я пожал плечами.

— Спасибо, конечно. Но нам с Лютиком нужно еще обсудить важное дело. — Я инстинктивно почувствовал, что нужно смываться.

— Все важные дела здесь решаю я, — твердо пропищала она, да так, что мне стало не по себе. Показалось, если бы она сняла с себя маскарадный костюм, мне было бы безопаснее.

— Так что мы обсудим... Важного? — повторила она еще более твердым голосом.

— Есть вещи, которые решают только мужчины. Наедине! — довольно резко отрезал я.

— Но есть и другие вещи. Которые решают мужчина и женщина. Наедине! — не менее резко отрезала она. И это был вызов.

Если бы я видел ее глаза, мне было бы проще. А так я словно разговаривал через затемненную витрину. И даже не знал, слышат ли меня.

Она меня слышать не хотела. Вообще я впервые сталкивался с таким перевоплощением и уже начинал понимать, почему Песочный на ней женился.

— И все же, боюсь, нам не по пути, — не сдавался я. — Хотя если ты хочешь подвезти нас с Лютиком...

— А ты не хочешь обсудить важные дела с моим мужем вместо Лютика? — Она пыталась поставить меня на место. — Съёмки только начались, и у моего мужа хватит денег, чтобы переключиться на новый фильм, а этот заморозить. С новым героем. Бесхозных сценариев и артистов по горло, — она резко провела ладонью по шее.

— Ты мне угрожаешь? — Я неожиданно расхохотался. — Но, милая Бина, ты одного не поняла — мне абсолютно все равно, в каком кино сниматься.

— Но, очевидно, не все равно — будешь ли ты сниматься вообще?

Из студии выскочил взмыленный Лютик. Я так обрадовался его появлению, что готов был броситься ему на шею. Но Альбина резко потянула меня за рукав.

— А твоему другу и подавно не все равно — будет ли он вообще режиссером.

Я подумал, что это, возможно, самое лучшее, чтобы Лютик никогда больше не снимал, а я не снимался. Но Альбине объяснить этого не мог. И уж тем более Лютику. Она расценила мое молчание как слабость.

— Советую тебе быть сегодня вечером дома. И тем более советую поднимать трубку.

Альбина резко развернулась на каблуках, как солдат, и быстрым шагом направилась к своему красно-зеленому «ягуару».

— Что-нибудь случилось? — не на шутку встревожился Лютик.

— Знаешь, друг, — хлопнул я его по плечу. — Как там у вас говорят, лучшее кино — вино.

— Вот это верно! — обрадовался Лютик, даже забыв про Альбину. — Тем более, ты же бросил пить, так что можно по этому поводу спокойно напитокся.

А я подумал, что как только Ростик пить бросил, я тут же начал. А может, просто продолжил — за него. Какой же он хитрый, чертяка.

— Так куда держим путь? — спросил нас лохматый таксист, едва мы бухнулись на заднее сиденье машины.

Лютик повернулся ко мне и хитро сощурился.

— Что, Ростя, а завалимся мы в твое излюбленное местечко. Ты этого заслужил!

У меня все в груди похолодело. Я понятия не имел об излюбленном местечке Ростика.

— В конце концов, ты с него всегда начинал перед съемками. И хотя клипы получались не самыми удачными, с деньжатами все было в ажуре. Во всяком случае, никто нас не обманул. А это много на сегодняшний день значит!

— Отправимся, — вздохнул обречено я.

Лохматый таксист нетерпеливо поерзал на сиденье.

— Ну же, мужики, куда держим путь в конце-то концов?!

— В «Дубравку», — сказал Лютик и назвал адрес.

Я похолодел. Это было именно то кафе, в котором я впервые увидел Ростика и где он забыл пальто с деньгами и документами. Я прикрыл глаза. Конечно, можно сейчас наотрез отказаться. Не думаю, что Лютик был таким уж апологетом примет, и, пожалуй, ему все равно, где пить. И все же я решил испытать судьбу, заметив, что мне это даже нравится. И хотя нервишки пошаливали, я надеялся, что фортуна вновь приветливо подмигнет мне.

Безусловно, я не рассчитывал, что в кафе увижу сидящего на том же месте Ростика. И все же, когда мы с Лютиком переступили порог «Дубравки», мои ноги слегка подкосились. Я бросил быстрый взгляд на столик, за которым когда-то сидел мой двойник. Столик был пуст. А вдруг меня запомнили официанты? Тем более, если Ростик разыскивал свои вещи, они наверняка сейчас расскажут все... И все же я решил идти ва-банк. И даже предложил сесть за тот же столик. Это был в некотором роде вызов судьбе.

В кафе было многолюдно. Здесь ничего не изменилось. Обшарпанные столики, круглые окошки, на стене плохая картина, изображающая осень. Даже

публика та же, в основном состоящая из студентов и обедневшей интеллигенции. И хотя я не помнил ни одного официанта в лицо, подозревал, что и они остались теми же.

Я тщательно изучал неприхотливое меню, стараясь не поднимать взгляд. И когда Лютик силой вырвал его у меня из рук, уже знал наизусть весь перечень блюд.

— И все же, Ростя, я никогда тебя не понимал. — Лютик почесал лысый затылок. — И чего ты торчал тут целыми вечерами? Хотя да, подозреваю, здесь легче напиться, чем в японском ресторане.

Лютик обвел взглядом неуютное, мрачное кафе с маленькими круглыми окнами в решетке.

— Как в тюрьме. И контингент подходящий.

— Контингент, к твоему сведению, гораздо лучший, чем на съемочной площадке, — огрызнулся я. — Ты ведь тоже, подозреваю, не из графьев.

Лютик тоненько захихикал, и его круглые маленькие глазки, похожие на окошки кафе, забегали по моему лицу. Я же старался по-прежнему не поднимать головы, таким образом надеясь укрыться от официантов. И все же чувствовал на себе их пытливые взгляды. А раз не выдержал и мельком взглянул на стойку бара. И тут же заметил, как они о чем-то шушукуются, откровенно указывая на меня. Все, конец, подумал я. Впрочем, успокоил себя тем, что в разоблачении есть и положительный момент — я избавлюсь от Альбины и всех так называемых коллег. Правда, небо в клетку стало теперь гораздо реальнее, чем решетчатые окошки в кафе... Очнулся я от нерадужных мыслей, когда Лютик со всей силы хлопнул меня по плечу.

— Ты чего, парень! Где витаешь, возвращайся на землю, космонавт! Уже приехали!

Я вдруг резко поднял голову вверх и посмотрел мимо Лютика. Официанты, не отрываясь, продолжали пялиться на меня.

— Так вот, — Лютик продолжал свою мысль. — Может, я и не из графьев, но об этом не обязательно знать. И тебе советую, когда у нас будут брать интервью, молотить что угодно. Только не про свое рабоче-крестьянское происхождение. Придумай себе прадедушку — владельца заводов, газет, пароходов или еще чего-нибудь... Я лично уже все про себя выучил. Моя прабабка была фрейлиной императорского двора, усек? И кто докажет? Я вообще понял, что все проглатывается, абсолютно все. Даже если я завтра объявлю всему миру, что красивее Алена Делона, поверят! Вот ей-богу, поверят! А если к этому присовокупить еще парочку статей о моей неотразимости и графском происхождении, то...

Я внимательно посмотрел на Лютика, словно увидел его впервые. Маленькие круглые глазки с каким-то бурым отливом, как у кролика. Красная толстая морда, пухлые, маленькие, вечно потные ручонки... А ведь и впрямь могут поверить, что Лютик красивее Алена Делона, неожиданно подумал я. Раньше бы мне такое в голову не пришло. Но раньше я был совсем другим и слишком хорошо думал о человечестве.

Прямоком к нашему столику направлялся худой и очень прямой официант, словно его спина была стянута корсетом. Все, конец, в очередной раз подумал я. И даже не заметил, как пробубнил себе под нос:

— Конец фильму.

— Чего? — не понял Лютик. — Какому фильму? Сплюнь три раза! Фильм еще только начинается.

Я уже не смотрел на официанта, а только слушал, как он приближался к нам. И мне показалось, что сейчас раздастся милицейский свисток. Я почувствовал себя по меньшей мере Гришкой Отрепьевым, претендующим на царский престол.

Наконец я поднял голову и наткнулся взглядом на улыбку до ушей, которой светился официант.

— Чрезмерно рады вас здесь видеть, Ростислав Евгеньевич, — запыхавшись от волнения, начал он. — А мы уж переживали, куда вы пропали, боялись, вдруг чего случилось. Но, слава богу, увидели вас в замечательной рекламе кофе, и отлегло от сердца. Вы знаете, Ростислав Евгеньевич, мы даже заказали эту марку кофе для нашего ресторана. Это наверняка ваш любимый сорт, вы с таким удовольствием его пили!

У меня отлегло от сердца, словно после мощного удара форварда мяч прошел мимо ворот, которые я защищал. И краем глаза заметил, что при упоминании о кофе Лютик поморщился, словно от зубной боли. И назло этому новоявленному графу сделал заказ.

— Так, замечательно, пожалуйста, две порции рубленых зраз с грибной начинкой, тушеный картофель... И, безусловно, кофе! — торжественно заключил я. — По две, нет, пожалуй, по три чашки для начала. А там посмотрим.

— И ничего крепкого? — искренне удивился официант, видимо, вспоминая мое сомнительное прошлое.

— Завязал! А у моего друга — язва, — я указал на Лютика. — К тому же не позволяет социальное положение. Он из графьев.

Официант с благоговением посмотрел на Лютика и даже слегка ему поклонился. Он поверил с первого слова. Лютик за его спиной показал мне кулак.

— Но для такого почетного гостя и такого из ряда вон выходящего случая у нас есть прекрасное розовое «мартини».

Лютик за спиной официанта показал большой палец в знак одобрения.

— Ну что ж, — вздохнул я, — «мартини» так «мартини». Оно, я слышал, лечит язву. Правда, не знаю, пьют ли его графья.

— Пьют, пьют! — обрадовался официант. — Давеча сам потомок графа Волконского заказывал, он тоже артист, вы, наверняка, знакомы.

— Ну, если потомок графа Волконского... — Я развел руками и на секунду представил этого потомка. Если он похож на Лютика...

Лютик тем временем не отрывал взгляд от меню. Что-то его покорило.

— А что такое «картофельные поросята»? — с благоговением спросил он.

— О, это очень вкусно! Наше фирменное блюдо. Кусочки поджаренной свинины обертывают в картофельное пюре, смазывают яйцом и выпекают в духовке. Воистину графское блюдо! Любимое блюдо графа Волконского!

Лютик громко проглотил слюну.

— Мне, пожалуйста, вместо зраз пару — тройку «поросят», — попросил граф Лютик, воздев руки к обшарпанному потолку.

Официант побежал исполнять заказ. А Лютик довольно потирал руки в предвкушении праздника.

— Эх, вспомни рожу этого Волконского! И его настоящую фамилию! — Он расхохотался во весь голос.

Ничего вспомнить я не мог, поскольку просто не знал. Но на всякий случай расхохотался вслед за Лютиком. Видимо, я оказался прав: граф Волконский мало чем отличался от моего приятеля графа Лютика.

После третьего бокала «мартини» и «картофельных поросят», Лютик сам стал походить на поросенка. Вдруг он вспомнил про Альбину, и в его свинячьих глазках появился испуг.

— Слушай, дружище, а о чем ты все же спорил с Биной? Что-то мне не понравилось выражение ее лица, — с тревогой спросил он.

Я подробно изложил наш разговор. Лютик встревожился еще больше и заерзал на стуле.

— Ну и... — начал он, заикаясь и подобострастно заглядывая в мои глаза, прямо как в глаза Песочного. — И что теперь собираешься делать?

— Как — что? — Для меня это было очевидным. — Послать ее подальше.

Лютик от возмущения подпрыгнул на месте и задел локтем початую бутылку «мартини». Та перевернулась и свалилась прямо на колени моему приятелю, залив его штаны. Но Лютик этого не заметил. Он машинально взял бутылку и так же машинально разлил вермут по рюмкам.

— Ты сумасшедший, — он залпом выпил бокал. — Ты определенно сумасшедший. Нет, я тебя не узнаю. Более того, я тебя не понимаю и не принимаю. Отказываюсь понимать! Все, что ты тут болтаешь, это полный бред. Бред сумасшедшего. Послать подальше! Нет, вы такое слышали! — Лютик обернулся и вновь, театрально воздев руки к протекающему потолку, громко повторил: — Нет, вы слышали!

На нас удивленно обернулись соседи. Они так хотели услышать, что же такого поведает удивительно маленький толстенький человечек со свинячьим взглядом.

— Прекрати, Лютик, — процедил я сквозь зубы. — Или я пошлю тебя тоже. Всех, черт побери, пошлю!

— Все-все-все, — прошептал мой друг, перегнувшись через столик ко мне и дыша перегаром. — Только ты скажи, чудище, ну, чтобы я понял. Ну хотя бы немножко, ну хотя бы вот столечко. — Лютик показал толстый мизинец. — Тебе же раньше все равно было. Ты же за любой юбкой гонялся. А помнишь, чтобы получить какую-то зачуханную ничтожную рольку, ну просто мерзенький эпизодик, ты готов был соблазнить ту страшную продюсершу, которая тебе в бабки годилась. Но, главное, таки соблазнил! И ничего! Жив остался! Эпизодик получил! А от продюсерши отделался легким испугом! Что? Забыл?! Или ты себя теперь звездой возомнил? Так опустишь на землю, придурок! Чтобы на звездный олимп залесть, нужно, по меньшей мере, кучу грязи на грешной земле сожрать! Так вот и жри! А потом водворяйся на небо, сколько тебе захочется. К тому же эта серенькая мышка по сравнению с той продюсершей просто Мона Лиза! Ты ей ноги целовать должен! И запомни, чтобы самому диктовать правила, нужно сначала этим правилам подчиниться. Усек, моя лапочка? — Лютик легонько потрепал меня по щеке, да так приторно-ласково, что это ударило сильнее любой пощечины.

Да, Ростик был еще тот жук. Похоже, безо всяких принципов. Хотя какие в кино могут быть принципы? Это же всего лишь кино.

— Да, но... Лютик! — Я отрицательно помотал головой. Язык мой слегка заплетался. И с каких это пор я стал так быстро пьянеть? Раньше у меня от такого вина ум только прояснился бы. — Нет, Лютик... Но пойми... То было раньше. Ну не нравится мне эта серая крыса. И у нее к тому же муж, тоже тип еще тот. Ты хочешь, чтобы он меня пристрелил?

Лютик захихикал в ладошку.

— Да он, может, тебе только спасибо скажет.

Это было выше моих сил. Я тяжело поднялся и направился к выходу. Но маленький Лютик силой вернул меня на место. И вновь зашипел мне в лицо:

— Ты, сволочь, меня хочешь подставить, да? Ну же, говори, ты хочешь перечеркнуть мне всю музыку? У меня, может, только настоящая жизнь начинается. Я тебя по этим тупым рекламкам таскал, ты на моем горбу, можно сказать, квартиру купил, а теперь — старые друзья пошли к черту, да? Так понимать?

Я схватился за голову. Лютик никогда не был мне другом и никогда им не станет. Это друг Ростика. И Ростик, похоже, от Альбины бы не отказался.

— Да она от меня потом никогда не отцепится.

— Нет, я определенно тебя не узнаю. Ты как пить бросил, слегка тронулся. Уж что-что, а ловко сбегать от неинтересных женщин ты всегда умел. Тем более тут и сбегать не нужно. Да тебя после этого сериала на руках носить будут, даю слово! Ты же сам об этом так мечтал! Сколько ради этого крови у других высосал, скольких подставил! А тут — все само в руки течет. Главное, чтобы не утекло сквозь пальцы. Вот ты и постарайся. Попотей, попыхни. И не играй в совесть. У тебя ее никогда не было! А после этого кина начнется наше с тобой, настоящее. И мы сможем уже выбирать. И ты наплюешь на всех продюсерских жен, вместе взятых. А теперь уж, изволь, играй по всем правилам. Тем более тебе это не впервой.

— И ты серьезно веришь, что на такой гадости можно сделать настоящее искусство?

— Не на такой, так на другой, — хихикнул Лютик и посмотрел на часы. — Но все равно на гадости. И не строй из себя святошу. Ты это знаешь лучше меня. Или почти как я.

Я подумал, каким должен быть Ростик, если Лютик его лучший друг. И все же мне было странно, что Лютик его так и не узнал. Они, похоже, не один год знакомы. Правда, не с детства и не со студенческой скамьи, что упрощало дело. Они познакомились на киностудии. И их дружба ограничивалась съемками клипов и пьяными загулами. Разве за это время можно научиться распознать человека и тем более стать настоящими друзьями? Поэтому для Лютика я ничем не отличался от Ростика. А мои разговоры насчет совести он принимал за пьяную прихоть зарвавшегося артиста, и не более. Так что для большей достоверности я принял уставший от славы вид. И театрально провел ладонью по вспотевшему лбу. Ну почему я не оказался близнецом какого-нибудь простого честного работяги? Я готов был разгружать мешки или добывать уголь, только бы не торчать в этой пропитой и прокуренной забегаловке, которую официант почему-то именовал рестораном. Вместе с этим толстомордым типом, жующим «картофельным поросят» и называющим себя моим другом.

Лютик вновь взглянул на часы.

— Так что вали домой, дружище, она скоро будет звонить. И смотри, без фокусов. Иначе и впрямь наступит конец фильма.

Мы подозвали официанта. Такой же прямой, он важно поставил на столик поднос с шестью чашечками рекламного кофе. Лютик протестующие поднял лапки вверх.

— Это вам за наш счет, — важно сказал граф Лютик и многозначительно посмотрел на меня. — Пейте на здоровье.

Тяжело вздохнув, я вытащил свой бумажник. Одно утешало, что Ростик, при всей его продажной душонке, не слыл скупердяем. Тоненький официант подобострастно посмотрел на Лютика и, заикаясь, вымолвил:

— А вы знаете... В вас сразу видно графское происхождение. Этаким благородный взгляд, осанка...

Я смотрел на свинячьи налитые глазки Лютика, на его жирную тушу, еле уместившуюся в кресло, и готов был расхохотаться.

— А вы знаете, — еле сдерживая себя, обратился я к официанту. — Международная академия киноискусства признала его более красивым, чем Алена Делона.

— Ну, это не удивительно, — официант развел недоуменно руками, словно поражался, кто еще в этом может сомневаться. Я уже ничему не удивлялся.

И мы покинули кафе. Лютик важно шагал впереди меня, снисходительно оглядываясь и небрежно бросая реплики в мою сторону:

— Впрочем, чему здесь удивляться? Кто, в конце концов, этот Аллен Делон? Так, смазливая рожа и не более. Я вот подумываю о роли Ромео. Да, да! Новая интерпретация. Кто сказал, что Ромео должен быть безусым хорошеньким мальчиком? А не зрелым интересным мужчиной! Шекспир бы мне пожал руку! За оригинальное осмысление великого произведения!

— А на роль Джульетты можно пригласить столетнюю старуху с внешностью Бабы-Яги, — съязвил я.

Лютик приостановился и почесал лысый затылок.

— Это мысль! В конце концов, любви все возрасты покорны. И кто сказал, что в Бабу-Ягу нельзя влюбиться!..

Едва переступив порог дома, я услышал непрерывный звонок. Я долго сидел, крепко вцепившись в трубку, так и не решаясь ее поднять. Наконец, после некоторых раздумий, я признал себя проигравшим. И нисколечко не удивился этому писку серенькой мышки. Зажмурив глаза, я пытался вникнуть в смысл ее слов.

— Так, я сейчас же приеду. Ты назови адрес и по какой дороге лучше ехать, чтобы не застрять в пробках!

Если бы я разбирался в маршруте, я бы наверняка подсказал тот путь, на котором она застрянет на всю ночь. Но я плохо знал географию города. Поэтому покорился и указал лишь адрес.

— Кати по той дороге, которая тебе удобна. Я тебя встречу у подъезда.

Я принял душ, налил себе полный стакан бренди и выпил, уже начиная понимать, почему спивался Ростик. Как еще можно было принять старую продюсершу, если не напоить свою совесть? И как я могу встретить жену продюсера, если не напиться? После стакана бренди на душе потеплело. Бунтующая совесть слегка успокоилась. Бренди подавляет любой бунт.

Через полчаса я спустился вниз. И столкнулся нос к носу с Ритой и Джерри. Пес радостно завилял хвостом и поднялся на задние лапы, чтобы лизнуть мое лицо.

— Ну-ну, собака. Ты хороший парень. Только от меня пахнет слегка перегаром. Думаю, тебе это не понравится.

Джерри, лизнув меня в губы, громко несколько раз чихнул.

— Опять обсуждали важные дела? — понимающе спросила Рита.

— Да, и похоже, на этом вечер не закончился.

— А я вас долго ждала, чтобы вместе выгулять Джерри. Но так и не дождалась. Может, еще прогуляемся?

Я погладил Риту по светлым коротким волосам, как маленькую. И ее желтый беретик слегка сбился на бок.

— Нет. Рита. Не стоит. Да и Джерри уже домой просится. Он, похоже, устал. Я понял, что Рита очень долго гуляла с собакой в надежде встретить меня у подъезда. Слава богу, я как-то незаметно прошмыгнул мимо нее.

— Мне так не хочется домой. — Рита поежилась.

— А мне вот хочется, — ответил я скорее себе, вглядываясь пустым взглядом в безмолвную ночь. — Мне так хочется домой...

Еще мне хотелось добавить, что у меня нет дома. А если и есть, то чужой. Но Рита этого бы не поняла. Она и так плохо понимала меня. Возможно, это ее и притягивало.

— Тогда почему вы не дома?

— Почему? — с удивлением переспросил я. Действительно, все так просто. — Почему... Ты иди, Рита, мне нужно дождаться одного человека.

— Ту белокурую кудрявую женщину?

Если бы, вздохнул я про себя. Любашу я воспринимал как ангела по сравнению с Альбиной. К тому же от Любаши было проще отделаться.

— Почти, — неопределенно ответил я. — В общем, женщину. И какая разница — какую, — раздраженно прибавил я, злясь на себя. Но Рита приняла раздражение на свой счет и, резко повернувшись, скрылась с Джерри в подъезде.

И тут меня осенило. Хмель на воздухе быстро рассеялся, и совесть вновь взбунтовала против встречи с непрошеной гостей. Я должен был выкрутиться во что бы ни стало. И бросился в подъезд, вслед за Ритой. Она уже открыла свою дверь, пропустив Джерри вперед, но я успел схватить ее за руку и оттащил в сторону.

— Не обижайся на меня, девочка. И если я тебе хоть капельку симпатичен, будь другом — выручай.

Щечки Риты зарделись. И она опустила взгляд.

— Я не понимаю...

— Я еще сам ничего не понимаю, но поверь на слово, мне эта встреча ни к чему. В общем, я ничего не могу тебе сейчас объяснить, а лишь попрошу. Позвони мне через часик, а, Ритка? Ну, позвони, пожалуйста. — Я вкратце рассказал, что нужно делать, и бросился вниз по лестнице встречать Альбину.

Едва я выскочил на улицу, как подъехал серебряный «вольво». Я облегченно вздохнул. Насколько я помнил, Бина разъезжала на красненьком автомобиле. Может, она и впрямь застряла в пробке и не доберется до меня, с надеждой подумал я. Но надежда была напрасной, а радость недолгой. Из серебряного «вольво» вышла Альбина. В серебряном платье и серебряных туфлях на высоких каблуках. Похоже, она одевалась исключительно под цвет автомобиля. Сколько же у нее автомобилей? И сколько еще ей предстоит их купить, поскольку одежды было наверняка гораздо больше?

— Ты прекрасно выглядишь, Бина, — я вовсю старался изобразить из себя галантного кавалера. Несмотря на серебристое платье, она по-прежнему была всего лишь серенькой мышкой. Определенно, ей нужно носить темные очки.

Мы прошли в дом и я, усадив ее в плюшевое кресло, бросился на кухню, изображая теперь уже гостеприимного хозяина.

— Я голоден, как черт! — орал я ей. — Сейчас мы с тобой отужинаем. Ты включи телевизор! Или магнитофон!

Я посмотрел на часы. До обещанного звонка было еще полчаса. И эти полчаса мне нужно чем-нибудь занять, только бы не остаться с «мышкой» наедине. Я принялся чистить картошку. Но оказался слишком самонадеян: кто ближе к ночи станет есть жареный картофель, кроме меня?

Бина появилась в дверях и с удивлением смотрела, как я орудую ножом.
— Прекрати этот цирк! — взвизгнула она. — Я привезла все что нужно!

Я вздохнул, двинулся в ванную и, включив кран, долго смотрел на воду, умоляя время идти побыстрее. Время же в отместку ползло все медленнее и медленнее.

Когда по настоятельному зову Альбины я появился в комнате, на столике уже стояла открытая бутылка «мартини», оливки, аккуратно разложенные на тарелочке, и гроздья крупного винограда в вазе. Я же был голоден, как черт. И разозлился. Бина полулежала на моем диване, одно плечо ее было оголено. Это взбесило меня еще больше. Но я тут же взял себя в руки.

— Чудесный стол! — Я всплеснул руками и слегка переиграл.

Бина подозрительно на меня покосилась и протянула руки. Я присел на краешек дивана. И легонько убрал жиденькие волосы с ее лица. Тут же разлил вино по бокалам. И залпом выпил. Совесть не успокаивалась. Мне по-прежнему было тошно. Бина вдруг потянулась к бра, щелкнула выключателем, обвила мою шею руками и почти силой прижала мою голову к своей груди. Я старался думать, что она ни чем не хуже Лиды, с которой мы провели в Сосновке прекрасный месяц и которую я целовал с удовольствием. Я старался думать, что Бина довольно симпатичная девушка, что она ничего плохого мне не сделала. Я старался со всех сил так думать, но мои старания разбивались о взбешенную совесть. Бина жадно целовала мои губы, подбородок, плечи, а я с ненавистью поглядывал на часы.

— Ну же, скажи что-нибудь, Ростик, — томно шептала она. — Я так в тебя влюблена, скажи мне, ну же...

И раздался телефонный звонок, который обозначил мое спасение.

— Не поднимай! Я приказываю, не поднимай! — закричала Альбина, но было поздно, я вскочил как ошпаренный и бросился к трубке. И услышал такой приятный, такой родной голосок Риты.

— Да, Вика? Удивлен, конечно, удивлен. Я не думал, что это так срочно. Ты прямо сейчас собираешься приехать? Может быть, завтра с утра? Нет? Ну что ж, это ведь и твой дом тоже...

Я со злостью бросил трубку на рычаг.

— Вот чертовка! — Я старательно изображал злость. — Нет, это же надо! В самый пикантный момент! Ну не гадюка ли? Словно все чувствует! Понимаешь, что я могу сделать?! Мы же еще женаты. И это ее квартира пока не меньше, чем моя. Ей, видите ли, нужно забрать какие-то важные записи, — я тараторил текст, стараясь не столкнуться взглядом с Биной. Но когда нечаянно на нее взглянул, то испугался. Она сидела напротив меня неподвижно, как статуя, впившись своими серыми глазками в мое лицо. Она не верила ни единому моему слову.

— Я не верю ни единому твоему слову, — тоненько, но решительно пропищала она. А я вдруг некстати подумал, что по всем законам природы у нее должен быть хриплый командирский баритон. А этот писклявый голосок она всего лишь придумала и дается он ей нелегко. Мне даже хотелось сказать ей, чтобы она не принуждала себя пищать.

— Это ложь, — вновь взвизгнула она, и я понял, что нужно держаться, как на допросе. Она была далеко не простушкой, как я подумал с первого взгляда.

— Клянись тебе, Бина! — Я даже присел перед ней на корточки и взял ее влажные руки в свои. — Клянись всеми богами. Разве ты не знала, что я женат? Я тебе даже паспорт могу показать, — я уже собирался броситься за паспортом, но она силой меня усадила на место, на колени.

— Я прекрасно знала, что ты женат! Я все про тебя знаю! Все, абсолютно! Она так это заявила, что я даже испугался. Пожалуй, она знала больше, чем я сам.

— Ты давно не живешь со своей женой и почему-то теперь, в двенадцать ночи, когда у тебя женщина, она вдруг вздумала к тебе заявиться.

Мои ноги затекли, и я медленно поднялся.

— Я тебя не понимаю, Биночка. Ты что, намекаешь, что я сам рассказал жене, что у меня будет дама? Если хочешь знать, ты — первая женщина, которая после нашего расставания переступила порог этого дома.

— Я все равно тебе не верю! Не знаю как, но ты все подстроил.

Альбина поправила платье, прикрыла оголенное плечо, схватила сумочку и решительно застучала каблучками к выходу. Лютик мне этого никогда не простит. Я бросился вслед за ней. И как мог, горячо, обнял ее за плечи.

— Ну же, не дуйся, препятствия только усиливают любовь, разве не так?

— Когда их слишком много, любовь может превратиться в ненависть. А если я кого-нибудь ненавижу...

Я подозревал, что тому уж точно несдобровать. И страстно поцеловал Бину в губы. Я вообразил, что мы играем очередную сцену. Играть я умел. Бина слегка обмякла в моих объятиях и ответила на мой поцелуй. Похоже, она меня простила...

Проводив ее к машине и дождавшись, когда она уедет, довольный, что выкрутился, я бегом заскакал вверх по лестнице. И вновь, как в далеком прошлом, в голове моей стучала фраза: «Домой, скорее домой». Из соседней двери показалось румяное личико.

— Ну и как? Все прошло нормально? — шепотом спросила Рита.

— Ага, — шепотом ответил я. И вдруг вспомнил, что Альбина оставила виноград, оливки и вино. — Хочешь, приглашу тебя на легкий ужин?

— Ой, так поздно, — испугалась девушка. И с опаской обернулась. — Вдруг мама проснется, а меня нет?

— А ты возьми с собой Джерри. Скажешь, что у него разболелся живот и срочно нужно было на улицу. Я жду, дверь не заперта.

Девушка радостно кивнула и скрылась за порогом. А я подумал, что так ловко научился изворачиваться и врать, даже самому противно. Впрочем, я давно усвоил, что изворачивание и ложь зачастую становятся всего лишь самосохранением. Там, в Сосновке, все было настолько ясно и просто, как солнечный день, что бесстыдным враньем выглядел разве что снег в мае.

Я очень обрадовался приходу Риты. Усадил ее в кресло и укрыл ноги пледом. Рядом примостился большой и неуклюжий Джерри. Рита была для меня всего лишь ребенком, чуть-чуть влюбленным в меня и совсем не опасным. Я же ее совсем не любил и сразу решил, что мы сможем стать хорошими друзьями. К тому же у меня за все долгое пребывание в городе так и не появились друзья. А всякие Лютики были всего лишь приятелями Ростика. Рита, безусловно, тоже не моя знакомая, не я ее встретил и не я ее выделил в толпе. Она тоже для Ростика. И все же она была мне ближе всех. И с ней меньше всего приходилось притворяться и играть. Она знала Ростика не больше моего.

Девушка взяла с тарелки гроздь винограда и откусила неправдоподобно крупную ягоду.

— Удивительно это, — тихо сказала она, — виноград в апреле.

— Тебе он не по вкусу?

— Не знаю, он действительно безвкусный. Мне нравится, когда все по сезону. Клубника в июле, а виноград в августе.

— Мне тоже нравится, когда все по правилам. У каждого овоща — свой месяц, а у человека — свое место.

— Вы это так грустно говорите, почему? Вы ведь на своем месте? — Рита внимательно на меня посмотрела. Ее большие зеленые глаза светились в полумраке комнаты, как у кошки.

— Конечно, на своем, девочка. Но вот ты могла бы, к примеру, меня представить живущим где-нибудь в лесу, в маленькой сторожке?

Рита улыбнулась. У нее была нежная, открытая улыбка.

— После рекламы кофе это трудно представить. Но... Вы ведь хороший артист, наверное, вам бы удалось сыграть лесника. Помните, вы мне рассказывали, что репетируете новую роль? Расскажите еще... О чем эта история?..

— О чем? — Я пригубил «мартини», мягкое тепло растеклось по телу. Там, в Сосновке, наверно, тепло, настоящая весна. И совсем скоро расцветет на могилке моей костюмерши молоденькая сирень. — О чем... Знаешь, так сразу и не расскажешь. Она об одном парне, этаким лесном дикаре, здоровом, бородатом, словно рожденном вместе с соснами и понимающем язык птиц и зверей. Иногда его называют лесным богом. Но он, конечно, не бог. Он не может спасти мир или хотя бы усовершенствовать его. Но он так же, как бог, его любит. Маленькую сторожку с перекошенной калиткой, куст сирени, на котором весной взрываются почки, завывание ветра по ночам и настойчивый стук дятла, а еще многое, многое другое. Но самым близким для него был друг...

— Это девушка? — встрепенулась Рита, и в ее глазах появился испуг.

— Нет, Рита, это всего лишь собака. Его зовут Чижик. — Мой голос дрогнул, и я погладил Джерри по рыжей шерсти. Он в ответ лизнул мою руку. — Чижик совсем не похож на твоего пса. Он совсем беспородный, но тоже рыжий, очень похожий на лису. Возможно, какая-то лиса и затесалась в его родословной. Я... то есть этот парень, лесник, как-то нашел раненого пса в лесу, выходил и оставил у себя. С тех пор тот и стал его самым лучшим другом. А вот людей парень не знал, вернее, знал совсем мало.

— И никого не любил?

— Любил, пожалуй. Без любви фильм был бы, наверное, скучным. Он полюбил приезжую девушку, совсем из другого мира, яркого, насквозь лживого. Но по сценарию возлюбленная его предаст. При этом героя горячо и преданно любит девушка из деревни, всем сердцем любит, но он предаст ее. И своего Чижика тоже. Пес уходит от него и умирает. В общем, все кого-то предают...

— Не так уж хорош ваш герой, если он предает собаку. Самое безобидное существо. — Рита поставила тарелку с виноградом на место и облизнула губы.

— Ты же не читала сценарий, — резко ответил я. — Возможно, у него были на то причины. И возможно, он потом сильно раскаялся.

— Знаете, Ростислав Евгеньевич, я думаю, что сценарист не очень-то хорошо разбирается в жизни. — Рита разволновалась и залпом осушила бокал вина. — Он сам, скорее всего, разбалованный маменькин сынок, дальше своей дачи и носа не показывал. И собаки у него никогда не было. Разве может человек предать живое существо? И вы... Если честно, не совсем подходите на эту роль. Вы ведь тоже не знаете этой жизни. Извините, но я буду откровенна. Ну какой из вас лесник? Вы такой лощеный весь, такой красивый, ухоженный...

Похоже, девушке вино крепко ударило в голову. Я отобрал у нее бокал.

— Ты плохо разбираешься в искусстве, Рита. Артисты играют и разбойников, и полярников, и героев. И не обязательно, чтобы они были на них похожи.

Рита смутилась и покраснела. Джерри носом подталкивал ее встать с места. Он хотел домой.

— Нам пора, Ростислав Евгеньевич. Вы на меня не обиделись?

— Ну что ты, девочка.

Я подумал, что Рита во многом права. Я все менее походил на себя, на дикого парня из Сосновки.

— Вы мне потом еще расскажете эту историю поподробнее, ну, чем она закончилась?

— Обязательно, Рита.

— А знаете... Ну, в общем, чтобы вам было проще играть эту роль, я могу отвезти вас к своей тетке, у них там и лес, и озеро, и беспородная собака... Я могу многое рассказать и показать... А мой двоюродный брат научит вас стрелять из охотничьего ружья...

Я представил себе, как городской пижон, эдакий модный артист в белом костюме удивленно таращится на сосны и ели, аккуратно, чтобы не запачкаться, ступает лаковыми ботиночками по земле и со страхом прикасается к ружью. А здоровый бородатый мужик объясняет ему премудрости деревенского быта. Нет, эту игру я уже не осилю.

— Замечательное предложение, Рита, но, боюсь, у меня мало времени для вылазки на природу.

Рита остановилась в дверях и задумчиво посмотрела мне прямо в глаза.

— Скажите честно... Почему вы так боитесь природы?

— Я всего лишь опасаясь, что это она меня испугается, — неудачно отшутился я. И про себя добавил: «И не простит»...

Следующее утро выдалось хмурым и серым, облака низко повисли над крышами домов и черный заводской дым растворялся в них. Настроение было отвратительным. Я вспоминал слова Риты, что я меньше всего похож на человека леса, и с тревогой думал, что когда-нибудь вообще похороню в себе Даника. И настроение превращалось в похоронное.

На студии обстановка была не менее мрачной и траурной. Почему-то работа не кипела, декорации не были подготовлены для съемок, свет не установлен. Съемочная группа толпилась кучкой в стороне, пуская дым в потолок и что-то горячо обсуждая. Я даже грешным делом подумал, что не иначе как умер продюсер. Но едва я кашлянул, давая о себе знать, все разом оглянулись. Наступило гробовое молчание. Десятки взглядов смотрели на меня с презрением и злобой. И я тут же понял, что дело не в Песочном. Дело во мне. Неужели появился Ростик? Как ни странно, я даже обрадовался. Неужели конец этому затянувшемуся кошмару? Неужели я смогу вернуться домой? Я искал в толпе настоящего Ростика и не находил. Наконец ко мне засеменил Лютик. И, едва поравнявшись, процедил сквозь зубы:

— Ну, поздравляю, супермен.

— Так получилось, — только и сказал я. Мне не хотелось объяснять, почему я занял место Ростика. Я подозревал, что объяснять придется еще не один раз.

— Всю группу подставил, сволочь.

— А не все ли равно, кто будет играть главную роль? — Я имел в виду Ростика.

— А ее вообще никто играть не будет, — злорадно зашипел Лютик. — Съёмки накрылись. А все мы — кучка жалких безработных, усек?

Я не понимал, почему с появлением Ростика нужно останавливать съёмки.

— Боже мой, — всплеснул толстыми ручками Лютик, — какое благородство! Видите ли, он не любит Альбину. А ты вообще кого-нибудь, сволочь, любил? То-то и оно! И тем не менее почему-то не пропускал ни одной юбки! А тут, когда такое дело, подставил всю группу!

Я встряхнул головой, начиная все понимать.

— погоди, Лютик, объясни толком, в чем дело?

— Ах, какая невинная овечка! Ты кому-нибудь другому честные глазки строй, но не мне! Твой продажный взгляд я наизусть выучил, он у меня во где, — Лютик похлопал рукой по своей шее. — Говори честно, свинья, ты за моей спиной вел с кем-то переговоры, тебя перекупили, и ты нас всех кинул?

— Фу-у-у, — я облегченно вздохнул. — Значит, дело всего лишь в Бине? — я ободряюще похлопал Лютика по плечу. — Успокойся, дружище. Никто меня не перекупил, клянусь. А с Биной... Я выкручивался, как мог, каюсь, но мне показалось, мы с ней хорошо расстались.

— Настолько хорошо, что ее муж, это жирный индюк, прикрыл съёмки! Более того, никто ни тебя, ни меня уже не возьмет на работу! Он постарается! Так что прощай, кино! Кина не будет, кинщик спился! И куда нам теперь податься? А? Официантами или гардеробщиками?

Я подумал, что Лютику лучше всего идти в мясники. И все же мне стало его жалко. Но дело даже не в нем. Было проделано много работы, пусть не самой лучшей на свете. Но и не самой худшей. К тому же, получается, именно по моей вине на сегодняшний день все стали безработными. Я от всей души ненавидел Бину. Какая-то серая мышь с тремя классами образования руководит всеми. От нее, видите ли, зависят судьбы людей и чуть ли не судьба кинематографа вообще. Если бы она сейчас попалась под руку, то задушил бы, не задумываясь. И я со всей силы сжал кулаки.

По щучьему велению, по моему хотению, мимо нас проплыла Бина в ярко-желтом сарафане. Не иначе приехала на желтом авто.

— Бина, — окликнул я ее. Мои кулаки были по-прежнему сжаты.

Она фыркнула и прошествовала мимо. Я почувствовал на себе пристальные настойчивые взгляды зрителей. Со всех сторон на меня давило гробовое молчание. И никто иной как я должен был разрушить немую сцену.

— Бина, — более мягко окликнул я «мышку» и разжал кулаки. — погоди, нам нужно поговорить.

В этот кульминационный момент зрители затаили дыхание.

Альбина остановилась, но в мою сторону так и не обернулась. Я приблизился к ней и горячо зашептал слова, которые наверняка сказал бы главный герой, который вот-вот может навсегда потерять любимую. Бина не была любимой девушкой, упаси бог. И я всей душой желал ее потерять. Навсегда. Но терять работу ни я, ни кто-то другой не хотел.

Щечки Альбины зарделись, она победоносно оглядела зрителей и наконец удостоила меня вниманием. И нарочито громко сказала:

— Попроси прощения на коленях, если хочешь, чтобы я простила! Ты вчера вел себя недостойно! Я рассказала мужу, как ты ко мне приставал. Он ужасно

разозлился! И видишь, чем все кончилось! Ты всех подставил! Но если ты хочешь заслужить мое прощение... Встань на колени.

Да, это была воистину кульминационная сцена. Стало настолько тихо, что жужжание крупной желтой пчелы, пролетавшей мимо, казалось гудением реактивного авиадвигателя. Я был так огорошен ее наглостью, что язык прилип к небу, а ноги одеревенели. Неподалеку Лютик бухнулся на колени и воздел руки к потолку. Наверное, он готов был вместо меня стоять на коленях перед Биной до полного изнеможения. Или — передо мной.

Бина, гордо приподняв подбородок, вызывающе пожирала меня своим бесцветным взглядом. Ожидая моего унижения. Вдруг прямо в ее глаз со сверхзвуковой скоростью врезалась пчела, и тут же замертво упала прямо передо мной. Бина испуганно завизжала. А я растерянно смотрел на желтое пушистое тельце у моих ног. И вовремя сообразил поднять его, пока десятки ног, бросившихся к серой мыши, не успели его раздавить.

— Ой, спасите! — визжала Бина, и ее вопли сопровождались нецензурной бранью. — Эта сволочь меня ужалила! Ненавижу!

Киношники подобострастно пытались помочь жене продюсера. Лютик чуть не сшиб меня с ног, и его красное лицо было перекошено от злобы.

— Ты, гад, чего стоишь, как остолоп, беги за льдом!

Но никуда бежать я не собирался, тем более вместо меня это уже делали десятки добровольцев. Я же, разжав ладонь, смотрел на мертвую пчелу, спасшую меня от унижительной процедуры.

— Ты чего это! — не унимался Лютик и взглянул на мою ладонь. — Фу, какая гадость! Зря я его сразу не прихлопнул, эту пчелиную морду!

— Зачем она сюда прилетел, — тихо сказал я. — В эту прокуренную комнату, на это отвратительное сборище, этот шабаш... На свете столько цветов, столько зелени...

Лютик подумал, что я сошел с ума. Он покрутил пальцем у виска. И бросился на помощь орущей Бине. Я сжал ладонь, приблизился к окну, распахнул его настежь и бросил пушистое насекомое в траву. Туда, где она и должна была жить. И умереть. Я вдохнул утренний воздух. Он был насквозь пропитан машинным маслом и заводским дымом. И все же он был лучше, чем студийный. Природа и сегодня пришла ко мне на помощь. Они все чувствуют и все знают, эти неразумные твари. И эта желтая пчела прекрасно знала, кому сделать больно и кого спасти. Даже ценой своей жизни. И я вдруг вспомнил, как давно, в Сосновке, мы с Валькой гуляли по лесу и наткнулись на пчелиный улей. Я схватил ее за руку и потянул назад, чтобы не рисковать. Но девушка заупрямилась. Помню, она уверенно заявила, что пчелы нас не тронут. Что они чувствуют, кто для них свой, а кто нет. А еще, по народной примете, они жалят только отъявленных грешников.

— Брось, Валька, — сказал я тогда девушке, — неужели ты и впрямь думаешь, что я ангел? Ты — это другой разговор, тебя они точно не тронут, а вот я... Я, признаюсь честно, грешник.

— Но не отъявленный же, — рассмеялась Валька. — К тому же даже если бы ты был отъявленным, они все равно бы тебя не тронули. Потому что ты ничего плохого не сделал ни флоре, ни фауне.

Пчелы кружились над нами, одна даже села мне на плечо, словно раздумывала, жалить или нет. Но тут же улетела, не сделав ничего дурного. А Валька ликовала, как ребенок. Она оказалась права... С тех пор много воды утекло. И я уже не знал, на моей ли стороне флора и фауна. Но когда я держал в

своей руке пушистое тельце погибшего шмеля, я понял, что у меня еще есть шанс.

Из оцепенения меня вывел крик Лютика. Он тормозил меня и кричал прямо в лицо:

— Да очнись ты! Вот уж не думал, что ты до такой степени трус! Ну да! Ты же этих всех пернатых и лохматых больше моего терпеть не можешь! Да ладно, все! Приказано больше пчел не пускать ни под каким предлогом! На, бери, иди к Бине с повинной.

Лютик сунул мне кубик льда из морозильника, и подтолкнул к жене продюсера. В студии не было стульев, и Бина сидела прямо на полу, на каком-то журнале и громко редела. Лютик со всей силы дал мне пинка, и я упал перед Биной на колени. Все зааплодировали. Финальная сцена удачно завершилась. Я принялся осторожно протирать ей глаз.

— Ой, как больно! — пищала она.

— Ну, прости, — попросил я прощения на коленях. — Ну-ну, все сейчас пройдет. Успокойся.

Почувствовав себя вновь на коне, я приказал принести стул. Кто-то мигом сбегал к реквизитору, и через несколько минут Бина уже восседала на высоком бархатном троне. Ее лицо было красным от слез, а глаз так распух, что, казалось, вот-вот лопнет. Губы перекосила гримаса ненависти, похоже, уже не столько к моей скромной персоне, сколько к несчастной пчеле. Она была вылитой сватьей бабой Бабарихой, хитрой и злобной, и я подумал, что эту роль она, пожалуй, осилила бы.

Я приблизился к трону, меня преследовали слуховые галлюцинации: «На колени, на колени перед госпожой императрицей...» Будто зубной врач, я встал у ее изголовья и вновь осторожно приложил к глазу лед.

— Очень страшный глаз? — Бина вцепилась в мою руку.

Мне было совсем не жаль ее. Я с грустью думал о пчеле.

— Ну что ты, Биночка, слегка припух, к завтрашнему утру все заживет.

Съемок все равно нет.

Бина вновь расслабилась в кресле, почувствовав себя королевой.

— А ты все-таки не встал передо мной на колени. По-настоящему.

— Во всем виновата пчела. Но ты не права, есть свидетели, как я рухнул на колени перед тобой, — еле сдерживаясь, ответил я и подумал: «Кто хочет унижить другого, рано или поздно унижится сам». У Бины это случилось рано. То ли на моей стороне была фауна, то ли Валька права — жалят отъявленных грешников. А может, и то и другое.

Сразу было видно, как Бине хочется еще раз опустить меня на колени. Но она не могла не понимать, что время ушло. И ее не спасало теперь ни то, что она сидит на троне, ни то, что она жена продюсера. Сколько бабу Бабариху ни сажай на трон, царицей она не станет. Но сила по-прежнему оставалась на ее стороне. И это понимала вся съемочная группа.

Властным взглядом Бина обвела студию. Опухший глаз при этом слегка дернулся. Ей оставалось разве что стукнуть о пол жезлом, но его не оказалось под рукой.

— Чего вы уставились, — взвизгнула она. — Завтра съемки, а ничего не готово!

В дверях, как сфинкс, возник ее муж, продюсер Залетов. Он бросился к трону и с испугом стал осматривать опухшее лицо молодой супруги. И успокоился

лишь тогда, когда Лютик, заикаясь, все объяснил, при этом ругая шмеля самыми последними словами.

— Как вы посмели допустить такое! — Песочный в гневе готов был разорвать Лютика на части. Но вдруг заметил меня, и его лицо перекошилось. — А этот что здесь делает?

Альбина обвила шею Песочного влажными ручками. И лизнула в крашеную рыжую бороду.

— Ну же, милый, мы уже все выяснили. А Ростислав даже попросил у меня прощения — на коленях. Это все видели.

Песочный недоверчиво на меня покосился и отозвал в сторону.

— Это правда? — раздраженно спросил он.

Я закурил и внимательно посмотрел на Песочного. Неужели он доверяет своей жене? И что у них за отношения?! Мне вновь предстояло играть, и в этой игре главным было найти нужное слово.

— Раз ваша жена сказала, значит, так и есть. Я попросил прощения при всех.

— Я не то имел в виду, — Песочный махнул своей сухой рукой, как веткой. — Это правда, что вы вели себя по отношению к ней некорректно?

— Ну-у-у... Если то, что я сделал ей комплиментов больше, чем положено, назвать некорректностью, — в тон ему ответил я.

— Не уходите в сторону от вопроса, Неглинов. Вы знаете, что я имею в виду.

— Я мужчина не меньше, чем вы, — я лихорадочно подбирал правильный ответ. — А она — очень интересная женщина. Возможно, я слишком увлекся ролью и не мог себя сдержать...

Я интуитивно почувствовал, что такой ответ попадет в точку. Мне казалось, скажи я правду, что его жена сама нахально ко мне пристает, он тут же вышвырнет меня за дверь. К тому же стучать на кого-то было не в моих правилах.

Песочный благодушно похлопал меня по плечу.

— Ну-ну, я рад, что все улажено. Прекрасно вас понимаю, перед моей женой мало кто устоит. Но согласитесь, это лучше, чем если было бы наоборот. Мне это в некотором роде льстит, вы согласны? К тому же, вы — артист, натура впечатлительная... И все же я вас хочу предупредить...

— Понял, — поспешно ответил я. — И все же осмелюсь задать вам вопрос. Скажите, Георгий Павлович, вы и впрямь верите, что ваша жена талантлива?

— Что за вопрос! — Песочный нахмурился. — Безусловно. А потом... Разве это имеет какое-то значение? И разве она менее талантлива, чем другие? Ну хорошо, попробую вам ответить более откровенно. Таланты нужны для искусства. Ремеслу нужны ремесленники. Кто может назвать сегодняшнее кино искусством? Как, впрочем, и многое другое. И нужно ли вообще искусство? Оно усложняет человеку жизнь, которая, поверьте, и без того нелегка. Раньше искусство заставляло думать. А вы спросите, хочет ли кто-нибудь сегодня думать? Скорее наоборот, все желают поскорее избавиться от лишних мыслей. И они правы. Поэтому я с полной уверенностью могу сказать, что моя жена может стать прекрасной артисткой. Под стать нынешнему кино. А вам советую поменьше предаваться философским измышлениям. Иначе никогда не станете звездой.

— Но почему вы решили, что искусством должны управлять именно вы?

Песочный расхохотался, обнажив свои безупречные фарфоровые зубы. Плохо, что он не был знаком с настоящим Ростиком. Настоящий Ростик этого вопроса не задал бы.

— Все очень просто. У меня есть деньги. Много денег. А что такое искусство без денег?

— А если бы они были у меня? И я захотел бы делать искусство, а не ремесло?

— Тоже простой ответ. Поначалу так оно и было бы. Но лишь поначалу. Потому вы непременно повторили бы мой путь. Иначе бы просто прогорели...

Я раньше мало задумывался об искусстве. Мне это и не было нужно. Я все измерял по высшему счету. И считал, что миром должны править совершенство и гармония. Как в природе. Неужели я ошибался? Или ошибались другие, готовые превратить нашу жизнь в макет и ремесло? Эту ошибку нужно было исправить. Пока не поздно. Но Песочный прав, без денег ничего не изменить. И я повторял в сотый, тысячный раз мысль, рожденную сотни, тысячи лет назад: все зло в деньгах. Деревьям не нужно платить за землю, птицам — за небо, животным — за пищу. Они не хотят стать богаче, и среди них нет бедных... Я начинал понимать — чтобы что-то изменить, нужны деньги. Много денег.

Что ж, теперь от них я так легко не откажусь. Совсем недавно я чуть было так легкомысленно не потерял роль, но больше такой ошибки не повторю. Я снимусь лишь в этом дурацком сериале, заработаю круглую сумму, а потом подыщу работу по душе. И попробую изменить порядок вещей хотя бы в одном деле, вернее, расставить эти вещи в нужном порядке. Попробую хотя бы одно дело усовершенствовать и возвести до уровня искусства. Но для начала нужен хоть какой-то капитал. Его мне могла дать только работа в кино. Лютик прав — кому мы нужны в этом мире?! И если жизнь хоть один раз повернулась к нам лицом, нужно помнить, что это может и не повториться. Я же больше не хотел искушать судьбу. Мне нужны деньги. Чтобы стать свободным, я должен откупиться. Вначале нужно смотреть на мир как на модель, а потом уже пытаться его изменить. И мне придется до конца сыграть роль Ростика, не очень честного и чистого на руку парня. Чтобы потом жить по всем правилам, которые должны быть и которых пока нет.

Этим же вечером, пересиливая отвращение, я позвонил Бине и договорился о встрече. Я успокоил себя тем, что все это временно. Что ненадолго я стану негодяем и подлецом. И временно буду поступаться совестью, продавая ее. Чтобы потом иметь возможность жить по-другому... Тогда я еще не знал, что от хорошего к дурному идти гораздо легче, чем наоборот.

И я легко решился на свидание с Биной, все больше и больше убеждая себя, что сейчас я — всего лишь артист Ростислав Неглинов. Которому позволено многое. Данька же по-прежнему живет в Сосновке и когда-нибудь, в один прекрасный солнечный, день я обязательно к нему вернусь, в его маленькую сторожку, утопающую в зелени. И навстречу выбежит радостный Чижик. А сегодня мне нужно поменьше вспоминать тот лесной мир, чтобы легче жить в этом.

С Биной мы встретились в парке. Я убедил себя, что, несмотря на ее серую внешность, выглядит она довольно неплохо. В том же красном плаще, темных очках и косынке она была даже эффектна. А я приложил все усилия, чтобы выглядеть плохо. Не побрился, нацепил на себя что-то помятое и старое из ростикова гардероба, и перед встречей для храбрости выпил стакан коньяка, так что разило от меня неслабо.

Как ни странно, эффект оказался обратным. Видимо, все-таки я плохо разбираюсь в женщинах. Ростик наверняка бы нашел способ вызвать к себе неприязнь. Мне же это не удалось. Напротив, Бине настолько надоел ухоженный,

чистенький, утонченный муж, что меня она встретила восторженным влюбленным взглядом. Она даже сняла очки, пожирая меня глазами с ног до головы. А ее припухлый глаз все время дергался.

— Болит? — участливо спросил я, слегка притронувшись к веку.

Она надула губки, изображая из себя ребенка.

— Ага, все этот сволочная пчела. До чего ненавижу всяких насекомых! Отвращение вызывают, кажется бы, придушила их всех! — Она скривилась и затрясла кулачками.

Я скривился вслед за ней. Я обожаю всяких насекомых. А отвращение у меня вызывали некоторые представители рода человеческого, да и то с недавних пор. Одна из них сейчас стояла передо мной. И я понял, что если не напьюсь до беспамятства, то сотворю очередную глупость. И уже не смогу исправить ошибки. Ведь предупреждение Песочного было более чем серьезным.

— Куда-нибудь сходим, отужинаем? — я попытался оттянуть время, хотя надеяться было не на что. — Я ужасно голодный.

— У меня дома все есть, — пропищала Бина. — Я заказала шикарный ужин из ресторана, его уже привезли. Осталось разогреть в печке.

— Ужин дома? — Я не поверил своим ушам. И несказанно обрадовался. — Значит, мы ужинаем с твоим мужем?

Бина тоненько заливисто расхохоталась. Я был слишком наивен, цепляясь за любую соломинку, и в этой пикантной ситуации попытался найти спасение в лице ее благоверного.

— А ты шутник! У меня есть своя квартира, как бы собственная крыша под солнцем. Сам понимаешь, творческим натурам нужно иногда уединяться.

— Кому-кому? — честно не понял я.

— Творческим натурам! — вызывающе встряхнула головой Бина. — Мне же где-то нужно учить свою роль. Подумать о том о сем. Например, о своем творчестве... Ну и вообще...

Мне ничего не оставалось, как смириться. И с творческой натурой, и с предстоящей ночью любви.

— Едем, Бина! — Я решительно взял ее за руку. — Творческим натурам иногда нужен полноценный отдых.

Откровенной иронии жена продюсера, безусловно, не заметила.

Квартира Альбины была ей под стать. Супермодная, очень безвкусная и бесцветная. И совершенно стерильная. Белые стены, стеклянная мебель, ни одного цветка и ни одной книги. Мне показалось, что это — больничная палата, разве что очень дорогая. Я с опаской поглядывал на дверь, меня не покидало чувство, что вот-вот появится санитар в белом накрахмаленном халате и в лучшем случае предложит мензурку с горькой микстурой, в худшем — привяжет к кровати.

Впрочем, санитар в данной ситуации был бы для меня просто чудом. Но чуда не произошло. Вместо него появилась Бина в белом атласном халате и предложила выпить. Она с ногами забралась на плюшевый диван, откровенно обнажив коленки. Она была на своей территории.

— Вино, шнапс?

Я понятия не имел, что такое шнапс, но по резкому звучанию названия подумал, что, наверное, это самый крепкий напиток из предложенных. А мне так нужно было срочно забыться и все забыть. И я залпом выпил рюмку, содержимое которой на поверку оказалось всего-навсего водкой, хотя и немецкой. Умеют же

за счет непонятностей набивать цену вещам! Я тут же налил вторую рюмку. И непонятное стало более ясным.

Бина нежно провела пальчиком по моей руке. Ее пальчик был, как всегда, влажный. И я поежился.

— Говорят, у тебя были серьезные проблемы с алкоголем? — участливо спросила она Ростика. Так как мне пришлось отвечать за него, я подумал, что лично мои проблемы с алкоголем только начинаются.

— Все в прошлом, — улыбнулся я. И для убедительности выпил еще.

Меня не так-то просто свалить с ног. И все же голова пошла кругом. Ноги стали ватными. Я почувствовал на своих губах горьковатый поцелуй, слегка отдающий шнапсом. И искренне пожалел Ростика, который ради жалкой роли должен целовать столетнюю продюсершу. По сравнению с ним я был в более выгодном положении. И хотя от всей души ненавидел Бину, мысли о Ростике придали сил. Я крепко обнял Бину. Перед моими глазами проплыли белые стерильные стены. И показалось, что пахнет горькой микстурой. И я вновь почувствовал на своих губах терпкий вкус. Где-то далеко-далеко приглушенно залаяла собака. Мне показалось, что Чижик зовет меня и просит о помощи. А я пытаюсь вырваться из больничной палаты, разбить окно, однако ноги не слушаются. А санитары уже вяжут меня резиновыми жгутами, и становится нечем дышать. Мне хочется крикнуть Чижика, что помню его и никогда не брошу, но язык липнет к небу, и я задыхаюсь...

Наконец я очнулся. И увидел склоненное над собой лицо Бины. Жиденькие волосы растрепались, по щекам пошли красные пятна, а глаз слезился и еще больше набух. Кругом белые больничные стены и запах микстуры, которая называется шнапсом. Если это — любовь, я даю себе зарок никогда больше не любить.

— Любимый, — слышу я хрипы Бины. И мне становится тошно. И чтобы выжить, чтобы набраться сил и привести мысли в порядок, я вспоминаю Чижика. Его рыжую лисью морду, его залиvistый лай. Мне становится легче.

— Любимый...

Бина перебивает мои мысли. Она имеет на это право. Я должен сегодня любить ее, чтобы жить дальше, чтобы работать и чтобы когда-нибудь потом послать всех к черту. И стать абсолютно свободным. Для этого я должен играть в любовь с Биной.

Я старательно глажу ее по бесцветным волосам. Осторожно прикасаюсь губами к красной щеке. Но сказать ничего не могу. Это выше моих сил.

— Скажи мне что-нибудь, — требует Бина.

Я закрываю глаза и вижу перед собой Чижика, резвящегося на крыльце сторожки. Он подбегает ко мне, лижет руки, и я его треплю по рыжему загривку... Альбина приближает руку к моим губам. Я представляю, с каким удовольствием ее укусил бы Чижик. Я машинально целую руку Альбины и с трудом выдавливаю заветные слова, только бы она отстала.

— Я люблю тебя, — шепчу я, а на деле, наверное, получается — «гав».

Бина довольно смеется. Я сыграл свою роль до конца, и мне хочется поскорее домой. Хотя это и не мой дом, он все же лучше, чем стерильная палата с невидимыми санитарями. И я осторожно освобождаюсь от цепких рук Бины.

— Когда мы встретимся? — спрашивает она, и ее серые глазки при этом вызывающе блестят.

— Завтра, — говорю я, не лукавя. Завтра съемочный день. Я старательно припоминаю, сколько осталось до окончания съемок. Пожалуй, дней двадцать

пять. Из них нужно вычесть выходные, которые Бина наверняка проведет с Песочным, мои внезапные приступы болезни, которые я придумую, и просто неудачные дни. Что ж, не так много времени судьба нам выделяет для личных встреч. От этой мысли становится легче. И я даже ободряюще хлопаю жену продюсера по плечу.

— У нас впереди так много дней, — успокаивает меня Бина.

— Конечно, — с готовностью соглашаюсь я, припоминая свои подсчеты.

Мы прощаемся до завтра. Прощаемся как страстные влюбленные. Я поспешно сбегая с лестницы. И на улице жадно глотаю пропитанный бензином воздух. И он мне кажется самым чистым и прозрачным воздухом горных курортов. Наконец я чувствую себя свиньей. И себя ненавижу. Даник корчится во мне от боли, Даник не хочет умирать. Он хочет победить. Но у него так мало шансов. И я успокаиваю его тем, что в конце концов это свинство — временное. Что мне нужно только встать на ноги. Что, закончив эту картину, я навсегда распрощаюсь с кино, которое уже ненавижу. И начну новую жизнь — без мук совести. Как и поступил бы Даник. Но мне кажется, что Даник меня не слышит...

Как ни странно, этой ночью я спал крепко. Совесть уже не бунтовала, а, напротив, тихонько уснула во мне, словно после удачной сделки. Даник сдался. И все же, как мне хотелось думать, только на время.

На следующее утро я с уснувшей совестью и смиренным видом явился на съемочную площадку. Меня встретили счастливые лица моих коллег. Все мне кланялись, сочувственно справляясь о здоровье. А Лютик и вовсе кружил возле меня, как бабочка, хватая за руки и непрерывно благодаря.

— Ты не представляешь, Бинка сегодня — просто чудо! Ты знаешь, она и впрямь неплохая девчонка и даже симпатичная. Нужно уметь разглядеть человека, а не судить по первому впечатлению, согласен? С ее помощью нам даже повысили ставки! Ребята вне себя от счастья. Что я тебе говорил! Нужно меня слушать, старого волка. А ты и сам похорошел, ей-богу. Любовь еще никому не была во вред. У тебя даже цвет лица стал лучше, и кругов под глазами нет...

Такое впечатление, что Лютик зазывал покупателей на мясном рынке. Впрочем, ему же заплатили.

— Заткнись! — рявкнул я так громко и так отчаянно, что гул голосов на съемочной площадке стих.

Все с опаской оглянулись в мою сторону. А кто-то даже подобострастно придвинул ко мне бархатный трон, на котором вчера восседала Альбина. И я вдруг отчетливо осознал, что с сегодняшнего дня не Песочный, не Бина, не Лютик, а именно я являюсь шефом на съемочной площадке. Именно от меня зависит и судьба фильма, и судьба всей группы.

Никто не понимал, вернее, не хотел понимать, что мне приходится тяжелее всего. Поскольку я должен играть роль пылкого влюбленного дважды — на сцене и в жизни. И если с первым я мог кое-как примириться, то сделать второе это было гораздо труднее. Но все же ничего другого не оставалось, как полностью покориться и этой роли. И я пылко и страстно смотрел на Биночку (как уже сладенько ее называл), придумывая разные страстные слова, которыми осыпал ее в перерывах между съемками. Не знаю, верила ли она мне, но, скорее всего, ее это не заботило — лгу или нет, главное, что я ей полностью подчинился. А Песочный довольно потирал руки, наблюдая ту тишь и благодать, что царят на площадке. Не подозревая, что в моей душе бушевал ураган. Готовый разнести этот призрачный мир, которым я не дорожил, в клочья.

Однажды этот призрачный мир, с такими муками выстроенный, и вправду чуть не рухнул в одно мгновение. Тогда я в очередной раз недобрым словом помянул Ростика. Разве можно связываться с таким количеством женщин одновременно? Причем так серьезно и почти искренне. И всем им оставаться верным.

Я ведь совсем забыл про существование Любаши, которая уехала. И как-то не подумал, что она должна вернуться. Тем более уже не помнил, что дал определенные обещания насчет женитьбы. Я вообще предпочел бы, чтобы с ней разбирался Ростик. Мне и Бины было достаточно. Но Ростик исчез. А Любаша никуда исчезать не собиралась. Более того, в один из ясных солнечных дней, когда всю шла подготовка к натурным съемкам, Любаша свалилась как снег на голову. Как всегда, веселая, румяная, она на глазах у всех тут же бросилась мне на шею и расцеловала.

— Ростичек, миленький, лапочка, — щебетала она, не умолкая.

Ее слова звучали удивительно громко и шумно, словно запущенные в воздух петарды. Я почему-то вспомнил детскую игру с приговоркой «Море волнуется — раз, море волнуется — два, море волнуется — три, морская фигура на месте замри!»... И все действительно замерли.

Мы снимали в городском парке. Неподалеку гудели машины, шумела листва, чирикали воробьи. Но казалось, никто не слышал посторонних шумов. Все, затаив дыхание, слышали только Любашу. Она могла перебить любой шум и привлечь внимание самого незаинтересованного зрителя. Впрочем, на площадке всем было страшно интересно, как все станет развиваться дальше. И я, как в детстве, вдруг крикнул:

— Отомрите!

Меня никто не послушал. И тут, как всегда, на выручку прибежал запыхавшийся Лютик. Он с трудом отцепил от меня Любашу и неправдоподобно громко, возбужденно заорал:

— О, зайнька! Солнышко! Сколько же я тебя не видел! Где ты пропадала, радость моя! Я так соскучился!

Лютик подхватил Любашу под руку и, старательно изображая влюбленного, потащил ее подальше от любопытных глаз. В частности, от альбиновых. Любаша сопротивлялась и беспомощно оглядывалась на меня. А я бросал такие жаркие взгляды в сторону Биночки, что ее подозрения только усилились.

— Это что за кикимора? — уперев руки в боки, властно спросила Бина.

Я невольно покосился на Любашу. В это солнечное весеннее утро она была хороша, как сама весна. Яркая, можно было бы сказать, что вульгарная, если бы не ее детская непосредственность. Пухлые чувственные губы накрашены розовой блестящей помадой. меховой зеленый воротничок нелепо смотрелся на легком алом пальтишке.

— И впрямь кикимора, — мечтательно протянул я.

— А какая безвкусная! — не унималась Биночка. — Что это за воронье гнездо у нее на голове!

Солнечные лучи резвились в белокурых пышных кудряшках Любаши.

— Точно, гнездо, — продолжал я в угоду Бине кривить душой, с тоской взглянув на ее облезлые серые волосы.

— А глазенки-то, глазенки! — злобно зашипела Бинуля. — Ну точно как у лияной кобры.

Большие, густо накрашенные синей тушью, глаза Любаши блестели от слез, напоминая две утренние звездочки.

— Так точно, как у кобры, — с готовностью поддакнул я Бине, как верный солдат, с грустью посмотрев в ее бесцветные маленькие глазки.

— А щеки — как лопнувшие шары, — пыхла, как раскаленный самовар, жена продюсера.

Пухлые круглые щечки Любаши раскраснелись, как у ребенка. На них показались глубокие ямочки.

— Именно лопнувшие, — тотчас согласился я, бросив взгляд на бледные впалые щеки Бины.

— В общем, просто уродина, — удовлетворенно констатировала она.

— Да уж куда уродливей! — Я невольно залюбовался Любашей и даже на секунду пожалел, что она — не моя девушка.

На землю меня опустило змеиное шипение Бины:

— Ну же, отвечай: у тебя с ней что-то было?

Я вздрогнул, но успел изобразить презрительный взгляд, коим одарил бедную Любашу, чего она явно не заслуживала.

— С ней?! Ты с ума сошла! Такие дешевки не по моей части. Скорее это удел Лютика. Видишь, как он с ней любезничает.

Лютик продолжал старательно изображать из себя влюбленного. В отличие от меня, ему это давалось легко. Он даже обнял Любашу и умудрился поцеловать. Пожалуй, этот поцелуй окончательно успокоил Бину. И она даже милосердно заметила:

— А впрочем, эта девица — ничего себе. Хотя ты прав — дешевка, для таких, как Лютик.

Дешевле Бины в своей жизни я никого не встречал. Но признаться в этом пока не мог. Нужно было снять фильм. А Любаша грозила стать серьезным препятствием для этого. Что я понял, замечая решительный взгляд, брошенный в мою сторону. Ее распахнутые глазки, похожие на утренние звездочки, начинали гореть космическим огнем. Любаша, бесспорно, была лучше, светлее и радостнее Альбины. И не менее опасной. Как любая женщина, чувствующая, что ее бросают. Я никого не мог бросить, поскольку у меня никого не было. Все принадлежало Ростуку, в том числе и Любаша. Но от этого ситуация не становилась проще. Спасти положение мог только Лютик. Я же в очередной раз поразился его способности улаживать самые безнадежные дела. А попросту говоря — его прохиндейству.

Все по-прежнему молчали в немой сцене, когда Лютик вдруг торжественно вышел с Любашей под руку и во всеуслышание пафосно заявил:

— Познакомьтесь с новой актрисой на роль второго плана в нашем сериале — Любовью Барьеровой. Или просто Любашей, которая всегда была для меня женщиной исключительно первого плана.

Все недоуменно переглянулись. И было из-за чего. За каких-то жалких полчаса Любаша из моей любовницы вдруг превратилась в женщину Лютика. Бина с видом победительницы стояла чуть впереди, а я в недоумении таращил глаза. Любаша же умудрилась незаметно от всех кокетливо подмигнуть мне.

И я вновь подумал, как мало понимаю жизнь. Там, в лесу, об этом даже и не задумывался, разве что о понимании местной флоры и фауны. Хотя съемочную группу тоже в некотором роде можно было назвать флорой и фауной, но — в самом негативном смысле. Но я все меньше вспоминал о той, прежней своей судьбе, и не потому, что нынешняя была лучше, она была страшнее и подлее. А потому, что боялся искушения вернуться. И боялся возвращения. Потому что начинал привыкать к другому. Не очень хорошему, но достаточно

легкому. И как любой, оказавшийся на чужбине, думал, что все послать к черту смогу в любой момент. Так же как каждый заядлый курильщик думает, что в любой момент сможет бросить свою привычку к табаку. Но постоянно оттягивает этот момент...

Съемки сериала успешно продолжались. Я любил Бину, Любаша любила Лютика, Песочный любил Бину, Любаша любила меня. А съемочная группа любила всех нас. Все шло по правилам. По правилам игры в «любовь», установленным в кинематографе.

Вечером того же дня ко мне нагрянули Лютик и Любаша, которые прямо с порога объявили, что они теперь жених и невеста и уже подали заявление в загс. И это событие грех не отметить. Мне же было все равно что отмечать. Я бросил пить, как Ростик. И начал пить, как Даня. Это было равноценно. Поэтому, когда Лютик проворно вытащил из кожаного рюкзака бутылку холодной водки и разлил по рюмкам, я, не сопротивляясь, тут же осушил стопку, профессионально закусив бутербродом с зернистой икрой.

— Ну, чертяка, чего ты так расклеился? — Лютик со всей силы стукнул меня по плечу. — Пока все классно получается! К тому же мне давно нравится Любаша! Такая женщина! Дурак ты, скажу тебе! Такую женщину упустить!

Любаша сидела на плюшевом диване, сложив ноги по-турецки и опустив свою белокурую головку на плечо Лютика. И стреляя в меня своими распахнутыми глазками-звездочками, всем видом показывала, что ничего я не упустил.

— Так вы на полном серьезе влюблены друг в друга? — неосторожно спросил я.

— Обижаешь! — возмутился Лютик. Его толстая рожа покраснела, как вареная свекла. А маленькие свинячьи глазки совсем заплаыли. Он разом опустошил еще рюмку. — Мы обожаем друг друга! И, если хочешь знать, жизни друг без друга не представляем.

Мне вдруг в этот миг показалось, что Лютик давно хотел отомстить Ростик. Чем угодно. И наконец для этой цели использовал Любашу, не подозревая, что я этому только рад. Мое мужское самолюбие никоим образом не будет ущемлено, поскольку Любашу я вообще не знал.

— Она прелесть, — Лютик небрежно похлопал Любашу по бедру. Любаша бросила страстный взгляд в мою сторону.

— Быстро же у вас все получилось, — заметил я. И хотя никогда не был знаком с Любашей, почему-то обиделся за Ростика.

— А я вообще считаю, что все нужно быстро делать! — хлопнул по столу кулаком Лютик, и бутылка с малыми остатками водки покачнулась. — Раздумие — удел нищих! Это я раньше раздумывал: какой костюм покупать — этот или тот? Чтобы и качество получше, и не переплатить. Теперь — не-е-а... Это не для меня. Прогодал — завтра куплю другой! Деньги есть, чего думать долго, правда, моя милая?

Милая на секунду призадумалась, насколько позволял ей интеллект, но тут же расплылась в мягкой кошачьей улыбке.

— Правда, — промурлыкала Любаша и потрепала Лютика по щетинистому красному подбородку. — Я тоже много не думаю. Если есть сегодня роль, зачем ее упускать? Завтра может и не быть. И зачем думать, хорошая она или плохая, как костюм. Здесь не прогадаешь. Других не подают.

Если бы я не узнал когда-то в Сосновке от Лиды, что такое театр абсурда, то непременно бы сегодня его выдумал. Это то, когда сидят за рюмкой чая друг, его невеста и бывший любовник невесты друга и мило беседуют о том, кто кого любит или любил. Это ситуация могла бы стать отвратительной, если бы не была столь комичной. Тем более абсолютно безразличной мне самому. И я в очередной раз возблагодарил Ростика, что принял на себя его судьбу. Возможно, он бы и возмутился, хотя наверняка ему Любаша была не столь дорога. И все же он дал бы в морду своему другу за девушку, которая была близка с ним не один день. Мне же Лютик не являлся другом, а Любаша — возлюбленной, поэтому я мог даже сыграть роль благословляющего их на брак и семейную жизнь.

Когда мой друг Лютик побежал за очередной порцией «чая», а я остался с Любашей наедине, у меня даже не возникло чувство неловкости. Эта женщина всегда была мне чужой, хотя не скажу, что она не вызывала симпатии. Однако Любаша, похоже, считала иначе. Она тут же вплотную подошла ко мне и положила руки на мои плечи.

— Ростя, Росточек, миленький, я же все понимаю, я же не дурочка, знаю, как ты меня любишь, и знаю, что тебе придется терпеть с этой дрянью. Я знаю, что искусство превыше всего. Поэтому ты с ней, а я с ним. Солнышко, нужно немного потерпеть, вот когда мы встанем на ноги... Все будет по-другому. Я знаю, что тебе она противна, как и мне это жирное мурло, но что мы можем сделать? Иначе нам никогда не заниматься любимой работой, никогда... Я знаю, когда ты к ней прикасаешься...

Любаша скривилась.

— Эти жиденькие серенькие волосы...

Я вдруг вспомнил, что у Бины стальной цвет волос, напоминающий серебро, особенно на солнце.

— Да уж, — согласился вяло я.

— А эти крысиные узкие глазенки...

Я вдруг вспомнил, как Бина смотрела на меня в японском ресторане, и ее глаза были похожи на распустившиеся цветки.

— Конечно, крысиные. — У меня не было сил сопротивляться.

— А эти бледные впалые щеки, как ямы на дороге.

Я вдруг вспомнил, что бледность Бины естественна и аристократична.

— Точно, ямы, — вторил я, как верный служака.

— Боже, какая уродина, — печально вздохнула Любаша, сладко потягиваясь.

А я взглянул на нее и вдруг увидел перед собой облезлую стареющую кошку с растершейся яркой помадой вокруг губ, синей тушью вокруг глаз и похотливыми глазками. Альбина была просто красавицей.

— Уродина, каких не найти. — Я мечтательно улыбнулся, вспоминая о Бине.

— Ростичек, ну же! — Любаша протянула ко мне свои руки с ярко-красными коготками, которые выглядели ужасно вульгарно. — Ну же, милый, у нас так мало времени.

У меня его было предостаточно. Я не на шутку разозлился на Любашу. И хотя от души поносил ее, все же понимал, что она неплохая девушка. Захотелось выпить. И выпить вместе с Лютиком. Он не был моим другом. Он был другом Ростика. Но предать его я никогда бы не смог. К тому же мне Любаша безразлична. И я пожалел Лютика. Делая мне назло, он сделал хуже себе. Но меня это не касалось.

— У нас вообще нет времени, милая, — пробурчал я, пытаюсь изобразить старого уставшего кота. — Твой жених вот-вот вернется. К тому же, запомни, пока ты его невеста и пока он мой друг, ни о чем таком и речи быть не может.

— Все играешь в честность? Не поздно ли? Ты и так предал всех, кого мог. Тем более, подумаешь, Лютик. Не велика потеря! Хотя, конечно, извини, ты же у него снимаешься, как я не подумала! Да, теперь нам с тобой придется много перетерпеть! Много, ох как много!..

Любаша вдруг резко замолчала, вскочила с дивана и подошла к подоконнику, заставленному цветочными горшками. Она нежно прикоснулась своим накрашенным длинным коготком к ярко-красной гортензии.

— Подлые мы с тобой, Ростя, очень подлые, — вдруг грустно сказала она. — Иногда так хочется стать бабочкой. Всего лишь маленькой пестрой бабочкой. Порхать возле цветов, ни о чем не думать.

— Муха тоже не думает, — заметил я. — Но ты же не хочешь стать мухой.

Любаша рассмеялась.

— Да, не хочу. Бабочка красивее. Но ты прав. Мухой тоже быть лучше. Ведь все они, эти безмозглые существа... Они не такие. Они честнее...

Красномордый Лютик, не похожий ни на бабочку, ни на муху, явился с очередной бутылкой водки и заорал с порога:

— Ну что, целовались, подлецы?!

Он делал вид, что шутит. Но я вдруг понял, что он говорит серьезно. Он этого боялся. И возможно, именно поэтому оставил нас наедине. Чтобы в очередной раз убедиться в подлости и друга, и подруги. Он не убедился. Но был в ней уверен.

— Я так и знал! За моей сильной спиной! За моими честными глазами!

— Знаешь, Лютик, — вдруг спокойно и совершенно серьезно сказал я. — Я бросил не только пить. Я еще бросил любить женщин.

— Если бы я это бросил, то повесился. Впрочем, Ростя, ты уже бросался из окна. Теперь я понимаю...

Любаша, полупьяная, с блестящими глазками — то ли звездами, то ли перегоревшими лампочками, мягкая, как кошка, вызывающе расправила зеленый меховой воротничок поверх алого пальто и сладко потянулась.

— О, как хочется спать! Я так устала! А завтра съемки, — последнюю фразу она произнесла с особой утомленностью, как уставшая от бесконечной славы Сара Бернар.

— Иди, милая. — Лютик легонько, по-хозяйски подтолкнул ее к двери. — Такси уже наверняка прибыло.

Лютик осторожно прикрыл за ней дверь.

— Я подлец, ты так считаешь? — Лютик много выпил и наверняка хотел закатить театральную сцену. Возможно, она бы попала в скандальные рубрики утренних газетенок.

— Ну что ты, Лютик! — Я как можно ласковее улыбнулся. — Ты же мой друг. А она — хорошая девушка.

— Стерва! — заключил Лютик, буравя меня щелочками.

— Тебе с ней жить, — я пожал плечами.

— Ты знаешь, Ростя, возможно, этот сериал — мой последний шанс. Мой старт или мой финиш. Я должен его снять. Должен. К тому же я не так молод, ты знаешь. Может, больше в моей жизни ничего уже не будет, так пусть будет она.

— Она будет только тогда, когда у тебя будет что-либо в жизни, — не выдержал я.

— Да, я знаю. Но сегодня... Понимаешь, сегодня все как-то удается. Абсолютно все! И съемки, и друзья, и даже костюмы, которые я могу покупать, не глядя. Все удается. Даже она. Пусть хотя бы на время останется только она, если уже ничего не будет.

— Останется ли, Лютик, останется ли, если ничего не будет. Заведи лучше собаку. Она останется навсегда.

— Уже заводил, — усмехнулся Лютик. — Было дело. Они рано умирают, Ростик, гораздо раньше, чем мы. В общем... Наверное, их гораздо больше жаль, чем все это. И съемки, и друзья... И костюмы... В общем, я решил лучше завести ее, Любашу, и думаю, что прав. А собаку нужно брать, когда есть семья. Вот я и подумал...

Лютик ушел, неслышно прикрыв за собой дверь. И вскоре я услышал звуки резко срывающегося с места автомобиля. И подумал, что он не прав. И дело не в собаке и не в Любаше. Дело в том, что он неправильно понимает счастье. Он его видит только в кино. Иллюзия не может быть счастьем.

После их ухода позвонила Вика. Не сказать, что я забыл о ее существовании, но все же звонок был неожиданным. Вика исчезла из поля зрения надолго, и я старался не думать, что мы с ней состоим в браке и нас ожидает развод. Хотелось, чтобы эти неприятности уладил Ростик, тем более что она была его законной женой. А я вообще никогда не был женат, и опыта в семейных распрах не имел никакого.

— Ну и как ты, Слава? — как всегда чересчур спокойно и уравновешенно спросила она.

Мне нравилась Вика хотя бы потому, что не была способна на скандалы. И в отличие от Любаши и Бины, не кидалась мне на шею.

— Да по-разному, — неопределенно ответил я.

— Я слышала, что дела у тебя идут неплохо. Рада за тебя. Честно, рада. И спокойна. Во всяком случае, ты больше не наделаешь глупостей.

— Не наделаю, Вика. Обещаю, что неприятностей тебе не доставлю.

— Ну, неприятности еще впереди. Для нас обоих. Если развод можно назвать неприятностью.

Развод был некстати. Волокита, бумаги, суд, раздел имущества — то, что я приблизительно знал о разводе.

— Вика, может, стоит еще подождать?

Не могу утверждать точно, но мне показалось, что на другом конце трубки раздался вздох облегчения.

— Ты так считаешь?

— Ну да. У меня столько работы. Эти бесконечные съемки. Я и дома-то почти не бываю.

— Понятно, — вновь резкий и достойный ответ. — И тем не менее я с тобой соглашусь. К тому же меня выбрали в совет директоров банка и времени у меня не больше твоего. Поэтому действительно стоит подождать. Спешка была бы уместна, если бы у тебя или у меня кто-нибудь появился.

Это был тонкий и ненавязчивый вопрос. Спросить прямо Вика в силу своего сильного характера не могла. И я ей честно ответил:

— У меня никто не появился. И я этому безмерно рад.

И вновь мне показалось, что на том конце трубки — вздох облегчения. Не знаю почему, но мне вдруг стало жаль жену Ростика. Хотя эта жалость была неуместной. Я совершенно не знал Вику. Я не целовал ее и не вел под руку в загс. И не прогуливался с ней у моря. И не выслушивал ее нравоучительные

нотации. И не видел, насколько она переживает измены мужа... Она была чужой женщиной. И тем не менее я искренне и как можно нежнее сказал после затянувшегося молчания. Сказал как мальчишка, торопливо и стесняясь своих слов:

— А знаешь, я рад, что у тебя тоже никто не появился.

— В любом случае тебя это не касается, — услышался резкий и холодный ответ и такие же резкие и холодные гудки.

Да, она определенно была железной леди. Ледышкой, которую растопить не так уж легко, поскольку она предпочитала холодный климат. Я так и не понял, зачем она звонила. Она ведь совсем не любила. Во всяком случае, вряд ли была способна на любовь. И я начинал понимать, почему вдруг у Ростика появилась Любаша. Моя мимолетная жалость к Вике действительно была неуместна.

После горячих сцен с Лютиком и Любашей, после ледяного разговора с женой Ростика мне вдруг нетерпимо захотелось увидеть Риту. Милую, нежную, простую — единственную, кого я мог представить у себя в Сосновке, в своей сторожке со скрипучей калиткой, у своего окошка, за которым шумели вековые сосны и щебетали, и смеялись, и спорили наперебой птицы. И словно почуяв мое настроение, с улицы услышался громкий лай Джерри. И я выскочил во двор.

— Рита!

Все то же коротенькое, легкое пальтишко, все тот же желтый берет набекрень. Она крепко держала Джерри на поводке. Она мне улыбалась.

— Ростислав Евгеньевич! Как я рада вас видеть! Как я вас давно не видела!

— Взаимно, девочка. Все дурацкие съемки.

— Это ваша работа. И вы ее сильно любите.

Эта работа была не моя. И ее я сильно ненавижу.

— Конечно, люблю, Рита. Разве можно не любить свою работу.

— А тот, помните, вы мне рассказывали... Тот сценарий, про то, как этот лесной бог всех предал и даже своего пса... Уже дописали?

Рита отпустила Джерри с поводка, и он, весело лая, бросился за воробышком.

— Да нет, девочка. Как-то конец не получается.

— Но вы хотя бы знаете, он будет грустный или хороший?

— Скорее и грустный, и хороший одновременно. — Я поправил беретик Риты, который совсем сполз на ухо и приготовился свалиться наземь. Рита густо покраснела.

— Ну хотя бы расскажите, когда он всех предал, что было потом?

— Потом? — я запрокинул голову. Скоро лето. И даже воздух пропитан запахом распустившихся лип, и даже звезды висят совсем низко. Между ними двигался огонек самолета. Он мало чем от них отличался, если смотреть с земли. И все же он был другой.

— Да, потом, — Рита вслед за мной подняла голову к небу. — Я, кажется, догадываюсь. Он сильно раскаялся.

— Да, раскаялся. Видишь, какая ты умница. Он бросил свой лес, бросил свою собаку, бросил куст сирени под окном и уехал в город. Там тоже есть собаки, бывает, распускается весной сирень, и даже не так уж далеко лес, во всяком случае, очень много парков. Но он умирал от тоски. Знаешь, словно южное растение пересадили в северные земли. Совсем другой климат. Оно может выжить. Но вряд ли навсегда приживется. Так и этот герой. Он выжил. Но так и не прижился. Его тянуло домой. По ночам он слышал крик филина, скрип

покосившейся калитки, запахи луговых цветов. Он вскакивал, подбегал к распахнутому окну. Ему вдруг казалось, что он дома. Но это были всего лишь тормоза автомобилей, песни пьяных прохожих и запах чьих-то приторных духов. Подделка, имитация...

— Но ведь это так просто! — Рита от возмущения топнула туфелькой. — Так удивительно просто. Взять и вернуться назад.

— Возможно... — Я глубоко затянулся сигаретой. И в темноте закружились белые облачка. Тоже имитация. — Возможно, он и вернется. Но это будет конец.

Рита резко остановилась. В ее глазах стояли слезы.

— Конец?

Я улыбнулся. И стряхнул пепел на землю.

— Конец фильма, я имею в виду.

— Вы знаете, Ростислав Евгеньевич, честно скажу, вряд ли этот фильм будут смотреть. В нем так мало событий.

— Ты права, моя девочка. — Я слегка потрепал ее по подбородку. — Это всего лишь каркас, фабула, основа. А события... Они еще впереди... Они еще будут придумываться, будут происходить... А это всего лишь идея.

— Это не очень хорошая идея. Предавать все, что любил, ради другой, совершенно другой и непонятной жизни. Предавать свое прошлое. А потом возвращаться и видеть, что ты чужой и тебя не простили. Я вас правильно поняла?

— Правильно, почти правильно. Но это не значит, что таким и будет конец. Возможно, все закончится хорошо. Подул ветер, и в воздухе сладко запахло ранними цветами. — Знаешь, летом не хочется думать о печальном конце. Ты слышишь, уже даже пахнет сиренью.

Мимо нас громко и уверенно простучали каблуки.

— Это всего лишь духи, Ростислав Евгеньевич. «Белая сирень» называются.

Мы с Ритой посмотрели друг другу в глаза. И рассмеялись.

— Ну а наша дружба настоящая, Рита?

Рита прикоснулась дрожащими губами к моему подбородку, резко повернулась и побежала к подъезду, за ней стремглав бросился Джерри. Я долго смотрел им вслед. Нет, это было уже лишним и совсем не входило в мои планы. Ведь это мне не принадлежало. Меньше всего на свете я хотел причинить боль этой девочке. Я ее не любил, во всяком случае, не мог любить. Сегодняшний день мне уготовил лишь запах духов «Белая сирень» вместо аромата настоящих цветов.

С огромным нетерпением я ждал окончания съемок. Шесть серий были сняты за рекордно короткий срок. Впрочем, этот срок был достоин фильма. Но Песочному, Лютику, Альбине все было мало. Им казалось, что события развиваются настолько увлекательно, что завершение фильма равноценно плевку в душу зрителю. Меры киношники не знали. И вовремя остановиться не могли. Так пролетел еще месяц, который превратился в настоящую пытку, поскольку меня мучило и от Бины, и от Любаши, и от кино, и от киношников. Любовь же Бины, Любаши и всего киномира ко мне только возрастала. И когда наконец было решено завершить этот бесконечный сериал, радости моей не было предела. Я уже мечтал, как всех пошлю к черту. И подумывал, чем бы заняться дальше.

Заключительная серия должна была сниматься в зоопарке, поэтому я был в приподнятом настроении. Наконец-то за все время съемок я смогу увидеть умные и честные глаза. И когда Лютик сообщил, что по договоренности с Песочным решено изменить финал, я остался к этой новости равнодушен. Поскольку считал, что подобный фильм уже ничем испортить нельзя.

— Да, но ты не знаешь главного! — Лютик возбужденно бегал по студии и потирал потные ручонки. — Это, если хочешь, сюрприз для всех вас! Завтра день нашей с Любашей свадьбы! И снимать мы ее будем в зоопарке! Как заключительную сцену!

Да уж, это действительно был сюрприз так сюрприз. Ладно, что Лютик вдруг наряду с режиссурой параллельно вдруг заделался сценаристом. Ему и этого было мало. Он теперь действительно вообразил, что Аллен Делон ему в подметки не годится. И зритель будет безмерно счастлив созерцать его красную, круглую, как мяч, рожу на экране. Более того, он решил сделать доброе дело и для всех своих родственников и друзей, которые будут гулять на свадьбе под пристальным вниманием кинокамеры.

— Понимаешь, — радостно прыгал возле меня Лютик. — А чем они все хуже этих актеришек? И почему бы им не сняться в кино? Вот это свадьба! Они мне потом всю жизнь будут по гроб обязаны! А этот день останется в веках! Усекаешь? Хочешь, так и быть, кого-нибудь из своих пригласи. Кстати, твоя жена не хочет сняться? Могу ей по благу выделить эпизодик.

— Спасибо, Лютик, за твою безмерную доброту. Но моя жена плохо получается даже на фотографиях.

— А какое это имеет значение? — искренне удивился режиссер Лютик.

Где вы, мои хвостатые, пернатые друзья, и когда же я вас, наконец, увижу, чтобы хоть на миг понять, что в мире еще есть логика и совершенство?

Логика и совершенство разрушались у меня на глазах, когда это скопище друзей и родственников нагрянуло вечером в зоопарк уже изрядно навеселе. Впереди шествовал шатающийся Лютик в блестящем фраке и «бабочке», которые шли ему так же, как бегемоту. Его под руку держала счастливая невеста Любаша в длинном белом платье и белом веночке на голове. Она целовала Лютика в красную рожу и искоса поглядывала на меня. И даже умудрилась опять послать воздушный поцелуй. За ними торжественно несли ящик шампанского. Свадьба продолжилась в зоопарке. Где в клетках сидели звери. Они были такие разные, многих я, долго прожив в лесу, даже не знал. Их привезли из разных стран, и все равно они были частью моего мира. Такого знакомого, такого теплого, трепетного, благородного. И мое сердце защемило. Я почувствовал себя в своей стихии. Я глубже вдыхал этот запах, словно впервые за долгое время вновь смог насладиться чистым воздухом. Я вглядывался в эти детские мордочки и вспоминал свою родину. Мне вдруг показалось, что это я долгое время нахожусь в вольере, за железными прутьями. Это меня оторвали от родных мест, и это я по-настоящему одинок.

Лютик изгалялся, как мог. Он вовсю изображал из себя великого режиссера, наследника Эйзенштейна и Феллини. Он командовал, где нужно ставить свет, как выбирать ракурс. Матерные слова являлись частью его бутафорского костюма. Все гости смотрели на режиссера Лютика заворуженно. Даже если кто-то тайно и ненавидел его, то старался эту ненависть на время съемок зарыть поглубже. А в клетках сидели недоумевающие звери. В их взглядах читалось только удивление, непонимание и неловкость за это сборище непонятных персонажей.

Пожалуй, лишь по недовольному взгляду я смог угадать в толпе работника зоопарка. И тут же направился к нему.

— И зачем вы допустили такое?

Мужик в рабочем костюме недоуменно пожал плечами.

— Я человек маленький. К тому же мне сказали, что реклама неплохая зоопарку будет. Все же кино! Опять же деньги не помешают.

— От такой рекламы не только посетители, но и ваши звери разбегутся.

— Да уж, пожалуй! — Он глубоко затянулся папиросой и сплюнул.

А Лютик уже разливал шампанское и озирался по сторонам. Возле вольера с белым барашком возбужденно кружилась какая-то дамочка — одна из гостей Лютика — и щебетала:

— Ой, а у меня такая же шубка, и тоже беленькая! Но уже совсем истрепалась, ах ты миленький, — она цокала язычком, дразня зверя. — Ах, ты, какой хорошенький! И шерстка такая гладкая, а моя шубка совсем истрепалась.

Лютик вслед за ней подскочил к вольеру и стал сквозь прутья подсовывать стакан с шампанским. Барашек задрожал от страха и робко лизнул искристое вино.

— Так, перед съемками не грех по глоточку, — возбужденно кричал Лютик. — Так сказать, за вдохновение!

Я со всей силы схватил его за локоть.

— Ты с ума сошел! — сквозь зубы процедил я. — Ну ладно, свадьба в зоопарке, может, это для вас и к месту. Но зачем же издеваться над животными! Ты посмотри на этих невинных тварей! — Я кивнул в сторону клеток. Звери со страхом наблюдали за событиями. — Они понятия не имеют, что такое спиртное! Они лучше, умнее, зачем ты хочешь все испоганить?!

Лютик со злостью отбросил мою руку.

— Заткнись! Святошей хочешь заделаться?! Не получится! Братьям меньшим хочешь уподобиться?! Рожей не вышел! Или хочешь стать чистым, как само первоздание?! Дудки! Поздновато, Ростик, ох как поздновато. На тебя столько грязи прилипло, что никакой родник не отмоеет. Ты, если помнишь, к тому же первый алкаш! Так что...

Да, от Ростика в наследство мне досталось больше грехов, чем достоинств. И от этого наследства я не имел права отказываться.

— Хорошо, пусть — первый алкаш. Но зачем здесь напиваться? Не проще ли пойти в ресторан?

— Если хочешь знать, в ресторане мы не нужны ни одному репортеришке. Там и без нас хватает великих. А здесь... Ты только посмотри...

Я оглянулся. Недалеко от нас, под деревьями толпилась кучка папарацци. Они были во всеоружии, мертвой хваткой вцепившись в фотоаппараты, как в ружья. Казалось, вот-вот откроют огонь на поражение.

— Прикажи им сейчас же убираться! — Я бросился с кулаками на Лютика. — Ты не у себя на площадке! Ты в зоопарке, скотина!

Нас вовремя разняли гости. Они держали меня за руки. Напротив пыхтел красный Лютик. Пожалуй, я мог бы его сравнить с каким-нибудь зверем, но у меня не поворачивался язык — не хотелось обижать животных.

— Ах да, — брызгал слюной Лютик. — Как я сразу не сообразил. Ты же мстишь, сволочь! За Любашу мстишь! И как мелко!

Лютик орал все громче. Ему непременно хотелось, чтобы его все услышали, особенно репортеришки. Как он, Ален Делон Лютик, отбил во время съемок хорошенькую актрисочку у главного героя, признанного супермена.

— Боже! Как я сразу не сообразил! — Лютик театрально схватился за голову. — Но мы же честно тебе признались, что любим друг друга. И поверили, что ты простишь. А ты... Мстишь тайно, исподтишка... Какая низость...

Я тут же заметил на себе презрительные взгляды. Некоторые даже отошли от меня подальше.

— Да! — не унимался Лютик, продолжая спектакль. — Да! Мы хотели сделать нашу свадьбу незаурядным событием. Чтобы запомнилась на всю жизнь! Но, похоже, зависть... Зависть того, кого я называл лучшим другом... Она не знает границ!..

Лютик явно переигрывал, потому что был изрядно пьян. Похоже, он действительно когда-то мечтал стать артистом, и наконец его детские мечты начинали сбываться. Я ненароком бросил взгляд на Любашу. Она буквально пожирала меня горящим влюбленным взглядом. Меня это окончательно убило. И я даже пошатнулся. И машинально рукой схватился за клетку. И вдруг почувствовал, на своей ладони что-то теплое и шершавое. Я оглянулся. Косуля, стройная, тонкая, с удивительно красивыми раскосыми глазами лизала мою руку и смотрела понимающим взглядом. Я улыбнулся. В один миг мне стало легко. И я уже не слышал дикого визга за своей спиной. Звона бьющихся бутылок. Я погладил косулю по мягкой шерстке.

— Ну что, красавица, тебе плохо? Ничего, скоро все уберутся отсюда. Потерпи чуток. Совсем скоро.

Косуля прилегла возле железных прутьев клетки, поджав худые ноги и вытянув мордочку поближе ко мне. Я присел возле нее. Нащупал в кармане печенье.

— На, бери, не бойся... Угощайся, красавица.

Косуля ела из моих рук.

— Я тоже был знаком... Давным-давно с такой, как ты, очень на тебя похожей. Ее хотели убить какие-то негодяи. Но я им не позволил. А ты не бойся. Эти не смогут убить. Хотя... Хотя они такие же...

Кто-то тронул меня за плечо, и я резко оглянулся. Напротив стояла Бина. Прижимая кружевной платочек к носу.

— А я и понятия не имела, что ты любишь животных. Это так трогательно. — Она язвительно рассмеялась. — Говорят, те, кто слишком любят животных, также сильно ненавидят людей.

Я оглянулся. Моей знакомой косули уже не было. Она скрылась в своем домике. Мне вновь стало беспокойно на душе и удивительно одиноко.

— Фу, ну и вонища же здесь! — Бина закашлялась. — Терпеть не могу эти запахи. Когда же мы наконец выберемся из этого хлева?

Она, так же тяжело дыша через платок и покашливая, отошла в сторону, подальше от вольера. Туда, где веселились люди. Дикое ржание, гогот, мычание, чавканье. Кто-то упал в лужу с шампанским, кто-то подполз к клетке, хрюкая, как свинья. Вокруг разбитые бутылки, непогашенные окурки, фантики от конфет.

А по другую сторону, в «хлеву» в недоумении застыли животные. Десятки умных, печальных глаз следили за людьми. Их благородные сердца разрывались от жалости. И я вдруг подумал, что животные всегда свободны. Даже в клетках, даже в вольерах, даже под плетью. Потому что они хотят быть свободными, в отличие от нас. А свободу не купишь, не закуешь цепями. И мне вдруг показалось, что это именно мы находимся за железными прутьями. Просто наши клетки гораздо шире, в них много места и мало воздуха. Это нас приручают и приручают. Это мы умоляюще просим пищу и в жадности бросаемся на жирный кусок. Это мы

распускаем перья перед маленькими и прячем голову в песок перед большими. Это мы пожираем себе подобных и топчем слабых. Это у нас есть хозяин. И это нас погоняют в дикой спешке. И это мы редкими вечерами воем, глядя на звезды, и мечтаем о воле...

Я смотрел на людей. И мне все меньше хотелось быть с ними. Мне хотелось встать по другую сторону барьера. Где есть настоящая свобода и благородство.

Кино продолжалось. Все были так увлечены процессом, что и не заметили отсутствия режиссера. И только когда пропал и оператор, началось замешательство. Поскольку все и без режиссера знали, что и где снимать, без оператора это было сделать гораздо сложнее. Помощник режиссера, тонкий, худой Витек, по-моему, какой-то троюродный племянник Лютика, бегал возле пруда с дикими утками и рвал на себе волосы. Возле пруда, положив под голову пиджак, сладко спал оператор.

— Все, к черту! Провалим съемки! Остался какой-то жалкий час! Где этот жирный индюк? Молодожен чертов! Кто-нибудь, кто-нибудь в этом гадюшнике снимать умеет?..

Наступила гробовое молчание. Снимать никто не умел. В искусстве разбирались все, а вот в технике — увы. Рядом со мной стоял работник зоопарка Степаныч, который должен был за нами присматривать. Он уже тоже слегка окосел, поэтому глаз его был неровен, слегка дергался и присмотр не совсем удавался.

— Вообще-то я... — начал он слегка заикаясь. — В общем, я... Ну, как это, долгое время работал фотографом в ателье. Вроде волоку в этом деле. Да и чего такого сложного... Подумаешь — кино...

На Степаныча смотрели как на спасителя, как на бога, его готовы были качать на руках. Помреж Витек закружился возле него в каком-то диком индейском танце.

— Ну же, Степаныч, миленький, выручай! Не дай погибнуть отечественному кинематографу.

— Да уж не дам, коль такое дело. Хотя кина и так много. Но так и быть, выручу... Только я уж лучше буду работать со зверушками. Так мне легче.

Нас действительно выручил Степаныч. Он завершил фильм. Его финал, последние кадры с животными оказались самыми лучшими и были отмечены даже на международном фестивале как подтверждающие возрождение российского кинематографа, как проявление оригинальности, широты и масштаба кинематографической мысли. Их часто крутили на Западе как пример безмерной любви к живой природе. Люди же в финале оказались за кадром. А фамилии Степаныча и вовсе не оказалось в титрах. Всю славу пожинал Лютик. Но это было уже гораздо позднее... А в тот вечер мы еще долго искали его. Гости и родственники разбрелись по всему зоопарку, веселые и счастливые, пугая своими криками зверей.

— Лютик! Лютик! Выходи!

— Ты — молодожен, тебе негоже прятаться!

— Проворонишь первую брачную ночь!

Первую брачную ночь Лютик провел в вольере с диким кабаном. Тот от страха забился в угол, и Лютику был предоставлен в распоряжение весь загон. Он лежал посередине и громко храпел, изредка присвистывая. Онемевший от страха кабан периодически выглядывал из укрытия и с ужасом смотрел на хрюкающего режиссера.

— Пока эта свинья спит, давай поцелуемся? — раздался позади меня голос Любаши.

Я обернулся. Беленькая, пушистая, с распахнутым невинным, почти ангельским взглядом. Свадебный веночек, как ореол, украшал ее кудрявую точеную головку.

— Ну же, Ростичек, миленький. Ты же знаешь, что я от тебя без ума.

Люттик звонко хрюкнул и перевернулся на бок. Кабан робко осмелился подойти к нему и лечь рядом.

— Ой, вдруг он сейчас затопчет Лютика, — всполошилась Любаша, наконец вспомнив о муже.

— Лежачего не бьют. Правда, это правило записано лишь в зверином уставе.

— Тем лучше! — Любаша звонко захохотала. И обвила мою шею пухлыми белыми ручками. — Ну же, миленький!

Она подставила губы для поцелуя и закрыла глазки. Я осторожно освободился из ее объятий.

— Не нужно, Любаша. Я хоть и не зверь, но не пылаю к твоему мужу горячей любовью и тоже не привык бить лежачих.

— Похоже, моя брачная ночь не удалась, — Любаша притворно зевнула.

— Как знать, как знать... Выручай лучше мужа.

— А ты куда, миленький? Еще как следует и свадьбу-то не отпраздновали.

— Зато сняли кино. И я очень устал.

Я резко повернулся и пошел прочь. Позади меня раздавался храп Лютика. Я чувствовал на своей спине взгляды невинных животных, которые благодарили своего бога, что родились такими. И я им искренне завидовал.

У выхода меня нагнал Степаныч.

— Я это, чего подумал, — начал он слегка заплетающимся языком. — Может, мне это... В кино податься? Снимать я умею. Может, и не хуже, ты как, парень, думаешь?

— Я просто уверен, что снимаете вы гораздо лучше. И от всей души мечтал бы поменяться с вами местами. Но киношной доли даже врагу не пожелаю.

Степаныч растерянно оглянулся.

— А может, ты и прав, парень, здесь оно как-то роднее и культурнее, что ли. Здесь все свои.

— Вот именно, Степаныч, здесь все свои...

Наутро желтые газеты вышли с большими фоторепортажами. На огромных фото был запечатлен спящий в обнимку с диким кабаном Люттик. И надпись: «Режиссер Люттик снимает кино». Несмотря на то что я сильно разозлился на него, все же решил поддержать в трудную минуту. И позвонил, чтобы успокоить и посоветовать не обращать внимания на желтую прессу. Но не смог вымолвить и слова. В телефоне послышался радостный вопль.

— Ростя! Какой класс, Ростя! Ты уже видел фотки? Все, дружище, я теперь знаменитость! У моего порога уже толпятся репортеры. Слава нашему фильму обеспечена!

Мне вдруг показалось, что я схожу с ума. Мне нужно было решить, чем заниматься дальше, как только я получу деньги. Я налил себе полный стакан виски и выпил. Это было лучше, чем оказаться в сумасшедшем доме. Впрочем, разве не в нем я находился вот уже несколько месяцев — с тех самых пор, как связался с кино?

Лютик оказался прав. Наш сериал имел ошеломляющий успех, насколько вообще мог иметь успех нынешний сериал. Лютик раздавал интервью направо и налево. Про него кричали на каждом углу, что, дескать, на небосклоне российского кинематографа взошла новая звезда в лице гениального режиссера Лютика. Хотя его лицо меньше всего походило на звездное, оно красовалось во всех столичных журналах. Красное, круглое, с заплывшими глазками. Лютик от всего сердца наконец-то смог отомстить своему заочному конкуренту Алену Делону. Каждый журналист подчеркивал, что слава, талант и красота французского актеришки Делона не идут ни в какое сравнение со славой, красотой и талантом Лютика. Не говоря уже о родословной последнего. Лютик, как оказалось, был потомок дворян, служивших при царском дворе, и не исключено, что и потомок самого государя... Самое удивительное, что все искренне верили в эту чушь. А я думал, что человечество чуть-чуть умнее.

Впрочем, на меня обрушилась не меньшая слава. То, чего так долго и упорно добивался Ростик, получил я. Афиши с моей смазливой физиономией были расклеены по всему городу, на каждом углу, разве что не на биотуалетах, в чем, однако, я не был до конца уверен. После каждой творческой встречи меня атаковали толпы поклонниц с цветами, а каждый поклонник предлагал выпить на брудершафт. Я все реже и реже отказывался...

Как и подобает сценическому образу супергероя, а точнее, исходя из условий договора, я должен был ходить в белом костюме, серебристом галстуке и широкополой черной шляпе, небрежно жуя кончик сигары. И я добросовестно следовал всем правилам игры, изображая крутого парня. А где-то в глубине моей потерянной души над всем этим цирком хохотал Даник.

Но поскольку популярность далась не мне потом и кровью, поскольку из-за желанья славы я не кричал по ночам, не предавал и не продавал близких, то довольно легко справился с тем, что в один прекрасный день проснулся знаменитым. И однажды, слегка протрезвев, вспомнил, что у меня еще есть другой договор — договор со своей совестью. И что пора сматываться. Я даже собрал чемодан, даже по традиции присел «на счастливую дорожку», но было уже поздно. Я уже себе не принадлежал. Мне некуда было идти. И хотя на первое время у меня хватило бы денег, чтобы снять квартиру и устроиться на работу, я вдруг понял, что уже не знаю, какую работу искать. И хочу ли я искать ее вообще. Кино у меня отбило всякую способность к труду.

Я довольно долго сидел «на счастливую дорожку». За это время мне позвонили несколько продюсеров с предложением ролей. И я стал себя уговаривать, настойчиво убеждать, что уйти из кино смогу всегда, в любой момент. И начать новую, более достойную жизнь. Так почему бы не подзаработать еще немного денег, чтобы новая жизнь протекала еще достойнее? Кое-какой опыт я уже имел. К тому же мог выбирать. И уже был полностью свободен от Бины и ее мужа. Я долго успокаивал свою совесть. Она возражала, доказывала, что этот мир либо превратит меня в законченного подонка, либо погубит, как погубил артиста Неглинова.

Ростик вспоминался все реже и реже. Я почти знал, что он не вернется. Хотя и не мог знать, что с ним произошло. И все же, собрав чемодан и посидев перед дальней дорогой, я решил использовать последний шанс и напрямик направился в кафе «Дубравка», где впервые повстречал Ростика. Я давно не был в этих местах. Здесь ничего не изменилось. Та же дешевая забегаловка с круглыми, как иллюминаторы, окошками, так же невзрачно мимо снуют

машины. Странно. Могут бушевать войны, погибать люди, рождаться дети, а места остаются прежними. Я был уверен на все сто, что здесь подают то же «мартини», а фирменным блюдом остаются «картофельные поросята». Так же навязчиво бьет в нос запах пережаренного мяса, а столики — такие же скривленные, да и посетители наверняка те же, хотя как знать, что с ними могло произойти за это время — та же война, и та же любовь. Во всяком случае, на работе кафе это не отразилось.

Мне казалось, что именно теперь я мог бы спокойно объясниться с Ростиславом Неглиновым. Только бы он распахнул дверь, как в тот вечер. Уселся за столик у окна, бросил небрежно на стул широкополую шляпу. Вот тогда я бы все ему рассказал и, возможно, попросил прощения, что взял на себя ответственность распорядиться его судьбой. И он бы на меня не обиделся. Ведь сбылись его мечты — его имя, а не мое, стало известным. И если бы он появился, я бы навсегда распрощался с кино и без капли сожаления уступил ему всю славу. Но, увы, я был на все сто уверен, что Ростик не появится. И это стало еще одним аргументом в мою пользу, чтобы остаться в кино, и еще один проигрыш моей совести. И еще один факт, доказывающий, что Ростик пропал навсегда. Но все же я решил убедиться в этом окончательно, чтобы совесть стала ко мне более милосердна.

Уверенно и решительно распахнув дверь кафе, я прошел в маленький зал. И резко остановился. Мои ноги стали ватными, во рту пересохло, я слегка пошатнулся, резко зажмурил глаза и тут же их распахнул. В этот миг искренне пожалел, что не близорук. Что со зрением у меня все отлично.

Здесь действительно ничего не изменилось. За угловым столиком у окошка сидел Ростик. В широкополой черной шляпе, белом костюме, а серебристый галстук небрежно съехал набок. Он бросил на меня рассеянный взгляд, но не узнал. Еще бы! Слава богу, что у меня хватило ума одеться попроще — джинсы и куртка. К тому же он видел меня только с бородой. Теперь же я мало чем отличался от сотни джинсовых парней. Все мои теории о благородстве, мечты о том, как я брошусь к нему на шею и на руках преподнесу славу, рухнули в один миг. Я машинально прошел в зал и сел за столик, спиной к нему. Когда ко мне решительно приблизился знакомый официант Митя, я так и не поднял головы. Моя совесть кричала, больно скребла мою душу, приказывала тут же раскрыть правду. Но я нашел самый легкий выход ее усмирить. Так же, не поднимая головы, заказал яичницу с беконом и бутылку «мартини». Заказ принесли удивительно быстро, и мне показалось, что Митя так и норовит поймать мой взгляд. Но у него ничего не получилось. Мой взгляд был прикован к бутылке, а моя совесть потихоньку напивалась, и ей становилось все теплее и легче. Она даже стала легко уступать место предательским и нечистым мыслишкам. И какого черта он здесь появился?! Я, можно сказать, проделал за него всю черную работу, кланялся перед этими зажавшимися продюсерами, целовал их жен, разбирался с его любовницами и супругой, даже с ней помирился. Мой талант заслуженно признали, и теперь — на выход? Ваше выступление окончено, и вообще, катитесь ко всем чертям! И зачем он проделал со мной эту гнусную шутку? Эксперимент? Почти по Бернарду Шоу? И куда теперь мне после знакомства с Бернардом Шоу и просто шоу податься?

Я налил себе полный бокал и залпом выпил. И ни разу не оглянулся, хотя, казалось, что мою спину внимательно изучают за столиком у окна. Но спина мало что может поведать. А глаза мои были устремлены только в бокал, где я безуспешно пытался найти ответ: что делать?

А с другой стороны... Разве я сам не мечтал об этом? Когда-нибудь послать всех и вся к черту и попытаться вернуться. Ну если для начала не домой, то хотя бы в те места, которые напоминают дом, хотя бы к себе самому? А эти люди, которые окружали меня последнее время, разве они мне стали дороги? Сомневаюсь. Разве я кого-нибудь смог полюбить и к кому-нибудь привязаться? Не уверен.

У меня была куча женщин, но я никого не любил. Их любил Ростик. У меня была куча друзей. Но никто из них мне не дорог. Они дороги Ростик. У меня была настоящая работа, но и она не стала моей. Она была для Ростика. У меня был уютный дом, но мне он не принадлежал. Он принадлежал Ростик. У меня была слава. Но и она не стала моей. Потому что у меня даже не было своего имени. Даже имя принадлежало не мне. И теперь мне предстояло вернуть все это законному владельцу. А самому попытаться найти и свой дом, и свою женщину, и свое дело. Но главное — вспомнить свое имя и постараться, чтобы оно зазвучало достойно.

Я вдруг отчетливо осознал, насколько мало теряю. Перед моими глазами проходили последние месяцы бурной жизни. Мелькали преувеличенные лица, похожие на персонажей неудачного фарса. И мне было не жаль все это терять. Мне вдруг так захотелось иметь законные права! На дом. На признание. В конце концов, на любовь. Мне захотелось стать свободным. Для этого я должен был вернуть имя. Имя «Ростик» мне не нравилось никогда. Я почти физически ощутил где-то внутри себя собственную совесть. Слово она была частью тела, как рука или нога. Теплая, разморенная, она сладко спала, как ребенок. Мы с ней помирились. И я с легким сердцем твердым шагом направился к столику, где сидел Ростик.

— Ну здравствуй, — решительно начал я тоном человека во всем виноватого, но никогда не признающего свою ошибку.

Парень резко поднял голову, и его широкополая шляпа слегка съехала набок. Зря я гордился своим стопроцентным зрением. Передо мной сидел человек, совсем не похожий на Ростика. Более того, у него были ярко рыжие брови и ресницы. От неожиданности я отпрянул и пробормотал извинение. И так же, пятясь, направился прочь. И в кого-то с размаху ударился. За спиной раздалось звонкое ругательство. Я обернулся и столкнулся с... Ростиком. В белом костюме и шляпе.

— Ростик! — от неожиданности выкрикнул я.

Парень расхохотался во весь голос. И сморщил курносый веснушчатый нос.

— А что, и впрямь похож?

Он не был похож ни капельки. Разве что костюм и фигура. Я внимательно оглядел зал. Голова моя пошла кругом, ноги подкашивались. Мне казалось, я теряю чувство реальности. За столиками сидели Ростики, у стойки бара толпились Ростики, у двери курили Ростики... Их было так много, они все были одинаково одеты. И с первого взгляда удивительно похожи. Я машинально бросался от одного Ростика к другому. Я не мог найти настоящего. Они плыли у меня перед глазами, в итоге превращаясь в одно целое, где не было плоти, не было лица. Только широкополая черная шляпа, белый костюм и серебристый галстук набок. В этом сгустке Ростиков я единственный им не был. И мне не преминули об этом напомнить.

— Эй ты, мужлан, знай свое место, здесь принято одеваться по этикету. Разве не видишь! — Один из Ростиков кивнул в противоположную сторону, и я заметил огромную фотографию, на которой во весь рост был изображен

Неглинов, вернее, я в соответствующем наряде и сигарой в зубах. Более того, у фотографии стоял в большой китайской вазе пышный букет роз. Словно Ростик умер, а вокруг него кружили живые и вполне благополучные Ростики. Я даже смирился с мыслью, что схожу с ума или просто спился. Слава богу, моя мысль прервалась на добром слове.

— Ростик, — услышал я за своей спиной и огляделся, словно искал поддержки у многочисленных Ростиков. Я даже не мог предположить, что обращались ко мне.

— Ростислав Евгеньевич, перестаньте разыгрывать комедию.

Вообще-то комедия игралась вне моей сцены, но я оглянулся и столкнулся нос к носу со своим знакомым официантом Митей. Он смотрел на меня во все глаза и лукаво подмигивал.

— Ну автограф хотя бы дадите?

— Да вроде бы тут много желающих. — Я беспомощно огляделся.

— Не-а, мне настоящий Неглинов нужен. — Митя ловко, как фокусник, вытащил из кармана фартука мою журнальную физиономию и протянул мне. — На вечную память, так сказать.

Я машинально расписался и даже начеркал пару ласковых слов.

— Вот это по-нашему, без всяких там... А то некоторые ваши дружки, которые из графьев, даже нос в нашу сторону не показывают.

Насколько я понял, речь шла о Лютике. Я все еще ничего не понимал. И робко кивнул на портрет с моим изображением.

— Что это? И кого хороним?

Официант всплеснул возмущенно руками.

— Напротив! Только жить и здравствовать! Вы на них только посмотрите!

Я вновь огляделся. Это был не мираж. Ростики никуда не испарились, напротив, их стало больше, они стали еще изысканнее, а некоторые даже поменяли серебряный галстук на золотой.

— Митя, послушай, мой миленький Митя, — я в сердцах схватил его за воротник и притянул к себе. — Ты только скажи, здесь есть, существует хотя бы один парень, полностью похожий на меня?

— Обижаете, Ростислав Евгеньевич. Да они все похожи! Хотя, конечно, разные. Но честно скажу вам, от всего сердца. Вы, Ростислав Неглинов, — единственный на всем белом свете. И такие больше не рождаются. А это, — он махнул в сторону гуляющих Ростиков, — ребятки молодые совсем, вот и ищут своего кумира. А кому еще быть для них кумиром, как не вам. Вот они и подражают, свой фан-клуб организовали — имени артиста Неглинова. Да, видно, плохо получается. Вот если бы вы выступили...

Я со всей силы вцепился в рукав Мити.

— Только не это! Ради бога! Умоляю! Проведи меня незамеченным!

Митя не выдержал и расхохотался, бесцеремонно оглядев меня с ног до головы.

— Да вы не переживайте, здесь никто и червонца не поставит на то, что вы настоящий Неглинов. Это еще долго придется доказывать.

Митя оказался тысячу раз прав. Мы спокойно прошли мимо Ростиков, никто из которых даже не взглянул в мою сторону. Мне даже стало чуть-чуть обидно.

На пороге кафе Митя слегка пожал мою руку.

— Да, чего я хотел вас спросить, Ростислав Евгеньевич... Вы сегодня так неожиданно появились, я поначалу подумал, может, выступить пожелаете. А потом... Вдруг я вас вспомнил в тот вечер, ну, когда весна еще была ранняя,

такой холодный ветреный вечер... Вы словно что-то для себя решали... Так долго решали... Я вижу, у вас все хорошо, наверно, правильно решили?

— Правильно, Митя. — Я слегка поежился, хотя был теплый безветренный вечер. — Все правильно, и все у меня хорошо.

— А сегодня не за этим ли заходили, опять чтобы решить?

— За этим, Митя.

— Ну и?..

— И тоже решил. У меня опять будет все хорошо.

— Это хорошо.

Я резко повернулся и пошел прочь, мне вслед смотрели многочисленные Ростики. Они так и не смогли понять, что этот безликий парень с трехдневной щетиной и в джинсовом потертom костюме делал в знаменитом фан-клубе Ростислава Неглинова?

Я попытался о чем-то спросить свою совесть. Но она молчала. Она больше не желала вести со мной диалог. Я свой выбор сделал.

С этого дня Ростик перестал для меня существовать. Я сам стал Ростик. И все проблемы, которые он успел нажить за свою недолгую жизнь, с этого дня стали моими. И разрешать я их должен был сам.

Предложения о съемках не прекращали сыпаться на мою голову. А я уже мог выбирать. Но поскольку выбирать было особо не из чего, то остановился на своем приятеле Лютике. Он был не хуже и не лучше. Просто я его знал и уже умел с ним работать. Съемки тоже мало чем отличались от предыдущих. Все та же рутинная работа. Все те же диалоги, за которые бывало стыдно. Все та же игра в страсти, от которых в сердце возникает лишь пустота. Одно успокаивало — на сей раз никакой влюбленной жены продюсера не предвиделось. Правда, продолжались легкие домогательства Любаши, которая за спиной Лютика умудрялась щекотать своими ярко накрашенными губками мою щеку и томно шептать:

— Ничего, миленький, после этого фильма я уж точно стану звездой, и мы пошлем с тобой всех Лютиков, вместе взятых, к черту...

Я не знал всех Лютиков, вместе взятых. Мне достаточно было и одного. И посылать его я никуда не собирался. Во всяком случае, в ближайшее время.

Впрочем, Любаша особых хлопот не доставляла. Она была просто Любашей — ни плохой, ни хорошей, но очень наивной. В глубине души она мне нравилась. Я бы даже смог с ней подружиться, если бы не ее влюбленность. Оставалось надеяться, что недолгая.

Мои прогнозы сбылись достаточно быстро. Однажды, в один из немногочисленных выходных дней, в которые Рита предложила мне прогуляться в парке с Джерри, насколько я понимал, для важной беседы, ко мне заявился Лютик. Он — ни свет ни заря — был пьян в стельку и бухнул бутылку водки прямо на журнальный столик, который не выдержал и скрипнул от негодования.

— Все, Ростя, это конец! — Лютик упал прямо в грязных ботинках на плюшевый диван.

Я не понимал, о каком конце речь, если он решил продолжать, судя по начатой бутылке.

— Вот стерва! — истерично закричал Лютик, размахивая толстыми кулачками. — А я думал, она ангел небесный.

Наконец до меня дошло, что речь о Любаше.

— Ничего ты такого не думал, — попытался я успокоить его. — Любаша — она и есть Любаша. Ни больше и не меньше.

— Нет, больше! Эта дрянь посмела бросить меня! Ме-е-ня! Потомка Трубецких и Волконских, приближенных к самому императору. Ме-е-ня! Люциана Второго... Мой папа был первый, если хочешь знать.

Насколько я знал, его папа Люциан Первый был из рода бедных польских сапожников. Но я решил о столь сомнительном факте не упоминать.

— Нет, Ростя, подлец, ты слышишь! Ме-е-ня! Говорят, когда Ален Делон увидел мой фильм, то прилюдно разрыдался! И был прав! Я, только я посмел поставить жирную черту под его карьерой! И эта... Эта потаскушка, эта дешевенькая девка... Эта смазливая дрянь посмела... Посмела замахнуться на самого... Самого... — Лютик заплакал, его и без того одуловатое красное лицо вовсе распухло, как красный шар, который, казалось, вот-вот лопнет.

Мне оставалось мучительно гадать, не я ли виновник этой шекспировской трагедии. Но Шекспир меня пощадил.

— И знаешь, к кому она переметнулась? Нет, ты никогда не поверишь! У тебя крыша отъедет, ты от ужаса полезешь на стену! К этому... К этому... — Лицо-шарик Лютика словно сдулось и сморщилось. — К этой бездари — Жорке Горлееву!

Крыша у меня отъезжать не собиралась, и от ужаса на стену я и вовсе не желал лезть. Поскольку понятия не имел, кто такой Жорка Горлеев. Но своему приятелю все же решил сделать приятное.

— К кому? — Я выразил на лице изумление. — Ты говоришь, к Жорке Подлееву?

Лютик вытаращил на меня глаза. И вдруг расхохотался во весь голос.

— Точно! Точно! Как ты в точку попал! Какой он, к черту, Горлеев! Хоть горло драть любит. Подлеев — как пить дать!

Лютик катался в своих грязных ботинках по моему дивану, держась за круглый живот, и дрыгая короткими толстыми ножками. Я облегчено вздохнул. Мне удалось хоть чуть-чуть отвлечь приятеля от мрачных мыслей. Но ненадолго. Он вновь как-то сник и открыл бутылку.

— У тебя хоть стаканы есть, а, Ростя?

— Пей один, — твердо ответил я. — И то не советую. У меня единственный выходной, и я хочу провести его в здравии и согласии с собственной совестью.

— Много ты понимаешь, чего хочет твоя совесть. Может, она как раз и хочет нажраться.

— Сомневаюсь. Мы с ней умеем находить общий язык.

— Это не она ли тебе подсказала год назад такое наболтать про этого Подлеева, что он только теперь сумел постановку выбить. Правда, ты это сделал спьяну, и все же...

— А у тебя длинная память, Лютик.

— Не-а, — Лютик помотал лысеющей головой. Потом сам вытацил из буфета самый большой бокал, до краев его налил и залпом выпил. Его красные глазки буравили меня насквозь.

— Ты и понятия не имеешь, какая длинная. Более того, моя память, как губка, все впитывает. Стоит только в нужный момент нажать — и вся грязь выльется наружу. Так что...

Я поежился. Мне не нравился разговор с Лютиком. Хотя я понимал, что тот убит горем, неадекватен, и все же что-то насторожило в его словах. Он и впрямь напоминал губку, из которой вот-вот потечет грязь.

— Ладно, Любашу я тебе простил, хотя ты меня и за дурака держишь. Думаешь, не видел, как она с тобой перешептывалась? Да ладно, дело былое. Но этому Подлееву и особенно ей... Ох как мало им не покажется. Они просто не знают еще, кто такой Лютик.

Он вновь затряс своими круглыми кулачишками. Из его красных глаз текли слезы. Но пахли они почему-то водкой. Я вдруг понял, что слов своих он на ветер не выбросит. Любаше и ее новому любовнику сегодня объявили войну. Слава богу, мне в этой войне была отведена роль рядового. Но разрядить обстановку я постарался по меньшей мере как генерал: схватил маленького Лютика за шиворот, слегка встряхнул и подтащил к зеркалу.

— Да ты только взгляни на себя! До чего ты довел себя из-за какой-то бабы! Плюнь ты на нее и забудь. Тоже мне — потомок Трубецких! Победитель Алена Делона! Если бы тебя Трубецкие вместе со всем царским двором и Аленом Делоном в придачу увидели...

Эффект был поразительным. Слова возымели такое воздействие, что я сам такого не ожидал.

Лютик с нескрываемым удовольствием разглядывал свою круглую красную рожу в зеркале, щурил свои заплывшие водочные глазки. Потирал от удовольствия потные ручонки и наконец важно произнес:

— А ты прав, Ростя! Ты, дружище, тысячу раз прав! Если бы они меня сейчас увидели, они бы окончательно поняли, что их род имеет самое достойное продолжение. А про этого Делонишку я вообще молчу. Он бы на месте умер от зависти.

Я вздохнул и вытер вспотевший лоб. Лютик был неисправим. Все-таки не слишком уж тяжело жилось на свете этому парню. Ведь он жил так, словно всем делал одолжение своим существованием. И за это ему положена пожизненная благодарность.

Мне же благодарить Лютика было не за что, и я тихонечко стал выпроваживать его за дверь. Я помнил о встрече с Ритой. По пути я все-таки еще раз попросил его оставить Любашу в покое, поскольку на звездном небосклоне полно и клаудий шифер, и дэми мур. И все они дожидаются Лютика. Тот с этим легко согласился, правда, не преминув заметить на полном серьезе.

— Но, мне кажется, они слегка староваты, ты как думаешь, Ростя?

Я не выдержал и грубо вытолкнул Лютика из подъезда. Мы нос к носу столкнулись с Ритой. Лютик застыл на месте. Он даже перестал шататься, а его лицо обрело какую-то трезвую осмысленность, и я бы посмел сказать — одухотворенность.

— Здравьете, — смущенно поздоровалась Рита и покраснела.

В это летнее солнечное утро она была хороша, как никогда. Ее пышные волосы были собраны в маленький трогательный хвостик. В ней было столько обаяния и детской непосредственности, что я со всей силы толкнул в бок режиссера Лютика. Но он-таки удержался, хотя пять минут назад был вдребезги пьян.

— Имею честь познакомиться, — Лютик снял воображаемую шляпу и низко поклонился, шаркнув толстой ножкой. — Известный режиссер Люциан Трубецкой, потомок польских князей и друг Алена Делона.

Рита покраснела до корней волос и опустила взгляд.

— Вот она — девушка моей мечты! Стоит подумать над фильмом с таким названием, ты как думаешь, Ростя, а? Правда, что-то подобное было... Но разве

гениальные мысли не имеют права на повторение? И разве такие красивые девушки не имеют права сняться в таком фильме!

Лютик разошелся не на шутку. Его красноречие лилось медовыми реками и уже мало напоминало грязную губку, которую он приберег на черный день. Пора было спасать Риту от этого старого жирного индюка. Правда, в этой ситуации был и положительный момент — он в один миг забыл про Любашу.

— И как зовут столь очаровательную принцессу, эту богиню невинности и целомудрия?

— Ее зовут Рита, она недавно закончила школу, мечтает стать кинологом и влюблена в очень хорошего парня, кстати, взаимно.

Взаимная большая любовь Лютика никоим образом не тронула.

— Кто не проходил через школьную любовь, Риточка! И через кого не проходила она! Но, как опытный старый волчара, замечу, ни на ком не останавливалась подолгу, все равно проходила мимо. Я же... Испытавший все разочарования, все взлеты и падения, и вновь взлеты, спешу бросить к твоим ногам больше, чем мир. Поверь мне, гораздо больше!

— Разве бывает что-то больше мира? — тихо спросила Рита, даже не спросила, а словно утверждала. Но мы услышали.

— Боже, какое ты еще дитя! Я брошу к твоим ногам все кино! Весь мировой кинематограф встанет перед тобой на колени. А ты станешь его триумфом!

— Я хочу быть всего лишь кинологом, — Рита опустила голову, погладила загривок Джерри, обняла его изо всех сил, словно пыталась найти у своего четвероного друга спасения от кино.

— Прекрасно! Прекрасно! — Лютик кружил возле Риты и Джерри, как маленький люцифер, и потирал ручки в предвкушении добычи. — И твоей псине мы тоже подыщем подходящую роль. Он не останется не у дел. Слово режиссера Лютика Трубецкого!

Я понимал, что пора заканчивать этот дешевый спектакль, и силой отвел Лютика в сторону.

— Послушай, парень, вали отсюда и не смей трогать эту девчонку. Она видела в жизни только хорошее. И, дай бог, чтобы видела хорошее еще долгие-долгие годы. А дряни ей на жизненном пути и без тебя хватит. Не бери грех на душу.

— Уж не ты ли хочешь взять этот грех на свою душу вместо меня?

Я замахнулся, но Лютик ловко увернулся. И неожиданно дружески рассмеялся.

— Ну ладно, ладно, мы же с тобой больше, чем друзья. Мы же еще коллеги. Мы повязаны, Ростя. И успех у нас на двоих. И провал. Так что лучше уж на двоих. — Он дружески похлопал меня по плечу и пошел прочь. Уже откровенно шатаясь. И я молил Бога, чтобы он оказался все-таки пьяным в стельку, ничего не вспомнил из сегодняшнего воскресного утра. И особенно Риту.

Рита со страхом смотрела вслед удаляющемуся Лютику. И машинально схватилась за горло.

— Почему-то трудно дышать, правда, Ростислав Евгеньевич?

Я бы этого не сказал. Скорее наоборот. Воскресный день выдался настолько легким, безветренным, что казалось, все запахи листвы и цветов, собравшись воедино, вопреки городской пыли и городскому смогу, источали приятный освежающий аромат. Я даже демонстративно глубоко вдохнул воздух.

— А по-моему, ты преувеличиваешь, девочка. Знаешь, по-моему, в городе вкуснее всего пахнет бабье лето.

Рита вслед за мной вдохнула запахи бабьего лета. И вновь сморщила нос.

— Я не знала, что бабье лето пахнет еще водкой и лютиками.

Я расхохотался и взял Риту под руку.

— Ты хотела о чем-то поговорить. Пойдем в парк. Там уж точно не продают водку и не водятся режиссеры. Разве что цветут лютики. Но это не страшно.

По пути в сквер, который находился в квартале от нашего дома, мы шли молча. И лишь однажды Рита заметила, очень серьезно, очень значительно, как могут замечать лишь совсем юные люди:

— Мне не нравится ваш друг. Мне кажется, он нехороший.

— Ну что ты, Риточка. Он не плохой и не хороший. Он просто работник кино, понимаешь? В кино тоже разные персонажи. И те, кто его делают, порой утрачивают способность быть самими собой. Они слишком много берут на себя ролей. И зачастую оказывается, что свою, настоящую, от природы, утрачивают навсегда. Знаешь, я и сам понятия не имею, кто такой Лютик.

— А про себя, про себя вы знаете?

— А про себя тем более.

— А я про вас знаю...

Оставшийся путь мы прошли молча, и только Джерри изредка подавал голос, доказывая свое право на земле.

В сквере действительно было лучше. Шумела листва, уже тронутая желтой и бурой краской. Чирикали воробьи, подбирая крошки с асфальта.

— Сядем? — Рита указала на скамейку.

Я покорно уселся вслед за ней. Сердце мое тревожно забилося. Эта девочка действительно все слишком серьезно воспринимала. Я уже боялся и этой серьезности, и предстоящего разговора. И все же надеялся, что она на него не решится, она была слишком еще молода.

Рита мяла поводок в руках, накручивала его на запястье и вновь отпускала.

— Ростислав Евгеньевич... А то, что вы сказали этому режиссеру про взаимную любовь... Словно у меня уже есть парень и мы любим друг друга... Вы кого-нибудь имели в виду?

Я вздохнул и посмотрел на пушистые облака, плывущие медленно друг за дружкой. Я бы хотел в ответ сказать другое. Хотел сказать то, что она хочет услышать, но не мог этого сделать. Не имел права. Потому что давно потерял свои права. И тем более не имел права на это невинное добродушное создание. И лгать ей, только чтобы не сделать больно, я не мог.

— Нет, Рита, я никого не имел в виду. Я просто хотел, чтобы этот старый поросенок от тебя отцепился.

— И все? — Она смотрела на меня широко распахнутыми глазами, полными слез. И я заметил на ее щечках пару веснушек. Совсем как у Вальки. Боже, как это было давно! И милая девочка Валька, которую я оттолкнул от себя. И которая любила меня не меньше.

— Да, моя милая девочка, и все.

— Вы в кого-то влюблены, Ростислав Евгеньевич?

Я промолчал, не зная, как лучше ответить. Я подбирал самый разумный ответ. Мне нравилась, очень нравилась Рита. И даже более того. Но я знал, что она любит Ростика. И все еще помнил, что я — не он. И даже если бы теперь сознался, даже если бы она меня поняла, простила бы она мою ложь? И потом... Я вдруг вспомнил красную нахальную рожу своего друга Лютика. Как я его

предупреждал не делать девочке больно и не брать грех на душу. И теперь что же, этот грех должен взять я? И где гарантия, что не разрушу эту юную душу, не раню ее сердце? Я сам настолько запутался в собственной жизни, что брать на себя ответственность за другую у меня не было сил и прав. Рита же совсем еще девочка. И она обязательно, обязательно встретит хорошего, доброго парня, иначе и быть не может. И еще вспомнит с благодарностью, что я когда-то отверг ее любовь...

— Вы кого-нибудь любите, Ростислав Евгеньевич? — широко распахнутые детские глаза, в которых такая тоска, нет, что-то большее, мольба, словно она пытается кого-то спасти. — Кого же?

Джерри подпрыгнул на задних лапах и лизнул меня в лицо, словно умолял, чтобы я ответил. А я молчал, цепляясь взглядом за караван пушистых облаков, словно пытался улететь на них далеко-далеко, туда, где меня не знают и где не задают вопросов. Туда, где не нужно никому отвечать, чтобы не ошибиться с ответом.

Неожиданно поднялся ветер. Он разнес листья по парку, стал гнать и гнать облака, и мой взгляд за ними уже не поспевал. Рита вскочила и присела передо мной на корточках, взяла мои руки в свои.

— Что с вами, ну ответьте же, ответьте, пожалуйста, вы кого-нибудь любите?

Я никого не любил, я давно никого не любил. Но чувствовал, нет, уже знал, что могу, что способен, стоит только ответить на это пожатие теплых рук, стоит только посмотреть в глаза. И я смогу.

Ветер трепал пышные волосы Риты, ее хвостик сбился набок, на своем лице я почувствовал капли дождя.

— Ростислав Евгеньевич, не отвечайте, не надо. Я же все, все про вас знаю, вы никого не любите, вы не любите даже свою работу! И этот фильм... Все его хвалят, и вас хвалят, а он... Это дурной, очень дурной фильм. Вы же мечтали о роли лесного бога. А играете дешевого супергероя. Это не про вас! Вы же совсем другой! Ростислав Евгеньевич! Вы запутались, вы сами ничего не понимаете. А я понимаю, вам нужно все бросить, абсолютно все. И мы уедем! И не нужно играть роль лесного бога. Можно просто быть им. Я знаю, вы сможете... Мы будем жить в деревне, у самого леса, там все по-другому. Вы просто не знаете, вы там не были, но я вам покажу. И вы навсегда влюбитесь в лес... В рощи, дубравы, поля... Птиц и зверей. Только они настоящие... Им не нужно притворяться, чтобы жить...

— Рита, Рита, успокойся, не надо. — Я почти грубо разжал ее пальцы и резко встал.

Хлынул ливень, ветер мешал говорить, разнося слова вместе с листвой по промокшему асфальту.

— Ты ничего не можешь знать, Рита. У тебя другая жизнь! Если бы я захотел изменить свою, то сделал бы это. Но я ничего, больше ничего менять не буду! Потому что уже поздно...

— Это неправда, неправда, я ненавижу кино точно так же, как вы. И почему, ну почему слово «кино» и «кинология» так похожи?! Это же два разных мира, как ложь и правда. Я для себя выбрала правду. Вы тоже, тоже сможете ее выбрать... Только откажитесь. А я... Я вам помогу...

Мне было настолько плохо, настолько больно, что внезапный холод меня спасал. Физическая дрожь заглушала душевную боль, и мне становилось легче, и я благодарил Бога, что пошел дождь.

— Рита! — Я кричал, перебивая вой ветра. — Рита! Ты совсем замерзла, беги домой, Рита! Я никогда, никогда не смогу полюбить тебя, и лес тоже, и твою кинологию. Я всего лишь дешевый киношник, и этим все сказано!

— Я вам не верю... Не верю... Вы просто потеряли что-то дорогое и боитесь его искать... Но я смогу помочь! — Риту тоже бил озноб, она задыхалась, она продрогла до нитки, ее зубы стучали. Джерри взволнованно терся у ее ног, пытаюсь хоть чем-то помочь. — И я знаю, знаю, что вы... Вы меня... Почти... Почти...

— О боже! — я схватился за голову. — Нет, девочка, ты ошибаешься, ты глубоко ошибаешься! Я тебя не люблю! — Я жестоко чеканил слова, и они ударялись о стволы деревьев и застревали в листве. — Я никогда не смогу тебя полюбить, потому что я люблю совсем другую женщину. Совсем другую. И никогда от нее не откажусь. Как не откажусь и от теперешней жизни. Она моя! Плохая или хорошая, но она моя! Я ей принадлежу, я к ней приручен и я ее приручил!..

Ливень резко закончился. Резко закончился и наш диалог. Стало настолько тихо, что капли дождя, падающие с деревьев, напоминали звуки камнепада. Рита медленно повернулась, зацепила промокшего Джерри за ошейник и пошла прочь. Я смотрел вслед маленькой трогательной фигурке, за которой еле поспевал огромный промокший пес.

Правда, которая так и не была произнесена, повисла в воздухе. Правда, что я никого не любил, но мог влюбиться в Риту и быть с ней счастливым, как мог когда-то стать счастливым с Валькой. Правда, что эта жизнь совсем не моя, ни плохая, ни хорошая, и я ей не принадлежал, как и она мне. Правда состояла в том, что я был никем. Этот воскресный дождь мог меня смыть, не оставив и следа на асфальте. И еще правда была в том, что эта девочка пыталась сегодня спасти меня своей любовью. А я отказался. По доброй воле отказался от своего счастья. Потому что считал, что не имею на него права. Я почему-то решил, что знаю все на свете и, отказавшись от Риты, спасу ее. Я чувствовал себя мучеником, принесшим себя в жертву. И только моя совесть, мой вечный оппонент, робко заметила, что я не мученик, а просто трус, который бежит по замкнутому кругу, считая, что из него нет выхода. И ни разу не попробовав просто остановиться на каком-то этапе пути. Я чувствовал себя окольцованным, не пытаюсь даже понять, что окольцованны в этом мире все. Просто многие умеют остановиться и не пытаются разбить этот круг.

Мне очень хотелось сказать что-то доброе, теплое Рите. Но было так холодно. И все же я попытался.

— Девочка, — окликнул я ее. — Счастье — это не обязательно тот мир, тот человек и та профессия, которые ты сама выбираешь. Бывает, что выбирает оно. И оно тебя выберет, помни мое слово. И мне еще скажешь спасибо! — кричал я ей вслед.

Она оглянулась.

— Спасибо! — крикнула Рита в ответ. — Я запомню ваши слова. И буду ждать, что меня выберут...

Джерри в ответ только зло гавкнул в мою сторону. Похоже, он не на шутку на меня рассердился.

С тех пор мы редко встречались с Ритой. То ли она избегала меня, то ли я ее. Во всяком случае, нас это устраивало. И только в один воскресный вечер неожиданно нагрянула ее мамаша, вполне симпатичная женщина, которая

старалась казаться гораздо моложе своих лет. Хотя это было напрасно. Она выглядела и молодо, и свежо. Пройдя в мою комнату и оглядев обстановку оценивающим взглядом, она заявила:

— Я вас уважаю, Ростислав Евгеньевич. И как нашего соседа — вы никогда не причиняли нам хлопот, разве что иногда, когда по ошибке ломились пьяным в дверь.

Похоже, она не умела ничего забывать.

— Уважаю и как знаменитого актера. Фильмы с вашим участием действительно великолепны и заслуживают самой высокой похвалы.

Похоже, с Ритой у нее были противоположные вкусы.

— И все же, — она поправила высокую прическу, стараясь выглядеть передо мной светской львицей. — И все же. У девочки первая влюбленность. Я этого ее увлечения не одобряю. Но первое всегда быстротечно. Потому что оно необязательно и без обязательств. Это потом все идет медленнее и труднее. Погрязаешь в долгах и обязанностях... И вот поэтому...

Она присела на край плюшевого дивана и стала теревить шелковый шарфик в своих ладонях, как совсем недавно ее дочь — поводом.

— И все же, — она наконец откровенно посмотрела в мои глаза. И вдруг в один миг с нее спал весь лоск и вся спесь. Она стала просто мамой. Мамой очень хорошей девочки Риты. — Ростислав Евгеньевич, если у вас нет серьезных намерений... Моя дочь очень молода. Я не хочу, чтобы она пережила трагедию. Конечно, рано или поздно она ее переживет. Но пусть попозже. Пусть хотя бы наберется опыта. И к миру станет относиться не так серьезно и не так драматично. Возможно, тогда ей станет легче. Вы меня понимаете?

Я ее понимал. Вдруг я ясно и отчетливо, словно это было вчера, вспомнил свой разговор с доктором Кнутовым. Когда он просил за Вальку. Мама Риты тоже просила. И они были так в этом похожи. Они всего лишь родители.

— Обещаю вам, обещаю, — я сказал это твердо, как когда-то говорил Кнутову. У меня уже был опыт. — Я никогда не причиню вашей дочери зла. Никогда. Она очень хорошая девочка. И она найдет свое счастье.

— Но мне не нравится эти ее чрезмерное увлечение кино... — она вдруг запнулась и сердце мое екнуло, — кинологией. Эти собаки. Их так много. Молодая девушка должна дружить не только с собаками, она же так красива, умна. Разве стоит тратить жизнь на этих четвероногих?

Я считал, что стоит. Именно этого жизнь и стоит. Но я промолчал.

— Возможно, ей стоит подумать о другой профессии. И о другом человеке.

— Возможно, — покорно согласился я. Мне вдруг захотелось, чтобы меня оставили в покое.

— Я рада, что вы меня понимаете. И что вы поддерживаете мои тревоги.

Ничего я не понимал. И ничего не поддерживал. Мне просто вдруг показалось, что я вновь, уже своим молчанием или равнодушным поддакиванием предал Риту. Она этого не заслуживала. И вдруг меня окончательно осенило. Не мне она в любви объяснялась. Вернее, это было не столь важным. Ей было важно меня спасти. Она не знала — от чего или от кого, но спасти. Я же ее спасти не мог. Точнее, просто не захотел. Так было удобнее. Мне казалось, тогда казалось, что жизнь сама знает, кого спасать и от кого. Но я глубоко ошибался...

А этим вечером я знал только одно. Что смогу организовать маленькое спасение. Спаситься от несметной тоски, которая после встречи с Ритой и разговора с ее мамашей меня настолько заела, что казалось, еще чуть-чуть — и

на мне не останется живого места. И я решил заглянуть на вечеринку, куда был приглашен еще неделю назад, но идти не собирался, поскольку хотел провести хоть один достойный выходной. Достойного выходного не получилось. Пришлось выбирать из двух зол меньшее. И я выбрал. Правда, в очередной раз ошибся.

Вечеринка была устроена в каком-то крутом клубе по случаю дня рождения режиссера Горлеева, или, как я его успел окрестить, Подлеева. Не знаю, зачем я ляпнул это, но столь обидное прозвище с моей легкой руки и грязного языка Лютика мгновенно разнеслось по всем киношным углам. И к вечеру, когда я там появился, доброжелатели мне уже радостно шептали на ухо:

— Ну как, явился праздновать рождение Подлеева? И зачем Подлеевым вообще рождаться на белый свет?

Похоже, у этого парня было много «друзей», и я входил в их многочисленный круг, поскольку когда-то мой двойник Ростик подставил ему подножку. Я же вообще не знал этого парня, даже в глаза не видел, но меня мучила совесть, что я вновь, вслед за Ростиком, приложил руку к его уничтожению.

Атмосфера была гнетущей. Мрачной. Недружелюбной, как подобает в таких эстетских кругах. Но более всего меня поразило, что они все приползли на день рождения с подарками, стихами и поздравлениями, ненавидя именинника от всей души. И не забывая об этом сообщать. В эту душную атмосферу немалую толику злобы внес и мой друг Лютик. Хотя ему-то вообще не стоило переступать порог этого заведения. Но остальные... Как я успел узнать из местных сплетен, Горлеева когда-то жалели, даже уважали, поскольку благодаря моему двойнику Ростикю он долго не мог снимать. Теперь же у этого парня дела пошли на лад. Вот этого ему простить не могли. Поэтому ненависть зависла над клубом бомбой замедленного действия. И я с опаской смотрел на двухметровую люстру.

Я задыхался в прямом смысле слова. Здесь не просто пахло водкой и лютиками, как говорила Рита. Здесь вообще не было ни одного живого растения. И я, как человек-амфибия, чувствовал себя на краю гибели, словно загнанный в бочку. И поэтому мне ничего не оставалось, как решительно подойти к этому парню, пожать ему руку и во всеуслышание заявить:

— Я не просто поздравляю тебя, но еще и приношу свои извинения. Я был тысячу раз не прав. Нельзя делать подлости. Я ее сделал. И не расплатился. Я теперь знаменит. Но искренне желаю, чтобы твоя слава затмила мою. Я в это верю.

Наступило гробовое молчание. Именно гробовое, поскольку от меня ждали такого подвоха, который способен загнать Горлеева в могилу. Им и в голову не пришло, что все гораздо проще — я искупаю грехи Ростика.

Горлеев замялся и вяло пожал мою руку.

— Я вообще-то думал, что мы — квиты. Ведь я живу с твоей женщиной.

Я вообще поражался умению Любаши представить все так, словно она была всегда чьей-то женщиной. Более того, самой дорогой и желанной.

Я подсел к столику, за которым сидели более-менее знакомые ребята. Лютик даром времени не терял и уже горячо обнимался с какой-то актрисочкой, обещая ей не менее горячую роль.

— А ты умница, Ростя! — Он небрежно похлопал меня по плечу. — Нужно вовремя подойти, чтобы потом не отшили. Я всегда поражался твоему таланту приспособливаться. Поверь, это твой главный дар. Ты-то, по большому счету, кто? Твое место в массовке!

Я был никто, во всяком случае, в кино, и мне возразить было нечего.

— Но ты, парень, каким-то звериным чутьем просекаешь ситуацию. Вот как теперь с Подлеевым. Считай, он твой должник на всю жизнь, смотри, еще захочет тебя увести у меня.

— От тебя не уведешь, — мрачно пошутил я.

— А вот это ты верно заметил. От меня никуда нельзя спрятаться. Разве что скатиться в пропасть. Помнишь, ты уже был на ее краю.

Я не помнил. Это помнил Ростик. Возможно, там он и оказался.

— Так что советую со мной дружить. — Лютик уже успел отрезветь и, похоже, собирался наверстать упущенное. — А вот эта девочка с зелеными, как изумруд, глазками и чистенькой, как утренняя заря, душой и вправду хочет стать кинологом?

— Правда, Лютик, правда, — я невольно сжал кулаки.

— Прекрасная профессия. Ки-но-лог! Мы все, Ростя, кинологи. В некотором роде. Только вместо собак приручаем и дрессируем артистов. А насчет Подлеева и думать забудь. Эта сволочь не иначе как на «Оскара» претендует. И представляешь, этой дрянной душонке везет! Он такой сценарий откопал у какого-то зачуханного студентишки с Урала! Уметь надо! Но ничего... У нас будет не хуже, нет, черт побери, у нас будет в тысячу раз лучше! Студентишки — они народ пока чистенький. Подобострастный. Потому что будущего у них еще нет. Я, знаешь, Ростя, уже понял, что для искусства нужно искать людишек только с юношеским прошлым. Как твоя дамочка с собачкой. Тогда выигрыш обеспечен. Люди с созревшим настоящим — они гнилые. А если им еще светит будущее! Тогда конец фильму, усек?

— У нас уже есть сценарий, — мрачно выдавил я, глотая второй бокал «мартини». — Чего еще надо?

— В том-то и дело, что ничего, и этого сценария тоже! Мы отказываемся от него во имя будущего, и во имя памятника на могиле Подлеева. У подножья которого мы положим цветы.

— Зачем? — Я пожал плечами. — Сценарий довольно прочный, уважаемого человека...

— Уважаемые — все с прошлым, Ростя, мы же будем искать людей с будущим. Которые еще смеют думать, что будущее прекрасно! И пусть думают! Дадим им осознание этого счастья бесплатно. А сами снимем прекрасный фильм, усек? Ни одно дело не проходит напрасно, поверь. А эти юные неопытные души проживут прекрасную, юную, неопытную жизнь. Так подарим им счастье!

Я не понимал, о чем говорит Лютик. Мне кажется, я порядком надрался. Я вглядывался в эти лица, и они все казались удивительно похожими. Правда, можно было разбить их по группам и типам. Словно маленькие фан-клубы. Здесь было много смазливых рекламных Эдиков, толстых красномордых режиссеров Лютиков, легкомысленных пушистых и теплых Любаш, готовых отдать любовь первому встречному, много продюсеров с их молодыми женами, стреляющих глазками направо и налево. И конечно, уйма широкоплечих суперменов Ростиков. А я — один из них. И меня словно не было. Они маячили перед моими глазами, словно персонажи самого дешевого сериала, в котором вместо любви бушуют слезливые страсти. Вместо дружбы заключают сделку. Вместо правды — поток грязной лжи. Они были моим сегодняшним днем, от которого совсем недавно меня пыталась спасти Рита. А я отказался от этого спасения. Что, впрочем, еще не означало, что я собирался отказаться от себя. Хотя, по-моему, уже начинал забывать свое имя. Боже, как же меня звали когда-то? Старое, редкое, по-моему, очень сильное имя, данное мне родителями с любовью.

— Даник, — прошептал я пересохшими губами. — Даник, прости меня...
Я услышал хихикающий тоненький голосок Лютика.

— Еще перед кем-то согрешил. Кто этот Даник? Нужно запомнить...

И я провалился в пропасть. Там, в низине, шумел густой темный лес. Я всегда думал, что лес растет наверху, ближе к солнцу. Неужели я ошибался? В яме возвышались сосны, пахнущие терпкой смолой, иголки которых кололись, как острые копыя. Приглушенно пели лесные птицы. А наверху, над моей головой, у края стоял настоящий Ростик. Он смеялся. И я протянул к нему руку.

— Вытащи меня отсюда.

— Зачем? — он пожал плечами.

— Я не должен расплачиваться за тебя или за тебя жить. Я даже любить за тебя не могу.

— А кто тебе сказал, что не можешь? И разве тебе плохо?

Я огляделся. Леса уже не было. В низине стояли столики, на них бронзовые подсвечники. Я взял со столика бокал вина и залпом выпил.

— Разве тебе плохо? — спросил сверху Ростик.

— А тебе было плохо? — ответил я вопросом на вопрос.

— Ты лучше знаешь, — пожал плечами Неглинов.

— Что с тобой происходит? Где ты? — вдруг спросил я.

— Не знаю. Это можешь знать только ты.

— Странно, уже совсем не пахнет лесом. И птицами не пахнет. Все ушло, Ростик? — я жадно вдохнул воздух. В воздухе приторно запахло лютиками.

— Наверно.

Вдруг я увидел, что наверху стоит не Ростик, а я. И закричал. И стал бить кулаками по песочной стене.

— Ты не имеешь права! Ты не имеешь права быть там! И почему? Там должен быть я! Там я! И там мое место!

— Нет, ты — здесь. По собственному желанию. И не все ли равно?

— Пожалуйста, отпусти меня, вернись! Я не хочу здесь жить! Я хочу туда! Где жил и где жить имею все права. Ты же ничего не имеешь!

Мой двойник смотрел на меня сверху глубокими задумчивыми глазами, взметнув густые брови, его лицо было покрыто щетиной, его руки были мозолисты, а тело покрыто коричневым деревенским загаром. Где-то вдали стояли его родители. А вокруг шумели многовековые сосны, пели соловьи, и на могиле костюмерши расцветала сирень.

Я сидел на полу посреди ночного клуба, где дымились сигареты, лилось вино, пьяно хохотал Лютик, развязно обнимая очередную подругу. Слышался звон бокалов. А за столиками все шептали на ухо друг другу, что настоящая фамилия режиссера не Горлеев, а Подлеев.

— Здравствуй, Ростик, — крикнул он мне сверху. — Тебе протянуть руку?

— Нет, — хрипло ответил я. — Уже все кончено. Или все начинается, я еще не знаю...

Я больно ударился головой о стол и наконец-то очнулся. Мой мимолетный сон ушел с облаками сигаретного дыма. Среди облаков стояла Лида. Я долго, мучительно вглядывался в ее красивое лицо, чтобы понять, правда ли это. Она ли это. И почему она так вдруг, непрошено, явилась из прошлого. Я ошибся. Она была всего лишь настоящим. Это ее я так беззаветно, так преданно любил тысячу лет назад в Сосновке. Это ради нее я предал свой дом, своих друзей и свою собаку. И все же она была из настоящего.

— Вам плохо? — встревожено спросила она.

Видок, похоже, у меня был еще тот. Бледен, как мел, безумный взгляд, дрожащие руки. Спрашивать, плохо мне или нет, было излишне.

— Да, спрашивать, похоже, излишне. — Она слегка прикоснулась к моей дрожащей руке. — Я вижу, что плохо.

Черт побери, она по-прежнему умела озвучивать мои мысли.

Она молча помогла мне подняться и, взяв под руку, повела к выходу.

— Ее зовут Лида! — кричал мне вслед пьяный Лютик. — Ей не очень везет в кино. Но с поклонниками у нее все в порядке!

Лида вывела меня на улицу. Осенний промозглый ветер с дождем вскружил голову, ударил в нос так, что я захлебнулся. И опьянел еще больше. Мне стало совсем худо. Лида открыла дверцу серебристого автомобиля, кое-как меня усадила и даже участливо прикрыла ноги пледом.

«Господи, неужели она меня узнала?» — вертелась в моей голове единственная трезвая мысль. Неужели? Ну конечно, иначе зачем бы она пыталась меня спасти от этого угарного дыма, от этих лживых насквозь людей. Она меня узнала. Ну и хорошо. Ну и слава богу. Наконец-то кончится этот кошмар. Лучше уж угодить в тюрьму за присвоение чужого имени, чем жить безымянным. И разве сейчас я не в тюрьме? Просто нет железной решетки, а, впрочем, разве ее нет, и разве меня не бьют железными прутьями? Бьют так, что я теряю собственное имя, свою настоящую биографию, себя самого, в конце концов. Господи, как хорошо, что кончился этот кошмар. И как хорошо, что она меня узнала.

— А я вас узнала, — подтвердила, как всегда, мои мысли Лида, когда автомобиль плавно сдвинулся с места и легко поплыл по влажному асфальту, как гондола.

— Я очень рад, — пролепетал я.

— Хотя у вас видок еще тот. — Она рассмеялась, продемонстрировав ровные, безупречные зубы. — Пожалуй, не сразу можно догадаться.

— Да, раньше я был совсем другим. — Я старался говорить внятно. — Тогда все было другим. И мне было лучше.

— Еще бы. Трезвому всегда лучше. Хотя пьяные так не думают. Но вы, похоже, уже трезвеете. Так что...

— Так что, несмотря ни на что, я очень рад нашей встрече! — Я даже попытался изобразить галантный поклон, но не рассчитал и ударился башкой о панель приборной доски.

Лида рассмеялась. Она была прежней Лидой. Слегка высокомерной и смешливой. Которая когда-то хотела открыть для меня новый мир. И похоже, теперь попытается спасти меня от этого нового мира. Я был неслыханно за это благодарен. И я ей простил сразу все. Даже свой утерянный дом.

— Я тоже очень рада нашей встрече. — Она слегка повернулась и погладила меня по плечу. — Хотя хотелось, чтобы все произошло по-другому. Но раз так... Не все в нашей власти.

— Зато в нашей власти сегодняшний вечер. — Я, похоже, постепенно уже приходил в себя. — И в нашей власти говорить друг другу «ты». Мы имеем на это право.

Лида слегка повернула ко мне голову. Эта нежная кожа, эти лучистые зеленые глаза. Она казалась мне похожей на всех моделей. И она была единственной.

— Я знала, что ты другой. Что ты совсем, совсем другой. Если бы ты знал, что мне за это время пришлось пережить, сколько унижений и сколько предательств! — Ее голос дрогнул. — Но я знала, чувствовала, нет была уверена на все сто, что мы с тобой встретимся, иначе и быть не могло. Эти вечные Эдики, окружающие меня...

Я не выдержал и рассмеялся, насколько позволяло мое состояние.

— А еще есть Лютики и Бины, и много-много других...

— Ты о чем? Впрочем, я понимаю. Они есть. И все они бессмысленны, как эта мокрая после дождя дорога. Проезжаешь в одну секунду — и ничего не остается. Но ты... Ты другой. И я это поняла. И мне для этого столько пришлось пережить.

— Мне тоже.

Я вспомнил побег из Сосновки, роковую встречу с Ростиком, свою собаку, которая меня не простила, и сирень, совсем молоденькую, полыхающую маленькими фиолетовыми огонечками на могиле Марианны, моей костюмерши и бабушки Лиды. А еще скрипучую калитку, колыхающуюся от ветра, и ее заунывный плаксивый скрип в ожидании Лиды. Мне так хотелось ей все рассказать! Что пережил, и зачем все это переживал. Мне так хотелось, чтобы она наконец-то меня поняла. Она поймет, иначе и быть не может. Потому что она уже давно все поняла. С тех пор как осталась без меня. И не нужно будет ей ничего объяснять. Хотя у нас впереди целый вечер и целая ночь, и как знать, сколько у нас еще впереди.

— Лида. — Я прикоснулся ладонью к ее шее, длинной, теплой. И она встрепенулась. Она любила меня точно так же, как тогда, в Сосновке. Поэтому она единственная смогла меня узнать.

— Ты — лучше их всех! — Лида оторвала одну руку от руля и протянула ее к моему лицу. И нежно погладила.

— Нет, я не лучше. Я просто несчастнее.

— Я это знала. И поэтому поняла, что наша встреча не случайна. Потому что ты должен быть и лучше, и счастливее. Ты имеешь на это право.

Машина казалась наэлектризованной. Температура воздуха в салоне автомобиля, казалось, зашкаливала за все всевозможные пределы. Меня колотило. Теперь я увезу Лиду от этого бессмысленного, пустого мира. Туда, где мы были так счастливы. И возможно, на старом погибшем дубе, где мы встречались, уже расцветают молоденькие листочки.

— Лида, — прошептал я пересохшими губами, — Лида...

Она не выдержала, на секунду оторвала руки от руля, чтобы ответить на мой мимолетный поцелуй. И прошептала, горячо, страстно, беззаветно, так умела шептать только она:

— Ростик...

Машина, оставшись на секунду без управления, подпрыгнула на кочке. Лида судорожно вцепилась в руль. И мы едва успели увернуться от грозно надвигающегося самосвала, съехав на обочину. Я опять ударился головой о лобовое стекло. Все же Лида вовремя смогла взять ситуацию — вместе с рулем — в свои руки. Она вовремя опомнилась. Опомнился и я. И полностью отрезвел. Голова моя гудела. И на лбу выступили капли крови.

— Боже, Ростик! — Лида выскочила из автомобиля, уселась на колени и стала промакивать мою ссадину салфеткой с йодом. — Господи, Ростик. Мы чуть не погибли.

— Но не погибли же, — пробубнил я.

Она даже не заметила, что мой тон из приторно-ласкового тут же превратился в ледяной. Она списала это на шок.

— И слава богу! — Она без конца взывала к Богу. Словно Бог просто обязан был выполнять ее прихоти. Хотя, похоже, он выполнял.

— Ростик, миленький, я совсем сошла с ума из-за тебя. Я даже не помню, как все случилось. Ты только прикоснулся, милый. Ко мне еще никто так не прикасался. И ничего подобного я не чувствовала.

Она откинулась на заднее сиденье и не к месту расхохоталась. Похоже, она тоже пережила шок. Но в отличие от меня, иной. Чисто физический.

— А знаешь, теперь наша любовь окроплена кровью. Как бы мелодраматично это ни звучало.

Мой лоб по-прежнему кровоточил. Лида осторожно прикоснулась к ране губами.

— Мог бы получиться прекрасный финал для фильма про любовь. Правда, Ростик?

Я смотрел на Лиду и молчал. Даника вновь не существовало. А я-то думал, что меня еще кто-то помнит в этом мире, что я кому-нибудь еще нужен. Какая наивность. Это ведь прежняя Лида. Она ни капли не изменилась. И ничего не пережила. Она просто вновь влюбилась. Правда, ее амбиции пошли дальше. Она уже не хотела любить смазливого Эдика из рекламных клипов, не хотела эксцентричной любви к леснику Дане. Это все в прошлом. И все для нее стало гораздо проще. Она повзрослела. У нее появился шанс сочинить роман с преуспевающим актером. Только она не учла одного. Преуспевающий модный актер этого не желал. И все же он помнил, что впереди ночь. И наверно, на что-то еще смел надеяться. Вдруг этой ночью к ней вернется Даня? Вдруг она его вспомнит? И вдруг вновь полюбит?

Эта ночь не вернула Даника. Лида страстно повторяла имя модного актера Ростика и всеми богами, которые были придуманы и еще нет, клялась, что любит его навеки. А Даня старался, чтобы его вспомнили. Ведь это его давным-давно так любили в Сосновке. Но чуда не произошло. Даже у женщины, которая с ним когда-то провела не одну ночь и которая, наверно, любила его, ни разу не возникла мысль, что это не Ростик. Она любила этой ночью только Ростика. И никто для нее не существовал на белом свете.

Не скажу, что с моей стороны это было мстью. Меня оправдывало, что я тоже любил или хотя бы пытался реанимировать нашу любовь. И не моя вина, что ничего из этого не вышло. Любовь была другой. Я не был Даней. Только Лида осталась прежней.

Утром я долго смотрел на нее, еще спящую. Одеяло отброшено в сторону, лучи осеннего солнца освещают ее золотистый загар. Она была прежней. Той же тысячной топ-моделью, которую я по ошибке когда-то полюбил. Потому что в Сосновке подобного не встречалось. И этой ночью я навсегда уничтожил любовь, убил, раздавил, в моем сердце не осталось даже капли жалости. И даже мой вечный оппонент — совесть — мудро и тактично молчала.

Я торопливо оделся. Я был похож на тысячу супергероев, сбегаящих по утрам от восторженных девиц, чтобы не видеть слез и не слушать мольбы. Я становился истинным Ростиком, и меня это уже не столь угнетало.

Лида проснулась от шорохов, сладко потянулась, потерла кулачками сонные глазки. Широко их распахнула. Она играла во влюбленную девочку. Казалось, что вот-вот она попросит подобную роль. Разве плохо она ее сегодня отрепетировала?

— Ты куда-то уходишь, Ростик? — В глазках неподдельный испуг.

— Сама понимаешь, милая, я артист нарасхват. Сплошные съемки. Как они меня достали! — сказал я тоном уставшей знаменитости.

— И когда ты придешь?

— Я? — Мой тон был удачно выстроен под легкое непонимание. Словно спросили у меня какую-то несусветную глупость. — А зачем, милая, и разве нам так было плохо, чтобы пытаться что-то исправить?

И Лида расплакалась. Наверное, искренне. Супергерой ускользал из-под носа. Ее не любили. А впереди маячили лишь одни Эдики. Мне вдруг стало ее искренне жалко. К тому же когда-то я ее искренне любил. Я пригладил ее светлые волосы и потрепал по румяной после сна щечке, на которой еще виднелся след от подушки.

— Ну же, девочка, не нужно плакать. У меня и впрямь много дел. А ты такая хорошенькая.

— Правда? — Она подняла на меня умоляющий взгляд, пытаюсь зацепиться за последнюю фразу. Она была похожа на всех хорошеньких девушек. Но считала, что хорошенькие дорого стоят. Вдруг и на сей раз повезет.

Мне больно было смотреть на этот умоляющий взгляд. И я решил воспользоваться последним шансом.

— Ты к тому же такая оригинальная, знаешь, я как-то сразу понял, что ты довольно необычна.

Она воспрянула от моих слов. И даже приподнялась на кровати, демонстрируя, как на подиуме, свою безупречную фигуру.

— К тому же я уверен, что ты способна на неординарные поступки, — продолжал провоцировать я.

Она беспомощно оглянулась. Она не знала, как доказать свою эксцентричность. И ее взгляд упал на старинное хрустальное блюдо. Это в мои планы не входило.

— Ну же, пока есть чуточку времени, расскажи, ты ведь была влюблена? Лида замотала головой.

— Так, как в тебя? Это невозможно.

Еще бы она сказала другое, когда я был рядом.

— Ну хорошо, но не так. Но я чувствую, всем сердцем чувствую, что ты настолько оригинальна, что в твоей жизни случился какой-нибудь экзотический персонаж. По-моему, даже что-то прослышал о твоей любви, которая всех шокировала.

Лида сморщила узенький лобик. Она не понимала. Более того, она вспоминала. Неужели она напрочь забыла лесного бога?

— Экзотический? — робко переспросила она, словно пыталась вспомнить какую-то гориллу, вдруг возникшую у нее на пути.

— Ну же, я по твоим глазкам вижу, чистым и невинным.

Она вновь растерянно хлопала глазками, демонстрируя чистый и невинный взгляд.

— Ах да, — она запнулась. Даже попыталась покраснеть. Но я помнил, что Лида, в отличие от Риты и Вальки, никогда не краснела. — Ах да, даже стыдно вспомнить. Лесник какой-то. Такой большой, заросший, с длинными руками. На гориллу похожий. Это я назло Эдику закрутила и с ним интрижку. Ну, на спор, что ли. Он не верил, что я, из такой хорошей, порядочной семьи...

— Из среды «золотой молодежи», — поддержал ее я.

Эта поддержка возымела действие. Лида даже гордо встряхнула головой и повела своими покатыми белыми плечами. И поправила золотой перстень на тоненьком пальчике. Ведь она была из «золотых».

— Да, именно. Я решилась на этот скандал! И он удался. Та горилла влюбилась в меня без памяти! А я его даже не запомнила.

— Трудно не запомнить гориллу. Хотя... Если она всего лишь издалека бросала к твоим ногам полевые цветы... И любовь гориллы закончилась этим...

Лида тщательно стала тереть от неловкости щеку. Щека зарделась. Кто краснеть не умеет, добивается этого другим путем. Лида всего добивалась.

— Конечно, не только этим. Но стыдно вспомнить. И отвратительно. Я иногда по ночам просыпаюсь от стыда. А когда встречаю своих друзей. Ну, настоящих мужчин. Эдика, например...

— Лютика, — продолжил я за нее.

— Ну, не помню. То вообще от стыда сгораю.

Лида принялась усердно тереть вторую щеку, демонстрируя стыд. Но тут же вновь гордо вскинула голову.

— Я считаю, в жизни настоящего творческого человека должны быть не только взлеты. И падения тоже.

Горилла, то есть я, был, похоже, падением в жизни девушки, которую так беззаветно любил. Мне вдруг стало ее жаль. И я даже поцеловал ее в оголенное плечико. Так в детстве целуют кукол.

— Не переживай, милая. Все мы произошли из горилл. Вдруг твоя — не самая худшая?

Лида потерлась лицом о мой пиджак. О горилле она забыла начисто.

— Ростик! — Она подняла на меня умоляющий взгляд. — А ты кого-нибудь любишь?

Мой взгляд упал на фотографию в золотой рамке. На ней было запечатлено очень молодое, очень красивое и ни на кого не похожее лицо... Лицо моей костюмерши. И несмотря на давность снимка, ее я узнал с первого взгляда.

— Знаешь, я бы мог влюбиться только в такую, — я кивнул на фото.

Лида бросила мимолетный взгляд и поморщилась.

— Ты опоздал. Это моя бабушка, она умерла. К тому же в бабушек не влюбляются.

— Значит, я обречен на вечное одиночество. И все же мне хотелось положить на могилу этой прекрасной женщины цветы.

Лида пожала плечами.

— Она похоронена очень далеко. В какой-то деревне. То ли Дубровка, то ли Еловка, не помню. Там еще заповедник, занесенный в Красную книгу. И пансионат для киношников. Так себе местечко.

Я внимательно смотрел на Лиду. Она откровенно лгала. Она ревновала меня даже к умершим. И назвала, почти назвала место моей родины. Даже вспомнила, как я утверждал когда-то, где именно похоронена костюмерша. Ну что ж. Хотя бы это. Хотя бы это до нее дошло. Это уже шаг, маленький, лживый, но шаг.

— Ты ко мне вернешься? — Лида вскочила с кровати и со всей силы обвила мою шею руками.

Мне так хотелось сказать, что гориллы не возвращаются, что они ушли в прошлое вместе с эпохой. Но я мудро промолчал. А затем ляпнул нечто еще более мудрое.

— Я ведь женат. Ты не знала? И очень люблю свою жену. Ее зовут Вика. У нас было много проблем, но думаю, вскоре все образуется.

Лида отпрянула от меня. Попыталась заплакать, но вдруг раздумала. И вполне осмысленным взглядом посмотрела на меня, словно лихорадочно соображая. Я уже уходил вместе с гориллами в прошлое. Лиде нужно было жить дальше.

— Скажи, Ростик, а вот этот... Его фамилия, кажется, Горлеев, какой-то негодяй от зависти дал ему даже кличку Подлеев... Он режиссер, и кажется, ему дали очень перспективную постановку... Там, возле него крутится какая-то дурочка, то ли Любаша, то ли Дуняша. Но так, дешевка. Ты его хорошо знаешь?

— Да так, вроде бы...

— Ты бы не мог... Ну, в память о нашей ночи... Согласись, мы же любили друг друга и совсем не притворялись. Ты бы не мог в память о нашей ночи... Ну, напомнить ему обо мне?

— Я подумаю, Лида.

Плотно захлопнув дверь, я выскочил на улицу. Как ни странно, на душе не было ни грязно, ни слизко, ни мерзко. Моя душа уже привыкала ко всему. Моя душа забывала Даню. А душе Ростика любое море по колено. Во всяком случае, за Лиду я был спокоен. Она не отравится и не повесится из-за меня. А ведь так любила! Я вспомнил ночь любви и расхохотался во весь голос. На меня в недоумении оглядывались прохожие. Как она меня любила, и в Сосновке тоже. А теперь... Что ж, теперь пришла очередь Горлеева. Его будут любить не меньше. В этом я ничуть не сомневался.

Мои немудреные прогнозы совсем скоро сбылись. И на одном из киношных праздников, устроенном по случаю начала съемок фильма Горлеева, я увидел этого гениального режиссера прилюдно целующимся с Лидой. После парочки бокалов шампанского он демонстративно вышел в центр зала и громогласно объявил, что его фильму будет обеспечен успех, поскольку после многодневных изнуряющих поисков главной героини он наконец-то нашел ту, что искал. После чего вытащил зажигалку не иначе из чистого золота с рубинами и прикурил от нее узкую золоченую сигариллу. Похоже, у Горлеева были спонсоры из чистого золота.

Та, которую он нашел, стояла в золотистом платье с накинутым поверх песцовым манто, с высоко поднятой головой, украшенной золотой цепочкой, почти диадемой. Она презрительно оглядывала присутствующих. Особенно презрительный взгляд был небрежно брошен мне. Не иначе Лида уже представляла себя на церемонии вручения «Оскара» вместе с мужем — режиссером Горлеевым. Нет, все же не зря я его когда-то переименовал в Подлеева. Он подло обошелся с Любашей. И дело даже не в том, что он ее бросил. Здесь всех всегда жестоко бросали. Зачем нужно было ее так демонстративно унижать на глазах злорадствующей толпы? Зачем устраивать всенародную экзекуцию на лобном месте?

А на лобном месте царило веселье. Все бросились целоваться и обниматься с новой кинозвездой, хотя ни в один кадр она еще не попала. Но они на всякий случай заручались поддержкой на будущее. А вдруг Подлеев и впрямь положит в свой карман «Оскара», так, между прочим, вместе с золочеными сигариллами?

Мои глаза рассеянно бегали по лицам. И не находили Любашу. Зато тут же, как в водевиле, на мои глаза попался Люттик. Ему, как никогда, подходила роль

ассистента палача. Лютик довольно потирал потные ручки. И со всей силы пихнул меня в бок.

— Получила свое, дешевая девка! — прыгал он, как сатир. — Возмездие свершается быстро. Да и Бог кое-что видит, хотя, конечно, за всеми уследить невозможно, но Любашу-то уже наверняка записал в своей потаенной книжке.

— Оставь хоть Бога в покое. И кстати, Любашу тоже. Нашел самую большую грешницу.

— Ну, нашел — не нашел, а подлянок она много сделала. То тебя пробросила, то меня. Думала, Подлеев ей целовать ножки будет. Мнила себя кинозвездой — мадам Подлеевой. Вот и получила.

— Меня хотя бы из этого списка обиженных вычеркни. Мне Любаша ничего дурного не сделала, — резко ответил я, продолжая искать ее взглядом. Я искренне желал, чтобы ее здесь не было.

— И разве можно эту дешевку сравнить с Лидой? Какая горделивая поступь, какой поворот головы, какая шея! Нефертити! И родословная из дворян, не то что эта дочка швеи из глухомани. Мне за Лиду Подлеев должен в ноги пожизненно кланяться. А тем более — за Любашу, вернее, за ее своевременный уход. И «Оскара» подлецу Подлееву придется со мной разделить. Как и сигариллы, которые я, кстати, сейчас у него стрельну.

Я недоуменно смотрел на Лютика. Его лицо, и без того мясистое, рыхлое, расплывалось у меня на глазах, словно видел я его в нерезком фокусе.

— При чем тут ты, Лютик? При чем тут ты, черт побери!

— А при всем. Это я познакомил Лиду с Подлеевым. Я знал, что можно рассказать о Любаше. Я много о ней знаю, впрочем, как и ты, Ростя. Так сказать, ради искусства готов на все. Искусство передо мной в неоплатном долгу. Как и Подлеев. Со своим «Оскаром» и золотыми сигариллами.

Я хотел со всей силы врезать Лютику, но его рожа настолько расплылась, что я промахнулся. Хотя, конечно, причина состояла в другом. Я вдруг увидел Любашу. Она одиноко стояла на театральных подмостках, словно пытаюсь сыграть свой последний бенефис. И мне вдруг на миг показалось, что она стоит на каменном помосте лобного места. Как на старых, выцветших открытках — перед казнью еще ждет помилования, а рядом приготовлена виселица. И тысячи зевак смотрят с презрением на нее, радуясь, что они законопослушные.

Помилования не последовало. Индальгенция не зачиталась.

Любаша выглядела настолько жалко и нелепо в своем ярко-красном пальтишке с зеленым, слегка общипанным воротничком из искусственного меха. Ее пухлые губы, чрезмерно покрашенные пурпурной помадой, были слегка приоткрыты, как у ребенка. А под синими распахнутыми глазками размазалась черная тушь. Любаша пыталась с кем-то поздороваться, поговорить, но все делали вид, что ее не замечают. Сегодня был не ее праздник. Сегодня Подлеев праздновал свой будущий «Оскар». И все были уверены, что он его получит, хотя съемки еще даже не начались. Но какое это имело значение? Киномир уже официально признал Подлеева гением... Я уже давно понял, что гением назначает не Бог, правда, еще не понимал — кто? Но не Бог — это точно.

Любаша выглядела нелепо и смешно настолько, что хотелось расплакаться. И я со всех ног бросился к ней, силой утащил с подмостков и скрылся с ней в фойе. Я пригладил ее взбившиеся волосы, вытер носовым платком тушь под глазами и губную помаду. Она по-прежнему застыла в оцепенении и, казалось, не узнавала меня.

— Ну же, девочка, — я встряхнул ее за плечи. — Ну ты же умница. И красавица, ты лучше всех этих размалеванных девиц.

Любаша была не менее размалевана, но я этот факт решил умолчать. Я усадил ее на бархатную скамейку. Она, как безжизненная кукла, сидела прямо, глядя на меня и совершенно меня не замечая. Я со всей силы толкнул ее в спину. Она слегка покачнулась и, как кукла, пропела:

— Да.

Я мигом сбегал в зал, притащил бутылку шампанского и заставил Любашу сделать несколько глотков прямо из горлышка. Ее глаза заблестели, губы задрожали. Она ожила. И разрыдалась. Из состояния шока я девушку вывел. Но дальше — хуже. Нужно было выводить ее из стресса, который неминуемо повлечет за собой глубокую депрессию. Я не был врачом-психиатром. И наверное, во мне осталось немного Даника, этого сильного, чуткого к чужим бедам лесного бога. Я был всего лишь вялым, уставшим, ленивым, погрязшим в своих переживаниях артистом Ростиславом Неглиновым. Мне ужасно не хотелось возиться с девушкой, которую я не так близко и знал. Я беспомощно огляделся по сторонам. Черт побери, ведь Любаша настолько общительна, весела, у нее уйма друзей и подружек, в нее влюблены десятки парней. Где они? Куда все подевались? Попрятались? Почему все они, пробегая мимо нас, трусливо прячут глаза и не отвечают на мои призывы? Боже, неужели так легко отказаться от человека? Только потому, что какой-то негодяй Лютик решил отомстить. Похоже, ему это удалось. Но неужели это так легко — отвернуться от человека, зная его много лет? Наверно, легко. Я знал Любашу совсем мало, ее знал хорошо Ростик. И я уже ненавидел Ростика, что он так ловко сбегал от всех этих проблем, зависти, лжи, предательства, от всех так называемых друзей и любимых. Я это все взял на себя. В наследство от Ростика мне осталась не только профессия, квартира и женщины. А гораздо худшее. Мне осталась в наследство его жизнь. И почему я когда-то решил, что она будет лучше моей?

Любаша рыдала у меня на плече, и я не знал, как ее успокоить.

— Ну же, девочка, подумай, не снялась в какой-то киношке. Будут у тебя еще сотни фильмов. Твое личико настолько фотогенично. — Я гладил ее по голове, как маленькую.

— Все кончено, Ростя, — повторяла сквозь всхлипы она. — Все, все кончено. И ничего уже не будет. Лютик навсегда перекрыл мне дорогу в кино. Я его хорошо знаю. Он не умеет прощать.

— Глупости все это, какая чушь! Лютик — не страшный злодей, а всего лишь мелкий интриган из дешевого водевиля. Покуражится — и на этом все закончится. Люди все забывают быстро.

— Люди... Наверно, да. Но здесь ничего не забывают, особенно если прилепили клеймо. Ведь ты даже понятия не имеешь, сколько и кому он на меня наговорил. И потом, кто он, а кто я? Ведь я всего лишь эпизодическая актрисочка, которая все время дрожащей рукой вымалывает роль. У меня был единственный аргумент — обаяние. Может быть, поэтому... Поэтому у меня было много мужчин. Потому что больше ни связей, ни аргументов не было...

— Ну что мне с тобой делать? И что мне для тебя сделать, чтобы ты успокоилась?

Я огляделся. Пустой холл. Какой-то полупьяный артист прошмыгнул в туалет, даже не обернувшись в нашу сторону. Из зала раздавалась музыка. Я вдруг схватил Любашу за руку.

— Идем, потанцуем?

Я вывел ее в центр зала. И зал сразу же стал пуст. Всем вдруг танцевать расхотелось. Я закружил Любашу в танце. Закружил — это было слишком громко сказано. Танцевать я так и не научился. И, как когда-то в Сосновке, ходил на косолапого медведя на балу. Во мне вновь проснулся Даник. Я неуклюже двигался, наступал партнерше на ноги, спотыкался. Это был танец неудачников. Но я считал, что он удался. Во всяком случае, если это и был плохой танец, то вызов получился отличный.

Я демонстративно взял Любашу под руку, как свою даму, и повел к выходу. Меня нагнал Люттик и прошипел, как змея, прямо в ухо:

— Не связывайся с отверженными, это я тебе как друг советую. Иначе очень легко можешь оказаться в их списке.

Я усмехнулся, пропуская Любашу вперед. И на секунду задержался у выхода.

— А кто тебе сказал, что отверженная она, а не все вы? Кто тебе это сказал? К тому же список составляет, по твоим же словам, сам Господь Бог. Думаю, мы окажемся не на последнем месте.

— Смотри, Ростя, очень сильно потом пожалеешь, я ведь помню, как ты на меня замахнулся.

— Но промахнулся. А вот это действительно жаль.

Я захлопнул перед носом Лютика дверь. Мы поймали такси и примостились на заднем сиденье.

— Тебя куда отвезти?

Любаша вдруг вцепилась в мои плечи и умоляюще, почти плача попросила.

— Можно к тебе, Ростя? Ну пожалуйста, можно?..

Я знал, она цепляется за любую соломинку. Она хочет выжить. И как всегда, неверно выбирает способ выживания. Потому что видит его только в мужчинах.

— Ведь мы так когда-то любили друг друга, Росточек. Нам так хорошо было вместе. Мы все, все, все, все можем начать сначала. Я ведь теперь многое поняла... Или начинаю понимать.

Отказать нужно было решительно, резко, бесповоротно, иначе я вновь влипну в любовь, которая мне не нужна.

— Нет, Любаша. Я очень ценю наше прошлое, правда, ценю. Но ты не знаешь... Ко мне вернулась Вика.

Любаша расцепила руки, обмякла и устало прикрыла глаза.

— Тогда едем ко мне, ко мне никто не вернулся. — Она назвала адрес.

И минут через двадцать мы были у нее дома. Я мало знал Любашу.

Пожалуй, только то, что она всегда казалась очень легкой, веселой, немножко нелепой. Вокруг нее всегда вертелись мужчины, потому что она не умела жить одна. Я не смел ее упрекать за это. Я знал, что у нее мало вкуса и был на все сто уверен, что ее квартира забита дорогими, ненужными и безвкусными вещами. И был искренне ошарашен ее домом — крохотной комнаткой на последнем этаже. Старый круглый стол, железная кровать, допотопный буфетик с дешевой посудой. Я не мог даже предположить, что она так бедно живет. Единственное, что украшало, делало живым, почти одухотворенным дом — это уйма цветов. Растения были повсюду — на полу, на подоконнике, на столе. Комната сделалась похожей на маленький палисадник, на уютный ботанический садик, на благоухающий розарий. Я вдохнул запахи растений. Мне стало легче. Это не был луг, а модель луга. Но это напомнило мне родину. Захотелось лечь на пол, осторожно дотронуться до нежных лепестков, почувствовать на лице

прикосновение сочных зеленых листьев. И попытаться на протекающем потолке разглядеть солнце. Модель родины не могла быть родиной. И все равно на душе стало легче.

— Не ожидал, что так все бедно? — Любаша рассмеялась.

Она вновь становилась прежней беспечной девчонкой.

— Ты первый гость в моем доме. Сам понимаешь, я жила всегда у своих покровителей. И всегда делала вид, что очень богата. Этому я научилась. А когда покровители кончались, прибежала сюда. Ну, как на родину возвращалась. Только зелень, цветы и запахи. Вот такая моя родина.

— У тебя очень хорошая родина. И она так похожа на мою...

Любаша остановила на мне свой пристальный взгляд.

— Ты о чем, Росточек?..

Я вздрогнул. Во мне вновь, именно в этой комнатухе, просыпался забытый Даник.

— Это я так. У меня в квартире тоже много цветов.

— Тоже мне, сравнил. И потом... Они же не твои... Ты даже понятия не имеешь, как какой цветок называется. Ты всегда сторонился природы. Или боялся ее. Почему?

Я приблизился к лантане — кустарнику с нежными цветочками самого разного цвета — желтые, розовые, красные, белые, они удивительно дополняли друг друга и создавали многоцветную гамму.

— Это лантана камара, — пояснила Любаша.

Я это прекрасно знал. Не зря проработал в Ботаническом саду. А вот в Сосновке таких цветов не было. Но были не хуже. Но об этом я не мог рассказать Любаше.

— У нас в поселке таких цветов не было, — вздохнула Любаша. — Но были не хуже. Просто я всегда очень увлекалась ботаникой. А стала артисткой. Потому что лучше всех пела в доме культуры. И танцевала тоже лучше всех. А ты проходи, раздевайся. Я сейчас чай сделаю. Его мама научила готовить. А рецепт еще от прапрабабушки. Но я могу тебе его открыть, хочешь? — Любаша говорила без умолку, суетливо. Словно боялась, что я вот так возьму и уйду. И она вновь останется одна. Она не умела жить одна.

— Любаша, ты извини, — сказал я то, что она боялась больше всего услышать. — Но мне и впрямь нужно идти...

— Ростик, миленький, я что-то хотела сказать... Погоди... Не припомню. Имя какое у тебя замечательное, тоже звучит, как природа. Ростик, Росток, Росточек...

— Любаша, пожалуйста... Мне и впрямь нужно. Я к тебе завтра обязательно загляну.

— Знаешь, я же одна с нашего поселка поступила в театральный, за всю его историю. Представляешь, какой был фурор! Все так в меня поверили! Все так мной гордились! А как ждали моих ролей! А один раз меня даже показали в клубе на большом экране — так ерунда, эпизодик. Но весь поселок аплодировал! И мне целую бочку меда привезли, представляешь! Словно я медведь. Вся студия его ела...

— Любаша, милая. У тебя все еще получится. Все еще будет, поверь мне, вот увидишь...

— Знаешь, я так давно не была дома. Я не могу... Ну как я туда появлюсь?.. Я все хотела честно делать, честно поступила, честно ждала ролей. Но мне нужно было приехать домой победителем, понимаешь, как же иначе? А победы все не было и не было. И ты, помнишь, нам с тобой трудно пришлось. Ты хоть снимался

в рекламах. Тебе повезло. А меня даже туда не звали. По-моему, ты этого не хотел.

Еще одна заслуга Ростика. Держал Любашу при себе, как куклу, забавлялся, даже в какие-то жалкие рекламы ее не захотел пристроить.

— А я... Вот я и подумала... Я ведь многим нравилась. Я веселая. Вы любите веселых. Потому что вам всегда плохо. Вот я и подумала... Ты меня поймешь, милый, ты сам в кино... В кино любви нет. Вернее, она есть только в кино, но не в кругу тех, кто кино делает. Кто сочиняет любовь, тот любить не умеет. Ты помнишь, как я настрадалась из-за одного парня... А потом тебя полюбила. Все готова была вынести. Но ведь это кино... Нет, я не жалею, просто у меня не получилось. У меня ничего не получилось. Ни в любви, ни в кино... Ведь я хотела и того, и другого. Наверно, я слишком много хотела...

— Зря ты так, девочка. Ты еще так молода.

— Это ты так считаешь. Я уже так не думаю. Здесь быстро стареют, быстрее, чем в другой профессии. Я знаю другое...

— Любаша, милая, выпей что-нибудь успокоительное и ложись спать. Меня ждет Вика...

Любаша расхохоталась. Она была похожа на Белоснежку. Беленькая, кудрявая, голубоглазая.

— Успокоительное? А это мысль. Знаешь, когда я была маленькой, когда меня обижали и я плакала, я прислушивалась... Знаешь к чему? К скрипу калитки. Она так смешно скрипела, когда открывалась и задевала сирень. У нас чудесная сирень цвела под окном. Вот они вместе и скрипели. И я так ждала... Мне казалось... Если они скрипнут. Обязательно кто-то придет. Придет, и все, все в моей маленькой жизни исправит. Как ни странно, так оно и было. То доктор приходил, такой смешной очкарик, он все время заставлял открывать рот и говорить: «А-а-а...» А я пела. Звонко и громко, на всю округу: «А-а-а-а!..» Я тебе говорила, я ведь хорошо пою... А еще скрипела калитка, и приходил лесник. Такой большой бородатый медведь. Я садилась к нему на колени, дергала за бороду, а он мне рассказывал невероятные истории, как спас всех на свете зверей. Потому что они единственные, кто достоин спасения. Люди... Он говорил, что люди этого не достойны. Они сами выкарабкаются. Как ты думаешь, он был прав?

— Пойду, Любаша. Я обязательно завтра вернусь к тебе утром. И мы обо всем поговорим.

Я не мог больше этого выдержать. Нет, наверное, мог, просто не знал, что делать. Я просто не знал. И решительно направился к выходу.

— Росточек! Миленький! Еще чуть-чуть...

Я оглянулся. Это была ошибка. Любаша вдруг начала танцевать. Наверно, именно этот танец она исполняла в клубе. Она действительно великолепно танцевала. Кружила между цветов, как бабочка, взмахивала руками, как крылышками, легко, грациозно, ее головка подвижно склонялась то к одному, то к другому цветочку. Она была в том же нелепом наряде, с облезлым зеленым воротничком. Но он уже ее не портил. Он был даже кстати. Я вспомнил, как кружились бабочки на лесной поляне, и Чижик звонко лаял на них и высоко прыгал, пытаясь их запугать. Но у него ничего не получалось. Бабочки львов не боятся. Тогда чего боялась Любаша? И я вдруг подумал, что она очень талантливая комедийная актриса. И сам поразился этой мысли.

Любаша перевела дух.

— Ты, как бабочка, Любаша.

— А это и есть танец бабочки, я его танцевала в клубе, потом с ним поступила в театральную. И мой мастер сказал, что я стану великой комедийной актрисой.

— Он не ошибся. Настоящие мастера не ошибаются.

— Правда? Но по ночам я все жду этого скрипа калитки. Я жду, что кто-то придет и спасет меня. Только сама не знаю, от чего.

— Знаешь, девочка. — Я приблизился к ней и крепко обнял, как самого дорогого и маленького друга. — Если бы я не видел этот танец, я бы посоветовал тебе вернуться домой. Чтобы вновь услышать скрип калитки, увидеть свою сирень. Потому что я думаю, я почти уверен, что хуже кино ничего нет. Эту твою калитку можно снять на пленку, можно снять слезы девочки. Но никогда, никогда эти съемки не будут стоить настоящей, истинной жизни. Потому что хуже кино ничего нет.

— И лучше тоже, Ростя. — Любаша потерлась о мой небритый подбородок. — И лучше, и хуже есть только кино.

— Знаешь, девочка, завтра будет новый день. Он обязательно принесет новое. Может, вновь скрипнет калитка... И кто-то постучит в твою дверь. Не унывай.

— Завтра... Конечно, Ростя. Завтра обязательно наступит завтра. Это так просто! — Любаша рассмеялась. Ее белые зубы сверкнули в полумраке. У нее была обаятельная улыбка. — А ты иди. Тебя ведь ждет Вика.

— С тобой все в порядке?

— Абсолютно все! Ты знаешь, сегодня — самый долгий день в моей жизни, когда я так долго грустила и так долго плакала. Но все прошло. Даже такое проходит, правда?

Я облегченно вздохнул и потрепал Любашу по румяной щечке.

— Все проходит. Абсолютно все. Может именно поэтому нужно просто смириться с жизнью. И станет не так страшно жить. До завтра, девочка.

— Ростя. — Любаша взяла меня за руку. Но мне вдруг показалось, что она уже не хочет меня удерживать. — А ты так плохо танцевал сегодня.

Моя рука в ее ладони слегка дрогнула. Я не понимал, что она имеет в виду.

— А ведь ты был превосходный танцор, Ростя. И вряд ли ты делал это специально. Специально плохо танцевать не получится. Даже у актера. Я это знаю, ведь сама актриса.

Я минуту просто смотрел на нее. Словно подыскивал нужные слова, веские оправдания, а может, мне просто нравилось, что меня наконец-то разоблачают. Мне нравилось, что хоть один человек вспомнил Даника. Этого неуклюжего бородатого лесника. Но я сказал совсем другое. И потом очень пожалел.

— Ты же знаешь... Я один раз умирал. Ничего не получилось из моей смерти. Но я многое разучился делать в этой жизни хорошо. Зато хорошо научился думать.

Она еще крепче сжала мою руку.

— Знаешь, научиться гораздо легче, чем разучиться. А ты многому разучился. Даже твоя несостоявшаяся смерть... Впрочем, неважно. Просто мне кажется, что разучиться вообще нельзя. Люди, бывает, забывают свое имя, своих родных, свою родину, вообще все забывают. Но, как ни странно, их физическая память отлична. Они делают то же, что и делали. Это голова забывает, а тело помнит все.

— Что ты этим хочешь сказать? — Мои руки похолодели. И Любаша это почувствовала. Она стала тереть их в своих ладонях.

— Совсем замерз. Холодная квартира, конечно. Что я хочу сказать? Я бы хотела узнать твое настоящее имя.

Я отшатнулся от нее и одернул руки.

— Ты о чем?

Любаша вновь рассмеялась. И ее белые кудряшки весело прыгали на плечах.

— Чего ты так испугался? Имя дают родители. У тебя прекрасное имя. Ростя, Ростик, Росточек. Но оно тебе не подходит. А я думаю, что есть еще имя для человека, которое дает природа, многие говорят — Бог, я не знаю, я не настолько верующая. Не успела. Так что... Мне бы хотелось узнать твое настоящее имя...

— Ну, я же не бог. Я его знать не могу. Наверно, настоящее имя можно узнать только после смерти. Как и свою настоящую судьбу. Которая могла быть, но не получилась по нашей вине.

Любаша со всей силы обняла меня, она была такая теплая и мягкая. И ее облезлый зеленый воротничок коснулся моей холодной шеи.

— Я обязательно узнаю твое имя, Ростя.

Я не выдержал и горячо поцеловал Любашу в губы. Они были сладкими и липкими от помады. И пахли сиренью, которая когда-то росла и под моим окном.

— Ты выпей что-нибудь успокоительное. А я обязательно приду завтра. Обязательно. И мы обо всем поговорим. Это нужно завтра.

Я сказал это искренне, от всего сердца. И вдруг почувствовал, что в этом мире есть человек, очень похожий на меня. И мне даже захотелось раскрыть ему свое настоящее имя. Я поклялся это сделать не позднее чем завтра утром. Ведь завтра все будет по-другому. Я не ошибся.

Завтра все было по-другому. С утра мне позвонил Лютик и просто сказал:

— Любаша умерла.

Она очень хотела успокоиться. И я ей это советовал. Но не мог знать, что она выпьет столько таблеток, чтобы успокоиться навсегда.

Я не умер вместе с ней. Умер Даник. Ростик остался жить. Он хоронил свою бывшую возлюбленную, как и подобает. Отдал на организацию ее похорон весь свой гонорар. Правда, ее муж Лютик тоже не поскупился. Ростик не сопротивлялся. Он уже понял, что с жизнью нужно смириться, как и со всеми Лютиками и Эдиками, вместе взятыми.

Ростик, такой же красивый, бритый наголо, высокий и широкоплечий, в строгом черном костюме стоял у гроба и смиренно слушал проникновенную речь Лютика. Говорить тот умел. Правда, зрителей было очень и очень мало. Даже в этом случае Любаше с почитателями не повезло. И все же Лютик, покорно сложив руки на животе и опустив голову, долго и почтенно говорил, насколько Любаша была талантливой актрисой, прекрасной женой и верным другом. Жаль только, что жизнь ее так безвременно и нелепо оборвалась, когда впереди светило такое блестящее будущее. Ведь съемки Горлеева-Подлеева только начинаются. И она, несомненно, смогла бы получить «Оскара» за образ самой обаятельной и трогательной актрисы.

Обаятельная и трогательная актриса покоилась в красном гробу. Ей «Оскары» были уже ни к чему. Ей вырыли глубокую яму и закопали. Получился маленький песочный бугорок, на который мы торжественно возложили цветы, скромные цветы, которые могли расти и в ее поселке, названия которого я так и не узнал. Вскоре немногочисленные скорбящие покинули сцену. Я еще немного

постоял перед песчаным холмиком, словно чего-то ждал. Словно чувствовал, что Любаша подаст мне знак и простит. Она подала и простила. Над холмиком закружилась бабочка. Нелепая, пестрая и очень смешная, с зеленым общипанным воротничком. Поздняя бабочка. Потому что уже было поздно для лета.

Казнь все-таки свершилась. Правда, не через повешение. И не палачи набрасывали на шею девушки петлю. Любаша избавила их от этого неприятного обязательства. Простояв долго на лобном месте с протянутой рукой, казнь над собой свершила сама Любаша, так и не получив индульгенцию.

У соседней могилы скрипнул калитка. Я резко обернулся. Кого-то еще ждали... Кто-то еще мог прийти...

А я, скорее повинюсь воли моей бывшей подружки-совести, побрел к дому Любаши. Где она жила очень одиноко, имея тысячи друзей и поклонников. Которые даже не появились на похоронах. Они умели себя беречь. Я пока щадить себя не научился и поэтому оказался возле ее подъезда. «Что сделано не так? И почему не остался вчера у нее?» — спрашивала меня совесть. А мне нечего было ответить. Ничего такого предугадать я не мог... Хотя, впрочем, наверное, я уже учился себя щадить.

Из подъезда выносили цветы. Домашние, в глиняных обшарпанных горшках. Цветы, с любовью выращенные Любашей. Какой-то полупьяный мужик, остановив на мне свой мутный взгляд, сказал:

— Тебе, вижу, плохо. Да, всем не так уж и хорошо, поверь. Люди умирают, это всегда неприятно. Особенно когда молодые... Вот когда рождаются — всем, по-моему, наплевать, кроме родных. Вот так. Смерть, она дороже стоит. И ей, похоже, почтения отдается побольше.

Он держал перед собой распустившийся куст желтой бегонии.

— Хочешь, отдам? — предложил он.

Я отрицательно покачал головой. Мимо пробежала пронырливая бабушка с кустиком каллы.

— Обожаю эти цветы. Белые, тонкие, как свечи, хотя растение само мощное... А девушка она была хорошая, хоть и поговаривали, что гулящая. Ну да разве теперь за это судят?

— Все мы — гулящие, — мрачно добавил мужик с бегонией. — А как еще жить? Все мы торгуемся с чужими и торгуем собой.

— Там еще остались цветы, — встряла в разговор старушка интеллигентного вида с очками и палочкой. — Вы можете себе взять. На память. О Любаше. Она была... Все-таки она была хорошей девушкой, такой веселой. И мне собак всегда выгуливала. Кто теперь о них позаботится? Ну как, возьмете цветы? В память... Вы, наверно, любили девушку?

Я пожал плечами.

— Не люблю природу, — ляпнул я кощунственную фразу, посвященную Ростикку. — Я люблю людей.

Я вспомнил Любашу. И память о ней оправдала мой ответ. Я подумал, как парадоксальна моя жизнь. Ростикку принадлежала живая Любаша, мне она принадлежит мертвая. Ростик наслаждался правом на ее любовь. Я получил все права на ее память. И ни разу об этом не пожалел.

Этим же вечером, отвергнув все поводы и приглашения для поминания, я помянул самого дорогого мне человека. За долгое время мне действительно было кого вспомнить добрым словом. И было так жаль, что теперь уже не узнать: поняла ли Любаша, кто я на самом деле? Впрочем, она сама сказала. Что когда-

нибудь, где-нибудь, где непознанные миры и осуществимые желания, мы все пойдем, как нас зовут...

Утром меня позвали по имени. Я еле приоткрыл слипшиеся глаза. И увидел Вику. Она стояла передо мной такая красивая, как все женщины Ростика. И такая чужая, как все женщины Ростика.

— Я пришла, — сухо констатировала она, словно на деловом приеме.

Наверное, нужно было ответить, что я очень рад, счастлив или что-то в этом роде. Но я закрыл глаза. Я не мог говорить.

Вика сняла свой дорогой костюм, надела халат и фартук. Засучив рукава, она с энтузиазмом принялась за приведение моего убежища в божеский вид. Она пылесосила ковры, выгребала пустые бутылки, выбрасывала пепел и чистила пол. Я не мог понять, у меня не было сил угадывать, зачем она это делает. Возле меня раздавалось назойливое жужжание пылесоса, громкий стук тарелок, навязчивый скрип дверей. Наконец она своего добилась, и я открыл глаза. Даже приподнялся на локтях. И увидел Вику. Она была хороша даже в резиновых перчатках и цветной косынке.

— Ну и что? — резко спросила она.

— Что? — как робкое эхо, вторил я.

— Мы будем жить вместе. В конце концов, мы — муж и жена.

Я еще ничего не понимал. Но отлично помнил, что Ростик и Вика женаты.

Передо мной, на разукрашенном китайском блюде, тут же возникли чашка горячего кофе со сливками и дольки лимона, сдобренные сахаром. Я вдруг впервые почувствовал себя женатым. И не скажу, что мне эта мысль не понравилась.

Вика сняла резиновые перчатки и вытерла руки о безукоризненно белоснежное полотенце.

— Вот и все, — заключила деловым тоном она.

— А я думал, — вяло промычал я, потягивая горький кофе, — что мы все же разведены.

— Развода нет и пока не будет! — торжественно объявила она. — В конце концов, это еще мой дом, мои вещи и даже мой муж!

Я устало вздохнул. Во всяком случае, после похорон Любаши присутствие Вики скрашивало обстановку.

Она примостилась на краешек дивана и небрежно бросила пачку цветных газет в мою сторону.

— Ты, конечно, еще не читал?

— Конечно, — покорно согласился я. Я газеты вообще читать не любил.

— Ну тогда... В общем-то, я в это не верю... Но все обвинили тебя в смерти Любаши.

Я вскочил с места, как ужаленный. Хмель как рукой сняло. От перевозбуждения я даже стал расчесываться. Потом бросил расческу в угол. Она попала в фиалку. Фиалка наклонила головку. Мне стало ее так жаль, что я схватился за голову руками. Я готов был расплакаться.

Вика приблизилась ко мне. Медленно, по-деловому, как к неудачливому клерку. Она не бросилась к моим ногам, как могла это сделать Любаша, не стала слезно умолять, как Лида. Она тихо, с достоинством сказала:

— Я ничему не верю в этих статьях. Ты можешь их не читать. Но они говорят, что Люба погибла по твоей вине.

Я поднял на нее свое осунувшееся, небритое лицо. Я ничего не понимал.

— Именно. Они говорят, что ты последний видел Любу живой и явился виновником ее смерти. Но не волнуйся, все это подано намеками, с элементом легкой иронии и даже сочувствия к твоей заблудшей личности.

Я сидел, тупо уставившись на стол, заставленный соками, кофе и фруктами. Жена Вика постаралась.

— Ты поэтому вернулась, Вика? — Я поднял на нее тяжелый взгляд.

— Успокойся. И не делай из меня героиню. Я вернулась просто потому, что мне негде в данный момент жить. Вот и все.

— Все так просто?

— Да, все так просто. Я вообще люблю ясность. К тому же преуспевающему актеру нужен надежный дом, хорошая жена, чтобы никто больше не посмел посягнуть на его благополучие.

— Я все понял, Вика.

Вика, моя нелюбимая Вика. Которая всего лишь была женой Ростика, пыталась меня спасти. С ее помощью обвинения в смерти Любаши разбивались в пух и прах. Ко всему прочему, у меня появилось столько поклонниц, которые несли за мной шлейф сплошных неприятностей, что приход Вики был просто даром небес. Но единственное чего я не мог понять — зачем ей это нужно?

— Зачем тебе это нужно, Вика? — спросил я тихо и покорно, как в кабинете директора школы. — У тебя преуспевающий банк, тыходишь в совет его директоров, у тебя наверняка рядом есть достойные мужчины.

— Действительно, зачем? — Вика пожала равнодушно плечами. — Я подумаю над этим вопросом.

Тогда я еще не понимал, что Вика просто любила. И пыталась спасти. Потому что любила. У Ростика было много женщин, готовых его любить и спасать.

— Я приму ванну, — сказал я и босиком зашаркал по паркетному полу.

— Странно, — невзначай заметила Вика. — Ты без тапочек вообще не мог ходить. Тебя так раздражало, когда люди ходят босиком.

Я громко зевнул, растягивая время на ответ.

— Меня и теперь раздражает. Просто хочу привыкнуть к своему раздражению. Ты не против?

Вика недоуменно пожала плечам и стала поливать цветы, точнее — спасать от высыхания. Похоже, она мало знала своего мужа. И похоже, он ее не так уж и любил.

Из ванной комнаты я вышел бодрый и свежий, старательно вытираясь махровым полотенцем. И заметил на себе пристальный взгляд Вики. Я смутился.

— Как ты собираешься жить, Вика? В этом доме, в одной квартире со мной? — решительно спросил я.

Я уже знал женщин и поэтому решил предостеречь Вику, если она посягнет на мою независимость.

Вика была женщиной деловой и очень умной. Поэтому все выглядело довольно просто.

— Как жить? — Она ехидно усмехнулась. — Как живут муж и жена. Как в основном живут.

Я не знал, как живут муж и жена, поскольку ни разу не был женат.

— И как они в основном живут? — с тревогой поинтересовался я.

— Они просто живут в одном доме. Жить в одном доме — не обязательно любить, вот доверять — желательно, еще лучше — научиться понимать друг друга. Но главное... Это жить в одном доме.

Мы стали жить в одном доме. И я еще не знал, насколько Вика полна решимости меня спасти...

А в это время справедливые коллеги поспешили бросить мне в лицо свое праведное презрение. Кто-то перестал со мной здороваться, кто-то прятал глаза при вынужденной беседе. А кто-то даже находил смелость высказаться типа:

— Как жаль бедную девушку. Совсем молоденькая была. А как талантлива! И как тебя любила...

В этом месте повисала многозначительная пауза, и новоявленный поклонник Любаши, с которой он в жизни и словом не перемолвился, спешил смыться. Наверняка будучи уверенным, что нанес мне рану прямо в сердце. Мое сердце молчало. И не корчилось от раны. Оно отлично усвоило, что теперь пришел его черед расплачиваться за славу. Моему сердцу нужно было выдержать.

Я ни строчки не прочитал из той липкой грязи, что вдруг обрушилась на меня. Но охотников пересказать статьи в мельчайших подробностях оказалось предостаточно. Конечно, мне в лицо не бросали обвинения, что это я схватил Любашу и затолкал ей в рот пригоршню сильных транквилизаторов. Но выяснилось, что я, ее самый близкий (как оказалось) человек, бросил девушку в труднейший период жизни. И не просто бросил... Тот, которого она, как оказалось, любила всю жизнь... В общем, все вдруг запричитали о безвременно закончившейся жизни, о безнадежно загубленном таланте — и все по вине какого-то сомнительного донжуана.

И я вспомнил, как Лютик меня предупредил: не связывайся с отверженными, вскоре сам окажешься в их рядах. Лютик имел большой опыт в инквизиторском деле. Хотя наверняка состоял там на должности мелкого интригана. Тем не менее его прогнозы оправдывались.

Но я не страдал от ран, нанесенных предательскими ударами. Мое сердце тихо и молча жалело Любашу. Я ничем не мог ей помочь. Единственным достойным поступком в ее память стать визит к Лютику. Чтобы откровенно плюнуть в его сытую рожу. Нет, не просто плюнуть, а врезать по морде так, чтобы он долго не смог очухаться. Раны в сердце, подлые, исподтишка, я наносить не умел. Может быть, еще просто не научился.

Первым делом я позвонил Люциану и тоном, не терпящим возражения, заявил, что категорически отказываюсь с ним работать.

— Может быть, Ростя, стоит поговорить об этом с глазу на глаз? — приторно-ласково прошипел в трубку Лютик.

— Стоит, с глазу на глаз, еще как стоит.

Вика молча слушала наш телефонный краткий разговор. И дружески положила руку на мое плечо в знак поддержки.

— Это давно нужно было сделать, Слава, — как всегда нравоучительно заметила она. — Я всегда говорила, что кино погубит тебя. Как не раз уже губило. И единственный выход — уйти оттуда.

— И куда, если не секрет? — Я поднял на нее уставший побитый взгляд.

Вика развела руками.

— Столько кругом жизни. А ты все цепляешься за иллюзию. Ты должен повзрослеть, Слава.

Я вдруг отчетливо понял, что для настоящего Ростика она была не столько женой, сколько матерью. И ее это устраивало, чего нельзя было сказать о Неглинове.

— Послушай моего совета, Слава. Я еще никогда плохого совета не давала и всегда попадала в точку. Тебе это отлично известно. Уходи из кино.

— А не проще ли уйти к другому режиссеру?

Вика невесело усмехнулась и провела ладонью по длинным смоляным волосам. И сощурила узкие восточные глаза. Она была красавица, Вика. Но Ростик, видимо, предпочитал славянский тип.

— К другому режиссеру... Проще, наверное, но разве это выход? Так ли мало среди режиссеров тех же Лютиков? А где гарантия, что другие будут другими?

— Гарантии ни в чем нет, Вика. Даже в твоём преуспевающем банке. Но всегда есть шанс. И я им воспользуюсь.

Вика села на плюшевый диван, забросила ногу за ногу и закурила, не отводя от меня своих черных восточных глаз.

— Как все же мы с тобой долго не жили вместе. Я уже стала тебя забывать.

— Это хорошо или плохо?

— Не знаю, но в одном я ошиблась — ты вырастешь, Слава. Раньше бы ты побежал к Лютику на поклон. И вряд ли смерть Любаши тебя остановила. Теперь ты хотя бы пытаешься отыскать более честный выход.

— А еще я однажды умирал, если ты не забыла. И уже только поэтому поступать так, как раньше, — невозможно.

Вика аккуратно затушила окурок в черной фарфоровой пепельнице. Встала, отряхнула костюм, словно на плюшевом диване было много пыли, и взяла дипломат.

— Ну что ж. Поступай как знаешь. Но в итоге ты вернешься. К моему решению. Но, конечно, не ко мне. — Она вызывающе встряхнула черными блестящими волосами.

И мне на миг показалось, что она больше всего в жизни хотела, чтобы я ответил: «А почему бы и не к тебе, Вика?» Но я промолчал.

А потом в течение первой половины дня я обзванивал всех знакомых и полужнакомых режиссеров и продюсеров, даже вспомнил о Песочном. Разъяснял, насколько позволяло красноречие, какой я великий актер и как меня уважает заграничная пресса. И везде слышал вежливый и сухой отказ: в таких, как я, типажах, не нуждаются. А кто-то даже не преминул ехидно заметить, что читали обо мне совсем другие отзывы. Позже, в течение второй половины дня, я настойчиво обивал пороги киностудий, даже приходил со своими плакатами, с которых супермен Ростик с сигарой в зубах, в широкополой черной шляпе, белом костюме и серебряном галстуке, улыбался голливудской улыбкой. Наступив на горло собственной песне, я захватил все хвалебные статьи, которые взахлеб кричали, что я гениальный актер и мой дебют обязательно положит начало золотой эры отечественного кинематографа. Мне разве что хватило совести не заявить, что я красивее Алена Делона и происхожу не иначе как из рода Романовых.

На порогах студий, в кабинетах и павильонах при моем появлении воцарялось молчание. Никто не бросался к гениальному артисту с распростертыми объятиями, никто не забрасывал меня цветами и комплиментами, не жаждал автографа и не умолял удостоить чести сыграть в том или ином кинофильме. Я окончательно проиграл. Сердце все же заняло от нанесенной раны. И уже меньше плакало по Любаше.

Мимо меня пролетела Бина. Как всегда, бесцветное и серое ее личико выглядело проигрышно на фоне ярких тряпок, в которые она была разодета. И

все же она не выдержала, остановилась. Она не могла упустить возможность дать оплеуху своему бывшему возлюбленному.

— Ну что, Неглинов, говорила тебе, что любить нужно только одну женщину. Только одна была способна показать тебе рай. И тебе ее даже не пришлось искать. Она была перед твоими близорукими глазами. Остальные были способны лишь затянуть тебя в ад. А там пустота, одиночество и боль. Бесконечная, бесконечная боль... Ты мне ноги должен был целовать за то, что тебе сделали одолжение и дали роль в нашем фильме.

— Ты знаешь, Бина, если бы мне пришлось выбирать... Я бы, наверное, и теперь предпочел ад. Если рай такой, каким ты его видишь. А насчет ног... Ноги пусть тебе целует Песочный. Пока не рассыплется окончательно. Хотя... По идее, это ты должна ему кланяться и молиться за его здоровье. Без него тебе не видать ни ада, нирая. Жаль, что ты до сих пор это не поняла...

Я резко развернулся и пошел прочь, все быстрее, быстрее. Мне хотелось оказаться на свежем воздухе. Сердце мое тарахтело. Оно уже плохо справлялось с работой. Оно рвалось на улицу, на свежий воздух. И там, прямо у двери я столкнулся с Лидой. Похоже, все женщины мира сегодня сговорились доконать меня. Это не удалось ни режиссерам, ни продюсерам, ни директорам, зато было под силу им.

Стандартная топ-модель стояла напротив меня, уперев одну руку в бок, а другой держа сигарету. Где-то вдалеке крутился Подлеев, не решаясь ко мне подойти. Я вдруг заметил, насколько он похож на Эдика. Удивительно, но участь Лиды, похоже, предрешена. Ей выпал такой крест — всю свою жизнь проводить с Эдиками, которые липли к ней, как мухи на мед. И она этот крест несла достойно. Впрочем, я был уверен, что в прошлом Подлеев был таким же мальчиком из рекламы. Лида вновь сделала свой выбор. Правда, теперь он дорого стоил. Фильма еще не существовало в природе, но о нем уже столько писали и говорили, что казалось, все «Оскары» мира дерутся за право принадлежать Подлееву.

— Н-да, Ростик, — Лида дыхла мне в лицо сладковатым сигаретным дымом. — Хорошая была девушка Люба. Правда, слегка простовата. Но у каждого свой вкус. У Горлеева вкус подороже.

Я смотрел на эту холодную разукрашенную куклу бессмысленным взглядом, и мне казалось, что мое сердце уже просто не бьется. Боже мой, что же это происходит? Мертва хорошая девушка, и никому нет до этого дела. Более того, они ни капли не чувствуют ни чужого горя, ни своей вины. Ведь эта топ-моделька безжалостно отпихнула Любашу, заняв ее место не без помощи Лютика, а потом они вместе с Подлеевым устроили публичную казнь. Которую Любаша уже не смогла пережить... Я смотрел бессмысленным взглядом на этот топ-стандарт и думал — такие, как она (или как Бина), выдержали бы все. Но с ними подобное не могло случиться. Они не ведут откровенную войну, какую вела Любаша, пусть неправильную, пусть наивную, пусть некрасивую, пытаюсь ошибочными импульсивными поступками добиться цели. Нет, эти никогда себя не казнят. Потому что это они стреляют в спину и уже раненых добивают на месте.

И неужели это — я, вернее, тот парень по имени Даник, сильный и здоровый, всю свою жизнь живущий среди птиц и зверей, среди лугов и могучих деревьев, под порывами ветра и солнечными лучами, в один день смог предать свой свободный, мужественный мир, где был так счастлив?! Где цвела под окном сирень, и громко лаял Чижик под скрип открывающейся калитки. Вдруг кто-то придет? Я уже давно никого не жду. Ко мне уже никто не придет. Все мои друзья,

все мое солнце, весь мой лес, весь мой ветер остались там. Вспоминают ли они обо мне? Вряд ли. Предателей долго не помнят. Их имена вычеркивают из списка памяти. Их имена разносит ветер по миру, как прах неизвестных погибших. У меня другое теперь имя. Имя, которое я невзлюбил сразу. Но с которым жил, которое мне дало много денег и славы. Много ударов и боли. И главное — бесконечное, бесконечное одиночество. В чем-то Бина оказалась права. Я жил в аду.

Я плохо слышал, что так долго и торопливо доказывала мне Лида, небрежно пуская сигаретный дым в лицо. Это ради нее когда-то я оказался в большом городе. Но как ни странно, ее не винил. Потому что не мог винить любовь. Ведь я любил тогда по-настоящему.

Все дело было во мне. Просто захотелось испытать другой жизни. И теперь я испытываю ее сполна. Лида не виновата. К тому же она внучка Марианны Кирилловны, моей дорогой костюмерши, тело которой похоронено здесь, а душа... Душа там, где похоронил ее я и где у могилы растет молоденький кустик сирени. Прости меня, Марианна Кирилловна. Я даже не могу поговорить с тобой, пожаловаться тебе. Ты так далеко от меня. Ты на моей родине, куда мне уже нет возврата. И не вини свою внучку. Она не хуже и не лучше людей этой профессии. Она просто такая. И мне ее даже жаль. Вряд ли ее участь станет счастливой. Ведь ее всегда будут окружать Эдики.

— Глупый ты, Ростя, — наконец услышал я отчетливо голос Лиды. — И зачем ты связался с Любашей? Сразу было видно, что она опасна. Слишком уж беспечно и легко жила. Такие, как она, так же беспечно и легко накладывают на себя руки. Просто у них отсутствует адекватное отношение к жизни. Им все кажется понарошку. И кино они путают с жизнью... Вот она все и перепутала. А ты оказался в это втянут по уши. Мне тебя даже жаль.

Мне хотелось ответить, что это мне жаль ее, потому что за ее спиной маячил Подлеев, близнец всех Эдики, вместе взятых. Эдики «Оскар» не получают. Но я вновь вспомнил Марианну Кирилловну, мне не хотелось обижать ее внучку.

— Помнишь, Лида, тот портрет в золотой раме, у тебя на столе?

— Бабульки моей, что ли? Все тебе покойники не дают покоя. Одну уже на тот свет отправил. Вторую хочешь вызвать оттуда?

Я невольно сжал кулаки. И мои ногти до крови впились в ладони.

— Это жестокая шутка, Лида. Но я не о том. В общем, если будешь у нее на кладбище, положи за меня букетик сирени.

Лида замерла, сигарета выпала из ее тоненьких пальчиков. Она как-то странно на меня посмотрела.

— А откуда ты знаешь, что это ее любимые цветы?

— Да так. Умею читать по лицам. Женщина с таким лицом обязательно любила сирень.

Я развернулся и пошел прочь.

— Ростик, — окликнула меня Лида. И нагнала, схватив за рукав куртки.

Я обернулся. Ее лицо было настолько близко к моему, что у меня невольно закружилась голова. Все-таки прошлая любовь долго не отпускает. Мне вдруг показалось, что она почувствовала то же самое. И слегка от меня отшатнулась. Она смотрела на меня широко раскрытыми глазами, словно что-то хотела понять или вспомнить. Она морщила узенький лобик. Но ничего не поняла и не приняла из воспоминаний.

— Скажи, Ростик... А ты всегда так плохо танцевал? Всегда-всегда? Ну, помнишь, когда вы с Любашей в тот вечер кружили в танце? Но ведь актеров учат мастерству танца... А ты словно... словно в первый, нет, во второй раз...

— Признаюсь тебе, что я — плохой актер. И совсем не пластичный. В кино всего лишь используют мои внешние данные. Не более.

— И все же...

За спиной нервно потирал руки и громко кашлял Подлеев.

— А ты иди, Лида, — я слегка ее оттолкнул от себя. — Иди, тебя ждут. Не хватало, чтобы ты из-за меня роль потеряла. Я бы этого себе никогда не простил.

Напоминание о роли окончательно отрезвило Лиду и вернуло на землю.

— Ну, пока, мне и впрямь нужно бежать! — Она засуетилась и старалась не смотреть мне в глаза. — Я попробую что-нибудь для тебя сделать.

— Не будь душой, — я резко одернул ее, поймав на себе полный ненависти взгляд Подлеева. — Мне уже роли не получить, а ты держись за свою. Послушай мой добрый совет. И будь добрее с Горлеевым. Твоя бабушка еще будет тобой гордиться.

Лида бросила на меня подозрительный взгляд. Не иначе, решила, что я тронулся. И побежала прямо в объятия Подлеева. Она так страстно целовала и обнимала его, что тот даже заподозрил неладное. И на всякий случай погрозил мне кулаком. А я на всякий случай поскорее смылся. Конечно, не от кулака Подлеева. Я уверен, он и драться-то не умеет. Меньше всего я хотел подставить Лиду.

Чтобы подписать себе окончательный приговор, оставалось встретиться с Лютиком и врезать ему по красной заплывшей роже. Что я еще мог сделать для Любаши? Вот тогда, возможно, у меня хватит мужества поменять, наконец, имя, профессию и судьбу. А если повезет — вернуться к своей жизни. Как ни странно, к этому я еще не был готов. Но память о Любаше не давала мне покоя. Ведь это Лютик затеял грязную игру, именно по его вине состоялась прилюдная экзекуция девушки.

О встрече мы договорились в кафе «Дубравка», где когда-то я впервые увидел Ростика. И где ныне организован фан-клуб имени Ростислава Неглинова. В этот вечер заседания клуба не было, поэтому кафе, похоже, будет полупустое и опасность встретить десяток парней в широкополых черных шляпах, белых костюмах и серебряных галстуках равнялась нулю. И все же именно я настоял на встрече в «Дубравке». Здесь я находился на своей территории и мог дать другим почувствовать мою значимость. Здесь я еще был богом, кумиром, идолом.

Едва мы переступили порог кафе, я на собственной шкуре испытал, что такое свержение богов, развенчание кумиров и крушение идолов. Мой лавровый венец давно валялся в мусорной яме, а в фотоплакат смеющегося Ростика с сигарой в зубах была завернута мороженая рыба. Я с ненавистью взглянул на Лютика, семенящего рядом со мной мимо руин падшего Вавилона. Этот черт не меньше моего хотел встретиться именно в этом месте. Мне это место позволяло чувствовать себя победителем, а Лютику — победителем меня. Что ж, игра началась не на моем поле. Но это не означало, что решение намылить шею Лютику отошло на второй план. Хотя оно на фоне падения Ростика начинало выглядеть жалким.

Мы сели за наш столик. Я уже не оглядывался по сторонам в предвкушении встречи с настоящим Неглиновым. Я уже точно знал — он не придет. Если он не появился во время своего триумфа, то момент поражения пропустит точно.

К нашему столику медленно приблизился официант Митя. Его лицо выглядело так, словно он только что вернулся с похорон. Обращался он к одному Лютику. Моя низвергнутая персона его не интересовала. А ведь недавно он готов был стелить передо мной красную ковровую дорожку и посыпать мою бритую голову розами. Оказывается, богов свергают не только режиссеры, продюсеры и кинокритики. Но еще и официанты.

— Ну-с, Митенька, чего совсем скис, так нас дурно встречаешь!

— Для вас, Люциан, я готов красную ковровую дорожку постелить и усыпать вашу голову лепестками роз, — он почтительно поклонился в пояс. — К тому же, я слышал, вы встречаетесь с Аленом Делоном. Вернее, он встречается с вами. Хочет, так сказать, посмотреть на того, кто сумел затмить его красоту и славу.

Толстый красномордый маленький Лютик потирал потные ручки и весело мне подмигивал. Я уже ничему не удивлялся. Выражение моего лица было ничем не праздничнее, чем у Мити. К тому же я действительно недавно побывал на похоронах. А сегодня пребываю на своих. Я думал лишь о том, когда съезжу по этой красной физиономии, которая так же напоминает Алена Делона, как свинья — оленя. Мне казалось, Любаше станет легче от этого удара. Но Лютик вновь сделал ход вперед.

— Митенька, а почему ты не спрашиваешь у моего друга, чего они желают-с?

— Друга? — Официант слегка растерялся. Он ведь тоже был из богемы, вернее, обслуживал богему и слышал обо мне много нехорошего.

— А как же! — Лютик в недоумении развел руками. — Я друзей не предаю. А ты слишком многому веришь на слово. Слово — не всегда правда, особенно если оно написано газетным шрифтом. А если и правда, то друзей нужно уметь поддерживать в трудный час.

Лютик был само благородство. Более верных друзей я не встречал. Меня аж слегка замутило. Хотя, возможно, от голода.

— Вы само великодушие. — Официант вновь низко поклонился Лютику. — Недаром вы благородных кровей. Я сейчас быстренько что-нибудь для вас сооружу. Специально для вас — самое свежее и самое изысканное.

Я усмехнулся. Представляю, чем он потчевал многочисленных Ростиков. Митя поклонился, шаркнул ножкой и убежал. И я остался с Лютиком наедине. Само благородство сидело прямо передо мной. Красное, расплывшееся, самодовольное. И его было так много... я понятия не имел, что на свете бывает столько благородства. И тем более не представлял, что так захочется съездить благородству в рожу.

— Итак, ваше благородие, — я слегка приподнялся на стуле, — теперь позвольте высказать все, что я о вас думаю. И что думаю о Любаше. — Мое лицо побледнело, губы тряслись от ненависти, глаза блестели от негодования.

Но я не рассчитал силы. С благородством всегда трудно сражаться.

— Т-с-с, — Лютик так ласково и дружелюбно прикоснулся к моему плечу, что от неожиданности я невольно сел на место. — Спокойно, Ростик. Я знаю, что ты много пережил. Много страдал и мучался. И Любаша была чудесной девушкой, ты знаешь. Я даже подозревал в ней комедийный талант.

При упоминании Любаши меня всего передернуло, и я с кулаками бросился на Лютика. Но он ловко увернулся и вытянул руки перед собой.

— Погоди, дружище, — тепло и почти нежно сказал он мне, как самому лучшему другу. — Подражаться ты всегда успеешь. Да и на голодный желудок, если честно, я окажусь позорно поверженным. Ты вон какой, здоровяк.

Не знаю почему, после этих мягких, как вата, слов Лютика я сам обмяк и вновь очутился на месте. И еще подумал, что подражаться действительно всегда найдется и время, и место. К тому же вовремя подскочил Митя и поставил в центре стола бутылку «Мартеля». Он бросил на меня подозрительный взгляд и ненароком заметил:

— Наше кафе, кстати, образцового порядка. Здесь частенько бывают иностранцы.

— И все алены делоны, — буркнул я.

— Пока чести не имели, но надеемся, что благодаря вашему благородному другу...

Лютик молча дал знак, чтобы Митя исчез. И тот растворился в полумраке. Лютик шустренько разлил коньяк до краев рюмок и залпом выпил свою. Я последовал его примеру. Я решил отложить драку на время.

— Так вот, дружище. — Лютик похлопал себя по круглому, как мяч, животу. — Дельце мы с тобой закрутим такое! Заметь, только тебе предлагаю, пробы других артистов исключаются. Сценарий — ахнешь! Подлеев повесится от зависти. А «Оскар» будет валяться у наших ног, — Лютик небрежно взмахнул толстой ножкой, словно подбрасывал золотую статуэтку.

— Я, по-моему, ясно выразился, на литературном языке! — еще пока твердо отрезал я. — Я категорически отказываюсь у тебя сниматься.

— А у кого, если не секрет, категорически не отказываешься? — Лютик прищурил свои маслянистые глазки. Похоже, этот прощелыга был в курсе, что меня вышвырнули из всех студий, как старый инвентарь. Если вообще сам к этому не приложил руку.

Я еще налил себе коньяк и выпил до дна.

— Вот так оно лучше, Ростя, так-то оно лучше. И заметь, ты сейчас не в самом выигрышном положении. И на Олимпе ты успел побывать и свалиться с него. Больно, поди, ударился?

— Скоты вы все! — Я скривился.

— Может быть, — невинно ответил Лютик, тщательно жуя острыми зубками «картофельного поросенка». «Поросенок» то и дело застревал в зубах. — Но мы хотя бы иногда, вот в такие редкие минуты признаем это. Ты же...

— И я скот.

— Вот это лучше. Так оно вернее. Никто, Ростик, поверь старому волку, не виновен в смерти Любаши. И вообще никто не бывает виновен в самоубийстве. Человек сам принимает решение. Сам, понимаешь! Ты себя вспомни... Ты ведь тоже пытался. Разве ты кого-нибудь обвинял?

Я не мог вспомнить. Потому что это не я, а Ростик пытался выброситься из окна. А обвинить он никого не смог. Потому что исчез. Лютик расценил мое молчание как согласие.

— Вот видишь. А врачи случай с Любашей списали на неуравновешенность психики творческой природы. И диагноз верный поставили. Суицидальный синдром. А если хорошенько разобраться и рассказать нормальному человеку, что у нее случилось, ну подумай, что? Какая такая трагедия, из-за которой стоило лишать себя жизни? Бросил очередной любовник? Не получила очередной рольки в киношке? Да и не любила она вовсе Подлеева, ты прекрасно это

знаешь. Просто мечтала получить роль. Но разве мало на свете Подлеевых и мало ролей? Стоило лишь подождать. Это так просто, Ростя...

И мне вдруг действительно все показалось удивительно простым и нелепым. Врачи, конечно, правы. Смерть Любаши выглядела каким-то жалким водевилем. И все же мне до слез было жаль девушку. Такую нелепую, с зеленым облезлом меховым воротничком, некстати свисающим с алого пальтишка. На моих глазах показались слезы. Лютик все понял. И тут же поднял полную рюмку.

— Ну что ж, за Любашу. Пусть ей земля будет...

Этому человеку совсем еще недавно, пару жалких часов назад, я больше всего хотел намылить шею из-за Любаши. А теперь пью с ним, и мне он уже кажется неплохим парнем, который единственный не бросил меня в трудную минуту. И который так просто смог объяснить смерть девушки. Я уже не понимал, почему так долго мучался и чувствовал себя виноватым. Еще чуть-чуть, и я готов был расцеловать Лютика.

— Ты так благороден, Лютик, — с чувством выдавил я слова, над которыми совсем недавно издевался.

— А ты только что обозвал меня скотом. Вот видишь, Ростя. Ничего нельзя делать сгоряча. Иначе легко обжечься. Учись не обжигаться. Холодные руки и холодный разум — залог победы врачей и творческих работников, как ни парадоксально. Это исключает ошибку.

Мои руки горели, разум пылал. И вообще я соображал плохо. Мне только казалось, что должен был встретиться с Лютиком совсем по другому вопросу. Но не все ли равно? У меня вновь есть работа, скоро в этом кафе опять повесят фотографию Ростислава Неглинова в лавровом венке, и возле нее будут торжественно стоять в почетном карауле десятки Ростиков в серебряных галстуках.

— Кстати, Вика вернулась? — промычал невзначай Лютик, дожевывая курицу в апельсиновом желе.

— А ты откуда знаешь?

— Да я, брат, видел, в каком ты аховом положении, всех собак на тебя решили повесить. Вот и подумал, что жена будет очень кстати. От чужих женщин одни неприятности.

Мне стало неприятно. А я-то думал, что Вика вернулась по собственной воле. Что ж. Лютик умеет улаживать все дела.

— Она мне тоже чужая. Может быть, чужее всех чужих, — усмехнулся я криво.

— Может, и чужее, но жена. А это уже — стена, защита, тыл. Кстати, почаще бывай с ней на людях.

Лютик все на свете знал. Разве что не осознал одного — своей жене он помог отправиться на тот свет. Но эту мысль я не высказал вслух. Я уже был великим артистом Неглиновым с «Оскаром» в кармане.

Таким великим артистом, правда, слегка шатающимся, но с поднятой головой, я и направился к выходу. Лютик бежал впереди меня, рассказывая, какой он откопал гениальный сценарий, один сюжет стоит всех трагедий и комедий мира. Правда, это пока не сценарий, а так, фабула, идея, короткий рассказ, но зато какой! И тут не какой-то жалкий Подлеев, сам Ален Делон локти кусать будет. Я не выдержал болтовни Лютика, задержался возле официанта и шепнул ему на ухо:

— Кстати, скажу по секрету, только никому! — Я приложил палец к губам. Митя радостно перекрестился.

— Ей-богу, могила.

— Так вот, Ален Делон предложил Лютику быть псарем. Ты же в курсе, что у Делона куча собак. Вот ему и нужен человек. А Лютик подходит по всем параметрам. Собаки его обожают.

Митя вытаращился на меня во все глаза. Но тут же поверил. Похоже, новость скоро распространится со скоростью света. И в блестящих журналах появится фотография счастливого Лютика, сгребającego дерьмо за аленделоновскими собаками. Что ж, похоже, я уже осваиваю науку интриг. Возможно, этим я хотел хоть на каплю сгладить вину перед Любашей. Но разве капля победит бушующий океан, в котором свободно плавает Лютик?

Митя осторожно дернул меня за рукав. Похоже, я вновь для него становился кумиром.

— Вы уж простите меня, Ростислав Евгеньевич, не моя это вина.

Я в недоумении смотрел на него.

— Ну, что ваш лавровый венок выкинули на помойку, и ребят в галстуках выставили, и вообще... Поверьте, совсем скоро, буквально на днях мы восстановим фан-клуб Неглинова. И красную дорожку расстелим.

— Только не забудь посыпать мою голову розами, когда я буду появляться в этой молельне! — Я по-братски похлопал Митю по плечу.

Лютика я нагнал у выхода. Мы примостились возле окна, чтобы перекурить. На улице сильный ливень размывал очертания деревьев, машин и людей. Лютик прыгнул на подоконник и весело забарахтал короткими ножками.

— Да, так я не сказал главного! Завтра приступаем к работе!

— Уже съемки? — Я даже отрезвел. — Такими темпами?

— Нет, что ты, дружище! Мы еще должны написать сценарий. Впрочем, сценарий кое-какой есть, правда короткий, этакий рассказик, почти заявка. Но мы из него сделаем сценарище!

— Мы — это кто?

— Как — кто? — Лютик недоуменно вскинул редкие бровки. — Я и мой лучший друг! — Он ткнул пальцем в мою грудь с такой силой, что я еле удержался на ногах.

Я ошалело смотрел на него.

— Но я никогда в жизни не писал...

Я вовремя остановился. Вдруг Ростик баловался сочинительством? С его амбициями это вполне допускалось.

— Не скромничай, может, сценарии ты и не писал, но рассказы у тебя были очень даже. Правда, эти подонки ничего не печатали. Поверь, дружище, от зависти, только от зависти. Вот мы им и докажем.

Мне ничего никому не хотелось доказывать. Поскольку я — Даник. Лесник из Сосновки писал только письма, да и то из армии. Частенько под диктовку... Но до меня уже многое начало доходить. Лютик мечтал стать не только Феллини и Делоном, ему к тому же не давали спать по ночам лавры Бальзака. Однако, судя по всему, писательский талант Лютика равнялся моему, то есть нулю. Но он об этом не знал. Вот откуда столько всепрощения, благородства и слезных рукопожатий. Лютик во мне нуждался. И мне придется выпутываться из этой комичной ситуации. Роль писателя я уже просто не выдержу.

— Знаешь, дружище, — я похлопал Лютика по плечу. — Спасибо огромное тебе за доверие, но, по-моему, мой писательский дар иссяк, когда я чуть было не свалился с третьего этажа. Как-то его вышибло разом вместе с несостоявшимся полетом.

Лютик вытащил из клетчатой куртки недопитый коньяк и жадно стал пить прямо с горла. Я последовал его примеру. Меня настолько развезло, что единственным желанием было добраться домой и послать всех Феллини, Бальзаков и Лютиков подальше.

Я сделал последний глоток и поставил пустую бутылку на окно. И вдруг заметил на белоснежном подоконнике мертвую бабочку. Очень красивую, яркую. Желтые крылышки и зеленый, слегка потрепанный пушок вокруг поникшей головки. Я смотрел и смотрел на нее, как замороженный. И слезы потоком катились из моих глаз, падая прямо на подоконник. Я увидел перед собой Любашу — легкую, румяную, белокурую, в алом пальтишке с нелепым зеленым воротничком. Она легко кружит возле цветов, взмахивая руками, как крылышками. Она исполняет танец бабочки и залиvisto, звонко смеется. И на пухлых щечках — глубокие ямочки. А потом... Что же было потом?.. Она прислушивается к скрипу калитки. Она кого-то ждет. Но никто так и не приходит. Никто ее за собой не зовет... Она резко падает и уже лежит на чем-то белом, холодном, пахнущим дубом и хлоркой... И кажется, не смеется. И лицо бледное, восковое. Только ямочки те же...

Чей-то голос, неприятный, визгливый, вывел меня из полусна. Голос Лютика.

— Фу, какая гадость! — одним махом он сбросил бабочку с подоконника. — Надо сказать Мите, чтобы убрал. Кафе ведь образцового порядка. А эта тварь...

— Кто? Митя? — пробормотал я. Слезы по-прежнему текли по щекам. Боже, Даник ведь никогда не плакал. Какой, к черту, Даник. Его уже давно нет.

— Да не Митя! Он парень еще ничего, хоть и мнит себя полубогемой. Я про эту безмозглую тварь. — Лютик брезливо оттолкнул тельце бабочки остроносым ботинком. — Уже скоро зима на дворе. А ей все нейдет. Все полетать хочется. Так еще и места потеплее выбирает. Вот дура! Будто в этом кафе может быть теплее. Каждой твари свое место и свое время подышать. Так нет, и эти норовят подольше пожить да поуютней пристроиться, все спасаются...

Наверно, если бы я не был так пьян, то все же ударил бы Лютика. Но я стоял, покачиваясь на одном месте, и тупо смотрел на пол. Туда, где лежала поздня бабочка. И вдруг понял, что Любаша умерла навсегда. Я вдруг понял, что сегодня предал ее окончательно. И что она меня никогда не простит. И никогда не скрипнет калитка за моим окном. И не покачнется от ветра кустик сирени. Я вдруг понял, что сегодня упустил свой шанс окончательно. Мне не вернуться в прошлое.

Не помню, как добрался домой. Наверно, помог мой лучший друг Лютик. Хотя, конечно, если бы он не видел во мне соавтора, то наверняка бросил посреди шоссе. Я очнулся уже дома, в своей постели. Шелковые китайские простыни с вышитыми павлинами мягко касались моего вымытого тела. Тускло горела лампа, освещая поднос с черным кофе и дольками лимона. Все повторялось. Дома была моя жена Вика. И я протянул ей руку.

Она присела на возле постели и погладила меня по голове. Не нежно, не ласково. Почти по-матерински. Скорее — жалея.

— Все повторяется, — без осуждения, скорее, бесстрастно сказала она. — Все повторяется.

— Не знаю, Вика, — хрипло прошептал я.

— Но хотя бы... Ты хотя бы ему в морду дал? — В ее голосе появилась слабая надежда.

Слабая надежда не оправдалась.

— Я буду сниматься у него в новом фильме. Он даже предложил написать вместе сценарий. Обещает «Оскара».

— Боже! — Вновь ни истерик, ни заламывания рук. — Боже, неужели это возможно — чтобы все шло по кругу? И неужели этот круг вновь замкнется?

— Ты о чем, Вика?

— Ты знаешь. Все одно и то же. Предательство. Пьянки. И вновь предательство. А в перерывах оглушительные, невероятно болезненные муки совести, проедающие душу и мозг насквозь. Которые потом загоняют в тупик. И круг замыкается. Тебе повезло один раз. Ты выкарабкался. Любаше не повезло.

— Как знать, — почему-то сказал я.

— Я тебя предупреждала. Но, наверно, все бесполезно.

— Не уходи от меня, Вика.

— Нет, пока не уйду. Но, извини, не знаю, что еще могу для тебя сделать. Я думала, ты изменился, стал другим. Так было на это похоже. Я ошиблась, хотя редко ошибаюсь. Я уже ничем не могу помочь тебе. Но пока не уйду.

Вика надела длинный кожаный плащ, взяла черный зонт и черную квадратную сумку, похожую на дипломат. Деловая женщина шла в деловой мир. Где все совсем по-другому. И у меня вдруг мелькнула мысль: но лучше ли? Не одно ли и то же? Просто Вика этого не понимала. А может, просто была очень сильной, чтобы заставить себя не понимать.

— Да, кстати, Слава, — у порога она обернулась. — А куда подевалась твоя черная родинка на левом плече? Когда я тебе вчера помогла раздеться, то заметила, что ее нет.

— Я ее убрал. Вернее, мне удалили в косметическом салоне. Как-то цыганка мне нагадала, что все мои тревоги и беды от этой родинки.

— Цыганка, видимо, ошиблась. — Вика посмотрела на меня долгим пристальным взглядом и плотно прикрыла за собой дверь.

Я остался с чашкой кофе в одной руке и куском сахарного лимона — в другой. На шелковых простынях, по которым шествовали важные цветные павлины. Окончательно меня привел в чувство беспрерывный, навязчивый телефонный звонок. Так звонить мог только его благородие Лютик.

— Ну что, свинья, очухался? Еще бы не очухаться при такой-то жене. Что-то, а с женами тебе всегда везло, чертяка. В общем, сообщаю великую новость. Заявку одобрили «на ура». Приступаем к работе. Денег дают немеряно. Очередь на кинопробы уже выстроилась. Но мы еще подумаем, кому оказать такую величайшую честь! — Лютик тарыхтел не преставаая.

Я уже успел допить чашку кофе и даже облегченно вздохнул.

— Чего вздыхаешь, олух, ты прыгать должен от радости!

Мне показалось, что Лютику так хотелось добавить в стиле Песочного: и целовать мне руки. Но он мудро промолчал. Видимо, вспомнил, что сценарий пишу я. А он только держит чернильницу.

— Да, кстати, как тебе заявка?

— Какая заявка? — не понял я.

— О боги! О ангелы! — взывал к своим покровителям Лютик. — Если ты ее потерял, я тебя застрелю, даю слово чести.

Я попросил Лютика чуток попридержать револьвер и стал искать заявку. Она оказалась в одном из карманов.

— Не нужно стрелять в меня, Лютик. Я и так стреляный. В общем, прочитаю — перезвоню. А ты все же подумай о настоящем сценаристе. Они тоже имеют право на труд.

— Пусть лучше воспользуются правом на отдых. А мы вот с тобой...

Я положил трубку и начал читать. Это был действительно хороший рассказ. Написанный хорошим слогом, с чувством юмора. Более того, сюжет развивался стремительно, и не терпелось узнать, что будет дальше. Не знаю, как насчет «Оскара», но из такого сюжета действительно мог получиться интересный фильм. Криминала в меру — только для затравки, много дружбы, любви и предательства, много раскаяния и главное — финал, после которого хочется о многом подумать... Это была история жизни девушки, одной из самых преданных поклонниц старой рок-группы и ее лидера. Эта девчонка по воле обстоятельств оказывается на самом дне жизни, все меньше и меньше веря в добро и справедливость. И решается на заказное убийство, не зная свою жертву в лицо. Она ранит этого человека и узнает в нем своего кумира. Девушка спасает его и не только от смерти... Но и от сытости, равнодушия и пренебрежения к людям. Они по-разному смотрят на жизнь. Богач и нищенка. Интеллектуал и недоучка. Знаменитость и бродяжка. Но это не мешает им влюбиться друг в друга по-настоящему...

Едва закончив читать, я перезвонил Лютику и искренне похвалил заявку-рассказ. Но тут же категорично заявил, что соавтором быть не собираюсь, поскольку давно отбросил писательские амбиции.

— Но артистом ты быть собираешься?! — прозвучал риторический вопрос.

— С вашего, так сказать, позволения. — Я поклонился трубке. И даже звонко чмокнул ее.

— Мне иудины поцелуйчики не нужны, Ростя. Если хочешь сниматься в этой киношке, будем писать сценариус. Это мое последнее слово.

— Но я не понимаю, я вообще туго соображаю: почему не может писать тот, кто и выдал этот мини-шедевр.

— Еще раз спасибо за то, что ты по достоинству оценил мой талант, — в ответ раздалось звонкое чмокание трубки.

Лютик?! Вот этого я никак не ожидал. Он и впрямь умеет писать. И главное — выдавать неплохие идеи. И если честно, на мой взгляд, он это делает лучше, чем снимает. Мне захотелось пожелать ему успехов на творческом поприще, но он перебил мои благие намерения.

— Но ты сам пойми, Ростя, я — режиссер! — Он это произнес с таким достоинством, словно сам господь бог при этом держал его за руку. — У меня куча работы, подготовительный период, выбор актеров, одного я уже выбрал, а он хочет мне свинью подложить.

— И все же я не понимаю... Ну, отдай какому-нибудь профессионалу...

— Ты словно с луны свалился и впервые увидел кинобизнес! Просто возмутительно. Ты же прекрасно знаешь, что такое работа со сценаристами. Они же поедом едят. Косточек не остается. А у нас с тобой сложился вполне крепкий тандем единомышленников. Мы с тобой сработаемся, в конце концов, мы с полуслова понимаем друг друга. Вот ты это слово и напишешь, а я его тут же изображу. Ростя, миленький, не забивай мне мозги демагогией и не трать время на благородство! Лучше бери перо и бумагу... Все по-честному, как в аптеке. Я выдаю идею, ты ее воплощаешь. И в добрый путь, мой Тонино Гуэрра! — Трубка вновь звонко чмокнула меня в ухо.

Я понятия не имел, кто такой Тонино Гуэрра, но звучало внушительно. Я почесал за ухом. Перо и бумага уже несколько часов валялись без дела. Зато

половина бутылки виски была осушена. Когда бутылка исчерпала все свои возможности, кораблики из чистых листов бумаги плавали в лужице виски, а я валялся на шелковых простынях прямо в ботинках. На этом мой творческий путь писателя и завершился.

Очнулся я вечером. Перед моими сонными глазами, как пропеллер, мелькал Лютик и кого-то настойчиво нараспев убеждал.

— Ничего, все нормально, сама понимаешь, прежде чем воплотить идею, нужно хорошенько подумать. Он, конечно, перебрал с мыслями, но это, поверь, неплохое начало. — Лютик схватил со стола кораблик и запустил мне прямо в ухо. — Может, это и есть полет мысли! Бумажные кораблики на обжигающей волне виски!

Я широко открыл один глаз и увидел Вику. Она пристально смотрела на меня. И вновь на ее холодном лице — ни осуждения, ни презрения. Лучше бы она меня ударила. Я тяжело встал и молча направился в ванную. Когда я оттуда выбрался более-менее посвежевший и отрезвленный, Лютика и след простыл. Похоже, он прибежал в качестве группы поддержки. Хотя я в его помощи не нуждался. Бесстрастный взгляд Вики бил похлеще пощечины. К тому же Лютик понятия не имел, что она ко мне так и не вернулась. Возвращаться было не к кому. Она просто жила со мной в одном доме. И все же мне стало стыдно. И я старательно стал тереть полотенцем щеки.

— А ты знаешь, он прав, — по-деловому вдруг сказала Вика.

— Разве он бывает не прав? Он все на свете знает. И мне кажется, что весь свет перед ним в долгу.

— Не стоит обсуждать его характер. Мне Люциан никогда не нравился и не нравится. Он торгаш по натуре. Он людей измеряет по головам, сердцам, душам, а целиком человека не представляет. Он считает, если у людей так много действующих органов, почему бы им не работать на него, Лютика, по отдельности. Так и дороже, и безопаснее. Человек целиком доставляет немало хлопот.

Я вдруг вспомнил, как вычислил его главное призвание в жизни — быть мясником.

— Но, Слава, — Вика присела на краешек моей шелковой простыни. Только теперь она была однотонно коричневого цвета. Вика все предусмотрела. Павлинам, видимо, пришлось от меня натерпеться. — Слава, послушай меня. Люциан прав, ты действительно неплохо писал. Может, это и есть твой шанс? А если получится? Ведь писательское ремесло в любом случае лучше. Тебе стоит реже бывать на людях. Они тебе не нужны. Они вытягивают из тебя всю энергию. Они тебя подавляют. Ты теряешься в них и теряешь себя. А один на один с бумагой... Бумага не предаст и вытерпит все. Даже виски. Подумай, Слава. А я тебе помогу. Я создам все условия. Впрочем, они у нас и так неплохие.

— Вика... — Я осторожно взял ее за руку.

Мне так хотелось сказать, что я не умею писать, что я не писатель, и вообще на сегодняшний день никто. Что, может быть, стоит разыскать ее настоящего мужа. Вдруг она еще его любит. Но я сказал совершенно другое, так же осторожно, как фарфоровую статуэтку, держа в своих ладонях руку Вики.

— Вика, я так тебе за все благодарен, ты так много для меня делаешь, но...

— Но ты меня не любишь. — Вика усмехнулась. Так же бесстрастно и однотонно. — Но мне это и не нужно.

— Нет, Вика, я просто хотел понять, зачем? Тем более, если тебе это не нужно, и мне тоже.

Вика резко встала, поправила волосы. Затянула потуже пояс на атласном халате с павлинами.

— Люциан принес кучу книг, сценариев, — холодно сказала она. И я поехал. — Даже есть одно пособие, как надо писать сценарии. Почитай, может, пригодится. Но я думаю, тебе это изучать не обязательно. У тебя и без того все получится. Спокойной ночи.

Все-таки как жена она бесценна. Столько внимания, прощения и силы. Только почему-то после ее ухода в комнате становилось холоднее и холоднее, все время хотелось укрыться пледом.

Я закутался в пушистый желтый плед и стал похож на цыпленка. Все же Вика умела придать столько уверенности в своих силах, что начинало казаться — у меня действительно все получится. И я принялся за чтение литературы. С особенной жадностью схватился за брошюрку, рассказывающую как писать сценарии. Там было все четко и ясно изложено, словно я изучал подробную схему, как смастерить стул, чтобы тот не развалился.

А под утро, которое я узнал лишь по стуку лифта и топоту прохожих за окном, я даже попробовал что-то написать. У меня не получилось. Вот стул бы я смастерил запросто. Но я все равно уснул со спокойной совестью. Я сделал все, что доступно парню из лесного поселка, леснику по имени Даня...

— Пишешь? — нетерпеливо спросила меня телефонная трубка голосом Лютика.

— Творю, — важно ответил я, пошелестел перед трубкой бумагой и стукнул по столу ручкой.

Трубка затаила дыхание в уважительном молчании. Осторожно я повесил ее на рычаг и опять уснул как убитый.

Хорошенько выспавшись, я стал лихорадочно соображать, что же мне делать дальше, как выкрутиться из такого неприятного казуса. Проще всего было отказаться от роли, но отказаться я уже не мог. Во мне прочно укоренился Ростик. И он не хотел терять ни хорошую роль, ни творческие заслуги, которым Лютик легко может наступить на горло своим остроносим ботинком. Конечно, можно еще раз попробовать закутаться в желтый плед и притвориться цыпленком. Но это бесполезно. Кроме цыплячьих каракуль на бумаге ничего не получится. К тому же, если честно, хотя сюжет был хороший, он не настолько увлекал меня, чтобы в глубине души проснулась хоть капелька вдохновения. Вот если бы написать о лесном боге!

Я встряхнул головой и даже опрокинул стакан минеральной воды себе на голову. О чем это я?.. Оставалось самое простое — выпить и протянуть кое-как один день. Но мне так не хотелось обижать Вику. И хотя мы совсем не любили друг друга, не хотелось причинять ей боль и прочие бытовые неприятности. Я даже стал подумывать, что, может быть, такой брак, как у нас, под одной крышей, с уважением друг к другу, и есть идеальный брак. И может, нам это удастся доказать всему миру. Правда, в этой теории было одно упущение — куда девать любовь?

Но я вспомнил о Любаше, Бине, Лиде, Рите... В ближайшее время мне о любви совсем не хотелось думать. Но хотелось ли об этом думать моей жене? Значит, она в любой момент может меня бросить. И я поймал себя на мысли, что уже не делаю оговорку — жене Ростика. Вика как-то незаметно, ненавязчиво, гармонично становилась моей.

Я послонялся из угла в угол. Писателя из меня не получилось. Это оказалось сложнее, чем стать артистом. В писательском деле рожа не требуется, требуется голова. И все же... Слова Вики не давали мне покоя. А ведь в принципе она права. Исписанные листы бумаги, дождь за окном, голуби постукивают клювом по подоконнику. Прямо как у меня в Сосновке — дятлы. Ветер разгоняет пожелтевшую листву, дворник шуршит метлой. Они работают в одной команде. И полное, бесконечное, такое пьянящее одиночество. Разве это не счастье?.. Я приблизился к книжному шкафу и вытащил наугад толстую книжку. «Сто лет одиночества». Какое красивое название. Пожалуй, автору можно было больше ничего не придумывать. Сто лет одиночества. И больше ничего. Я стал читать. Я уже не искал выход. За меня его находил и тут же терял писатель Маркес. Мой выход нашелся неожиданно сам.

Раздался настолько слабый, робкий, тихий звонок в дверь, что я даже подумал, что ослышался. И встряхнул головой. Может, это Маркес подает сигнал, что пора прекращать его изучение. Но звонок повторился. Он звучал еще слабее и тише. Так могут звонить только нищие и влюбленные. Ни тех ни других я не ждал. И все же лениво направился к выходу. Я не знал, что так звонить могут еще студенты.

На пороге стоял высокий, сутулый, очень худой парень в очках. И виновато смотрел на меня. У него было очень грустное и очень обаятельное лицо.

— Здравствуйте, я студент первого курса сценарного отделения, — стал извиняться он, и я не понимал, почему начинающие все время чувствуют себя в долгу перед великими. И те, в свою очередь, позволяют и даже поощряют подобное к себе отношение. Ведь пройдут годы, и все может случиться наоборот. Старый и немощный великий может прийти на поклон к полному сил парню, который когда-то был студентом.

— Здравствуйте, — я широко улыбнулся и распахнул перед ним дверь. — Всегда рад познакомиться с юными талантами. — Похоже, я уже видел себя старым и немощным и на всякий случай заручался поддержкой на годы вперед.

— Ну что вы. — Он покраснел, и его очки блеснули.

Мы прошли в комнату. Я изо всех сил старался изобразить гостеприимного хозяина. Впрочем, я был искренен в своем отношении к парню. Мне он сразу понравился. И его стоптанные ботинки, и его клетчатая выцветшая рубашка, и его совершенно новенькая кожаная куртка, которую наверняка подарили родители в честь поступления сына.

Я вывалил все, что было у меня в холодильнике, даже разогрел суп с креветками. Ложка в руке парня слегка дрожала от волнения, и он виновато поглядывал на меня сквозь очки.

— А это пирог с грибами, — я отрезал ему огромный кусок. — Чтобы немедленно все съел, студенты народ голодный.

Он откусил кусок пирога и закашлялся. И от неловкости опять покраснел до корней волос.

— Вкусно, — выдавил он. — Ваша жена сама пекла?

Я рассмеялся. И развалился в плюшевом кресле. Не знаю почему, но мне вдруг стало так легко. Я чувствовал себя и Даником, и Ростиком одновременно. Ростикку льстило, что к нему приходят молодые студенты за советом. Даник вдруг почувствовал запах леса и подосиновиков.

— Жена? Нет, что ты, она и печь-то не умеет, она, так сказать, деловая женщина, бизнес-леди. Это она в супермаркете купила, — сказал Ростик и, вытащив пачку «Кэмэла», протянул парню. Тот отрицательно покачал головой. А

Ростик глубоко затянулся сигаретой, забросив ногу за ногу и пуская дым в подвесной потолок.

— А все равно похоже, — парень снял очки и кивнул на пирог. — Так мама моя печет. Только вкус грибов совсем другой. Мы сами по грибы ходим. И они... Пахнут. Даже не грибами, грибы, считается, вообще не имеют запаха.

— Они пахнут лесом, — это уже сказал Даник. Он уже не сидел, забросив вальяжно ногу за ногу. Он затушил сигарету и задумчиво вглядывался в светлые близорукие глаза парня.

— Вы правильно сказали, лесом. — Парень стал успокаиваться и улыбнулся мне. Хотя лицо у него было по-прежнему грустное. — А в лесу столько запахов...

Парень даже потянул длинным носом, словно желая почувствовать запахи леса. Но мы были не в лесу. А в моей комнате пахло виски, «Кэмэлом» и холодом.

— Больше всего я люблю запах дерева, прочный, надежный и сильный, — это сказал Даник.

— Мебели, что ли? — испуганно уточнил студент.

— В городе деревья не пахнут, — иронично заметили и Ростик, и Даник одновременно. — Приходится довольствоваться запахом мебели.

Печальное лицо парня еще больше погрузнело.

— Я никогда не любил смотреть, как лес валят, помню, еще мальчишкой убегал домой и затыкал уши. Но так надо. Валить лес.

— Я тоже очень многое не люблю. Но так надо. — Я уже перестал играть то в Даника, то в Ростика. Я просто закурил сигарету. — И пирог этот я терпеть не могу.

— Правда? — парень с грустным лицом засмеялся. — Если честно, мне он тоже не очень понравился. А сейчас самое грибное время. Знаете, сколько мы за осень грибов собираем! И рыжики, и волнушки, и подберезовики! И все они пахнут лесом, вы правы. Нет, точнее, деревом. Сильный, точный запах. А потом солим в деревянных кадучках, и когда зимой, под Новый год, достаешь грибок, такой хрустящий, жилистый, обязательно попадают вместе с ним листики и иголки от сосен. И немножко лесной земли на ножках. Мы так и съедаем. И кусочки земли хрустят на зубах, и иголки...

Воспоминания хлестали меня по сердцу. Будоражили разум. Душа моя плакала. Я сам в эту минуту готов был припасть к земле и есть ее. Но только свою. Увы, моей земли не было. А слова были холодны и бесстрастны. Я слишком много пережил, чтобы в один миг зачеркнуть судьбу Ростика. И зазвучали бесстрастные слова-ледышки. Так умела говорить Вика.

— Ну, про твою биографию я уже все понял. Только вот имени не спросил.

Парень слегка растерялся от перемены тона. И, чуть заикаясь, ответил:

— Данила.

Что угодно, только не это. Я встал с кресла и приблизился к окну. Дождь расплывался по стеклу медузами и ракушками, словно имитировал на стекле подводный мир. Из открытой форточки врывались запахи дождя и большого города. Деревья не пахли. Я закурил, и мои руки дрожали.

— Как, ты говоришь, тебя зовут?

— Данила. — Парень еще больше испугался, что мне не понравится его имя и я его вышвырну вон, как барин нашкодившего кота.

— Странное имя... — Я по-прежнему стоял лицом к городу и дождю. У меня не хватало смелости обернуться. Если бы он знал, что я чувствую, если бы он мог

знать. Но он по-прежнему стесняется и боится знаменитого артиста Неглинова. И почему-то по-прежнему чувствует перед ним вину.

— Да, пожалуй, странное. Но этот тут, в городе. Вы ведь коренной москвич. Это сразу видно. А у нас в каждом поселке на двадцать домов по десять Данил.

— И как вы не путаетесь? — усмехнулся я.

— А я не Данила, я Дан. Смешно, правда? Дан! Так меня прозвали. Когда-то фильм французский в наш клуб привозили, так там главного героя звали Даном. Он был очень похож на меня. Длинноносый и в очках. А еще у него было грустное-грустное лицо. Так я стал Даном. Глупо, конечно, особенно для поселка. А сюда приехал — вроде нормально, кому какое дело, Дан я или Данила, или Даник, правда?

Я перевел дух. Слово меня гнали по этапу и наконец позволили отдышаться. Мне вдруг захотелось, чтобы этот парень поскорее убрался ко всем чертям собачьим. Я резко обернулся. И провел ладонью по вспотевшему лбу. Пожалуй, в этот миг у меня были очень злые глаза. Но парень был близорук и этого не заметил.

— Ростислав Евгеньевич, я ведь к вам по важному делу. — Он собрался, наконец, с духом. — Я так и подумал, что лучше всего к вам обратиться. Вы извините, про вас много дурного говорят и пишут. Но я никогда не верю сплетням. Я всегда так думаю — прежде человеку нужно посмотреть в глаза. У вас глаза добрые. Я это еще на плакатах и фотографиях заметил. И несмотря на дорогой прикид, на эту шляпу, серебряный галстук, я все равно подумал, что только к вам осмелюсь обратиться. Хотя, конечно, по всем правилам следовало к Люциану Петровичу.

— При чем тут Лютик? — Я насторожился.

Парень молча вытащил из рюкзака бумажную папку и протянул мне.

— Прочитайте, пожалуйста.

Я прочитал. И долго сидел, молча уставившись на чашку с остывшим чаем. Я ничего не понимал. Мои мысли путались. Я даже вспотел, лихорадочно соображая, что делать. Это была история, которую собирался снимать Лютик. Конечно, слегка переделанная, слегка переиначенная. Но только слегка. Главных героев Лютик исхитрился поменять местами. У Дана в рассказе вместо девчонки, стрелявшей в своего кумира, фигурировал молодой парень, стрелявший в свою кумиршу — поп-диву, с которой потом у них и приключилась любовь. Я всегда чувствовал, что Лютик богат на пустословие, но на идеи — вряд ли.

— И что вы скажете? — наконец-то решился перебить затянувшееся молчание парень.

— Это замечательный рассказ, — я оттягивал время, не зная, как поступить.

Парень нацепил свои очки и внимательно на меня посмотрел. Я не знаю, что теперь он мог прочесть в моих глазах. Но он сумел прочитать.

— Я знаю, вы к этому не имеете отношения. Я чувствовал. А теперь по глазам вашим вижу.

— Как это случилось? И как такое вообще могло случиться?

— Мне посоветовали отнести рассказ Люциану Петровичу, сказали, что он срочно ищет сюжет для новой работы. Я ему долго потом дозванивался, а когда наконец-то сумел его застать, он очень долго извинялся и сказал, что рассказ потерял... Ну, по пьянке, это его слова. Так и не ознакомившись. А вчера я прочитал в киножурнале, что он собирается снимать новый фильм. Там был вкратце пересказан сюжет. Ну, я все понял.

— Зачем он поспешил давать интервью, не понимаю, — спросил я скорее себя.

И взъерошил отросшие волосы. Пора стричься. Нельзя так пренебрегать имиджем Ростика. И все же, зачем Лютик растрепался о съемках нового фильма и более того, поспешил рассказать фэбулу? Впрочем, вопросы излишни. Лютик ловко перестраховался. Парень в любую минуту мог отнести рассказ в журнал и чем черт не шутит. Лютик всегда умел предвосхищать события. Я залпом выпил холодный чай. Мне ужасно хотелось, чтобы в чашке было виски.

— Ну и что ты теперь собираешься делать?

— Ничего, — просто ответил парень. Слишком просто.

— С Лютиком, как я понимаю, ты разобраться не хочешь?

— Дело в том... Дело в том, что мне объяснили... И я хотел с вами посоветоваться. Заявку на фильм уже утвердили. Я никому свой рассказ не показывал. Мне трудно будет доказать, что у первокурсника укр... — Он запнулся и покраснел.

— Украл, — закончил твердо я за него.

— Ну, в общем, позаимствовал сюжет преуспевающий режиссер. К тому же мне еще сказали, что Люциана Петровича пригласили преподавать в наш институт. И у меня есть все шансы быть отчисленным. Но я не верю... Ведь так быть не может... Наверное, это какая-то ошибка. Объясните мне! Я знаю, он вас пригласил на главную роль. Вы должны быть в курсе. Вы просто объясните. Ведь такого быть не может. Меня четыре поселка провожали. Так гордились мной. Я ехал сюда, как в... — Он опять запнулся. И я вновь за него продолжил:

— Как в храм. На кино не молятся. Молятся в фильмах. И тем более киностудия не молельня.

— И что мне теперь делать?

Я невольно усмехнулся. Разве что осталось молиться. Потому что бороться с Лютиком действительно бесполезно. И все же... И все же я попробую.

— Я попробую все уладить, ты не волнуйся. Я сделаю все от меня зависящее, чтобы ты писал этот сценарий.

— Спасибо, — очки парня блеснули. — Я знал, я чувствовал, что только к вам смогу обратиться. Я не ошибся. У вас хорошие глаза.

Я вдруг вспомнил маленькие, заплывшие глазки Лютика. Мясник проклятый. Вика права, все органы поодиночке распродает, в розницу. Теперь вот пришла очередь продавать мозги парня. А что потом он собирается сделать с его сердцем?

Дан бросил мимолетный взгляд на разбросанные листы на моем столе, на брошюрку, как делать сценарий.

— Вы тоже пишете? Это здорово, — искренне восхитился он.

— Нет, — хмуро ответил я. — Я уже отписался.

Я вышел проводить Дана. Он с особой осторожностью надевал новенькую блестящую кожаную куртку, чтобы не поломать замок. Я не знал, что сказать ему в утешение.

— У тебя красивая куртка.

Он не ответил, только вновь покраснел. Я вдруг вспомнил, что он второй человек в этом городе, который умеет краснеть. Первой была Рита. И я подумал, что ужасно соскучился по этой девчонке.

С ней мы столкнулись на улице. Она была без Джерри. И в том же желтом беретике.

— Будешь счастливой, девочка, — я старался говорить как можно непринужденнее. Но мой голос срывался. — Где твой верный дружище? Ему уже пора дышать свежим воздухом.

— Джерри заболел. — Рита избегала смотреть мне в глаза. Ее голос был бесстрастен, похоже, она тоже решила подражать Вике.

— Это плохо. Но ничего, ведь не только люди болеют. Болеют еще и собаки. Но и те, и другие выздоравливают.

— Не всегда, — вновь сухой краткий ответ, как выстрел.

Неожиданно подал голос Дан. Он во все свои близорукие глаза с восхищением смотрел на Риту. И его грустное лицо стало еще обаятельнее.

— А можно, я его посмотрю? Честное слово, я кое-что в этом понимаю. Мне не раз приходилось спасать животных.

— Правда? — Рита заметно оживилась. — Но его уже смотрело столько ветеринаров.

— Еще один не помешает! — Я одобряюще похлопал Дана по плечу. — Иди, парень! И не волнуйся. Я сделаю все, что в моих силах.

Они подошли к подъезду. Но Рита неожиданно вернулась. Она стояла напротив меня, такая хрупкая, нежная. И наконец-то решилась посмотреть мне в лицо широко раскрытыми зелеными глазами.

— Ростислав Евгеньевич, я не верю в то, что о вас пишут. Я все, все про вас знаю. И еще знаю, что вы не любите свою жену. Но живете с ней. Но это уже для меня не имеет значения.

По старой привычке я поправил желтый беретик, готовый вот-вот свалиться на землю. Я очень скучал по Рите. По нашим прогулкам с Джерри, по нашим разговорам о лесном боге, которого так и не простили те, кого он когда-то предал.

— Ты очень хорошая девочка, Рита.

— Я не знаю... Но знаю наверняка, что никогда не буду кинологом! И ветеринаром тоже!

— Вот это уже глупо! — рассердился я. — Это мама тебя надоумила?

— Нет, Джерри. Я не могу смириться, что все хорошее непременно умирает. Хорошее должно жить вечно. А если это не так... Я тогда смирюсь и соглашусь со всем дурным в жизни.

Я не выдержал и рассмеялся.

— Какая ты еще маленькая. Смириться с плохим — еще не означает самой стать плохой.

— Почти означает. Зато жить станет легче. Я хочу жить легче. Я не хочу мучаться, как вы...

Рита побежала к подъезду, где ее ждал Дан. Парень помахал мне рукой. А я подумал, что так ни разу и не назвал его по имени. А еще я подумал, что, может быть, Рита права. Нужно жить легче и не так серьезно относиться к миру. Может, стоит заморозить хотя бы капельку своего сердца. Чтобы осталась эта капелька, холодная бесчувственная ледышка, осталась хотя бы она, когда все сердце сгорит... Только как научиться жить с этой ледышкой, я пока не знал. Но, похоже, знали многие-многие другие.

Я поежился. Наступили первые ранние заморозки.

Продрогший, я вернулся домой. Меня колотило. Зубы стучали. Удары сердца опережали мысли. Я всем сердцем и всеми мыслями ненавидел Лютика. Я еще не научился замораживать сердце. Оно горело, как пламень. Чтобы потушить этот огонь, согреть свои руки и заглушить ненависть, я налил виски. У меня нашлась тысяча оправданий, чтобы выпить залпом полный бокал. Я уже

понимал, что потихоньку спиваюсь. Так, наверное, когда-то спивался Ростик. И у него тоже находились тысячи оправданий. Куда это его привело? И где он сейчас? И где окажусь в конце концов я?

Совершенно пьяный, я заявился на вечер по случаю утверждения заявки нового фильма Лютика и начала подготовительного периода съемок. Помню, как приблизился к шведскому столу. Перед глазами мелькали блестящие платья, солидные костюмы, открытые бутылки, надкусанные бутерброды, поломанные тартинки. Яркими картинками с калейдоскопа все это маячило в моих мутных глазах. И я увидел перед собой расплывшееся красное лицо Лютика. Помню, он делал какие-то отчаянные жесты. И его ручки, толстенькие, потные барахтались в воздухе. И его кривенькие ножки прыгали на месте. Не раз, пожалуй, он душил этими ручками. Не раз, пожалуй, наступал на горло этими ножками. И я со всей силы ударил кулаком по столу. Рука моя загорелась от боли. Помню звон разбитой посуды, истеричные крики, чей-то угрожающий бас. Кто-то скрутил мои руки за спиной, и они хрустнули. Больше я ничего не помню.

И вновь шелковые простыни коричневого цвета. Коричневые бархатные портьеры на окнах. Распахнутый балкон. Я всей грудью вдохнул свежий воздух, словно залпом выпил бокал виски. И наконец полностью открыл слипшиеся глаза. Словно у больничной койки, возле меня сидела моя жена Вика и осторожно, как больному, прикладывала мокрое полотенце ко лбу. Впрочем, разве я не был болен?

— Тебе лучше?

Я не знаю, когда мне будет лучше. По-моему, все движется с точностью до наоборот.

— Да, — сдавленно прохрипел я.

Мне было очень плохо. Вспомнить вчерашнее я не мог. И это меня более-менее спасало. Вика оказалась права, все шло по замкнутому трагичному кругу. Но она не знала и не могла понять одного, что первый круг пробежал, как взмыленная лошадь, не я, а ее настоящий муж Ростик. На каком-то этапе он устал и слетел с дистанции. Я теперь продолжаю его эстафету. И похоже, как он когда-то, уже несусь на последнем дыхании. И второе не открывается. Но труднее всего приходится Вике, она вместе с нами пробегает второй круг. Видимо, она оказалась гораздо сильнее. И я вцепился в руку Вики. Словно тонущий в болоте, пытался ухватиться за моховую подушку и вместе с ней медленно погружался в вязкое дно.

— Вика, — попытался нежно сказать я. Но получился лишь сдавленный хрип.

— Да, с женами тебе всегда везло, — услышал я где-то вдалеке чей-то писклявый голос.

И мне показалось, что сам черт уже пришел за мной. Это не был черт, но почти одно и то же. Я медленно повернул тяжелую голову. Развалившись, в кресле восседал Лютик. Гладко выбритый, свеженький, в рубашке с крахмаленным воротничком и позолоченными запонками на белоснежных рукавах. Он чинно, как на светском рауте, пил кофе. Почему-то больше всего меня взбесили запонки. Лютик явился в виде вершителя правосудия. И я вдруг подумал, что он давненько уже не пьет, вернее — не напивается. Лютик выбрал для себя прямую дорожку. И не важно, какую цену и кто за это заплатил.

Моя больная голова вновь упала на подушку. И я прикрыл глаза.

— Да уж, парень, наделал ты делов, — сказало правосудие с лицом Лютика. — Вот чертяка! — похоже, он обратился к Вике. А я подумал, почему он меня называет своим именем.

— Нет, ну, Викочка, сама подумай! вспомни! Сколько раз я его предупреждал! Когда он был еще никем, жалким актеришкой в дешевеньких рекламах! Чтобы напиться, нужно определенное место и определенная компания. Понимающие люди, так сказать. А на важных приемах... Ну постой трезвеньким, сложив покорно ручки на груди и потупив невинный взгляд, поклонись, кому нужно, комплиментиком не поскупись, ручку жене важного индюка поцелуй, а дома уже надерись, как свинья. Разве я не прав? Так этот чертяка все сделал наоборот. Дома напился, а потом заявился на светский раут. А там, между прочим, были очень важные персоны из министерства культуры. Что они могут теперь подумать о культуре моих артистов?

Вика молчала. Я чувствовал, как ей неприятен Лютик. Но, видимо, он в очередной раз меня выручил, только поэтому она не могла выставить его благородие за дверь. Он тут же подтвердил свое высокое звание.

— Ростя, миленький, солнышко. — Лютик, как звереныш, чувствовал настроение Вики и таял на глазах. Казалось, он вот-вот превратится в грязную лужу, в которой останутся валяться позолоченные запонки. — Ну же, повернись ко мне, Ростик. Ведь если бы не я, дело могло ох как печально для тебя закончиться. Вовремя я тебя оттуда увел, можно сказать на руках вынес из окружения. Теперь вроде ничего. Пошумят — и успокоятся. Я, так сказать, сумел объяснить даже этим пересушенным чинушам, что творческие натуры, особенно если они гении, время от времени позволяют себе подобные выходки. Но, положив руку на сердце, ты, Ростя, перебрал. Еще звание не заслужил, чтобы так прилюдно позориться. За звание многое прощают. Но это не про тебя.

Вика подобного благородства уже не выдержала. Она молча надела пальто, повязала волосы шелковым платком и, не попрощавшись, ушла. Я лишь услышал сильный хлопок двери. Словно взорвалась самодельная петарда. Я вздрогнул. Но по-прежнему не оглядывался в сторону его благородия Лютика. Я по-прежнему лежал, уставившись в окно. И задумчивым взглядом наблюдал за серыми тяжелыми облаками. Мне так хотелось уплыть с ними в неизвестную даль. Я промокнул лицо полотенцем. И мучительно вспоминал, успел ли я что-нибудь высказать писателю Лютику по поводу его таланта. Мне помог вспомнить Лютик. Он суетливо поставил кресло возле моей постели и даже угодливо поправил подушку под моей головой.

— Глупый ты, Ростя. Ох какой глупый. Что ты там мне вчера молот, не понимаю. Вором обзывал. Нехорошо, не по-дружески, не по-товарищески.

Я, как тяжелобольной, приподнялся на локтях и поманил Лютика пальцем. Он приблизил свое лицо к моему. И я почувствовал запах крахмаленного воротничка.

— А ты вор и есть, — прохрипел я ему прямо в лицо. — Вор! И я тебе не товарищ. В твоих товарищах ходят Подлеевы, понял?

Красное лицо Лютика стало медленно бледнеть, я впервые видел, как лицо покрывается белыми круглыми пятнами. Лютик долго пристально вглядывался в мои глаза. Я не отводил взгляд. Это был немой поединок. И мне казалось, я его выдержу.

Лютик неожиданно расхохотался во весь голос. Его тоненький визг повис на минуту в воздухе и улетел в распахнутый балкон.

— Ну ты, Ростя, и дурак, я тебе скажу. Ей-богу, блаженный. Блаженные нашему кинематографу не нужны. Они вообще, скажу тебе честно, никому не нужны. Может быть, только Богу. А он за меня кино не снимет. Так что...

— Зачем ты обидел парня? — резко спросил я.

В руках Лютика, как у фокусника, неожиданно появилась запотевшая бутылка холодного пива, и он ловко ее откупорил о край кровати. Пробка попала мне прямо в щеку.

— На, пей. Полегчает. Я знаю, что говорю. Время убивать прошло, пришло время врачевать, — запел Лютик из книги Екклесиаста.

Мне же из рук Иудушки пить не хотелось. Но пить хотелось ужасно. Жажда победила презрение. Я залпом осушил стакан, полный воздушной холодной пены. На глазах выступили слезы. Лютик, как всегда, оказался прав. Мне полегчало. Я поднялся с кровати, накинул шелковый коричневый халат, который мне предусмотрительно оставила Вика, и уселся в кресло. Теперь мы были на равных.

— Ты вор, Лютик, — уже спокойно сказал я. — Ты украл у студента идею и сюжет.

— А кто не вор, Ростя? — У Лютика на лице появилось искреннее недоумение. — Кто-то доски на стройке крадет, кто-то сено в совхозе, кто миллиончик под шумок ухватит. Думаю в банке твоей жены это не редкость. Кто-то острое словцо позаимствует, а потом прилюдно на банкете выдаст за свое, под общий хохот. Бывает, Ростя, любовь крадут, ну тебе это близко, бывает, кусок дружбы умыкнут. Чужим мнением тоже не побрезгуют — возьмут запросто и за свое выдадут. И от биографии чужой не откажутся, если надо. Даже ненависть крадут, поверь мне, грешнику! Вот только еще не встречались мне те, кто хотел бы чужую смерть даром взять. — Лютик причмокнул языком. — Нет, не встречались, пожалуй.

— На войне это часто встречается, — мрачно заметил я.

— Мы не на войне, Ростя. И чужие идеи — не бомбы, они не взорвутся. Они носятся в воздухе. К тому же все идеи, абсолютно все повторяются. Как повторяются люди. Ты не согласен, Ростя?

Последняя фраза была произнесена как-то странно, я бы сказал, философски, затянута и монотонно. При этом глаза Лютика были серьезны, как никогда. И следили неотрывно за моим лицом. Я ему не ответил. Я прекрасно знал, что люди повторяются. Но откуда мог знать это неповторимый Лютик?

— Да, кстати. — Он вновь развеселился и непринужденно заболтал ножкой. — А помнишь, как мы с тобой идею той рекламы про английский чай умыкнули, студентка по пьяни разболтал? Ага! Помнишь. Рекламка-то приз какой-то взяла. Что-то только я не припомню, чтобы ты после этого руки мыл. Или мыл?

Я машинально взглянул на свои руки. Крепкие, сильные руки. Когда-то они легко рубили дрова, мастерили кормушки для птиц, сажали деревья, боролись с пожарами, создавали лесные полосы против снежных и песчаных заносов. Что они теперь могут? Брать чужой приз. Как когда-то брали руки Ростика. И все же, мне кажется, он их потом долго еще отмывал.

— Фамилию парня нужно вставить в титры. А еще... Лучше бы он писал сценарий. — На последнее я слабо рассчитывал. Но оказалось, что и первое недоступно.

— Об этом Дане и думать забудь, дружище! Странное имя, правда? Как раз для такого провинциального типа. Пусть бы уж лучше назывался Даником. Проще, что ли. Так нет, и из тайги в Даны норовят прошмыгнуть. Да, кстати, парень,

поговаривают, неважно учится. Много пропускает. Болеет он, что ли, много? Вид у него какой-то нездоровый. Боюсь, как бы его не отчислили.

Я обхватил голову руками. Мне казалось, она треснет надвое в моих руках. И одна половина останется в распоряжении Лютика навсегда.

— Оставь парня в покое, я тебя очень прошу, очень...

Лютик дыхнул мне в лицо сигаретным дымом. Я закашлялся.

— Я тоже об этом мечтаю. Чтобы все его оставили в покое. И мы с тобой в том числе, Ростя. Ему сил набираться нужно, у него все впереди. Всему свое время. Вот теперь пришло его время молчать, а наше — говорить за него. А для идей слова не обязательны. Для идей нужно здоровье. Пусть он его и подправит. А потом, может, и его слову придет черед, если повезет, конечно. Да, кстати, после твоей вчерашней выходки некоторые господа пожелали видеть вместо тебя другого артиста. Бог свидетель, как я за тебя боролся, дружок.

— Бери другого! — рявкнул я. — Бери тысячи других! Бери хоть самого Алена Делона! Мне плевать! Мне вообще на все плевать! И на весь мировой кинематограф! И на твое кино в том числе! — Я сжал челюсти. Голова вновь готова была расколоться на части. И я схватился за больную голову.

— И возьму, Ростя, возьму, не побрезгую! Такие, как ты, толпами ходят с протянутой рукой. Еще мне ноги целовать будут. Что? Башка трещит? Она и будет трещать, потому что дурная. Умная голова не болит, запомни это, Ростя. Умная голова соображает, — фокусник и маг Лютик ловко вытащил откуда-то еще одну бутылку пива и протянул мне.

Я уже не колебался. И жадно сделал пару больших глотков.

— Все равно плевать. — уже вяло повторил я.

— Плюнуть всегда можно. Главное, не против ветра. — Лютик к пиву не притронулся. Он по-прежнему чинно отпивал маленькими глоточкам кофе, подливая его из китайского расписного кофейника. — А ты пей, пей, может, соображать лучше станешь. Может, что и припомнишь невзначай. Трезвая голова забывает, пьяная вспоминает! — хохотнул Лютик, довольный своей остротой. — Вот и припомни, как сам обивал пороги студии с протянутой рукой. Как заваливался ко мне домой пьяный и рыдал у меня на груди. И умолял: ну сделай что-нибудь, Лютичек, славный, милый, ты же все можешь, ты же все знаешь. Ага, вспомнил? А как я спас тебя, когда ты плюнул в рожу одному продюсеру. Слава богу, был сильный ветер. Весь плевков на тебе и остался. Я даже не побрезговал, вытер рожу твою платочком. А платочек был новенький, кружевной, дамой сердца подаренный. А ты, можно сказать, в самое сердце и плюнул. А потом я вместо тебя извинялся перед этим толстосумом, почти ползал перед ним на коленях. И благодаря мне, мне, Ростичек, тебя не вышвырнули со студии, а позволили сняться в рекламе мыла. В общем, отмылись тогда. Помнишь? Ну а потом... Потом вообще грозил конец. И даже я ничего не смог сделать. Когда ты, родной, учинил дебош в клубе, безобразную драку, обозвав жену известного, можно сказать, уважаемого режиссера шлюхой. Никто не спорит, она шлюха и есть. И сама к тебе лезла. Но зачем же прилюдно объявлять то, что и так известно и что можно шепнуть на ухо. Да уж...

Лютик развел толстенькими ручками.

— Тогда и сам Лютик был бессилён. Ты сам загнал себя в тупик. А спасла тебя, можно сказать, только смерть. Знаешь, самоубийцам многое прощается, хотя не спорю, многие потом тебя обзывали чокнутым. И вновь кто тебя привел за руку на студию? Угадал!

— Его благородие Лютик, — я откинул больную голову на спинку кресла и прикрыл глаза.

— Вот видишь, умница, все вспомнил.

Я ничего не помнил, потому что ничего этого не знал. Это была не моя биография. Это биография Ростика. Боже, но как они становились похожи. И я поймал себя на мысли, что если потеряю сейчас роль, то, как и Ростик, окончательно загоню себя в угол. Меня посчитают отверженным, как Любашу. И на дне какого болота я окажусь? И сумею ли выбраться оттуда? Ростик, похоже, так и не сумел...

— И что же? Теперь получается, время обнимать дорогого друга прошло и пришло время уклоняться от объятий? Э нет, дорогуша, так не годится. — Лютик вновь обратился за помощью к Екклесиасту.

Против Екклесиаста у меня аргументов не оказалось.

— Ты выиграл, Лютик, — пересохшими губами прошептал я. — Я буду сниматься. Но сценарий писать я не смогу.

— Да бог с тобой, милый. Сценариус и я напишу, там и писать нечего, считай, все готово.

Дан постарался. Им действительно была проделана большая работа. Разве что оставалось додумать диалоги. Но Лютик славился блестящим красноречием.

— А ты, Ростичек, хоть разок почеси затылок и протяни руку другу. — Лютик уже возбуждено носился по комнате, изредка врезаясь в мебель. — Ты парню, как я понял, понравился. Хотя не пойму чем. Наверно, поиграл в совесть, ты этому уже научился. Кстати, неплохой аргумент для самообороны. Вот и объясни этому неотесанному таежнику, что история-то не новая. Не один раз стреляли в кумиров. Мы и в титрах отметим, что, мол, имело место такое происшествие в криминальной хронике. Вот так-то, браток.

— Может, сам и поговоришь? — вяло, без всякой надежды спросил я.

Лютик от возмущения надул красные щеки, как шарики. И тут же сдул их.

— Как же, милый! Я ведь рассказик его потерял. Понятия не имею, о чем он. Ты читал этот шедевр. Вот и выкручивайся. Учись, Ростик, улаживать сам дела. И дела сами пойдут в гору. — Лютик вновь остался доволен своей остротой. И быстро засобиравшись, натянул черное дорожное пальто и огромную черную шляпу, в которой утопала его круглая голова. Даже тросточка вдруг появилась в руке. Он был комичен в этом наряде. Но мое сердце почему-то похолодело. Лютик кого-то ужасно напоминал. Но кого, я вспомнить не мог. А может, просто не знал.

— Лютик, — окликнул я его на пороге. — Скажи мне, только честно, зачем я тебе нужен? Ведь действительно многие ходят с потянутой рукой.

— А ты хороший актер, — тихо, но внятно сказал Лютик. И его глаза при этом были очень серьезны. Что случалось крайне редко. — Только я понять не могу, раньше в тебе такого таланта не наблюдалась. А после того как ты умер, а потом вновь воскрес, я увидел перед собой настоящего актера. Оказывается, умирать изредка бывает даже полезно.

Лютик вдруг тоненько рассмеялся. И в его глазках вновь появился лукавый блеск.

— Знаешь, я даже подумываю диссертацию написать. О том, как опыт кинематографа постепенно разрушает природный талант артиста. Они начинают играть! Понимаешь, играть! Кривляться, жестикулировать или, напротив, вести себя, как отмороженные. Так любой дурак сможет. Их школа испортила, вековой опыт погубил. А ты... Ты словно головой треснулся и про всю школу забыл. Ты

словно из лесу вышел, этакий здоровый красивый деревенский мужик. Тебя побрили, помыли, одели. Но ты понятия не имел, что такое игра. Поэтому сыграл здорово. Поверь мне, у меня нюх на хороших артистов. Мы еще с тобой горы перевернем, Ростичек. Время войны прошло. Пришло время мира.

— Между прочим, Ален Делон тоже хороший актер, — почему-то некстати вдруг ляпнул я. — Но в его случае твой нюх тебя подводит.

Лютик вновь тоненько засмеялся и взмахнул тросточкой, как волшебной палочкой.

— Мы слишком с ним непохожи, чтобы я его любил.

— Можно подумать, мы с тобой близнецы! — Я не выдержал и улыбнулся. Я стоял напротив толстенького коротышки Лютика и сверху вниз смотрел на него.

— Не похожи, это факт. И если бы мы с тобой не работали плечом к плечу, вряд ли бы я тебя сильно любил, — откровенно ответил Лютик.

Да, Вика права. Я для него всего лишь товар.

— С Аленом Делоном я не работаю. Но... Ты знаешь, я подумываю пригласить его на эпизодик. Я даже придумал, он будет псарем у собак главного героя. Представляешь, он, этакий престарелый красавчик, любимчик всех женщин мира, появляется в кадре с совком и сгребает дерьмо. — На заплывшем лице Лютика появилась мечтательная улыбка.

Он хотел так отомстить Алену Делону за то, что тот на него не похож. Интересно, как он отомстит мне? Я не верил, что с Лютиком мы повязаны навсегда. Время войны, похоже, еще не прошло. А время мира может и не наступить.

— А с тобой... С тобой, Ростичек, я надеюсь, мы повязаны навсегда, а ты, милый, сходи в церковь, помолись за свою беспокойную душу и поставь свечку за наш фильм. Бог поможет. — Лютик подмигнул лукавым глазом и, взмахнув на прощанье тросточкой, испарился за дверью, оставив позади легкий дымок сигарет.

А я вдруг подумал, что нашему фильму поможет кто угодно, только не Бог. В комнате почему-то тошнотворно запахло серой. Меня замутило от этого запаха. Набросив плед на плечи, я вышел на балкон. И полной грудью вдохнул холодную свежую осень.

Среди холодной свежей осени гуляла Рита. Ее желтый беретик по-прежнему еле держался на макушке. Она машинально подбрасывала ногой мокрую цветную листву. Девушка была очень похожа на посаженные деревца, такие же молоденькие, стройные, хрупкие. Такие же печальные, робкие и поникшие в ожидании холодов. Джерри с ней не было. Рита выглядела так, словно ее бросил самый верный друг.

Лютик возник внезапно. Нелепый, маленький, во всем черном, из-под рукавов длинного пальто ярко блестели золотые запонки. Он взмахнул перед Ритой тросточкой, словно хотел продемонстрировать очередной фокус. Рита в ужасе от него отпрянула. Лютик прыгал вокруг нее и что-то взахлеб объяснял, брызжа слюной. Похоже, он хотел заменить ей самого верного друга. Его ножки в лаковых остроносых ботинках утопали в листве. Рита низко опустила голову и резко пошла прочь, почти бегом, к подъезду. Лютик не сдавался и что-то надрывно пищал ей вслед. Его тросточка качалась в руке, как маятник. Казалось, что тикают часы. Лютик словно пытался заставить и время работать на себя. Я бы не удивился, если бы время подчинилось ему и потекло в его направлении, туда, куда он указывал своей черной блестящей тростью.

Я вернулся в холодную комнату, такую же холодную, как осень. И налил себе виски. Я согревался, как умел. Я согревался сам. Мы были с осенью похожи. Пестрая карнавальная листва опала и почернела. Впереди нас ожидали холода.

Времени до начала съемок было достаточно. И все это время я пил и читал. Даник вообще никогда не пил и редко читал. Я не был Даником. Я уже мог себе это позволить.

Лютик, временно работающий Бальзаком, частенько надоедал своими звонками. Он торопил меня поговорить с Даном. Я же не торопился. И придумывал тысячи отговорок, чтобы оттянуть время. Я объяснял Лютику, что если Дан сам не появляется, зачем тревожить его юную душу. Лютик пыхтел, кряхтел и наконец орал в трубку:

— Ты чокнулся! Он вполне за это время может что-то предпринять! Смотри, у нас будут неприятности!

Вспоминая Дана с грустным обаятельным лицом, очками на переносице и виноватым взглядом, я не верил, что он вообще может что-либо предпринять. К тому же он искренне ждал моей помощи.

— Не нравишься ты мне, Ростичек, — пищал в трубку Лютик. — Ох как не нравишься. Ты должен быть свеженьким и новеньким, как с грядки, в первые дни съемок. А вот потом, в последние денечки, я разрешаю тебе вести порочную жизнь. В конце герой действительно должен выглядеть потрепанным и уставшим. Так что не обгоняй события, друг...

Я обгонял события. Я не раз вглядывался в свое лицо, потрепанное и уставшее, и пытался вспомнить лицо Даника. И мне все труднее давалось это. Из зеркала на меня смотрел Ростислав Неглинов. И мне не раз хотелось швырнуть в него пустой бутылкой от виски.

С Викой мы виделись редко. Она проводила целые дни на работе. И возвращалась, когда я уже забывался крепким пьяным сном. Но каждое утро просыпался на свежих шелковых простынях и чувствовал запах свежесваренного кофе. Мне трудно было понять Вику. Впрочем, она честно соблюдала договор. Мы жили в одном доме, под одной крышей. Но близкими людьми не были. Мы не любили друг друга. Мне было все равно, где и с кем она проводит время. Ей, похоже, было плевать на мои чувства. Я силился понять, зачем я ей вообще нужен. И приходил к выводу, что она воспринимает меня скорее как собаку, которую можно покормить, погладить, почесать за ухом. Вика не хотела чувствовать себя одинокой. И настоящую собаку не собиралась заводить. Со мной было меньше хлопот. Ее устраивал я. В конце концов, я ведь тоже сторожил дом. А выгуливать меня необязательно.

Похоже, мы с Викторией были заражены самой страшной болезнью — болезнью одиночества. Средств избавления от нее пока еще не найдено. И возможно, не будет найдено никогда. Впрочем, разве не каждый одинок в этом шумном, непрерывно движущемся мире? И разве это исправимо? Если человек рождается в одиночку, умирает в одиночку и живет в одиночку. Если человек — это один мозг, одно сердце, и, возможно, одна судьба.

Однажды, в очередной раз решив сбегать за пивом и уже распахнув дверь, я вдруг увидел перед собой Дана. Он стоял посреди лестничной площадки, низко опустив голову, и мял в руках клетчатую кепку. Словно кого-то похоронил. Он не почувствовал мой взгляд. Он даже не услышал скрип двери. Он ничего и никого не замечал вокруг себя.

Я уже хотел воспользоваться моментом и тихонько смыться, но не смог. И не потому, что совесть не позволяла. Похоже, она уже позволяла мне все. Просто когда-нибудь я должен выполнить грязную работу, которую мне поручил Лютик. В конце концов, руки легко отмываются мылом.

— Дан, — тихонько окликнул я парня.

Он вздрогнул. Медленно повернул голову в мою сторону. И его очки блеснули. Похоже, у него в глазах были слезы. Этого мне еще не хватало! Похоже, предстоял очень трудный разговор. И я с трудом выдавил:

— Проходи.

Он машинально переступил мой порог. Я усадил его в кресло. И старался подыскать нужные слова. Хотя бы первое слово. Мне казалось, от первого слова зависит все. Но неожиданно он сам нарушил молчание:

— У Риты умерла собака. — Он сглотнул слюну. — И она меня прогнала. Словно это я... Но я ни в чем не виноват! Я сделал, что мог! Его невозможно было спасти!

Он смотрел на меня близорукими глазами. И его лицо было таким юным, беззащитным. Он искал защиты у меня. Я же никоим образом не ожидал, что удача так легко поплывет в мои руки. Похоже, парень сильно влюблен, и можно теперь легко сыграть на его чувствах.

— Ужасно жаль Джерьку, — выдавил я. И попытался выдавить в придачу слезу. Вдруг я почувствовал, что начинаю играть. Слеза не выдавилась. Похоже, я еще не достиг того уровня мастерства, который недавно критиковал Лютик.

— Ужасно жаль Риту, — Дан опустил голову и смотрел невидящим взглядом на мой персидский дорогой ковер. Ковер и впрямь был красивый.

Я приблизился к парню и положил руку на его плечо.

— Ты трудное время выбрал для любви, Дан. Рита похоронила лучшего друга. Когда хоронишь друзей, не сразу хочется найти им замену. Но это не означает, что она не нуждается в поддержке. Если ты сможешь... — Я запнулся. У меня чуть не сорвалось с языка «воспользоваться этой минутой». Но я вовремя удержался от откровенного цинизма. — В общем, если ты сможешь в этот трудный час поддержать ее, потом она обязательно оценит твою поддержку. И поймет, что ты и есть настоящий друг. И ее боль потихоньку уйдет, поверь мне. Я знаю, что говорю.

В глазах Дана появился оживленный блеск. Мои слова постепенно согревали его. Он оттаивал.

— Вы так думаете?

— Я не думаю, я уверен. Поверь, я тоже терял друзей. И мне было очень и очень тяжело.

— У вас умер друг? Вы же так еще молоды.

— Нет, хуже. Он не умер, он пропал. Его невозможно было даже похоронить. А это самое страшное, когда друг растворяется в неизвестности. И непонятно, где его искать. И ждать становится невыносимо. Потому что для ожидания не обозначено время. Ждать вне времени — это пытка.

Я говорил о Чижике. Я с трудом вспоминал свою собаку, ее рыжий окрас, ее умную лисью морду. Я с трудом вспоминал, как она радостно лаяла, встречая весну.

— Ваш друг так и не вернулся? — вывел меня из мучительных воспоминаний Дан.

— Что? — вздрогнул я. — Да, так и не вернулся. Не все возвращаются. И я устал прислушиваться к скрипу калитки.

— Калитки? — удивился Дан.

— Это образно, — спохватился я. И улыбнулся. — Учись с полуслова понимать метафоры. Ты же писатель.

Пожалуй, я зря упомянул про писателя. Но Дан даже не отреагировал на это замечание. Похоже, он забыл про всех писателей и режиссеров, вместе взятых. Он видел и помнил лишь Риту, которая похоронила своего лучшего друга.

— А у вас появились новые друзья?

— Наверное, — я пожал плечами. — И все же так хочется иногда всех послать к черту и услышать скрип калитки под окном. И встретить его, единственного, и сказать: «Слава богу, ты вернулся. Я так устал. И так много понял за время твоего отсутствия. Теперь все, все, все у меня будет по-другому. Потому что вернулся ты...»

Я говорил быстро, глядя на красивый персидский ковер. Я говорил себе. И уже понимал, что говорю только о Ростике. Впрочем, я имел его в виду изначально.

Похоже, Дан плохо понимал меня. И вновь осторожным словом перебил мои беспорядочные мысли, в которых я заблудился, словно бережно взял за руку и вывел из темных чащоб на прямую дорогу.

— Мне кажется, он обязательно вернется, ваш друг. — Уже Дан дружески положил руку на мое плечо. Уже он меня утешал. — Я вижу, Ростислав Евгеньевич, что у вас теперь трудное время. Вам тоже нужна поддержка, как и Рите.

Я поднял на него измученное небритое лицо. К черту! Мне хотелось кричать, в отчаянии топтать ногами и безжалостно вышвырнуть парня вон. Мне ничего не нужно! Мне нужно, чтобы меня оставили в покое! Раз и навсегда! И тем более он! Ему вдруг вздумалось меня поддержать! К черту! И нечего жалеть этого очкастого мальчишку. В конце концов, он сам виноват, если не умеет постоять за себя!

Я непринужденно улыбнулся. Я был сама доброта и внимание. Я почувствовал себя в шкуре Лютика. Наверно, я научился играть.

— Ну что ты, все у меня хорошо. А ты... Ты иди к Рите. И ничего не бойся. Я же вижу, ты ее любишь. И она, сама того не понимая, очень нуждается в тебе. Нужно уметь и бороться за любовь, и прощать любовь, и ждать любовь. — Я похлопал его по плечу, осторожно выпроваживая за дверь.

— Спасибо, — выдавил с чувством Дан. — Если бы вы знали, как сегодня мне помогли.

Этого я уже выдержать не мог. Еще чуть-чуть, и я готов был поколотить Дана. Но я выдержал, до боли сжимая в карманах кулаки. И вновь улыбнулся открытой чистой улыбкой. Разве что не было камня за пазухой.

— Да, кстати, Дан, — словно невзначай что-то вспомнив, небрежно сказал я. — Это насчет твоего рассказа. Ну, ты помнишь.

Он недоуменно посмотрел на меня. Он, похоже, уже ничего не помнил. Любовь отшибает память. Это был еще аргумент против любви.

— Что? — Он поправил очки на переносице. — А, да, конечно. Вы не волнуйтесь за меня, Ростислав Евгеньевич. Я понимаю, что вам тоже нелегко. Так что... Ну, в общем, не стоит за меня хлопотать. Вам и самому достается в жизни. И потом, я ведь сам должен за себя постоять. В конце концов, у меня еще есть тысячи идей в запасе. Так что вы не волнуйтесь, если ничего не получится... А ваш друг обязательно вернется. И не важно, что время его возвращения не

обозначено. Может быть, так даже лучше. Может быть, это шанс, чтобы вернулись вы... И он вас где-то ждет...

— До свидания, Дан. — Я был на пределе. Этот умник доводил меня до истерики. Мои нервы не выдерживали и вот-вот могли лопнуть.

Дан переступил за порог и резко оглянулся.

— Только мне не нравятся ваши глаза, Ростислав Евгеньевич. Мне кажется, они другие. Но что в них — я не могу прочесть. Наверно, усталость. Но усталость имеет столько значений...

Я, стиснув зубы, кивнул ему на прощанье. И закрыл дверь на замок. Рухнул на диван. И перевел дух. Я, правда, очень устал. Я раньше не знал, насколько можно устать от благородства.

А через пять минут позвонил Лютику и торжественно объявил, набивая себе цену, что все улажено как нельзя лучше, правда, изрядно пришлось попотеть. Лютик выразил мне огромную благодарность и заметил, что скоро мы получим приличный аванс. И сможем начинать строить загородные виллы. И обязательно станем самыми добрыми соседями. Может, даже начнем выращивать клубнику. А из окон будет виден молоденький лес и зеркальное озеро, в котором мы станем разводить белых лебедей. Лютик даже уже присмотрел престижное местечко, где обитают вполне достойные люди с достойным кошельком. В завершение новоявленный помещик Лютик добавил, что природа успокаивает и расслабляет. А нам после «Оскара» полноценный отдых просто необходим. Я радостно поддакивал Лютику. И чувствовал себя мелким мошенником, которому удалось сорвать большой куш.

И по этому поводу я налил себе виски. Помянуть Джерри я забыл.

Дни пробегали в бешеной пьяной скачке. Иногда я на секунду останавливался и задавал себе резонный вопрос: зачем я так никчемно гублю свою жизнь? Потом вспоминал, что гублю никчемную жизнь Неглинова, которого уже ненавидел, и вновь с чистой совестью пил. Словно старался навсегда уничтожить Ростика. Вином я заглушал и мысли, и переживания. Моя пьяная совесть давно впала в летаргический сон. Я же чувствовал себя раненым зверем, готовым вырваться из клетки в любую минуту.

Мое затворничество заканчивалось бесславно. Поначалу я делал какие-то пьяные звонки, пытался кому-то что-то доказать. Но раненый зверь рвался на волю. И я стал появляться на тусовках в самом неприглядном виде.

В опустившемся небритом человеке с мутными глазами и шатающейся походкой с трудом узнавали преуспевающего артиста Неглинова. Как-то я попытался плюнуть в рожу Подлееву, но опять попал против ветра. И Лютик, само благородие, опять вытирал мое оплеванное лицо, прыгая с тросточкой вокруг меня и что-то пытаясь доказать. На какой-то тусовке я встретил Песочного и во всеуслышание заявил, что его милая жена Бина законченная шлюха. Песочный, помню, радостно ответил, что он и сам уже пришел к такому мнению, поэтому отправил ее на все четыре стороны, оставив с носом. И теперь она, жалкая и побитая жизнью, побирается на творческих помойках. Помню, я поплакал на плече Лютика, от всей души жалея Бину и умоляя его выделить ей маленькую роль.

Лютик, как всегда, отмывался за меня, доказывая недовольным господам, что мой бесценный талант оправдывает все на свете, и приводил веские аргументы из жизни великих. На меня лично Лютику было плевать. Остановить меня он не пытался, он лишь следовал за мной с веником и совком, подчищая

неосторожные слова и опрометчивые поступки. Иногда он звонил Вике, и она забирала меня домой. Вика любила меня, как собаку, уже заразившуюся бешенством, и жалела ее. Но сколько могла она терпеть, если так и не сумела удержать на привязи? Наверняка она подумывала об усыплении неуправляемого зверя. Однажды Вика спросила, почему мне стало хуже. Она искала причину и не могла отыскать. Мне нечего было ей ответить. Я эту причину не знал или знал слишком хорошо, чтобы объяснить. Я просто промолчал.

— Ты знаешь, — сказала она, и в комнате подул холодом. — Мне кажется, я догадываюсь.

— Да? — со слабой надеждой в голосе спросил я. Может быть, она все же удосужилась наконец-то узнать самозванца.

— Да, — уже тверже сказала она, и я укутался в плед. — Я думаю, тебе было очень неприятно, когда ты меня встретил с тем человеком.

Я ничего не понимал. С каким человеком? Когда?

— Я же помню твой взгляд, когда ты заметил, как он меня обнимает. Ты, наверное, ждал объяснений, но так и не дождался. И тебе стало хуже. Это моя вина, — решительно заключила Вика, расставив все точки над «i».

— Извини, Вика, но я не понимаю, о чем ты говоришь. И поэтому не жду объяснений. Я вообще не могу ничего ждать. Потому что не помню. Пожалуй, я был слишком пьян.

Вика резко повернулась в мою сторону. Я заметил, как она побледнела. Ее раскосые глаза стали еще уже. И на лбу появилась заметная морщинка. Мне показалось, что она почему-то ужасно рассердилась, но наверняка знать я не мог. Вика никогда не выдавала своих чувств. Она молча полила цветы, приготовила картофель фри во фритюрнице, прополоснула мою потную рубашку. А потом незаметно ушла.

И мне вдруг показалось, что когда-нибудь она так же незаметно исчезнет — уже навсегда. Впрочем, мне было все равно. Я ее так и не смог полюбить. И она меня не любила. Пожалуй, не любила дважды. Вначале своего мужа Неглинова, потом самозванца.

В редкие часы просветления я подолгу смотрел на себя в зеркало и пытался вспомнить свое настоящее лицо, глаза, походку, жесты. Но вспомнить не мог. Перед моими глазами маячили бесконечные Лютики, Эдики, Песочные, Бины, Ростики... Но меня среди них не было. Где же я остался? И каково мое истинное лицо? У меня не сохранилось даже фотографии Даника, по которой я бы мог припомнить себя. У меня от него ничего не осталось. А комната была сплошь завешана фотографиями и плакатами Ростика. Он, этаким дешевый супергерой в широкополой шляпе, серебряном галстуке, белом костюме, улыбался голливудской улыбкой, небрежно сжимая в безукоризненно белых зубах сигару. И, казалось, лукаво подмигивал мне. Этого я больше вынести не мог. Я отчаянно стал срывать фотографии и плакаты, рвать их на мелкие части. Но они плохо рвались. Тогда я сгрузил их в одну кучу и принялся швырять в них зажженными спичками. Вспыхнул яркий огонь. Ростики горели в аду. Я радостно расхохотался каким-то нездоровым смехом. Мне показалось, что эта чужая бессмысленная жизнь, порочная судьба, влекущая в пропасть, сегодня сгорит на моих глазах навсегда. И я вновь вспомню Даника. И я метал, как копья, зажженные спички одну за одной.

И где-то среди угарного дыма и беснующегося огня вдруг возникло бледное лицо Вики. Черные жгучие волосы, черные раскосые глаза, алые губы.

— Ведьма-а-а! — закричал я. И заткнул уши. Я был оглушен собственным криком.

Она заливала водой мой костер. И из пепла улыбался воскресающий Ростик. Я попытался остановить Вику. Я на нее замахнулся. Но уже был слишком слаб, чтобы ударить. Она резко перехватила мою руку, но я смог вывернуться, в одно мгновение очутился возле распахнутого окна, перебросил ногу через подоконник и покачнулся. Всего метров десять отделяли меня от земли. От земли, которую я так любил. К которой хотел сейчас припасть... Навеки.

Вика со всей силы потащила меня назад и я упал на паркетный пол, ударившись затылком. Она осторожно подняла меня и, обняв за плечи, увела в другую комнату. Я еле передвигал ноги и не сопротивлялся. Бешеного пса постепенно усыпляли. Я физически был слабее даже женщины. У меня даже не нашлось сил умереть. Помню, это стало последней каплей в моем неудачном падении. И последняя капля затушила костер.

Очнулся я утром в полуразгромленной квартире от холода. В нос ударил запах гари. Я плотно закрыл балкон и окна. Укутался в плед и, сидя в кресле, долго смотрел на пепелище. Я ничего не вспоминал и ни о чем не думал. Я просто смотрел на остатки Ростика, на его сожженные глаза, на его разорванную улыбку, на его расцарапанный нос. И ничто не трогало меня. Мне вдруг стало все безразлично. И давно мне не было так спокойно и хорошо. Вслед за Лютиком я обратился к Екклесиасту. Что ж, время раздирать прошло. Пришло время сшивать. Как и время строить, время искать, время собирать камни и, наверно, время рождаться заново.

В квартире не осталось никаких следов Вики. Она унесла с собой даже семейный альбом с фотографиями, вывезла свои цветы и не оставила своей зажигалки. Она взяла с собой все, что о ней напоминало. Она пыталась забрать память. Но она не знала одного — у нас ней не было общей памяти. И причинить боль мне она не могла.

Мне осталось лишь пепелище, лужи грязи, разорванные клочки Ростика и куча мусора. Но даже когда Вики не было, мне казалось, я читаю ее мысли на расстоянии. Она пыталась откуда-то издалека докричаться до меня, объяснить, что у меня остался последний шанс. И возможно, один день. И вероятно, еще один шаг я могу сделать. Мне выбирать — в какую сторону. Одно неосторожное движение — и я сорвусь в пропасть. Вика мне уже ничем помочь не могла. Она ушла. Чтобы оставить мне шанс не сорваться.

Я не сорвался. Я тщательно убрал комнату, выбросил мусор, вымыл пол. На столе стояла полупустая бутылка виски. Вика ее не убрала. Она знала, что делает. И я медленно вылил ее содержимое в раковину. И оближал пересохшие губы. Мне совсем не хотелось выпить. Мне просто хотелось пить. И я залпом осушил стакан холодной воды. И успокоился окончательно.

Эти несколько дней проплыли плавно, в замедленном темпе и удивительном покое. Я много читал и спал. Изредка названивал Лютик, и я отвечал ему дружелюбно и достойно. Мне показалось, что Лютику не понравилось, что я привел себя в норму. Он насторожился. Но все же пригласил меня на свой юбилей, который должен состояться через пять дней и который обязательно нарекут юбилеем года. В конце разговора он взял с меня слово вести себя пристойно хотя бы на таком всенародном празднике. Я искренне

пообещал. Хотя понятия не имел, что такого выдающегося совершил в жизни Лютик. Впрочем, мне было все равно. И я подумал, может, так и надо.

Попеременно позвонили Бина и Лида. Обе долго жаловались на судьбу телефонной трубке. Жалобы были абсолютно одинаковыми, с разницей в паузах, междометиях и хронике событий. Бину бросил Песочный, это я уже знал. А Подлеев сбежал за границу со всем бюджетом фильма, бросив всех на произвол судьбы. Видимо, он вовремя сообразил, что «Оскара» ему не видать. Но шанс хорошо пожить оставался... Я успокаивал их тоже почти одинаково. Ласковым добрым словом, будто пел колыбельную для брошенных несчастных детей. Я пообещал сделать все от меня зависящее, чтобы в новом фильме они получили роль.

За эти пять дней я хорошенько выспался и окончательно выздоровел, словно вернулся из санатория. Я удовлетворенно посмотрел на себя в зеркало. Даника я там уже не искал. На меня смотрел помолодевший, посвежевший Ростик. Стриженная налысо голова. Гладко выбритое мужественное лицо. Сильный подбородок, слегка выдающийся вперед. Спокойные ясные глаза. Я остался доволен этим парнем. Он меня уже нисколечко не раздражал.

Накануне я купил в самом дорогом супермаркете костюм из чистой шерсти, густого синего цвета, в тонкую белую полоску. Новый матовый галстук и шляпу. Клетчатый зонтик с ручкой из слоновой кости завершал мой портрет и придавал облику солидный вид. Лютик останется мною вполне доволен. И не только он. Я сделаю все возможное, чтобы перед почтенной публикой предстал новый Ростик, умный, уравновешенный и благополучный не менее, чем они. Ростик, у которого впереди большое будущее. Блестящее будущее.

Я небрежно подбросил вверх связку ключей от машины. Машину я приобрел сразу после первых съемок, но мне так и не посчастливилось сесть за руль. Из-за моих перманентных загулов это было небезопасно. Так что теперь я спокойно, с легкой ленцой поведу свой новенький блестящий «порше» мимо язвительных сплетников, которые меня уже успели похоронить. Мысль о поездке на шикарном автомобиле придала мне еще больше уверенности. И я легко сбежал по лестнице вниз, перескакивая через ступеньки.

Все очки сегодня были в мою пользу. Даже погода. Уже вечерело. Было настолько тихо, что ни один листочек не шелохнулся на дереве. А такое ясное чистое небо я не видел давно, словно его тщательно помыли с мылом, оставив для украшения маленькую бледную звездочку. Я вдохнул полную грудь свежего воздуха осени. Голова моя закружилась от счастья. Господи, как хорошо жить. Лютик тысячу раз прав, нам не помешает купить по вилле за городом. Я обязательно сам сделаю пруд и заведу там парочку собственных лебедей. Я умею за ними ухаживать. А лебеди Лютика пусть себе плавают в общем озере. И еще лилии. Я сам выращу эти цветы счастья. Они будут плавать в воде — розовые, белые, желтые. И их широкие листья будут колыхаться от легкого дуновения ветерка. Клубнику я не люблю, но маленький садик нужно посадить обязательно. Сколько же деревьев я за свою жизнь посадил! А своего, личного деревца так и не было. Можно сделать садик в японском стиле, как в ресторане, где обедали с Песочным. Да, пожалуй, это будет уместней всего. И обязательно должен быть фонтанчик. Пожалуй, следует смастерить его в деревенском стиле, в виде мельницы. Народные мотивы нынче в почете, в отличие от самого народа. Хотя наша природа все-таки простовата. И я так от нее за свою жизнь устал. Восточный стиль мне более по душе. Что же еще? Ах да! Самое главное! Куда я поставлю «Оскара»! Пожалуй, лучше всего на рояль. Правда, я не умею играть,

но как знать... моя будущая жена, она наверняка будет из вполне интеллигентной семьи. И когда придут гости, она непременно исполнит что-нибудь из классики. И кто-нибудь, бросив взгляд на лаковую крышку пианино, удивленно воскликнет.

— Господи, это же «Оскар»!

И я небрежно отвечаю:

— Я получил в награду не только «Оскара». Но и самую дорогую женщину в мире. Это победа важнее.

И все улыбнется моему достойному ответу...

Стал накрапывать мелкий дождь, и я подставил счастливое лицо под его тонкие струи. До начала вечера, посвященного юбилею его высочества Лютика, оставалось немного времени. Но я обязательно успею. Опаздывать нехорошо. Не в правилах приличного тона. И я, весело подбросив вверх ключи от машины, широко открыл дверцу авто. И, осторожно стряхнув капли дождя с дорогого костюма, сел за руль. И посмотрел в зеркальце. Уже совсем стемнело. Единственный фонарь освещал улицу. По ней шла девушка. Худенькая, стройная, как молоденькое деревце, она шла неровно, спотыкаясь на каблучках и шатаясь из стороны в сторону. Я невольно поморщился. Похоже, она была пьяна. Напоминания о прошлом вызывали во мне лишь презрение. Моя машина уже собиралась сорваться с места, и унести меня от неприятного видения, но не успела. Девушка приближалась все ближе и ближе. Коротенькое пальтишко в широкую клетку было забрызгано грязью, желтый длинный шарф болтался в разные стороны. Желтый беретик вот-вот готов упасть в лужу.

— О господи, — выдохнул я и опустил голову на руль. Мне казалось, так и застыв на месте, я просидел вечность. Но прошло не так уж много времени, за которое как-то успела промелькнуть вся моя жизнь. Девушка сделала несколько неровных шагов прямо в лужу, и я стремглав выскочил на улицу. И успел ее поддержать за руки.

— О, господи, что ты наделала, Рита!

Я взял ее на руки и понес к себе в дом. Она была легкая, как пушинка. Ее светлые распахнутые глаза недоуменно смотрели на меня, черная тушь растеклась по лицу, образуя размытые черные тени. Красная помада размазалась вокруг губ. Щеки горели нездоровым румянцем. От нее сильно пахло спиртным.

Дома я опустил ее голову под прохладный душ, смыл с лица краску. И укутав в свой теплый клетчатый плед, усадил на диван.

Когда я вернулся из кухни с чашкой свежеприготовленного крепкого кофе, Рита более или менее опомнилась. Ее глаза с ненавистью смотрели на меня, ее колотило мелкой дрожью.

— Выпей, девочка. — Я протянул ей чашку, от которой шел горький аромат. — Тебе станет легче.

Рита резко взмахнула рукой, чашка полетела на мой мягкий персидский ковер и все равно разбилась. Она была сделала из очень тонкого фарфора. Коричневые пятна расплылись на светлой шерсти. Рита истерично рассмеялась. Я спокойно убрал осколки. На пятна мне было плевать.

Я присел возле Риты на корточки и взял ее холодные дрожащие руки в свои ладони.

— Что случилось, девочка, что случилось?

Она вызывающе встряхнула светлыми пышными волосами и вновь рассмеялась мне прямо в лицо пьяным смехом.

— Я буду теперь сниматься в паре с тобой! Играть эту девчонку-киллера!

— Что ты говоришь, Рита, в каком кино, какого киллера?

— Ах ты боже мой! — театрально всплеснула руками Рита. — Ты забыл про кино, которое сам и украл? Я раньше и понятия не имела, что можно воровать кино, я думала воруют только вещи! — Рита вцепилась острыми коготками в мои плечи и дыхла в лицо спиртным. И уже почти шепотом продолжала: — Впрочем, подумаешь, велика беда — украсть у мальчишки, правда, Ростислав Евгеньевич? Про лесного бога вы тоже у кого-то украли? А мальчишку-то турнули из института. Дурак, вздумал объявить, что он написал этот рассказик. Плагиаторам не место среди настоящих талантов, правда?

Я похолодел. Все же от Лютика я не ожидал такого. К тому же он дал мне слово. Впрочем, какое слово может быть у человека, торгующего людьми?! Я посмотрел на часы. Я должен во что бы то ни стало успеть на юбилей. Но сегодня я не стану разбираться с Лютиком, пожалуй, не стоит портить настроение в такой день. Парня, конечно, жаль, но я сделал что мог, к тому же он сам отказался от моей помощи.

— А ведь это вы приложили к этому руку, вы! — закричала Рита. — Мне Лютик все рассказал! Как вы украли рассказ Дана! А он так в вас верил! А я... Я...

Эта скотина решила спихнуть вину на меня, недаром он заставлял писать сценарий вместе с ним. Чуть что — я бы оказался крайним. Но бог с ним. Дан еще раскроет правду Рите. Я не понимал другого. Когда мой лучший друг Лютик успел меня оговорить?

— погоди. Рита, погоди. — Я подал ей стакан холодной воды, и она залпом выпила. — При чем тут Лютик, когда он тебе это успел наплести? Вы же не знакомы.

Вдруг Рита обмякла, ее губы задрожали, она невидящим взглядом смотрела на окно. За окном два сизых голубка клевали зерно, которое я подбрасывал каждый день.

— У вас было много-много цветов. Где они? Они тоже все умерли? Как и мой Джерри? Он был моим лучшим другом, Джерри... Он не умел предавать...

— Рита, девочка моя, маленькая моя... — Я осторожно тряс ее за плечи, пытаюсь разбудить от кошмара. — Что с тобой, Рита, опомнись. Скажи, при чем тут Лютик?

— Мы с Джерри гуляли каждый вечер. Он был такой веселый. Почему все хорошее умирает, почему кругом столько зла? Я не понимаю. А Лютик сказал, что он станет моим лучшим другом. Он хороший, Лютик...Он добрый. Он тоже любит собак... И меня...

Из глаз Риты потекли слезы. Но она по-прежнему плохо соображала. Но, кажется, начал соображать я. Я до боли впился ей в плечи, я стал трясти ее все сильнее и сильнее. Два голубка шумно вспорхнули и улетели ввысь. Там, под чистым небом, все было гораздо проще и справедливее.

— Ты была у него? Скажи, ты была у него, да? Только скажи одно слово. Опомнись, Рита, одно только слово.

— Да, — просто сказала она и посмотрела на меня отсутствующим взглядом. И вдруг разрыдалась. Она плакала так отчаянно, так болезненно, что я даже не стал ее успокаивать. Это было бесполезно. Ей сейчас нужны слезы.

Эта скотина заманила к себе домой девчонку, которая только что похоронила преданного друга. Заманила хитростью, изощренным сочувствием. Воспользовавшись ее слабостью. Ее болью. Этот старый пошляк даже пообещал

ей роль и... Дальше... Я думать не мог, что было дальше. Наступила блокировка мыслей. И я неожиданно успокоился. И закурил сигарету.

Рита подняла на меня красное, вспухшее от слез лицо. Она так мало напоминала ту девчонку, которую я знал еще совсем недавно. С которой мы выгуливали собаку и разговаривали о неизвестном парне из лесного поселка, которого все прозвали лесным богом. Кажется, он всех предал в этой истории. Но только не Риту. Что же с тобой сделали, девочка. И со мной...

— Все кончено, Ростислав Евгеньевич, все кончено, — глухо выдавила она, — Все равно — кругом только воровство, ложь и предательство. Так лучше я стану сниматься в кино. Там все это так легко оправдывается. Я там себя оправдаю. И не нужно винить Лютика. Я сама виновата, сама пошла на это. Потому что вдруг поняла, что кругом одно кино. Так не все ли равно? Я любила вас, я любила Джерри, где вы теперь? Я хотела выбрать такую профессию, в которой много любви. Пожалуй, я ошибалась. Много любви только в кино. И кино все оправдывает...

Я слушал ее молча, прикуривая одну сигарету от другой, внимательно глядя в Ритины светлые глаза. В них так мало осталось детского, наивного. И все же еще осталось. Я не знал, что ей ответить. Пока не знал. Единственное, что я мог, это уложить ее в свою постель, укутать потеплее пледом и дать успокоительное. А самому отправиться на юбилей великого режиссера Лютика, моего честного надежного друга.

Когда я пришел, праздник был в разгаре. Я сел с краю, и на меня никто не обратил внимания. Все восторженные взгляды были устремлены на сцену. Лютик, маленький, мягкий, словно воздушное пирожное, стоял посреди сцены в смокинге и бабочке, лаковых остроносых туфлях и с неизменной тросточкой, барахтающейся в толстой ручонке. Я подумал, что пару часов назад у этого человечка была Рита. Он сумел сделать себе подарок ко дню рождения. Теперь он принимал подарки от своих почитателей и друзей. Что ж, скоро придет и моя очередь сделать подарок. Подарок лучшему другу.

Я услышал, как со сцены кто-то подобострастно сравнил Лютика с Аленом Делоном. Лютик поморщился. И этот кто-то быстро поспешил поправить ошибку. Ален Делон, безусловно, не идет ни в какое сравнение с обаятельным покорителем женских сердец Люцианом. Кто-то вспомнил графское происхождение Лютика, правда, ошибся, сказав, что его прабабка была всего лишь фрейлиной при царском дворе. Оказывается, она состояла в прямом родстве с государем. Лютик по мере роста своей славы повышал своих пращуров в должности. А кто-то окрестил Лютика просто Оноре де Бальзаком. Поскольку Люциан выдал шедевр, по мотивам которого скоро снимут кино. И этот кто-то горячо возмутился, что существуют на свете нахальные, зарвавшиеся студенты, которые без стыда и совести пытались украсть у великого режиссера идеи и мысли.

Я спокойно, бесстрастно наблюдал за происходящим. Пожалуй, слишком спокойно и слишком бесстрастно. Меня даже не удивляло, что этот сумасшедший дом, разыгрывающийся на сцене, воспринимается зрителями всерьез. И когда объявили меня, преуспевающего актера Ростислава Неглинова, который все ночи напролет думал, чтобы подарить достойное своему лучшему другу Оноре де Лютику, я даже не вздрогнул. Я легко взбежал на сцену и взял микрофон. Ни один мускул не дрогнул на моем лице. Мое лицо было свежо, беспечно и дружелюбно. Лютик ободряюще мне подмигнул.

— Уважаемые коллеги, друзья! — Я широко улыбнулся запрограммированной улыбкой Ростика. — Я все ночи напролет думал, что бы подарить достойное своему лучшему другу. Может, какое-нибудь животное? Свинью, например. Но он тут же ее кому-нибудь подложит...

В зале раздался громкий смех.

— Может, новую молоденькую и чистую девушку в его гарем? Так он уже сделал себе сегодня этот подарок, купив невинность за роль в новом фильме...

Смех в зале заметно поредел.

— Может, лучший подарок — книга, например Оноре де Бальзака. Так он тут же украдет все идеи и мысли у великого писателя, как совсем недавно украл рассказ у студента и выдал его за собственное творение...

Смех в зале стих вовсе, только слышались робкие смешки. Побледневший Лютик приблизился вплотную ко мне, сжал мою руку до боли и процедил сквозь зубы:

— Заткнись, сволочь! — И тут же низко поклонился залу, раздаривая улыбки налево и направо. Он не хотел скандала.

Он еще надеялся, что на этом для многих непонятном признании я и завершу свою речь. Но я продолжал:

— И тогда я решил, думая ночи напролет, что самый отличный подарок для моего лучшего друга — это правда. — Я сделал паузу.

В зале наступила такая тишина, что если бы пролетела муха, ее приняли бы за сверхзвуковой самолет.

— Этот милый режиссер, — мой громкий голос разносился по залу, — этот опытный торговец чужой душой, чужим телом и чужим разумом так и не смог узнать своего лучшего друга Ростислава Неглинова, который пропал без вести почти год назад. Перед вами не обожаемый артист Неглинов, — я низко поклонился, — перед вами самый обыкновенный, малограмотный лесник из поселка Сосновка, который свою жизнь посвящал деревьям, зверью и птицам. Который не только не закончил театрального вуза, а вообще никакого. Никогда не был в театре, да и, положив руку на сердце, в кино-то бывал редко, а телевизор у него постоянно барахлил...

Меня перебил громкий возглас из зала:

— Это что, юбилейная шутка?

— Нет, дорогие господа, это не шутка. Я могу документально подтвердить, что я — самозванец, что моего личного в этом городе ничего нет. И квартира, и жена, и любовницы, и лучший друг, и профессия — все это принадлежит Ростиславу Неглинову, который бесследно пропал. И я с удовольствием дам интервью по этому поводу, и не только по этому. — Я многозначительно посмотрел на Лютика.

Он, казалось, застыл на месте соляным столбом. Таким я его еще не видел. С него в один миг слетела театральная маска этакой светской непринужденности и дружелюбия. Передо мной стоял совсем другой человек. Белое лицо, сжатые челюсти. Черный фрак, лаковая трость. Больше всего меня поразили его глаза. Вечно заплывшие, они вдруг прояснились, но я не видел их цвета. Только круглые белки, цвета не было. И его белый взгляд так внимательно и пронзительно смотрел на меня, словно постепенно и мучительно вонзалось острое копьё в мое тело, добираясь до самого сердца. Раньше я бы, возможно, испугался. Но не теперь. Я уже не был Неглиновым. Мне вдруг стало настолько легко, словно я сбросил с себя рваное, пропитанное помоями и вонью грязных подвалов нищенское отрепье.

— Да его в тюрьму надо! — выдавил кто-то осторожно в зале.

— Не в тюрьму, а в психушку, он же спился совсем, — с готовностью поддержал еще чей-то хриплый голос.

— Белая горячка...

Все было сказано полупшепотом, но настолько громко прозвучало в мертвой тишине зала, словно они истошно кричали.

Я повернулся к Лютику. И вновь — только белые глаза на черном фоне.

— А это мой последний подарок! — Я замахнулся и с такой силой ударил Лютика, что он отлетел на край сцены.

И лишь теперь я почувствовал нервную дрожь, настоящую ненависть и презрение. Шок кончился. Со всех сторон бежала охрана, слышались истошные вопли, и я стремглав бросился прочь. Мне было легко бежать, меня не задерживал никто из зрителей. Потому что меня боялись. И только охрана неслась по пятам. И мне показалось, что вот-вот раздадутся выстрелы в спину. Я ударился ногой обо что-то железное. И вскрикнул от боли. Резко свернул за угол, за портьеры сцены и погрузился в крошечный мрак. Мои руки лихорадочно ощупывали стены, и мне повезло. Наконец я нашел дверь в подсобку. И успел за нее юркнуть. Здесь тоже царил мрак. Дверь не запиралась изнутри, и мне ничего не оставалось, как лечь на пол, за угол шкафа. Я прикрыл глаза. Мое сердце бешено колотилось. Как у загнанного зверя... И вдруг в моей памяти четко проявилась картина из прошлого. Словно я только вчера вернулся из Сосновки.

Мне вспомнилось, как однажды к нам в заповедник приехала группа высокопоставленных чиновников во главе с губернатором. На охоту. Как и положено, с охраной, которая должна была бежать им вслед и защищать от зверей и шальных выстрелов. Помню, присутствие охраны меня добило окончательно. Я наотрез отказался сопровождать их, сославшись на высокую температуру. И позднее очень жалел об этом. У зверей не бывает охраны, они не ждут выстрелов из засады. Никто не подозревает, что в собственном доме могут убить. И вполне возможно, я бы смог хоть одного зверя спасти. Но тогда я отказался участвовать в охоте, понимая, что ничего исправить не в силах. Официальная лицензия на убийство животных была у этих чинуш на руках. И хотя наш заповедник находился под строгим контролем государства, периодически, а именно в сезон охоты, контроль ослаблялся, все права передавались в руки избранных, тех, кто жаждал порезвиться в лесу, стреляя в беззащитное зверье. Для них был даже построен домик в лубочном стиле, этакий разукрашенный терем, на крыше которого вертелся деревянный петух-флюгер.

Я никогда не чувствовал себя таким беспомощным и слабым. Ловцы удачи вернулись в теремок ближе к вечеру. И небрежно бросили на пол убитого лося. Пухлая верхняя губа зверя, залитая кровью, обиженно свисала вниз. Волоокие глаза застыли в мягкой печали и недоумении. Словно он не переставал спрашивать: за что?

Неужели все было так просто?

Я неотрывно смотрел на лося, я его узнал. Он был моим другом, и я больше всех его жалел, потому что он был хромым. Еще совсем маленького, желтенького теленочка, я выхаживал его, раненного браконьерами, а доктор Кнутов даже сделал ему сложную операцию на ноге. Помню, как мы все радовались, когда удалось спасти ногу, хотя хромота и осталась. Я поил лосенка свежим коровьим молоком из бутылочки. Он облизывал меня в знак

благодарности своим шершавым язычком, чмокал теплыми губами, а его большие ушки поворачивались на малейший шорох. Мы назвали его Димкой.

Он был ужасным ревнивцем. Когда ко мне заявлялись неожиданные гости из поселка, он сердито топал ножками. А потом, когда Димка окреп и возмужал, я отпустил его на волю, в лес. Но он ушел не навсегда и не раз приходил к сторожке. И тогда Чижик радостно лаял, приветствуя друга. А потом ложился возле него и лизал раненую ногу, словно хотел вылечить до конца. Они понимали один другого. И я понимал их. Димка был добрейшим существом, и мне в голову не могло прийти, что ему просто так, от скуки, ради барского развлечения можно причинить зло.

Теперь, в этом уютно обставленном лубочной мебелью тереме, сидели не браконьеры. Этим людям, занимающим высокие посты и руководящим всеми нами, официально было разрешено убивать. Остекленным взглядом я смотрел на убитого лося и мысленно просил у него прощения. Мне казалось, что убили меня. Где-то на улице выл Чижик. Так жалобно, так протяжно, что мне самому было впору завывать. У меня поднималась температура. Щеки пылали, трудно стало дышать. Но я мужественно сидел и слушал хвастливые рассказы убийц о королевской охоте, сдабриваемые королевской водкой. Для меня это было пыткой, и я сам чинил над собой казнь.

Они захлеб рассказывали, как эта хромая тварь, поскольку ей трудно было убежать, поначалу притворилась убитой. Но потом они затаились в кустах. И когда бдительность зверя ослабла и он вдруг выскочил на дорогу, они стали палить в него со всех сторон. Он был убит с девяти выстрелов. И каждый охотник, уже совершенно пьяный от водки, бахвалился — в какое место зверюге он попал. Кто в печень, кто в сердце, кто в грудь. Они равнодушно перечисляли части тела животного, словно торговались на базаре. И больше всего поразились, что лось так долго умирал. Он так хотел жить. И его окончательно добил, как ни странно, девятый, последний выстрел — выстрел в хромую ногу.

Я не был мальчишкой, я всю жизнь прожил в лесу, и лес был моим местом работы. И я знал, что такое охота. Более того, я знал, что охоты, к сожалению, не избежать. Таковы жестокие правила игры мужчин в настоящих мужчин. Хотя с этими правилами я был не согласен. Но непрерывная пальба из-за засады в изувеченного, хромого, невинного зверя была за пределами понимания мира, за пределами понимания любви к этому миру. Это были бесчестные правила игры слабаков в настоящих слабаков.

Помню, я сидел, обхватив руками пульсирующую голову, вцепившись пальцами в волосы. Меня бил озноб, а зубы стучали. Убийцы предложили мне выпить. Но, взглянув мне в лицо, тут же отказались от этой затеи. А потом приказали содрать с Димки шкуру, зажарить несколько кусков мяса и обрубить рога для украшения кабинета губернатора. Они швырнули мне под ноги мертвое тело моего друга Димки.

Я, совершенно больной, измученный, вдруг собрался силами, и в одиночку, перевалив лося за плечо, понес к выходу. У двери я не выдержал и оглянулся. И всех девятих по очереди смерил долгим внимательным взглядом, словно пытался запомнить их лица навсегда.

Помню, у одного было совершенно желтое лицо. И я глухо выдавил:

— У вас больная печень.

У второго были синюшные щеки, и я процедил сквозь зубы:

-У вас очень больное сердце.

Третий беспрерывно покашливал, вытирая мокрый рот рукавом. И я прохрипел:

— У вас слабые легкие.

Так я безжалостно перечислял каждому симптомы их болезней, словно стрелял по очереди. Последнему, девятому я сказал:

— У вас ужасное кровообращение конечностей, поберегите ногу...

Эти храбрые вояки замерли, в немом молчании уставившись на меня. В пьяных глазах гнездилися лишь страх. Я не был раненым лосем. Они меня боялись. И лишь один, вспотевший от ужаса, заикаясь промямлил:

— Вы же просто лесник, а не врач.

Мои губы скривились в презрительной усмешке.

— А разве это не одно и то же? Я слишком хорошо знаю, как живут звери, чтобы не понимать, отчего могут умереть люди.

Я унес мертвого Димку и похоронил в лесу. Там, где был его дом. На могиле я посадил маленькое деревце, землю вокруг тщательно утоптал Чижик. Мы молча постояли у могилы Димки, и я попросил у него прощения. За то, что так и не сумел спасти его во второй раз. Тогда я впервые усомнился в гуманности своей профессии. И только весной, когда на верхушке деревца появились два крепких сучка, напоминающие рога, и на них буйно расцвели свеженькие сочные листочки, мне стало легче. Димка меня простил, Димка был совсем рядом...

Сегодня я чувствовал себя загнанным лосем, попавшим в подло подстроенную западню. Раненая нога болела. Я, как и мой лесной друг, притворился мертвым. И я не знал, сколько человек прячется в кустах, чтобы сделать девять выстрелов, когда моя бдительность ослабнет, и я без опаски выйду на прямую дорогу.

Похоже, я задремал, потому что не услышал, как кто-то неслышно подкрался ко мне. И лишь от прикосновения чьей-то руки я вздрогнул. И беспомощно захлопал глазами. Я пытался привыкнуть к темноте. Надо мной склонилось лицо какой-то женщины. Она шептала мне ласковые слова, целовала лицо и волосы. Мне даже показалось, что это Любаша. Так горячо любить могла только она.

— Милый, любимый, все будет хорошо, не волнуйся, мы выберемся отсюда, я тебе помогу. Я так люблю, если бы ты знал, как я тебя люблю.

Мои глаза привыкали к темноте. И женщина приобретала реальные черты. Черные волосы, раскосый, восточный разрез глаз, высокий лоб, стройная фигура.

— Вика, — прошептал я. И хотел удивиться. Но у меня не было для этого сил. — Вика...

— Не волнуйся, ты только не волнуйся, я все для тебя сделаю. — У нее по щекам текли слезы. И я осторожно погладил мокрое лицо.

— Не плачь, Вика. Только не плачь. Я ничего не боюсь.

— Я знаю, знаю. Но они вызвали «скорую». Лютик объявил тебя сумасшедшим и даже довольно убедительно доказал это. Ты теперь опасен для общества. Они хотят упечь тебя в психушку.

— Ну, в клетку им меня посадить не удастся. Я стреляный лось.

— И Рита, еще Рита...

Я приподнялся на локтях и глухо выдавил:

— Что с ней?

— Ее мать... Она узнала, что Рита у тебя. Пьяная... И вообще... Этой девочке очень плохо. Ее мать прибежала сюда, много кричала. Говорила, что ты

ее спаиваешь, и вообще... Что ты с ней сделал такое? Лютик все подтвердил... Даже тебя защищал. Говорил, что ты болен, очень болен и поэтому нужно простить тебя... Лютик простил.

— И ты... Ты тоже простила? — усмехнулся я и облизал пересохшие губы.

— Мне прощать нечего. Я знаю тебя, знаю Лютика... Любимый... Они хотят запрятать тебя... Они объявили тебя сумасшедшим...

И вновь страстные, обжигающие поцелуи. Женщины, которую я совсем не знал. И знал ли ее Ростик?

Вика вывела меня через черный ход на улицу, и мы на ее машине понеслись по мокрой асфальтированной дороге. Я откинулся на заднем сиденье и немного расслабился. Нога страшно ныла. Я смотрел через лобовое зеркальце на Вику. И она отвечала мне задумчивым и любящим взглядом.

— Куда мы едем, Вика?

— На вокзал, любимый. Ты должен уехать. Ты должен.

— Да, пожалуй, это единственный выход. Но выход куда?

— Ты знаешь. Ты все прекрасно знаешь.

Показались огни знакомого вокзала. Именно отсюда уходили поезда в сторону Сосновки. И я вновь не удивился, что Вика успела за это короткое время все узнать и устроить. Она оставалась сильной женщиной, и так сильно меня любила. Меня... Вдруг мысль, как молния, пронеслась в больной голове. Она ни разу не назвала меня по имени! Мне так захотелось узнать, кого она все-таки любит.

— Вика, ты кому поверила, им или мне? Ответь, Вика! — Я нежно прикоснулся к ее плечу. — Я для тебя сумасшедший или чужой, совершенно чужой человек?

Машина затормозила. Вика улыбнулась. Медленно повернула ко мне заплаканное, очень красивое, утонченное лицо.

— Ты никогда не можешь быть для меня чужим, хоть и чуточку сумасшедший.

Вика мне так и не ответила. А я подумал, что, возможно, она права, и необязательно знать, кого из нас она любила по-настоящему, меня или Ростика.

Вика провожала меня на перроне, неотрывно вглядываясь в мое измученное лицо, словно пыталась запомнить навсегда. Я стоял в купе у раскрытого окна и неотрывно смотрел на Вику, словно пытался все-таки ее понять. И я тоже очень хотел навсегда запомнить эту женщину.

— Я могу и не вернуться, Вика, — тихо сказал я. Пробегаящий мимо поезд уносил мои тихие слова в неизвестность. Но Вика услышала.

— Я это знаю. Но я очень люблю тебя и знаю, что мой любимый человек должен жить там, где ему будет хорошо по-настоящему. И где он должен жить по праву.

— А было бы нам с тобой хорошо, Вика? — спросил я ее и себя.

И она, и я промолчали. Мы не сумели ответить даже себе.

Поезд медленно тронулся с места. Я неотрывно смотрел на высокую стройную фигуру женщины, которая так сильно любила. Я по-прежнему пытался запомнить ее. Я пытался понять ее любовь. Поезд набирал ход. Фигурка становилась все меньше и меньше, пока не исчезла совсем. И мне вдруг показалось — это я только что простился со своей женой. Ростик здесь был ни при чем.

Поезд мчался все быстрее и быстрее, он бежал из города. Как в детском калейдоскопе, мгновенно менялись картинки живописных пейзажей. Поезд уносил

меня все дальше и дальше, на мою родину. В единственное место на земле, где меня могли еще ждать.

Часть третья БЛУДНЫЙ СЫН

Я сошел с электрички, на которую пересел рано утром в районном городе. И огляделся. Я был у себя на родине. Здесь все было моим. И эти вековые сосны, и эта пожухлая осенняя трава, и эти люди, спешащие по лесной тропе к своим домам.

Мне спешить было некуда. Я вдруг почувствовал себя чужим. Но я верил, что это временное ощущение. Когда приду в поселок, когда меня узнают, то непременно обрадуются моему воскрешению из мертвых, и я вновь стану близким для этих людей, этих сосен, этой травы.

Я остался один на перроне. И заметил, как из последнего вагона торопливо выскочил человек, видимо, чуть не проспавший свою остановку. Он приближался ко мне, и мое сердце на секунду провалилось. Я почувствовал учащенные удары пульса. Я узнал доктора Кнутова. Когда он со мной поравнялся, я широко улыбнулся и снял шляпу.

— Здравствуйте, доктор!

Он недоуменно смотрел на меня близорукими глазами, словно пытался вспомнить. И тут же легонько хлопнул себя по кепке.

— Господи, неужели это вы! Не может быть!

— Может, доктор. Оказывается, может. — Я протянул к нему руки. Мне так хотелось его обнять.

— А я вас сразу и не признал. И тем более не ожидал увидеть вас в этих краях. А впрочем... Вы ничуть не отличаетесь от вашего экранного образа. Этаким красивый мужественный человек с открытой улыбкой. Моя дочь просто по уши влюблена в вас. Как в актера, конечно. И у нее над кроватью висит ваш плакат.

Мои руки бессильно упали. Обниматься мне было не с кем. Несколько секунд я стоял неподвижно, в полном замешательстве. Меня не узнали. Впрочем, смею ли я обижаться? Ведь за это время я стал совсем другим. Кнутов помнил здоровенного парня, этакого бородатого, неотесанного дикаря в изношенной ветровке. Теперь пред ним во всей красе предстал знаменитый актер, стриженный наголо, в дорогом респектабельном костюме, сжимающий в руках широкополую шляпу. Я не смел обижаться. Но правду сказать должен.

Мы пошли по знакомой до боли тропинке, ведущей в поселок. По ней я когда-то крался, как вор, чтобы никто не заметил мой трусливый побег из Сосновки. А осень здесь гораздо холоднее, подумал я. И небо гораздо ниже. Кажется, до него можно дотянуться рукой. И погрузить руки в мягкие облака. Неужели бывает такое чистое небо? И такие воздушные белые облака. И солнце совсем не напоминает уличные фонари... Я полной грудью вдохнул свежий прохладный воздух. Голова с непривычки слегка пошла кругом. И я покачнулся. Правду я на время решил отсрочить. Нога по-прежнему ныла, и я заметно хромал.

— Прекрасный у нас воздух, не правда ли? — с гордостью сказал доктор Кнутов, заметив, как порозовело мое лицо. — Вы — человек городской, поди, редко бываете на природе.

— Не бываю, — как эхо прозвучал мой уставший голос.

— Позвольте узнать, Ростислав... Как вас по батюшке?

Да какой я, к черту, Ростислав, захотелось мне крикнуть в ответ. Я уже пару суток назад от него отказался! Но доктор Кнутов этого знать не мог. Это знал только я.

— Не стоит по батюшке. Просто Ростислав.

— Ну да. Я слышал, что в божественных кругах не привыкают к отчеству. До самой смерти вас называют по имени. Может, оно и правильно. А может, и заблуждение. Имя, конечно, молодит, но ведь отчество все равно остается. Даже если его никто не знает. К тому же придает уважение. Или у вас не принято уважительно? А меня, с вашего позволения, величают Андреем Леонидовичем, я местный... — Он вдруг замедлил шаг. — Погодите, а как вы узнали, что я доктор?

Я это знал с рождения. Так хотелось мне ответить и добавить: «К тому же ваша дочь была именно в меня сильно влюблена, а не в этого жалкого актеришку Неглинова». Но я вновь почему-то сказал другое:

— Как узнал? А вы как думаете, доктор?

Он неожиданно расхохотался и машинально оглядел себя.

— Ну, безусловно. Для актера, который привык ежедневно перевоплощаться, это не составит труда. Я типичный сельский врач. Пенсне на носу, кепка на лбу и чемоданчик в руках, что может быть проще? Вы, кстати, замечали, как во многом повторяются люди? А в профессии это видно особенно. Про вас никогда не скажешь, что вы... — он оглядел меня с ног до головы, — ну, к примеру, местный лесник.

И доктор рассмеялся, довольный удачной шуткой.

— И эта заметная хромота придает вашему облику печать меланхолии, интеллигентности и легкого эстетства.

— Вот вы меня уже с Оводом сравниваете. И все же, я считаю, что каждый человек — уникальный и единственный в своем роде, — упрямо не согласился я с доводами Кнутова.

— Безусловно! Но это если вторгаться в глубинную сущность человека. Но вы оглядитесь, — он обвел вокруг себя рукой. — Деревья тоже уникальны. И цветы. И птицы. Но нашему взгляду они предстают в одинаковом свете. Мы говорим — сосны, а не сосна, мы говорим — дрозды, а не дрозд. Мы их классифицируем на отряды и виды. Мы не вторгаемся в суть каждой сосны и каждого дрозда. И не одинаковы ли мы для них? Возможно, мы для них просто люди. Нос, рот, волосы, ходим на двух ногах. И все. А человека в отдельности они не распознают.

— Но они привыкают к отдельному человеку. И узнают его.

— Потому что этот отдельный человек их приручает. Он так же мог приручить любое другое животное. И оно так же станет его распознавать. Как и человек будет выделять только своего питомца. Но вы, безусловно, правы. В частности люди уникальны. И так и должно быть. Повторение невозможно. Хотя классификация, безусловно, существует. Вместо отрядов и видов — по профессии, по социальному статусу, по внешности... Вот вы, к примеру, мне очень кого-то напоминаете. Но кого — вот бы вспомнить... Увы... Я немало пожил, и вполне возможно, что встречал где-то в дальних краях очень похожего на вас человека.

Я усмехнулся. В дальние края забираться не надо. Но в ближних краях у доктора не возникло даже мысли меня искать. Как все-таки человек легко внушаем. А ведь доктор мне всегда казался человеком с собственным взглядом на жизнь. Взгляды на жизнь, увы, повторимы тоже. И мне уже совсем не хотелось раскрываться перед ним. Я решил начать с того, кто меня узнает. Скорее всего, с

Вальки. Эту шустрюю девчонку не проведешь. И мне от этой мысли стало легче. И я вдруг понял, насколько соскучился по этому взбалмошному чертенку. Как она все-таки отличается от всех женщин, с которыми меня столкнула судьба в городе.

— Кстати, — обратился я к Кнутову, слегка повеселев. — Вот вы утверждаете, что про меня никак не скажешь, что я местный лесник. А если отрастить бороду, волосы, надеть потрепанную ветровку, перебросить через плечо ружье...

— Всего лишь сценический образ, — уверенно констатировал доктор. — Я уверен, что вы прекрасно смогли бы сыграть лесника в кино. Но вот принять вас за него в жизни... Увы... Не хочу вас обижать, но я человек откровенный. У вас и взгляд другой, и повадки. Вы человек, начисто испорченный городом. И можете всего лишь перевоплотиться в лесничего. На экране, допускаю, даже поверят в это. Но в жизни, — доктор развел руками, всем видом показывая, насколько это пустая затея.

— Неужели лесники такие особенные?

— Не более, чем каждый человек на своем месте. Хотя... Вы знаете, наш лесник действительно особенный. Очень чистый человек. Как сама природа. Он словно все время пытается доказать, что люди не хуже ее. И знаете, доказывает! Это человек без ошибок.

— Неужели бывают такие люди?

— Люди разные, как мы с вами уже говорили. И такие бывают. Хотя встречаются, безусловно, реже.

Легкая ревность кольнула мое сердце. Как они меня легко и быстро забыли. Впрочем, и это вполне объяснимо. Если бы на мое место пришел кто-либо хуже меня, равнодушный к природе ремесленник, они бы долго вспоминали меня добрым словом. И жалели о моем исчезновении. Но все случилось наоборот. Я не был человеком без ошибок. И я, как оказалось, был не так уж и дорог моим землякам. Хотя ни за что не поверю, что мой продолжатель любит природу сильнее. Мне казалось, что сильнее любить невозможно.

Мы подошли к поселку. На деревню опустился легкий туман. Осеннее солнце настойчиво пробивало лучи сквозь его пелену. И поселок, казалось, утонул в розовых клубках дымки. Мне до боли в груди стало жаль, что это не мой поселок, не мое солнце, не мой туман. Мне так хотелось, чтобы здесь меня приняли за своего. И я осторожно попросил доктора Кнутова не сообщать, что артист Неглинов посетил эти замечательные края.

— У вас прекрасный санаторий, и там отдыхает много знаменитостей. Я не самый известный из них, — без ложной скромности добавил я. — Мне нужен полноценный отдых.

— Понимаю вас, Ростислав. Хотя очень жаль. Может, вы и не самый знаменитый, но фильм с вашим участием совсем недавно прошел по экранам, поэтому, безусловно, людям интересно было бы встретиться с главным героем. Но если вы настаиваете...

— Настаиваю, — сухо ответил я.

— Но моей дочери... Она так влюблена в вас... Вы позволите рассказать о нашей встрече лишь ей?

— Я с ней сам встречусь. — Мой голос вновь потеплел.

— Прекрасно! — доктор радостно всплеснул руками. — Я очень рад. Вы, несомненно, познакомитесь и с нашим лесником. Вам этот человек понравится обязательно. К тому же вам, как актеру, будет любопытно вникнуть в этот

незнакомый для вас типаж. И тогда вы поймете мои слова. И простите за дерзость.

— Мне не за что вас прощать, доктор. У меня создалось впечатление, что я знаю вас тысячу лет.

— Вот видите, у нас и мысли во многом схожи. Кстати, вы действительно напоминаете Овода. При взгляде на вас создается впечатление, что вы не просто приехали в незнакомое место для отдыха. А возвращаетесь... Кстати, вечером я навещу вас и осматрю, с вашего позволения, ногу. Вы можете мне доверять как врачу. Мне когда-то удалось спасти ногу одного лося. Казалось, был безнадежный случай. Поверьте, лечить животных бывает гораздо труднее. Потому что не несешь должную ответственность. И появляется чудовищная мысль, что можно сделать операцию спустя рукава. Ведь за животных не судят. И врачебные ошибки легко допускаются. Долг, он вот где! — Доктор постучал по своей груди.

— Вы ответственный человек, доктор. — Я тепло ему улыбнулся, вспомнив, как он достойно выполнил долг, спасая лося Димку.

Мы распрощались. И я, быстро миновав поселок, где меня так никто и не узнал, направился по знакомой тропе. Мне так хотелось домой. Но тут я вдруг вспомнил, что мой дом занят чужим человеком. Мое место теперь в пансионате, где меня наверняка встретят с распростертыми объятиями как актера. И не более. И я свернул на другую тропу. У меня пока не было сил даже пройти мимо своей сторожки, где меня никто не ждал, даже мой верный пес Чижик.

В пансионате мне все было знакомо. И никто во мне земляка не признал. Но я пока к этому и не стремился.

Со знанием дела я быстро оформил документы на место в доме отдыха. Даже администраторша, с которой я тысячу лет был знаком, ненароком заметила, что у меня прекрасная ориентация, словно я не один год провел в этом пансионате. И даже, проникшись ко мне участием, выделила лучший номер, с гордостью заявив, что в нем постоянно останавливалась необыкновенная женщина. И торжественно вручила мне ключи. Я уже знал, какую женщину она имеет в виду. И войдя в знакомый номер, огляделся.

Здесь все было по-прежнему. Только не было моей костюмерши Марианны Кирилловны. Знает ли она, что со мной случилось? И где она? Я теперь занимаю ее место в этом номере. И теперь я могу много рассказать о жизни в этом большом и непонятном городе. Но рассказывать было некому. И все же мне казалось, что моя костюмерша все-все про меня знает. И возможно, грустит о моей путаной-перепутаной судьбе. Я хотел отдохнуть, но понял, что бесполезно — уснуть я не смогу, пока не увидаю свой дом. Внешне я был на удивление спокоен. Но внутри все горело нетерпеливым огнем, прожигая мою память насквозь. Я наспех позавтракал и напрямик направился в лес. Я хотел убедиться, что там меня помнят, ждут и сумеют простить. Это люди легко забывают. Вряд ли природа, которую я всем сердцем любил, забыла своего лесного бога.

И не ошибся. Птицы радостно кричали, здороваясь со мной, деревья низко склонялись в уважительном поклоне, осеннее солнце словно разжало кулак, показав свои пальцы-лучи в знак приветствия, облака с любопытством выглядывали из сосен, пытаясь меня хорошо разглядеть. Я здесь по-прежнему был свой. Я по-прежнему для них оставался родным человеком. Я пожимал еловые лапки, обнимал толстые стволы сосен, махал рукой солнцу и радостно кричал в ответ птицам. Мне никогда так не было хорошо. Я нашел деревце, под которым похоронил Димку. Два сучка-рога смешно торчали вверх, они были усыпаны красными и желтыми листочками.

— Привет, Димка, привет! Ты уже совсем взрослый.

Я разжег костер. Он вспыхнул ярким фейерверком, рассыпая вокруг золотистые искры. Я поднес холодные руки к огню так близко, что пламя обжигало меня. Мне становилось теплее. И вдруг показалось, на миг, что недавнее прошлое — это просто ночной кошмар. Что я никогда не покидал родные места, просто не мог бросить свою родину, у меня не хватило бы на это духу. Моя совесть никогда не позволила бы всех предать. Мне показалось, что так было всегда. Я грею руки у костра, и вот-вот отправлюсь домой, и скрипнет дверь калитки, и Чижик с радостным лаем бросится мне навстречу...

Господи, как мне хотелось домой. Но вернуться, оказывается, гораздо труднее, чем уезжать. Я выстругал себе палку, чтобы легче было ступать на больную ногу, аккуратно погасил костер и вышел на пригорок, прямо к месту, где рос куст сирени. Где-то здесь покоится душа моей костюмерши. Сирень заметно выросла, появилось много новых веток. Сейчас она была совсем голой. Она готовилась к холодам. Я посмотрел вдаль, и мне почудился голос Марианны Кирилловны. Чуть хриловатый, немного печальный:

— Даничек, вы — лесной бог.

И упоминание моего имени заставило вздрогнуть. Как давно я не слышал, чтобы меня так называли. Даничек. Даник. Мне хотелось ответить, что я давно уже не Даник, и тем более не лесной бог. И не знаю, смогу ли им вновь стать. Во всяком случае, я вернулся, чтобы попробовать. Но я знаю наверняка, что отлично бы сыграл лесного бога в кино.

От этой мысли я вздрогнул. Недавнее прошлое не отпускало меня, оно цеплялось своими острыми когтями за мою душу, разрывая ее на куски. Оно дышало на меня утренним перегаром. Оно лукаво подмигивало и театрально взмахивало лаковой тростью. Я до боли сжал виски. Мне вновь стало плохо.

— Простите меня, — сказал я своей костюмерше.

Хотя не понимал, за что у нее прошу прощения. Ведь это она когда-то рассказывала мне про Большой город, вынося ему суровый приговор. И эти рассказы приговорили к Большому городу. Это любовь ее внучки погубила меня. Я вспомнил Лиду. И вновь попросил прощения у Марианны Кирилловны. Я не смог помочь Лиде. И пусть она меня тысячу раз предала, я чувствовал долг перед своей костюмершей. Лиде сегодня было не лучше моего. Она знала и Даника, и Ростика. И одинаково не смогла нас полюбить. Но способна ли она вообще на любовь? И как я могу ей помочь, моя дорогая костюмерша? Может быть, на этот сложный вопрос ответит твоя щедрая душа, похороненная под этой сиренью...

Я вышел к озеру. Оно было спокойное, тихое, молчаливое, как всегда. Утки по-прежнему ныряли, путаясь в желтых и белых кувшинках. Я бросил им крошки хлеба. Когда-то именно здесь мы встречались с Лидой. Вон под тем мертвым дубом. И я сочинил красивую сказу о парне и девушке, настоящая любовь которых смогла оживить погибшее дерево. И на нем появились молодые листочки. Наша любовь с Лидой была мертва. Если она вообще была.

Я приблизился к дубу. Дерево было по-прежнему сухим, корявым, дряхлым. Я поднял голову вверх. И не поверил своим глазам. На самой верхушке дуба отчетливо виднелись листочки. Не те, которые я когда-то прицепил специально для Лиды. А самые что ни на есть настоящие, живые. Их уже покрыли краски осени, но они по-прежнему весело и легко колыхались на ветру. Не может быть! Или все-таки может? Жизнь научила меня ничему не удивляться. Моя сказка становилась былью. Но эта сказка была не про меня. Под этим дубом родилась другая настоящая любовь. И я сам уже искренне верил в свою выдумку. Я уже

искренне верил в настоящую любовь. Мне стало легче. Значит, все на свете возможно. И любовь, и листочки на засохшем дубе, и возвращение лесного бога. Я обязательно вернусь, оставшись здесь навсегда.

И я напрямик, решительно и уверенно, опираясь на палку, направился по лесной тропинке, ведущей напрямик к моему дому. Я уже знал, что иду навстречу своей настоящей судьбе, которую когда-то захотел обмануть. Лесной бог возвращался.

Мои мысли не обманули и не предали меня. Здесь все было по-прежнему. Мое прошлое не умерло. Оно просто затаилось на время. Я нажал на калитку, и она скрипнула. И я услышал радостный лай. Ко мне со всех ног бежал Чижик. Я в бессилии опустился перед ним на колени. Целовал его узкую морду, гладил его рыжую взъерошенную шерсть.

— Чижик, Боже мой, я знал, Чижик. Я всегда знал, что ты жив. И мы обязательно встретимся. Мы встретились, Чижик...

Дверь моей сторожки открылась. И на пороге показался высокий широкоплечий парень, заросший бородой. На нем была зеленая ветровка. Доктор Кнутов прав. Профессия накладывает свой отпечаток. На крыльце стоял типичный лесник. И вновь ревность кольнула мое сердце. По всем правилам моей судьбы, там должен стоять я. Но меня там нет.

Лесник направился напрямик ко мне. Я поднялся с земли и отряхнул грязные колени, к которым прилипли мокрые листья и ветки. Я поднял медленно голову. И машинально протянул руку для приветствия. И встретился с ним глазами.

Не знаю, сколько так мы стояли, рука в руке, застыв в немом молчании. Я уже знал, кто предстанет предо мной, если у него сбрить бороду, остричь наголо, одеть в дорогой костюм и широкополую шляпу. Предо мной стоял не кто иной, как Ростик. Хотя теперь даже мне стоит больших трудов его так назвать — Ростик. Поскольку он был вылитый я, только в прошлом.

— Здравствуйте, — спокойно, слишком спокойно сказал он. Его напряжение выдавали лишь глаза, так похожие на мои.

— Здравствуйте, — так же спокойно ответил я. И напряжение в моих глазах достигало самого высокого накала.

Пожалуй, мы оба не знали, что делать. Либо поколотить друг друга. За прошлое. Либо броситься друг другу в объятия. За прошлое. И оба думали, что станет теперь с нашим настоящим.

К вечеру похолодало. Начинались первые заморозки. Но температура вокруг нас достигла такого высокого градуса, что казалось, на деревьях набухнут почки. Шумел лес, пронзительно гудел ветер, и громко кричали птицы. Но тишина вокруг нас оглушала.

И вдруг ее вдребезги разбил звонкий голос.

— Даник! — раздалось из сторожки. И мы одновременно обернулись. С крыльца легко и весело, вприпрыжку сбегала конопатая девчонка.

— Даничек! — Она мигом очутилась возле нас. И не мне, настоящему Данику, бросилась на шею. Она со всей силы обняла Ростика. И поцеловала его в ухо.

Он не выдержал и тепло улыбнулся, как улыбаются детям и любимым женщинам.

— Познакомьтесь, — это моя жена. — Хорошо поставленный голос Ростика был уверен и тверд. Он чувствовал, как крепнут его позиции. Он был на своей территории.

Передо мной стояла Валька. Она ничуть не изменилась за это время. Те же веснушки на курносом носу, и те же ссадины на острых коленках. Тот же простенький сарафан, поверх которого наброшена фуфайка.

Валька наконец-то удостоила меня внимательным взглядом. В глазах Ростика появилось подобие страха, в моих — подобие надежды. И страх, и надежда были мгновенно разбиты.

— Не может быть! — зашебетала Валька. — Этого не может быть! Вы же Ростислав Неглинов! Как здорово! Я обожаю ваши фильмы! И даже ваш плакат у меня висит над кроватью. Мой муж даже немножечко к вам ревнует, — кокетливо добавила она.

Похоже, в их семье я уже стал предметом для шуток. И мне так хотелось бросить ей в лицо, что она живет с Неглиновым, а не с плакатом. И счастливо ли?

Они стояли в обнимку передо мной, их лица откровенно сияли. Конечно, счастливо. И что-то заставило меня промолчать. Пока промолчать.

Чижик не отходил от меня. Лизал мои руки и преданно заглядывал в глаза. Я только сейчас заметил, что у моей собаки совсем другие глаза.

— Удивительно, — сказала Валька. — Вы — первый человек, от кого он ни на шаг не отходит. Чижик вообще все время лежит, такой грустный-грустный. Словно все время кого-то ждет. Просто невероятно, что он так ожил. Даже к Данику он не настолько привязан. Вы знаете, Даник однажды сбежал из поселка, а потом вернулся. И все, все его простили. Только не Чижик. Он даже поначалу на него бросался. Неужели собаки не умеют прощать?

Умеют, еще как умеют, подумал я.

Валька ласково погладила Чижика, но он на нее не обращал никакого внимания. Он преданно смотрел на меня. И я не узнавал его глаза. Словно в них застыла ночь, в которую он ушел от меня навсегда.

— Так жалко Чижика, — вздохнула Валька, отвечая на мой немой вопрос. — Он ведь почти ослеп. Он очень долго жил в лесу, совсем одичал. Нелегко ему было без Даника. Впрочем, теперь не так уж легко и с ним. К тому же он совсем старенький.

Я осторожно взял Чижика на руки. И мы вошли в дом.

Я огляделся. Это был мой дом. Здесь ничего не изменилось с момента моего побега. Я сел на старенький диван, он жалобно скрипнул. Это мой диван. И мое окно. И мои простенькие гипюровые занавески. И даже мой чайник в мелкий горошек, который бодро пыхтел на плите. И даже запах — зимних яблок и сушеных трав. Здесь все было моим. И все-таки я оставался чужим в этом доме. Вещи меня помнили. И только. Теперь они принадлежали другим хозяевам и, пожалуй, не жалели об этом.

Чужим здесь был, пожалуй, только плакат с моим нынешним изображением. А недалеко от моей суперменской физиономии висел маленький снимок. Я подошел вплотную к стене, чтобы получше его разглядеть. И даже не удивился. Это была фотография Марианны Кирилловны. Мне костюмерша никогда не дарила своих фоток. Этот снимок принадлежал Ростику. И я все понял.

Они были хорошо знакомы. И, возможно, там, в душном неврастеничном городе, она подолгу ему рассказывала о другом, совершенно другом мире. Где шумят вековые сосны, где в печке весело трещат дрова, где грибы маринуют в кадушках вместе с иголками и осенними листьями. Где свободными и счастливыми могут стать не только птицы. И Ростик не смог устоять перед моим свободным и счастливым миром. Как я когда-то не устоял перед его. Станным образом, сама того не подозревая и не желая, Марианна Кирилловна сумела

перемешать наши судьбы, как колоду карт, запутать их, переставить местами. И нам лишь осталось все это оформить.

Я резко оглянулся. Ростик, как и я, неотрывно смотрел на фотографию костюмерши. И возможно, в очередной раз ее благодарил.

— Сейчас будем пить чай! — торжественно объявила Валька, разливая заварку с душистым чаем по моим синим чашкам.

— Может быть, вы хотите что-нибудь покрепче? — наконец подал голос Ростик и внимательно на меня посмотрел.

— Нет, не хочу, эти привычки остались в недавнем прошлом.

Он задумчиво кивнул. Он прекрасно понимал, через что я прошел. Я прекрасно понимал, через что прошел он.

— Ой, вам, наверно, показалось, что мы живем слишком просто, — тараторила Валька. — Я так просила Данечку сменить мебель. Купить что-нибудь посовременнее. Но он наотрез отказался. Он типичный аскет! Впрочем, пусть будет так, как он хочет, мне даже нравится.

Я вспомнил квартиру Ростика. Дорогая импортная мебель, встроенные шкафы, подвесные потолки, джакузи.

— Наверно, столичные артисты не привыкли к простоте? — не унималась Валька. — Там, говорят, даже... джакузи есть, — наконец она с трудом выдавила это слово. — Я до сих пор плохо понимаю, что это такое.

Она повернулась к мужу, словно за помощью. Тот в ответ только пожал плечами. Оказывается, этот лицемер, который не раз нежил свое холеное тело в блестящей ванне с гидромассажем, тоже не понимал. Он старательно делал вид, что кроме деревенской бани и березового веника других удовольствий не знал. Пришлось мне объяснять, что такое джакузи.

— Это ванна такая, с дырочками, из которых брызжет воздух. Получается воздушный массаж в воде.

— Здорово! — Валькины глаза загорелись, она посмотрела на Ростика, но тот не выдержал и скривился. Похоже, от джакузи у него осталось мало приятных воспоминаний, как и от утреннего похмелья.

Чай был действительно вкусный и оставлял привкус горьковатой мяты и холодка. Это я когда-то научил Вальку готовить такой чай.

— Это меня мой муж научил! — похвасталась Валька, увидев, как я наслаждаюсь ароматным напитком.

Я краем глаза заметил, как Ростик невольно сжал в кулак пальцы. Он все время настороженно ждал, что я скажу.

— Но, конечно, что вам наш чай! Простенький деревенский напиток из трав, которые мы сами собираем и сушим. Столичные артисты, наверно, в шикарных ресторанах обедают. У них такая интересная жизнь! Да? Ведь это кино! Аж не верится, настоящее кино! А вот Даничек терпеть кино не может. Даже телевизор редко включает. Он все время говорит, что хуже кино ничего нет. Он просто помешан на лесе. Говорит, что только лес настоящий. И мы должны жить в этом настоящем. Но иногда так хочется побывать в другом мире, а здесь этот мир можно увидеть только в кино. Ну почему, любимый, почему ты так не любишь кино? Его все любят. — Валька ласково прикоснулась к пальцам мужа.

Еще бы он его любил, усмехнулся я. И неожиданно сказал, неотрывно глядя на Ростика:

— Да, у нас очень интересная жизнь. И очень веселая. Я даже недавно чуть не наложил от радости на себя руки. Все как в кино.

Валька недоуменно захлопала рыжими ресницами. Она не понимала, шучу я или говорю серьезно.

— А одна девушка все-таки нашла силы покончить не только с кино, но и рассчитаться с жизнью. Ее звали Любаша. Красивое имя, и девушка была очень красивой и очень веселой, — безжалостно продолжал я, сверля своего двойника злым взглядом. Но ни один мускул не дрогнул на красивом лице Ростика. Его выдавала разве что смертельная бледность. И все-таки, с каких пор он научился так мужественно держаться, этот слабый, безвольный актеришка? Пожалуй, с тех самых, как все у меня украл.

— Не может быть! — Валька готова была расплакаться. Мир кино разрушался у нее на глазах.

— А мой лучший друг Лютик украл сценарий у хорошего парня, студента, — не унимался я. Мне доставляло удовольствие мучить и Ростика, и его любимую жену. — А потом напоил очень хорошую девушку, Риту, и не преминул воспользоваться ее состоянием, ее слабостью и неопытностью, пообещав главную роль в фильме. А Рита когда-то мечтала быть кинологом. Она обожала собак. А теперь она ничего не чувствует. Даже боли. Разве что научилась ненавидеть. И больше всего запах лютиков.

Ростик сидел, низко опустив голову и устремив свой неподвижный бессмысленный взгляд в чашку ароматного чая. Вообще, он выглядел несколько поглупевшим от благополучия. Равно как я поумневшим от череды неудач.

— А когда я сказал всю правду, меня признали сумасшедшим. И хотели упечь в психушку. — Я говорил дерзко, словно пытался обвинить во всем Ростика. Я не хотел брать вину на себя. — А спасла меня только жена.

Неожиданно мой голос дрогнул.

— Если бы не она... Я бы, пожалуй, погиб. Она мужественно терпела все мои безобразные выходки, пьянки, оскорбления. Я ведь даже чуть не сжег дотла наш дом. Она вытащила меня, полумертвого, с самого дна. Это удивительная женщина...

Ростик медленно поднял голову и удивленно на меня посмотрел. Похоже, из всех новостей его поразила именно эта. К предательству, подлости и даже смерти в том мире он был готов. Но только не к благородству. Похоже, он знал другую Вику, холодную, надменную железную леди, которая пыталась спасти их брак разве что нравочениями.

— У вас замечательная жена, — тихо сказала Валька и шмыгнула носом. — Я, пожалуй, столько бы терпеть не смогла. К счастью, у меня идеальный муж. А ваша жена вас, наверное, очень любит.

— Вот это я не знаю — кого она по-настоящему любит. — Я наклонился и погладил Чижика, клубочком свернувшегося у моих ног.

— Она именно вас любит, — неожиданно подал голос Ростик, неотрывно глядя на меня. — Не каждого вытаскивают с самого дна. Некоторые сами выкарабкиваются. Вам повезло.

— Да, мне очень повезло.

Валька от перевозбуждения вскочила с места. И заметалась по комнате, размахивая руками.

— Господи, это такая страшная жизнь в кино! А я так верила, что там здорово, весело. Джакузи, рестораны, верные друзья, счастливые влюбленные. Что все такие благородные и честные! Я так верила! Нет, Даничек тысячу раз прав, нужно выбросить этот дурацкий телевизор на помойку! — Валька со злостью пнула мой дряхлый телевизор ногой, словно он был во всем виноват.

Мне вдруг стало жаль и телевизор, и фильмы, которые были сделаны действительно многими замечательными людьми. И я театрально расхохотался, показав свои безукоризненные белые зубы. Как на плакате, который висел над Валькиным, вернее, моим диваном.

— Успокойтесь, Валя, я всего лишь рассказал идею нового сценария. Это все фантазия, выдумка, гротеск. Это всего лишь кино. А в кино действительно есть много замечательного и доброго. И его действительно не зря любят все. — Я вдруг поймал себя на мысли, что от всей души признаюсь в любви к кинематографу.

Валька в недоумении остановилась и поправила кружевную салфетку на телевизоре. А потом рассмеялась вслед за мной. Ее личико раздурманилось, глазки заблестели, а веснушки стали еще ярче. Она похорошела, Валька. И могла быть мне отличной женой.

Дверь широко распахнулась, и вместе со снегом и ветром в дом ворвался доктор Кнутов. Его щеки горели от холода, а глаза были влажными от ветра. На его кепке таяли снежинки.

— С первыми заморозками и с первым снегом, ребята! — весело приветствовал он нас и, сбросив добротное полупальто, удобно разместился за нашим столом и стал растирать красные продрогшие руки. — Ух, как у вас здорово. И чай горячий. Что может быть лучше чашки горячего чая в морозный вечер.

Тускло светила настольная лампа, весело трещали дрова в печке, на окнах появились первые узоры, с улицы доносились всхлипы метели. Действительно, что может быть лучше в морозный вечер. Но все это мне не принадлежит, даже сам вечер. Я здесь чужой. И мне здесь так хорошо, что я до боли сжал виски. И прикрыл глаза.

— Вам плохо? — испугалась Валька.

— Это все нога, — со знанием дела констатировал доктор. — Боль в ноге может вызывать спазмы сосудов головного мозга. От этого — сильнейшая головная боль. Я непременно должен вас осмотреть.

Я опустил руки на стол, весело постучал пальцами и ободряюще улыбнулся. Я научился играть.

— Все у меня хорошо, доктор. И ничего не болит. А вот вы ошиблись. Я далеко не Овод, и я никуда не возвратился. Я просто приехал в совершенно незнакомые места, чтобы отдохнуть.

Впервые за вечер я заметил, что Ростик расслабился. И даже повеселел. Но это не означало, что я решил сдаться. Я еще надеялся все вернуть. Все, что принадлежало только мне одному. Просто мне не хотелось портить этот чудесный вечер.

— Даник, — обратился я к нему, и он вздрогнул. — Можно я буду вас так называть? У вас прекрасное имя. Простое, как и ваша природа. А вот мне мое имя не по душе. Звучит слишком претенциозно. Ростислав. Сразу вспоминается поток сумасшедших машин, удушающая гарь заводских труб, и много-много людей, так невероятно похожих друг на друга. Даже джакузи не спасает. И так хочется иногда изменить жизнь. Ну, хотя бы поменять ее на этот лес, эту уютную сторожку. Я даже на деревенскую баню согласен. А к ней еще — березовый веничек! И главное — люди у вас уникальны! Никто ни на кого не похож! А вам нравится ваша жизнь, Даник? Вы ни разу не хотели ее поменять?

— Мне очень нравится моя жизнь, я не хотел бы ее поменять никогда и ни на что, — так искренне сказал он, слово положил душу на свою ладонь и протянул мне. И мне было решать, что с нею делать.

— А знаете, молодые люди, вы чем-то похожи. Это к вопросу об уникальности и классификации людей. — Доктор с задорным блеском в глазах повернулся ко мне, призывая к полемике. — Нет, не профессией схожи, не внешностью и подавно не отношением к жизни. А чем-то неуловимым, почти прозрачным...

Еще бы мы не были похожи, усмехнулся я про себя. И уж конечно у нас разное отношение к жизни. Ведь Ростик вдруг стал лесным богом, а я всего лишь остался падшим артистом. А падение богов случается редко. И еще реже — возведение артиста в бога.

— Вот! — доктор Кнутов поднял палец вверх. — Эврика! Нашлось точное слово! Голоса! У вас почти одинаковые голоса. Это своего рода уникам! Людей с одинаковой внешностью встречается гораздо больше, чем с похожими голосами. Безусловно, у Ростислава, — он вновь обратился ко мне, — сразу заметен столичный акцент, а у Даника, — он повернулся к Ростику, — этакий просторечный диалект. Как мудро заметил Даль — лесообильный, что означает — богатый, насыщенный лесом говор. Но если отшлифовать, откорректировать, довести до общего знаменателя...

Про меня он никогда такого не говорил — лесообильный говор, с обидой подумал я. Ростик явно пришелся ему по душе. Ростик ко двору — я со двора. Мне приходилось признать свое поражение.

— А я не замечаю, — пожала недовольно плечами Валька. Она очень любила мужа. И он для нее был уникален.

Чижик выпался, прыгнул мне на колени и стал благодарно лизать мои руки. Хотя благодарить меня было не за что.

— Ты представляешь, папочка, — обратилась Валька к доктору, — вот уникальный случай. Чижик без ума от Ростислава Евгеньевича. Он даже повеселел.

Доктор Кнутов с удовольствием потягивал чай и невозмутимо заметил:

— Ничего уникального, Валюша. Как врач я и этому могу дать вполне простое и научное объяснение. Больные животные зачастую тянутся к новым людям. Срабатывает элементарный инстинкт самосохранения. Новый человек на новом месте не обладает памятью этого места. И животным кажется, что чужие люди привносят новую энергию, новый заряд, новый стимул для жизни. Вы знаете, даже умирающий человек оживает при разговоре с совершенно незнакомым собеседником. Ведь столько времени больного окружали близкие, которые слишком за него волновались и зачастую не умели скрывать свои истеричные переживания. Незнакомец подобной информацией боли за близких не обладает.

Я бы мог с легкостью разбить теорию доктора в пух и прах. Но не стал этого делать. Слишком он наслаждался и ароматным чаем, и снежным вечером, остаток которого он проведет уже без меня. Со своей семьей. Я здесь абсолютно чужой. Но в отличие от незнакомца, про которого так красноречиво разглагольствовал Кнутов, я обладал и памятью места, и информацией боли за близких. И это не давало мне покоя. Но о моих тревогах знал лишь мой двойник.

— Пожалуй, уникальные вещи все же встречаются, доктор. — Я встал с места и приблизился к окну.

Ветер утих. Падал первый снег. Еще робко, ненавязчиво. Словно был виноват, что не вовремя.

— Сегодня я случайно проходил мимо мертвого дерева. Так, гулял в ваших краях, кстати, у вас прекрасные живописные места. Я вам даже завидую, что вы имели счастье здесь родиться. — Я обернулся и слегка поклонился Ростику. И вновь стал смотреть в окно, за которым кружились снежинки на фоне полной, яркой луны. Прямо как вокруг фонаря на моей улице, вдруг с неожиданной грустью вспомнил я о доме в городе. Чей это дом? На этот вопрос я ответить пока не мог. Ростик от него уже отказался. И приму ли его я? — Так вот, я проходил мимо засохшего дуба. Пожалуй, ему уже лет триста. Все мертвое. И ветки, и ствол, и корни. И вдруг я случайно заметил на нем живые листья. Разве такое бывает?

Я резко обернулся. Словно хотел всех застать врасплох. Не оставив ни секунды на раздумье. Валька подскочила к мужу, крепко обняла его за шею и поцеловала в щеку.

— А это расцвела наша любовь. Вот так! Существует в наших краях легенда, что листочки смогут распуститься только тогда, когда дерево почувствует, что здесь живет любовь. Любовь — словно живая вода. Любовь способна воскресить самого безнадежного!

Доктор Кнутов расхохотался и махнул на влюбленных рукой. Похоже, он прятал в рукаве ответ на любой вопрос.

— Они еще очень молоды, любят мечтать и предаваться романтике, — доктор обращался непосредственно к моей скромной персоне. — Я уже долго пожил на свете и знаю, что чудеса редко встречаются, очень редко. Не хочу вас разочаровывать, но, видимо, у вас в жизни было много разочарований, поэтому одним больше — одним меньше. Так что я скажу правду. Все гораздо проще и одновременно гораздо мудрее. К нам ранней весной приезжали молодые ученые из области. После многочисленных теоретических изысканий они, наконец, решились проверить на опыте, возможно ли оживить мертвое дерево. Довольно смело, скажу я вам! Хотя вопрос в науке довольно старый. Ученые сделали прививку мертвому дереву. Взяли всего один листочек со стеблем с цветущего дуба и расположили черенок над иссохшей веткой погибшего дерева. Черенок стал как бы спасительным мостиком, который соединил живой листик с мертвой корневой системой. И дерево ожило. Медленно, с трудом, но ожило. Опыт, как видите, удался. Даже приезжала комиссия из столицы. Правда, придется еще долго наблюдать за деревом. И как знать, возможно, впереди Нобелевская премия. Воскресить мертвого — это, знаете ли, научная сенсация. Но, увы, не чудо.

Валька звонко рассмеялась.

— Это они так думают! И пусть думают на здоровье, что совершили открытие. Наука в лес не ходит! Что-то высчитывают, прививают, черенкуют. Я-то знаю, что правда здесь. — Валька легонько постучала по сердцу.

Я не знал, где правда. Скорее всего, она где-то посередине. Спасибо доктору Кнутову, спасибо Вальке, спасибо молодым ученым из области. Благодаря им я уже знал, что одно дерево можно оживить за счет другого. Но можно ли чужую судьбу сделать своей? И будет ли этот воскресший дуб доволен своей судьбой? И не попадет ли в него завтра молния? Интересно, как бы на этот вопрос ответил всезнающий доктор? Но спрашивать я не посмел.

И вновь оглядел свой дом, словно пытался навсегда его запомнить. Ростик занял все — мое место, мой дом, мой лес, мою невесту, моего доктора, мою

профессию, даже мою родину. И они приняли его с распростертыми объятиями. Вот только с Чижиком не получилось. Я молча направился к выходу. Чижик жалобно скулил, цеплялся лапами за мои ноги, он плакал. И я вновь взял его на руки. И поцеловал в узкую морду.

— Я еще вернусь, Чижик. Ты немножко подожди. Я вернусь.

Я уловил на себе тревожный взгляд Ростика. Впрочем, разве я у него не украл и жену, и дом, и профессию, и родину? У него от прошлого не осталось даже собаки. И чем я лучше? И смею ли я требовать возвращения прошлого? Ведь мы квиты. Я ни на что не имел здесь права. И там я свои права потерял. У меня вообще не было никаких прав, в отличие от него. И уже не понять, кто я на самом деле и где мой настоящий дом.

— Приходите к нам завтра, — попросила на прощание Валька. — Вы такой хороший актер.

— Вы актер — замечательный, — с откровенной иронией подтвердил Ростик. Похоже, у парня сдавали нервы.

— Я это знаю, — не уступил Ростик я. — А вот из вас, увы, вряд ли бы получился хороший актер. Или вы сомневаетесь?

Ростик сдался. Или просто вспомнил, что творческие амбиции остались в далеком прошлом. И они ничто, пустой звук, протяжное эхо в этом лесу. Который он ни на что не хотел променять. Даже на славу.

Мы с Ростиком вышли за порог дома. Я поежился. И взглянул на яркую наливную луну. Впору было завывать.

— И что ты решил? — осторожно спросил он.

— Пока ничего. — Я вдохнул полной грудью морозный воздух.

— А мне кажется, ты все уже окончательно решил.

— Это тебе лишь кажется. Я еще подумаю. Во всяком случае, ты не проиграл судьбу, как проиграл ее я. Ты только выиграл. Мне гораздо хуже, чем тебе.

— Можно подумать, я силой заставил тебя принять ту жизнь. В которой, согласишься, много недешевых удовольствий.

— Разве они могут сравниться с этим, — я развел руками, указывая на замерзающий лес.

Где-то раздавался голос кукушки. Пушистая белка прыгнула на лапку ели, и нам на голову посыпался снег. Ничто не могло сравниться с моей родиной, которую я безнадежно терял.

— Два раза в одну реку не входят! — Ростик глубоко затянулся сигаретой. — И как знать, что каждому из нас уготовано судьбой. И сколько вообще осталось. Зачем терять время? Раз так случилось, может быть, просто попробовать жить по-новому, а не возвращаться к прошлой жизни. Из любой судьбы можно вырыть яму, а можно соорудить храм. Ты, как я понял, пока в пути.

— В пути к храму или все-таки к яме? — невесело пошутил я. — В общем, я подумаю. А ты не забудь разгрести снег, а то к утру может завалить окна.

Я приподнял шляпу и, прихрамывая на одну ногу, пошел прочь. По знакомой тропе. Я отдалялся все дальше и дальше от дома, вглубь темного леса. Надо мной светили яркие звезды и низко свисала желтая луна. Под ногами слышался хруст замерзших веток. Пожалуй, Ростик прав. Я давно все для себя решил. Или мне и ему так казалось...

Эту ночь я проспал как убитый. Меня не мучили кошмары. И ностальгические картинки из прошлого не навязывались в мой сон.

День я провел в лесу. Мне предстояло о многом подумать. Легкий снежок покрыл еловые лапки, замерзшее солнце грелось в кронах елей и сосен, продрогшие птицы жадно искали крошки в снегу. Никто не обращал на меня внимания. Мне стало холодно. Я почувствовал, что лес не приветствует меня, как раньше. Я вдруг и здесь стал чужим. Но как ни странно, это не взволновало меня и не обидело. Я уже вспоминал свое прошлое, как кадры старой пожелтевшей кинохроники. И Валька, и доктор Кнутов, и Марианна Кирилловна, и Мишка — все это было далеким, чужим, я думал о них, как о персонажах фильма, в котором я когда-то снимался. И этот фильм был сделан добротнo и профессионально. В некоторых местах можно было даже прослезиться. Но это кино не было моим. Не я писал к нему сценарий. Не я его режиссировал. Разве что удачно (или не очень) сыграл в нем главную роль. Я видел этот фильм словно со стороны. Единственно настоящим для меня оставался Чижик.

Легкие сумерки просочились сквозь густые заросли в лес. И лес, слегка побелевший от снега, в полумраке и освещении месяца, выглядел удачной натурой в дорогой декорации, при прекрасном освещении рампы. Я напрямик направился в сторожку. В чужой двор, где скрипит калитка и под окнами раскачивает своими тонкими ветками сирень. И этот чужой дом мне казался всего лишь умелой декорацией к фильму.

Издали я услышал громкие голоса, звонкий смех. Мне навстречу, пробивая темноту, возбуждено жестикулируя, бежал Лютик. За ним, наступая на пятки, неслись другие ребята из съемочной группы. Они что-то кричали мне, размахивали руками, дружески хлопали по плечу, крепко обнимали. Но я ничего не слышал, ничего не чувствовал. Я видел яркие маски, разноцветные парики, броские костюмы, вызывающий грим на лицах. И как ни странно, эти нелепые персонажи казались мне гораздо реальнее, осязаемее, проще для понимания, чем Валька, Кнутов, Ростик, стоявшие в стороне, с удивлением и робостью созерцая это кино. И в этом кино я больше не чувствовал себя чужим. Я был до корней свой. Я вдруг понял: раньше мне мешало жить то, что я себе не принадлежал. Теперь мне ничто не могло помешать.

— Ну же! Очнись, дружище! — Лютик изо всей силы хлопал меня по плечу как самого дорого друга. — Ты что, совсем ошалел от такой новости?

— От какой новости? — Я с недоумением посмотрел на Лютика.

— Вот тебе на! Он еще издевается! Зазнался совсем! — И он обратился к своим маскам за помощью.

Те радостно загалдели, запрыгали на месте, и из этого беспорядочного шума я уловил главное. Мне дали приз на международном фестивале как лучшему исполнителю мужской роли. И Лютик с командой на радостях его обмывали на моем любимом месте в лесу.

Когда-то здесь стояли две сросшиеся березы, словно двойняшки. Но одну поломал ветер, и мне пришлось аккуратно ее срубить. Получился крепкий пень, на котором я не раз сидел вечерами, любясь закатом. Второе дерево стало расти в сторону погибшей сестры-березы, все ниже и ниже склоняясь над ней, словно плача. И теперь бурная творческая фантазия подсказала Лютику организовать здесь кафе под открытым небом. Большой пень, заставленный шампанским и фруктами, служил столиком. Вместо зонтика — склоненная над ним береза. У Лютика был главный талант — сделать так, чтобы все играли для него, на его стороне и по его сценарию. Сегодня даже лес подыгрывал ему, словно был очарован этим толстеньким мордастеньким режиссером, похожим на поросенка.

— Представляешь! — захлебывался Лютик то ли эмоциями, то ли шампанским. — Тебя пригласил сниматься сам Спилберг! В паре с Аленом Делоном! Ну уж дудки! Ты нужен отечественному кинематографу! — Лютик постучал себя по груди, словно в нем одном воплотился весь отечественный кинематограф. — Наши актеры не продаются! Они всенародно любимы! Это им не Алены Делоны какие-нибудь! Так что ты должен сейчас же поехать и разобраться с этими заграничными монстрами. Но если что... В общем, не забывай, кто твой лучший друг и кто тебе проложил прямую дорожку в кино, сплошь усыпанную розами.

Меня эта новость не удивила, не обрадовала. Я неотрывно смотрел на Лютика, который совсем недавно чуть не упек меня в психушку. Возможно, сумасшедший дом ничем не отличается от этого театрализованного балагана. И все-таки этот маскарад мне по-прежнему казался гораздо реальнее, дороже, роднее, чем старенькая сторожка, гороховый чайник на плите, рыжики в березовой кадлушке.

Неожиданно меня подхватили десятки рук и стали качать, крича громкое: «Славься, Слава!»

Я взлетал вверх и на секунду видел чистое синее небо и тысячи маленьких звезд. И тут же опускался вниз, на крепкие руки. Вниз-вверх, вниз-вверх. Как мячик. И мне показалось, что такая она и есть, моя судьба, и такой она будет — то к небу и звездам, то к земле, к людям. Главное, чтобы у самой земли удержали сильные руки.

Наконец меня опустили на землю и почувствовал твердую замерзшую опору под ногами. Мне стало легко.

И я напрямик пошел к Вальке и доктору Кнутову. К этим простым и сильным персонажам из моего прошлого фильма. За мной бежали театральные костюмы и маски из моего настоящего.

— Ростичек, солнышко, — пищал мне вслед Лютик и резко притормозил возле нас. — Я же тебе забыл сказать главное, самое главное! У меня такая идея!

Его лукавый взгляд молниеносно перебежал с моего лица на лицо Ростика, и наоборот.

— Это гениальная идея! И получится гениальный фильм! К черту эти павильоны, к черту эту городскую натуру! Следующий фильм мы будем снимать здесь! А какой кислород! А какие сосны! — Лютик бегал возле нас, шумно вдыхая и выдыхая воздух. — Ты сыграешь лесного бога! Вот этого бородатого, неуклюжего лесника. — Он бесцеремонно ткнул пальцем в Ростика. — Его здесь так и называют — лесной бог! Кстати, вы чем-то похожи, ребята. Пожалуй, звериным взглядом. Только ты, Росточек, озверел от кинематографа, а этот бородатый дикарь — от жизни в лесу. Соглашайся, Ростичек! Пошли всех Аленов Делонов подальше! Франция далеко, и мы ей не нужны! Мы нужны здесь! Согласись, раз в жизни выпадает шанс играть бога!

Мы с Ростиком переглянулись. В его глазах был вопрос. В моих — ответ. И ему мой ответ понравился. Я посмотрел на Лютика.

— А не послать ли мне тебя подальше, режиссер! — В моем взгляде было столько злости, что Лютик попятился.

Он не забыл, как я его ударил. И я подумал, что этот удар он хорошенько запомнил и записал в свою черную книжонку обид. К тому же Лютик обязательно припомнит, что я так не похож на него, как и Ален Делон. Настоящие враги в моей судьбе уже появились. Появятся ли настоящие друзья?

Лютик поднял перед собой руки, шутливо защищаясь. Он не обижался. Я давно понял, что больше всего нужно опасаться людей, которые совершенно не обижаются. Никогда нельзя прочесть по их лицам, что они думают. И в любую минуту они могут нанести удар из-за угла.

— Что ты, Ростичек! Что ты, солнышко! Старую дружбу нелегко перечеркнуть. А вот кто старое помянет... Не поминай старое. Ненароком лишишься глаза. Хромающий артист — еще куда ни шло, можно сыграть Овода. А зачем мне артист без глаза?!

Лютик весело хохотнул. Но в его круглых заплывших глазках промелькнула ядовитая стрела. В меня она не попала.

— Мы тебя ждем в пансионате, Ростик. — Лютик меня крепко обнял. — Нам нужно о многом поговорить. А ты хитрый, чертяка. Я тебя, пожалуй, недооценил. Такой пиар для тебя придумал! Такую мощную биографию сочинил! Видите ли, он — двойник! Правда, пахивает мелодрамой. Если бы ты еще память потерял. — Лютик пискляво хохотнул и вновь меня обнял, приподнявшись на цыпочки. Словно пытаюсь до меня дотянуться. — Что ж, брат, признаюсь и каюсь. Ты меня обыграл! Это же надо! А меня, Ростичек, мало кто в жизни обыгрывал! Да уж, сейчас не проходят ни смазливые Алены Делоны, ни чванливые Волконские. Думаю, нам с тобой еще предстоит сыграть Моцарта и Сальери. Запомни хорошо, Росточек, они повязаны даже после смерти. Их ничто не может разлучить — ни время, ни вечность. И даже биографы! А сегодня, мой дорогой, ты заслужил бурные аплодисменты и гроыхающий салют!

Внезапно, как по команде, раздался грохот петард. Цветные огни стремглав полетели вверх, растворяясь в темноте. Блестящие искры салюта опали на лапки елей. На заснеженную траву полетело разноцветное конфетти. Под этот гроыхающий салют театрально уходил Лютик с командой, весело размахивая черной лаковой тростью. Он оставлял за собой последнее слово. Сегодня в мою честь он устроил праздник. Что будет завтра? И что посыплется на мою голову вместо конфетти, что будет стрелять в мою спину вместо петард?

Но я не боялся. Я уже был готов ко всему. Это только моя судьба. И эту судьбу я начинал любить.

Я стоял напротив Вальки, ее мужа и доктора. Валька с восхищением смотрела на знаменитого артиста. Доктор Кнутов — со сдержанным почтением. Взгляд Ростика был устремлен вдаль, вслед удаляющемуся балагану. И я прочитал в его глазах откровенную грусть. Он, как и я, сегодня прощался со своим прошлым навсегда. И немного о нем жалел.

— Как жаль, — вздохнула Валька, — вам нужно уезжать. А мы так мало были знакомы.

Мы знакомы тысячу лет. Но это уже не имело значения.

— Но, конечно, там вас ждет Ален Делон, съемки, презентации, другой мир, так не похожий на наш.

Да, действительно не похожий. И я уже не питал к нему отвращения, мне нужно было там жить. Когда-то я думал изменить этот мир, но проиграл. Он изменил меня. Разве можно бороться с целым миром? Но я все же попробую.

— Но, возможно, вы вернетесь. — Доктор Кнутов от неловкости закашлял. — Ваш режиссер что-то говорил о фильме про лесного бога. Это вполне удачная идея.

— Не знаю. Все может быть...

И если я вернусь, то мне останется лишь сыграть свое счастье, счастье лесного бога среди этих полей и лесов, среди птиц и зверей. Ростик остается быть счастливым вместо меня.

Когда я сюда возвращался, то был уверен, что меня узнают. Меня никто не узнал. Я оказался не к месту, я стал чужим. И я не мог винить этих людей. Они помнили меня совершенно другим и в другой жизни, теперь напоминающей хорошее кино. Изменить уже ничего нельзя. И я не хотел менять. В конце концов, я не имел права рушить чужое счастье, которое вполне могло быть моим. Закон оставался на моей стороне. Но что такое закон по сравнению с судьбой, которую я когда-то поменял по собственной воле. И теперь должен исполнить перед ней долг, который на себя принял. И мне подумалось, что все не так уж трагично. Валька — это Рита, Чижик — Джерри. Я — Ростик. Главные персонажи повторялись.

Мне предстояло уехать, чтобы исполнить обязательства Ростика, которые стали целиком моими. И мне самому придется разбираться в этой судьбе, которая стала моей. С Лютиком у меня разговор будет краткий. Я сумею отомстить и за себя, и за остальных, а возможно, и за Алена Делона. А потом... Нужно еще сделать памятник Любаше и ограду, и чтобы обязательно скрипела калитка. Нужно помочь Лиде, пожалуй, она сможет сыграть надменную топ-модель. Нужно поговорить с Биной, попытаться убедить ее, что кроме кино есть тысячи других профессий. И не обязательно для этого искать продюсера. Я вспомнил, что нужно кардинально решить вопрос с Даном, вернуть студенту все права на его рассказ. Возможно, я ему предложу написать сценарий о лесном боге. Да, еще самое главное — Рита. Нужно спасти эту девочку, пока не поздно. От Лютиков, Подлеевых и всего их кинематографа. Может быть, я подарю ей щенка. И конечно же Вика. Ведь она меня ждет. Вернусь ли я к ней? Скорее, скорее домой, у меня столько дел, столько нерешенных вопросов. Домой... Я уже знал, где мой дом. От прошлого ничего не осталось.

Чижик завыл жалобно и протяжно, он всегда умел читать мои мысли. И я взял его на руки. Его грустные полуслепые глаза не мигая смотрели на меня. Его теплая взъерошенная шерсть щекотала мои ладони. Единственное, что я заберу из прошлого — это Чижика. Только он смог узнать меня. А значит, он со мной, в настоящем. И во второй раз я его предать не могу.

— Я его возьму с собой, — настолько решительно заявил я, что все оторопели.

— Но это невозможно! — Доктор даже снял кепку. И снег стал падать на его лысеющую голову. — Это же собака, она как член семьи. Она всю жизнь была с нами, здесь ее родина, здесь ее хозяин.

— Он возьмет ее с собой, — так же решительно заявил Ростик. И тут же повернулся ко мне. — Чижик полюбил вас, он никого так и не смог полюбить. А родина для собаки там, где она любит.

Валька бросилась к Чижик и, плача, стала целовать его узкую морду. Потом медленно подняла на меня мокрое, опухшее от слез лицо.

— Но Чижик совсем больной, он старый, полуслепой. Вы... Вы берете его только чтобы похоронить.

— Пусть будет так, — вздохнул я.

Чижик повеселел и благодарно лизнул мои руки.

— Вам, наверно, нелегко пришлось в жизни, Ростислав Евгеньевич. — Доктор пристально смотрел на меня, словно пытаюсь вспомнить, где видел раньше. — Вы, наверно, кого-то бросили, и вас мучит совесть.

— Да, доктор. Меня мучит совесть. И я сделаю для Чижика все, что смогу. И когда время придет похоронить, я буду знать — где.

— Но ведь собаке лучше умереть на природе. В лесу, где он вырос, — не сдавалась Валька.

— Собаки ничем не отличаются от людей. Они хотят быть похоронены там, где их будут помнить. Хотя бы один человек.

— Но и мы не собираемся забывать Чижика, — надулась Валька.

Я улыбнулся и ободряюще прикоснулся к ее плечу. Она вздрогнула, словно почувствовала что-то необычное, нахмурилась и внимательно на меня посмотрела. Я резко одернул руку.

— Но ведь вы совсем не знаете Чижика! — Валька по-прежнему с удивлением смотрела на меня. — А мы не знаем про вас. Кроме того, что вы артист. Это так мало для собаки.

Я прижал Чижика к своей груди, он радостно залаял, завилял хвостом и положил лапу на мое плечо. Его полуслепые глаза зажглись в темноте и преданно смотрели на меня, ни на кого больше не обращая внимания.

Вопрос был исчерпан. Я не знаю, сколько нам с Чижиком уготовано времени. Но знаю наверняка, что это время будет прекрасным. Потому что из прошлого я забираю самое дорогое. Слово мог увезти с собой частичку своей родины, своего настоящего дома.

Мы отошли с Ростиком в сторону, и я протянул ему руку.

— Ну, прощай, Даня, — назвал я его своим именем. И при этом не почувствовал ни боли, ни сожаления. Это имя мне уже не принадлежало.

— Прощай, Ростик, — он крепко пожал мою руку в ответ. Он уже давно не чувствовал боли. Это имя ему уже давно не принадлежало.

А я вдруг подумал, кто же из нас сейчас смотрит в зеркало: он или я? Нет, пожалуй, все зеркала давно разбиты. И мы уже не являемся отражением друг друга. Мы настоящие.

— Скажи, — обратился я к бывшему Ростик, — тебе не обидно, что жизнь лесного бога, уважаемого человека, любимого мужа, высокого профессионала будет проходить не под настоящим именем? Хотя заслужил его ты.

— Нет, не обидно. Это хорошее имя, и я его постараюсь не замарать.

— Ну, за это я спокоен. Я за свое имя спокоен. Ты, говорят, человек без ошибок.

— А тебе не обидно, — спросил меня бывший Ростик, — что имя Ростилава Неглинова, а не твое, будет сверкать на плакатах, мелькать в кино и прессе? Хотя заслужил его ты.

— Нет, не обидно. Это тоже замечательное имя и звучит славно. И слава в кино ему обеспечена. Но рядом со славой в искусстве частенько бежит другая слава.

— Я за свое имя спокоен, — улыбнулся мне в ответ лесной бог, бывший Ростик.

— И ты не жалеешь, что эта слава могла быть твоей?

— А ты не жалеешь, что лесным богом мог быть ты?

Делить нам было больше нечего. Наши пути разошлись. И каждый из нас чувствовал двойную ответственность за свою судьбу, перед которой мы должны, каждый по-своему, исполнить свой долг.

И было уже не важно, нравилась она мне или нет. В конце концов, много ли найдется людей, довольных своею судьбой? Я уже не завидовал чужому счастью. Мне просто предстояло отыскать свое. И я вдруг подумал, что еще никого не любил в этой жизни. И у меня не было настоящих друзей. Не было любимой женщины и жены, не было настоящего дома, настоящих соседей. Не было настоящей работы и настоящего призвания. Даже не было настоящего лица. И не было настоящего. Значит, у меня все еще впереди...

Я приподнял широкополую шляпу. Слегка поклонился этим людям, этому дому, этим местам и с Чижиком на руках пошел прочь. Я шел, слегка прихрамывая, по узкой лесной тропе, все дальше и дальше от сторожки. Эта тропинка уже не была моей. Но она единственная могла вывести на мою дорогу.